Дэйв Дункан

Дети хаоса

Пока боги ждут. Но скоро начнут действовать...

Дэйв Дункан

Век Дракона

Дети хаоса

Век
Дракона

DAVE DUNCAN

«Children of Chaos»

Дэйв Дункан

Дети хаоса

издательство
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Д83

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Dave Duncan
CHILDREN OF CHAOS

Перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 29.10.08. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 3 000 экз. Заказ № 9043.

Дункан, Д.
Д83 Дети хаоса : [фантаст. роман: пер. с англ.] / Дэйв Дункан. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 477, [3] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-056508-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9713-9966-7 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Орды северян-завоевателей из Вигелии хлынули на юг. И никому не одолеть диких викингов, которых поддерживают не только жрицы могущественного ордена всевидящих Свидетельниц, но и дружины оборотней — веристов, не знающих себе равных в бою.

Пала под натиском вигелианцев и богатая Флоренгия, и дожу Селебры, согласно условиям унизительного мира, пришлось отдать своих четырех детей — Дантио, Бенардо, Орландо и Фабию — в заложники победителям.

Прошли годы. Бенардо стал знаменитым скульптором, Орландо — одним из самых сильных и жестоких веристов. Фабию вырастили как знатную северянку. Дантио же считают умершим...

Но на детей Селебры по-прежнему взирают боги. Хитрые и умные боги, вечно враждующие между собой и, не задумываясь, использующие смертных, как пешки в своих опасных играх.

У них — свои планы на Фабию и ее братев. Пока боги ждут. Но скоро начнут действовать...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Dave Duncan, 2006
© Перевод. В. Гольдич, 2008
© Перевод. И. Оганесова, 2008
Школа перевода В. Баканова, 2008
© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОГИ

Истинные правители мира — **Светлые:**

Анзиэль, богиня красоты.

Сьену, бог радости и удачи.

Демерн, бог закона и справедливости.

Эриандер, бог-богиня плотских утех и безумия.

Храда, богиня искусств и ремесел.

Мэйн, богиня мудрости.

Настра, бог животных и природы.

Нала, богиня милосердия.

Синара, богиня здоровья.

Укр, бог процветания и изобилия.

Веслих, богиня дома и очага.

Веру, бог бурь и сражений.

(А еще есть **Ксаран**, богиня смерти и зла, чье имя не произносится вслух.)

ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ СМЕРТНЫЕ

Храг Храгсон родил дочь **Салтайю** и четырех сыновей: **Терека**, **Карвака**, **Стралга** и **Хорольда**.

Пьеро, дож Селебры, родил троих сыновей: **Дантио**, **Бенарда** и **Орландо**, а также дочь **Фабию**.

Карвак умер в Джат-Ногуле, а **Дантио** в Скьяре.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Двенадцать веристов составляют фланг.

Четыре фланга и вожак составляют стаю.

Пять стай и командир охоты составляют охоту.

Пять охот и командир составляют войско из 1231-го человека.

Кипение котелка — промежуток времени, необходимый для вскипания котелка холодной воды на открытом воздухе, примерно один час.

Шестьдесят — единица счета, которая используется вместо сотен или, например, дюжин.

НЕКОТОРЫЕ НЕПОНЯТНЫЕ СЛОВА

Хтонианин — имеющий отношение к подземному миру.

Корбан — подношение богу.

Мензил — расстояние, которое караван проходит за день.

Генотеист — человек, который поклоняется одному богу, не отрицая существование других (на Додеке обычно последователь тайного культа).

Политеист — человек, который поклоняется многим богам (как большинство жителей на Додеке).

Непосвященный — так последователи культа называют политеистов либо приверженцев иного культа.

МИР

С точки зрения физики, представление додекан о своем мире бессмысленны. Я суммировал их взгляды в приложении к «Матери лжи», второму тому. Пока у вас не появится возможность его прочитать, пожалуйста, будьте великодушны. Совсем недавно люди считали, что Земля плоская. Додекане, возможно, ошибаются, но им хватает здравомыслия не верить в нечто столь абсурдное.

ПРОЛОГ

Лорд Дантио от страха вцепился в поручень — сильнее, чем требовалось, потому что колесница легко летела по ровной дороге, да и его папа следил за скоростью. Визжали оси, маленькие копыта гуанокосов выбивали ритмичную дробь, грохотали колеса, скрипели кожаные ремни пола, но в остальном ничто не нарушало тишины.

Когда известие о бойне в Двух Фордах добралось до Селебры, город сошел с ума. Три дня и три ночи жители скорбели о погибших, кричали, стонали и завывали, дули в трубы, стучали по горшкам, били в барабаны. Толпы людей, охваченных паникой, набивались в храмы, где их топтали или они задыхались от нехватки воздуха. А потом враг вдруг очутился у ворот, и шум утих. Город замер — в нем воцарилось абсолютное, зловещее молчание.

Однако повсюду виднелись лица, тысячи и тысячи лиц — на балконах и крышах, в каждом окне; огромные толпы стояли вдоль широкой дороги — и все молча смотрели на Дантио. Неужели никто не благословит его, не выкрикнет хоть одно приветствие или не споет пару строк погребальной песни? Казалось, весь город собрался, чтобы увидеть, как он его покидает.

Дантио не сводил глаз с огромных ворот впереди, пытаясь не обращать внимания на лица. Он отчаянно боялся заплакать,

обмочиться или натворить что-нибудь еще более ужасное, опозорив себя и папу.

— Мы почти добрались, — сказал тот. — Ты отлично справляешься! И я тобой невероятно горжусь!

Дантио поднял голову, чувствуя, как дрожит подбородок. Несмотря на данные себе обещания, он признался:

— Папа, я боюсь!

Отец поморщился, как будто ссадил палец на ноге.

— А по тебе и не скажешь! Вспомни, что я говорил: храбрость есть исполнение долга, даже когда ты напуган. Клянусь богами, сын, ты очень смелый мальчик, ведь ты исполняешь свой долг.

Однако храбрецы не дрожат! И во рту у них не пересыхает так, что не продохнуть.

— Пусть толпы тебя не беспокоят, — сказал отец. — Люди на тебя рассчитывают, сынок. Весь город на тебя надеется. И я тоже. Я так горжусь тобой, что едва сдерживаю слезы. И Селебра гордится.

Наконец колесница прогрохотала под громадной аркой и въехала на барбакан, в тень высоких зубчатых стен, оставив позади ослепительное солнце. На стенах не было солдат, потому что городская стража Селебры погибла вместе с ополчением у Двух Фордов. Грохот копыт и скрип колес нарастал, эхом катясь над укреплениями. Папа сбавил скорость, чтобы свернуть во внешние ворота.

Дантио быстро оглянулся назад. Во второй колеснице, которой управлял настрианин в зеленом одеянии, сидели мама и малышка. Свидетельница Фиорелла в повязке на глазах правила третьей колесницей, с Бенардом и Орландо. Испуганное лицо Бенарда едва виднелось над поручнями, хотя ему-то бояться было нечего, он вернется домой. Орландо и вовсе не выглядывал через край — слишком мал. Наверняка он смотрел сквозь щели в плетеных боках колес-

ницы и громко возмущался тем, что его привязали ремнями, чтобы не вывалился.

Одна створка ворот была открыта, и никто их не охранял, когда дож и его старший сын проехали в пугающий внешний мир, залитый ярким полуденным солнцем. *Прощай, Селебра!* На открытом поле вокруг города обычно шумел крестьянский рынок, тут устраивали состязания и проводили ярмарки. Сегодня здесь никого не было, только стояли пустые загоны для скота да желтела сожженная беспощадным зноем трава. Дорога в Стурию, полоса пропеченной на солнце красной глины, исчезала в оливковых рощах и виноградниках.

Папа ехал совсем медленно по неровной дороге. Ледяные демоны наверняка ждут в тени, и стрелой их не достанешь.

Священный Демерн, Законодатель, объявил еще в древние времена: в десять лет мальчик уже достаточно взрослый, чтобы осознавать законы и клятвы. В десять лет его можно приговорить к наказаниям, кои полагаются взрослому мужчине — например, порке или даже повешению. А еще он может стать заложником.

Дантио было одиннадцать.

Он не знал, где будет сегодня спать. И не мог избавиться от жуткого страха, что ему никогда больше не суждено увидеть свой дом и родных. У ног мальчика лежал мешок с одеждой, который собрала ему мама. Ледяные демоны пощадили маленький городок Стурию, когда его жители открыли им ворота, а вчера обещали не тронуть Селебру, но потребовали заложников.

Из-под деревьев выехала колесница, двигавшаяся быстрее, чем папина. В ней сидели двое, явно не флоренгиане, значит — ледяные демоны. Следом гораздо медленнее тащилась вторая колесница. Дантио задрожал еще сильнее, и не только от тряски плетеного пола.

— Приехали. — Папа остановился у огороженного загона, затем опустился на одно колено и с силой прижал сына к груди. — Ты молодец! Молодец! Уверен, хуже всего было, когда на тебя смотрели горожане.

Дантио считал, что самое худшее еще не началось. Он кивнул и попытался сдержать слезы, прикусив губу. От траурной одежды отца пахло лавандой, он всегда надевал ее на похороны.

— Сын мой, даже если вигелиане хотят забрать тебя в качестве заложника и доказательства того, что я буду соблюдать условия договора, они обязаны хорошо о тебе заботиться. Священный Демерн изложил в своей Книге жесткие правила касательно того, как следует обращаться с заложниками. О Дантио, Дантио! Мы, селебриане, миролюбивые люди, но не трусы. Если бы у нас был хотя бы один шанс защитить город, мы бы это сделали. Если бы лорд крови согласился взять меня вместо тебя, я бы с радостью отправился к нему, однако в его послании выдвинуты иные требования.

Клянусь, сын мой, я ни за что не нарушу их условия и не дам им повода причинить тебе вред. А через год или чуть больше, когда они убедятся, что мне можно доверять, я попытаюсь уговорить их вернуть тебя домой и взять других заложников — молодых людей, а не ребенка.

Дантио захлюпал носом и пробормотал:

— Да, папа.

Отец снова его обнял и отпустил.

— Ты ведешь себя совсем не как ребенок. Оставайся храбрым, всегда будь вежлив, и с тобой не случится ничего плохого. Идем посмотрим на вигелиан.

Дантио спрыгнул на землю, в свою тень на глинистой дороге, отец за ним. Рядом остановились две другие колесницы, и настрианин занялся всеми тремя: поглаживал шеи гуанокосов и что-то шептал, словно разговаривал с ними. Последователь культа Настра вполне *мог* с ними разговаривать; он заставит

их спокойно стоять несколько часов и при этом будет совершенно счастлив сам. Настриан не интересуют люди.

Папа помог маме, которая укачивала на руках Фабию, выбраться из колесницы. Бенард тут же подбежал к матери. Свидетельница Фиорелла отстегнула ремень и поставила Орландо на землю, придерживая его за плечи — ей вовсе не требовалось прибегать к мудрости своей богини, чтобы догадаться, что он постарается удрать. Малыш визжал и лягался. Фиорелла будет нужна во время переговоров, поэтому Дантио подошел успокоить Орландо. В последний раз.

— Идем посмотрим на ледяных демонов. Они ужасные.

Гроза семьи решил, что дело того стоит, и молча пошел за братом. Он даже позволил Дантио ненадолго взять себя за пухлую ручку.

Первая колесница ледяных демонов остановилась на некотором расстоянии. Один из них занялся животными, а другой пошел к селебрианам. Он был безоружен и огромен. Кое-кто утверждал, что вигелиане — чудовища, но этот очень даже походил на человека, если забыть о его диковинном цвете. Вигелианин целиком закутался в нечто похожее на шерстяное одеяло, открыв только руки и ноги. На голове и лице блестела золотистая щетина; глаза поражали неестественно голубым цветом. Он сердито махнул рукой отстающей колеснице.

Дантио заметил, что мышцы у него даже мощнее, чем у Маркео, придворного колесного мастера.

Маркео погиб у Двух Фордов.

— А почему он красный? — спросил Орландо.

— Его сожгло солнце, — ответил Дантио.

— Почему?

— Потому что.

Дантио слышал, что кожа у ледяных демонов розовая, а не коричневая, но у этого она обгорела и слезала клочьями. Мальчик оглянулся назад, на крыши и стены Селебры, за-

полненные народом; люди наблюдали за происходящим и ждали своей участи.

Появилась вторая колесница ледяных демонов, и из нее вышел кто-то в причудливой одежде, закутанный с головы до ног в ткань, которая раньше была белой. Судя по закрытому лицу, это прорицательница. Она неуверенно спустилась на землю — мешали длинные одеяния. Не слишком ли тепло она одета в такой жаркий день? Возница тут же отъехал, а прорицательница мелкими шажками подошла к крупному мужчине. Видны были только ее руки — розовые.

— Анто, этот человек ранен? — спросил Орландо, решивший, что она в повязках.

— Нет, она прорицательница, как Фиорелла.

Орландо повернулся и угрюмо посмотрел на Фиореллу. Та была в скромном женственном платье темно-коричневого цвета; повязка на глазах указывала на то, что она исполняет свой долг. Свидетельницы видят мир глазами богини.

Папа поклонился.

— Я дож Пьеро, правитель города Селебра, пришел на переговоры в соответствии с нашим соглашением и привез с собой всех своих детей, как вы и просили.

Женщина в белом одеянии не говорила по-флоренгиански, однако прорицательницы способны улавливать смысл так же, как распознавать ложь или яд в бокале вина. Она перевела слова вигелианину. Тот нахмурился и ответил низким рокочущим голосом, словно перекатывал во рту камни. Когда он закончил, Фиорелла перевела:

— Стралг Храгсон, лорд крови Героев Веру, пришел не для того, чтобы вести переговоры. Он отдает приказы. Он здесь, чтобы принять вашу капитуляцию и клятву верности.

— Я согласился на его условия, — произнес папа. — А он обещал поклясться, что будет уважать наши жизни, собственность и законы.

Вигелианская прорицательница перевела, и лорд крови снова что-то пророкотал.

— Он говорит, что вы уже получили его слово.

Так нечестно! Если папа произнесет торжественную клятву, кровожадный вигелианин, вне всякого сомнения, обязан сделать то же самое, а не повторять обещание, данное через посланника.

Снова послышался громоподобный голос: вигелианин задал вопрос.

— Он спрашивает, кто эта женщина, — тихо молвила Фиорелла. — Будьте осторожны, милорд!

Папа медлил, но прорицательницу не обманешь, поэтому он сказал правду:

— Оливия, моя жена.

Он не стал говорить, что сначала не хотел брать с собой маму, однако та не могла доверить Фабию няне. Вчера Дантио слышал, как они спорили.

Рокот.

— Он говорит, если ты немедленно не опустишься на колени и не поцелуешь его ноги, признавая поражение, она умрет первой.

Орландо выпустил руку брата и собрался завопить, но Дантио ухватил его за плечо и с такой яростью прошипел: «Тихо!», что тот послушно умолк. Бенард прятался за спиной матери, которая успокаивала Фабию: малышка почувствовала запах молока и требовала еды.

Какой ужас!

Папа вышел вперед и пал на колени перед ненавистным чудовищем в черном одеянии. Дантио отвернулся, не в силах смотреть на унижение отца.

Далеко на северо-западе, под небом цвета индиго, зоркие молодые глаза разглядели белое сияние, отмечавшее Границу. Лишь самые отчаянные купцы осмеливались к ней подходить.

Мало кто возвращался назад, а те, что выжили, привозили мелкие вещи, к которым относились как к любопытным безделушкам. Мама однажды показала Дантио уродливый нефритовый горшок из коллекции дожа, прошептав, что он вигелийский.

В этом году, сразу после сезона дождей, со стороны Границы пришла орда голодных, отвратительно бледных демонов. Они загоняли скот на Альтиплано, ели животных сырыми и убивали пастухов, которые пытались им помешать. А потом напали на маленький городок Нелина, расположенный среди холмов. Увидев, что у противника нет осадных машин и оружия, местные жители закрыли ворота. Ледяные демоны вскарабкались прямо по скалам и отвесным стенам, окружавшим город. Говорят, они перебили все живое в Нелине, даже кошек и птиц.

Большинство флоренгиан были политеистами, хотя некоторые принадлежали к мистическим культам, тайным орденам генотеистов, поклоняющихся одному богу. Среди них были Свидетельницы Мэйн, как Фиорелла; Целители Синары, лечившие больных; Голоса Демерна, следившие за исполнением законов, и многие другие. Как с грустью объяснил ему папа, во Флоренгии нет веристов — людей, подобно вигелианам поклоняющихся богу войны, — и их отсутствие очевидным образом привело к падению Флоренгии.

Уничтожив Нелину, демоны двинулись на Стурию. Они пощадили город, когда он сдался, хотя и взяли часть припасов с продуктовых складов. Папа, правитель самого большого и богатого города, расположенного на северо-западе, поспешно собрал армию из крепких мужчин и встретил неприятеля у Двух Фордов. Несмотря на то, что они втрое превосходили врага по численности и были прекрасно вооружены бронзовыми мечами и копьями, веристы убили всех, пощадив лишь двух раненых юношей, которых отправили в город сообщить о бойне. Теперь демоны стояли у ворот Селебры, и город не мог им сопротивляться.

Когда папа произнес клятву, которую потребовал от него отвратительный Стралг, ему приказали подняться. Не переставая кланяться, он медленно отступал от лорда крови.

Теперь, решил Дантио, его возьмут в заложники, чтобы папа сдержал свое слово. Мальчика переполняли такая ненависть и ярость, что он перестал бояться. Они бесчеловечные дикари, и скоро боги их уничтожат!

— Благородный Стралг говорит, что желает получить шестьдесят сильных юношей, которые начнут обучение и станут веристами. Его люди сами их выберут.

— Как скажет лорд крови. Я прошу день или два, чтобы предупредить своих подданых.

— Он дает вам время до завтра. Еще он требует, чтобы к закату солнца вы доставляли к воротам города запас провианта для воинов каждый вечер, до тех пор пока вам не велят остановиться.

— Мы будем делать это, пока не иссякнут наши запасы. Спроси лорда крови, почему он так поступает. Чего он хочет добиться, пройдя со своей ордой через Границу и убив такое количество людей? Неужели он рассчитывает провести по Леднику огромные караваны с награбленным добром? Неужели не боится гнева Светлых?

Вигелианин презрительно фыркнул и произнес длинную речь.

— Он говорит, что боится лишь одного бога — Веру, и война — Его культ. Мы, флоренгиане, слишком добрые и мирные, мы не чтим Ужасного бога, и потому нас следует приучать... бояться Веру до тех пор, пока мы не станем мочиться от звука Его имени. Ты с женой можешь вернуться в город. Он оставит у себя твоих детей, чтобы ты вел себя хорошо.

Папа побагровел.

— Нет! Это мой старший сын, лорд Дантио. Ему одиннадцать лет. Я привез с собой остальных лишь затем, чтобы показать, как они малы.

— Он говорит: всех детей.

— Бенарду восемь, а Орландо *три*, ради всех святых! Законодатель писал, что только мальчики старше десяти лет могут становиться заложниками.

Стралг подал знак, и тут же у него из-за спины, из леса начали выходить воины. Строй растянулся в обе стороны на огромное расстояние. Они были без оружия, но ведь именно голыми руками они убили всех мужчин, выступивших против них у Двух Фордов. Со стороны города раздался громкий стон, словно его издали сами камни.

— Лорд крови говорит, что законы здесь устанавливает он.

Орландо вырвался из хватки Дантио.

Стралг протянул руки, и Орландо, который никогда никого не слушался, помчался к нему, покачиваясь на своих толстеньких ножках. Верист поднял малыша высоко над головой, и Орландо громко рассмеялся, оказавшись над целым миром.

Ледяной демон подошел к ограде.

— Лорд крови спрашивает: хотите ли вы посмотреть, что находится внутри головы вашего сына, милорд? — Голос Фиореллы прозвучал пронзительно и резко. — Он не шутит! Он убьет ребенка.

— Тогда пусть забирает сыновей! — выкрикнул папа. — Пусть забирает мальчиков, но моя дочь еще грудной ребенок. Священный Демерн писал...

Громадное чудище зарычало, не дожидаясь перевода.

— Лорд крови говорит, что возьмет и корову, чтобы она кормила теленка. Ты должен отдать всех — или смотреть, как они умирают, а потом он выколет тебе глаза.

Бенард хныкал и вскрикивал от ужаса. Мама опустилась на колени и обняла его, в ту же секунду заплакала Фабия. Холодные капли пота побежали по спине Дантио. Ужасный, жуткий демон!

Папа рухнул на колени.

— Умоляю, пусть пощадит мать и ребенка! Неужели законы ничего для него не значат? Неужели у него нет сострадания?

— Он не знает сострадания и жалости. И никогда не знал. Ты должен принять решение.

Время остановилось. Дантио вдруг понял, что не дышит, и сделал глубокий вдох.

— Я чувствую исходящую от него алчность, милорд, и сожаление, — предупредила Фиорелла. — Он сокрушается, что пообещал не грабить такой большой и богатый город. Ему нельзя доверять, а его намерения по поводу вашей жены не назовешь честными.

— Что случится с нами, не имеет значения, Пьеро, — сказала мама. — Вспомни, что ты говорил Дантио о храбрости. Нельзя давать этому чудовищу повод разграбить Селебру!

— Я отдам детей.

Вигелианская прорицательница все перевела.

Демон усмехнулся и опустил Орландо на землю. Малыш решил, что вигелиане ему все-таки не нравятся, и подбежал к остальным детям, окружившим маму, желая получить свою долю внимания.

Значит, Дантио будет не один! С ним пойдут мама и все остальные. Его окатила волна счастья, и он возненавидел себя за это. Какой же он мерзкий червяк, если радуется тому, что семья разделит его несчастье! И все-таки он будет не один.

Мальчик бросился на помощь матери и подхватил Орландо на руки.

— Мы поедем кататься на колеснице — правда, будет весело? — Он взял Бенарда за руку. — Идем, Бена! Попрощайся с папой. Нам придется поехать с этим злым человеком. Но ты не бойся. Мама тоже будет с нами, и я помогу ей за вами присматривать.

ЧАСТЬ I

ВЕСНА

ГЛАВА 1

Бенард Селебр вовсе не искал приключений, когда услышал крик женщины.

Резко развернувшись, Бенард поспешил назад по переулку. Нильс, который, спотыкаясь, шел рядом, не сразу понял, что остался один. Он бросился назад и схватил обеими руками мощную руку друга.

— Нет, не нужно! Никаких неприятностей, Бенард. Бенард, они *воины!* И их трое! Тебя разорвут на части.

Поскольку Нильс был не только слабее Бенарда, но и куда пьянее, тот против воли потащил его по переулку. На закате солнца они с друзьями пошли праздновать помолвку Нильса с дочерью главной кухарки дворца и немало преуспели в этом занятии. Бенард охрип от громких песен, а мир вокруг купался в хмельном веселье — пока не прозвучал женский крик.

Несмотря на приближение рассвета и мрачные тени, заполнявшие переулок, воздух оставался сырым и теплым, как в парильне; птицы охотились на насекомых, сверчки выводили рулады в кустах. Красные сполохи только-только появились на востоке, город спал, но Бенарду хватило света, чтобы по-

нять: громогласные верзилы у дверей таверны, мимо которых он только что прошел, — воины. Он не заметил, что с ними женщина. И закричала она лишь теперь.

— Бенард! — взмолился Нильс. — Они веристы. Посвященные. И они *вооружены*, Бенард. Тебя *раздавят!*

В том, что говорил плотник, была доля истины. Миролюбивому художнику не след ссориться с жестокими веристами. Бенард не любил ввязываться в драки, хотя и обладал поразительной способностью находить неприятности на свою голову. *Три* воина? Даже в его нынешнем, затуманенном винными парами состоянии, когда он с трудом находил собственные пальцы, не говоря уже о том, чтобы считать на них, он понял: противников многовато.

А потом снова раздался крик и громкий мужской смех. Бенард пошел быстрее.

Цепляясь за него, точно плющ, обвивающий ствол дерева, Нильс завопил пронзительным голосом:

— Бенард! В это время по улицам ходят только женщины определенного сорта. Она знает, что делает. Ты в любом случае не сможешь ей помочь.

Бенард неохотно признал, что друг прав. Ему и в самом деле лучше вернуться в свой сарай и лечь спать. К несчастью, он принял это решение в ту секунду, когда добрался до угла и увидел ее. Он никогда не мог пройти мимо красоты, а эта девушка была очень хороша собой. Ослепительно красивая, такая, что дух захватывало, потрясающая — молодая и стройная, она отбивалась от огромного верзилы, раза в два больше нее, который крепко прижимал ее к себе. Он засунул руку в платье девушки и схватил ее за грудь. Его дружки такого же внушительного вида стояли рядом и веселились.

Их соломенного цвета волосы и бороды были коротко подстрижены, чтобы не ухватился враг. На шее медные ошейники веристов, торс и плечи обернуты куском ткани, руки голые.

Разноцветные полосы на так называемых «накидках» указывали на чины и того, кому они служат. Бенард узнал только малиновые полосы сатрапа Хорольда Храгсона, правившего городом и гарнизоном — официально вместо его брата, Стралга, а на деле вместо его сестры Салтайи Храгсдор.

— *Убери от нее свои поганые руки!*

Нильс исчез с горизонта, точно упавшая с неба звезда.

Хотя воины и прилично выпили, они мгновенно окружили Бенарда, который в ужасе сообразил, что громила, схвативший девушку, — Катрат Хорольдсон. Хуже и быть не могло. На прошлой шестидневке весь Косорд праздновал совершеннолетие и посвящение сына сатрапа, ведь любого, не пожелавшего веселиться, ждала немилость Хорольда. Очевидно, Катрат и его дружки еще отмечали радостное событие. Впрочем, они были опасны в любом состоянии, трезвые или хмельные.

С тех самых пор, как Бенард появился в Косорде пятнадцать лет назад, Катрат стал для него настоящим наказанием. Он был на несколько лет младше Бенарда, но его защищали высокое происхождение и компания ярых последователей, твердо решивших сделать жизнь презренного заложника-флорентианина невыносимой. Только поселившись в доме мастера Одока, Бенард избавился от обидчика — да и то относительно. Катрат и его дружки знали, что заложник обязан являться во дворец по меньшей мере раз в день, и частенько его там поджидали.

Катрата посвятили в культ Веру в исключительно юном возрасте, потому что его отец был сатрап, а дядя — лорд крови Стралг. Теперь он мог доставить Бенарду куда больше неприятностей. Его накидка была из более дорогой ткани, чем у его спутников; заплечные ремни, на которых висели ножны, украшали фаянсовые пластины, на ногах красовались кожаные ботинки до лодыжек вместо полагающихся сандалий. Он крепко держал девушку одной рукой, не обращая внимания на ее по-

пытки вырваться. И был не настолько пьян, чтобы не узнать любимую жертву.

— Что ты сказал, флоренгианское дерьмо?

Бенард быстро, хотя и запоздало, протрезвел. Теперь его могла спасти только богиня. Но что могла леди искусства сделать против бога войны? Он мельком взглянул на девушку и поспешно затянул главную молитву — молча, разумеется, поскольку обращение к богам было частью таинства: «...могущественная Ее величество и в бесконечности царства Ее благословения... Она — звезда на горизонте и прямой путь средь бури...»

— Я сказал, это моя подруга, — заявил он вслух. — С тобой все в порядке, Хильда?

Он не имел ни малейшего понятия о том, как ее зовут — просто назвал прелестное имя для прелестной девушки. В предрассветном сиянии все вокруг горело красным, но уж он-то должен был разглядеть ее алое платье! Выходит, Нильс прав: ему предстоит умереть ради спасения шлюхи от разгулявшегося клиента. Впрочем, ее красота может вызвать жалость у Анзиэль, даже если богиня не оценит его собственные достоинства. Он поспешно произнес следующие слова молитвы: «...повесь на небе радугу и придай форму ветру... Она слышит его мольбу и открывает очи, подобно ястребу, парящему в утреннем небе...»

— Нет, — сказал Катрат, — с ней не все в порядке. И очень скоро будет хуже. А тебе *намного* хуже. Она не твоя подруга, и, когда я с тобой закончу, ты о девушках вообще забудешь.

— А он и так не знает, что с ними делать, — заявил один из дружков Катрата, и все дружно загоготали.

«*Открой дверь, которую создал Твой слуга, глазами змеи, опереньем зимородка...*»

— На колени, селебрианский слизняк!

Катрат был на голову выше Бенарда, однако не шире в плечах. Его волосы и пушок на подбородке, заменявший бороду, горели огненным цветом; в детстве, до того, как его нос и уши пострадали в бесконечных драках, он был красивым ребенком.

— Беги, парень! — крикнула девушка. — Ты мне не поможешь!

Бежать от веристов не имело смысла. Священная Анзиэль всегда одаривала Бенарда своей благосклонностью; поможет ли она сейчас? Имеет ли он право обращаться к Ней в таком положении, да еще после пьянки? Если не имеет, его превратят в отбивную. Сосредоточившись, Бенард составил в уме обращение к своей богине.

— Говорю же, это моя подруга, — громко заявил он. — Решил со мной сразиться?

— *Чего?*

Громилы разразились громким злобным гоготом. Они привалились к стене и колотили друга по плечам, от их смеха мгновенно умолкли даже сверчки; однако они не сводили глаз со своего пленника, а Катрат не выпустил девушку. Разумеется, все знали, что Герой скорее умрет, чем потерпит поражение, поэтому честность считалась святотатством. Бенард бросил вызов всем троим, и должен был драться с каждым по очереди или со всеми одновременно — как они пожелают.

— Бейся со мной за нее.

Погрузив часть своего сознания в спокойное молчание и наполнив его нужными образами, Бенард послал богине безмолвную молитву: висящие ремни, колыхающиеся на ветру полоски кожи, прекрасный танец. Его сокровенная молитва была написана картинами. Он не осмеливался бросить взгляд на реальность, но ему не требовались глаза, чтобы найти фигуры в камне или увидеть лицо, которое он создаст из глины и глазури. Все превратилось в форму, симметрию, четкий рисунок. Красоту.

— Скажи своим друзьям, чтобы не вмешивались, — проговорил он, — и я выбью из тебя дерьмо, недоносок. Давно пора. Слишком каша... Я хочу сказать, слишком много каши у тебя в мозгах.

Катрат не поверил своим ушам.

— Ты с кем так разговариваешь, южанин? Мазилка! Ты же вечно копаешься в грязи, посмотри на свои поганые руки, трусливый последователь богини! Вздумал сразиться со *мной?*

К счастью, сыну сатрапа нужно было хорошенько распалиться перед дракой, и Бенарду хватило этих секунд, чтобы начать движение, создать форму и рисунок. Он почувствовал благословение, наполнившее его священным огнем; в то же время он понимал, что должен вести себя неприметно и не провоцировать врага. Иначе тот превратится в какого-нибудь жуткого хищника, злоупотребив могуществом Веру — впрочем, Катрату не было дела до честности. «Честность есть красота... узел есть красота, изгибы и петли... двойной узел, тройной узел... все это красота...»

— Трус, говоришь? Вообще-то, это я вызвал тебя на поединок, забыл? Ты только и умеешь, что болтать попусту да вонять. Не дрейфь, вонючка!

— Чего ты ждешь, Герой? — спросил его один из дружков. — Может, тебе *помочь?*

— Подержите эту дрянь! — крикнул Катрат и толкнул девушку в руки спутников. — А я прикончу ублюдка.

Он демонстративно поплевал на руки. Девушка закричала громче и снова принялась вырываться, пока третий дружок Катрата не зажал ей рот рукой.

— Приготовься, дерьмо, сейчас я тебя покалечу! — Глаза Катрата горели предвкушением.

— Давай попробуй! — Бенард поднял сжатые кулаки, не очень представляя, что с ними делать.

Ветеран бессчетного количества драк, Катрат совершенно точно знал, что следует делать, и, несомненно, использовал бы свое умение с изяществом и убийственным мастерством, если бы полностью понимал, что происходит. Он выбрал весьма сомнительное начало боя, решив нанести Бенарду удар в колено, а затем растоптать. На этом сражение и закончилось бы, не окажись шнурки его роскошных ботинок связанными между собой. Катрат потерял равновесие и замолотил руками по воздуху. Бенард воспользовался случаем и дважды врезал ему с такой силой, что чуть не сломал пальцы. Живот Катрата был жестким, точно кусок мрамора, а подбородок и того крепче, поэтому Бенард ударил его еще два раза, и верист упал. Будь переулок пошире, он бы тяжело плюхнулся, а потом вскочил, скинув ботинки и дико вопя, но, к счастью, Катрат ударился головой о стену здания и сполз по ней на землю, словно куча тряпья: ступни соединены, колени расставлены в стороны, рот открыт.

Бенард произнес еще одну молитву и, не глядя на шнурки, развязал их. Сердце стучало у него в груди, заглушая пение сверчков, руки дрожали. Проделать то же самое с дружками Катрата он не мог, оставалось только блефовать.

— Моя! — уверенно заявил он и оттащил от них девушку. — Я победил. Мой приз. Идем, милая, пора в постельку. А вы, ребятишки, доставьте своего приятеля домой, пока его кто-нибудь не увидел.

К несказанному изумлению Бенарда, они не только не стали удерживать девушку, но и позволили ему уйти. Неслыханное поведение для веристов. Когда Герой Катрат придет в себя, он не будет так добр.

Единственной настоящей улицей в Косорде был берег реки. Прочие — всего лишь щели между домами, заполненные густой пылью летом и жидкой грязью зимой. Они становились то шире, то у́же, петляли, поднимались и уходили вниз, заканчи-

ваясь в самых неожиданных местах. Кое-где приходилось сворачивать в сторону, чтобы пройти. За редкими исключениями дома здесь строили из высушенных на солнце глиняных кирпичей, летом в них было прохладно, а зимой они вполне сносно защищали от ветра. На внешних стенах не делали окон, потому что даже в самых бедных домах имелся дворик, где росли виноград, бобы, овощи, разгуливали свиньи и утки, а также находился туалет. Крыши были из тростника.

Бенарда не волновало, куда ведет его новая подруга. До сих пор он не знал, что плечо у него — эрогенная зона, но теперь все яснее узнавал, пока девушка его гладила и похлопывала. Поскольку было лето и стояла жара, он надел лишь сандалии из плетеного тростника и рабочую блузу — кусок перепачканной глиной холстины с кучей карманов для разных полезных вещей, который держался на двух лямках.

Девушка была в красном платье до бедер, таком прозрачном, что просвечивала грудь. Даже в тусклом свете Бенард видел, что она потрясающе красива, а ее пропорции идеальны. Ему требовались натурщицы — будет ли святотатством использовать шлюху в качестве модели для богини?

— Зови меня Хидди.

— Бенард Селебр, — сказал он.

— Ты такой храбрый!

«Такой пьяный, дамочка...» Он вел себя как *безумец!*

— Любой мужчина с радостью спас бы красавицу вроде вас.

— Бросил вызов веристам! — Она с восхищением сжала его бицепсы. — Какой сильный! Гончар?

— Художник. По большей части скульптор.

— А что это такое?

— Каменщик.

Близко к истине.

— Ты говоришь не как каменщик. — Видимо, она хотела выпытать, сколько денег с него можно взять. — А как придворный.

— Меня вырастили во дворце.

Она радостно рассмеялась.

— Тогда все понятно. О, ты не раб?

Ее ловкие руки наткнулись на печать, прикрепленную к его запястью, знаку уважаемого свободного гражданина.

— Нет.

— Ты похож на флоренгианина!

Она успела заметить его черные волосы и смуглую кожу — у любого вигелианина она гораздо светлее даже в середине лета.

— Не все флоренгиане рабы. Я заложник.

— А что такое «заложник»?

По всей видимости, Хидди получила весьма скудное образование, да и выговор выдавал в ней крестьянскую девчонку, совсем недавно пришедшую в город со строительства ирригационных каналов.

— Ну, когда мне было восемь лет... — Проклятье! На что он тратит время? — Спроси лучше, когда я протрезвею.

Он поцеловал ее, и губы девушки зажгли пламя, которое быстро побежало вниз, охватив все тело. Он взмок и лишь чудом не налетел на стену.

— Уже недалеко, любимый, — прошептала она. — О, я не могу дождаться...

— Хорольдсон сделал тебе очень больно?

— А? Не-е, он считает себя крепким и жестоким парнем. Его возбуждает, когда я кричу и вырываюсь.

— Ты с ним давно знакома? — мрачно спросил Бенард.

— Встречалась пару раз. Он много о себе воображает, а на самом деле ужасно неуклюжий и предсказуемый. Вот мы и на месте!

Они подошли к лестнице в большое здание, отделанное крашеной плиткой. Фонари отбрасывали неровный свет на картинку, которую Бенард знал и презирал: обнаженная фигура в человеческий рост с женской грудью и вульвой, мужской боро-

дой и фаллосом. Эриандер, двуполое божество соития и безумия, уродливейший образ, по мнению Бенарда, оскорбляющий все законы красоты.

Он замер на месте.

— Нет! Я не могу туда войти, Хидди!

Посвященный Анзиэль не имел права поклоняться Эриандер в Ее храме.

Хидди рассмеялась, словно ей уже приходилось сталкиваться с подобными возражениями, и она знала, что с ними делать.

— Милый, ты вспотел, точно конь. Смотри-ка, что у меня тут, м-м-м?

Платье упало на землю, и она осталась в одних сандалиях. На лице у нее застыло удивленное выражение.

От его блузы наверняка поднимался дым, но пульсирующая животная похоть уступила место совсем другому виду возбуждения. В мягком свете фонарей она являла собой такой образ женского совершенства, какой ему еще не приходилось видеть. Типичная вигелианка с молочно-белой кожей и почти невидимым золотистым пушком между ног и подмышками; у нее были стройные ноги, плоский живот, бедра широкие, но безупречной формы, грудь высокая и твердая. Волосы золотистым облаком кудряшек окутывали голову. Что из этого реально, а что — дар ее богини?

— Идем со мной, Бенард! — Она протянула руку, и ему показалось, что весь мир сосредоточился вокруг нее.

Хмельной туман рассеялся.

— Нет! — пробормотал он. — Я не могу. Только не там.

— Ты дал обет воздержания? — Она недоверчиво улыбнулась.

— Нет, но я не могу... не могу туда войти.

— Ты женат? Большинство мужчин это не волнует.

— Не женат.

— Ты ведь меня хочешь. *Очень* хочешь! А я хочу тебя! Неужели ты всю жизнь имел дело только с камнями?

— Повернись.

Хидди удивленно повернулась. Бенард не увидел на ее теле ни родинок, ни веснушек. Она была очень молода и так красива, что поклонники наверняка ходили за ней толпами. Нимфы Эриандер утверждали, что их орден священен, а сами они очень опасны. Бенард подозревал, что это всего лишь гильдия проституток, способных превращать мужчин в слюнявых идиотов не лучше, чем любая другая женщина. Он никогда не пользовался их услугами — не потому, что боялся их умения порабощать, дарованного богиней, а потому что другие женщины были не менее соблазнительны и доступны.

— Встань там, — сказал он, и Хидди послушно поднялась на две ступеньки. — Не шевелись. Положи одну руку на бедро, а другую выстави вот так. Подними подбородок.

Охваченный восторгом, он смотрел на ее роскошную грудь и розовые соски.

— Бенард! Мужчины обычно не только смотрят! Разве ты не хочешь меня поцеловать? — Она похлопала накрашенными ресницами.

— Нет, — хрипло ответил он. — Послушай, я вырезаю статуи Светлых для Пантеона. Это мой первый большой заказ, очень большой... Мне нужна натурщица для Анзиэль, богини красоты. Она направила меня к тебе. Ты будешь моей моделью.

Хидди нахмурилась, решив, что он над ней смеется.

— И что надо делать?

Она наверняка встречала много странных мужчин, но такого необычного — едва ли.

— Просто стоять. Твоя красота запечатлеется в мраморе на века. Твои внуки будут восхищаться твоей красотой.

Неожиданно расхохотавшись, она сбежала вниз по ступеням и попыталась его обнять.

— Сделаем это завтра! А сегодня будем *веселиться!* — Она хотела его поцеловать. — Ты так красиво говоришь, Бе-

нард! Покажи мне, что ты умеешь *делать!* Я хочу тебя! И мечтаю доставить тебе удовольствие.

Он оттолкнул ее на расстояние вытянутой руки.

— Твоя богиня не будет против, если ты станешь моделью?

Хидди надулась. Она могла дотянуться только до его рук и принялась их ласкать. Даже это заставило его дрожать от желания.

— А почему Ему быть против? Он дарит всем радость.

— Тогда приходи ко мне днем. Я живу... работаю... в сарае во дворе за Пантеоном. Я сделаю несколько пробных моделей. Из глины. Мне нужно увидеть тебя при свете дня, но вообще-то я работаю по памяти.

Он знал, что никогда не забудет ее такой, какой она предстала перед ним сейчас.

— Но я тебе обязана...

— Ничем ты мне не обязана. Спасибо, Хидди. Я увидел идеальную женщину, и этого достаточно. Да снизойдет на тебя благословение двенадцать раз.

— Ты меня презираешь! Ведешь себя так, будто я грязь у тебя под ногами!

Ее голос дрогнул, однако внимательный наблюдатель заметил бы, что она вовсе не собирается лить слезы. Бенарду на выручку пришла его внимательность.

— Ни одного синяка! Нигде! Ты совсем не пострадала! — У нее на руках даже не было красных пятен; ничего, что указывало бы на то, что ее щипали, били или хватали. — Значит, люди говорят правду? Ты и в самом деле использовала против него чары. И против меня! — Он с такой силой ее оттолкнул, что она пошатнулась.

— Кто говорит? Какую правду?

Она снова потянулась к нему, однако Бенарда неожиданно охватил гнев, и он отбросил ее руки.

— Довольно.

В самых неправдоподобных легендах говорилось, что нимфы могут поработить мужчину одним прикосновением. Вот дерьмо! Неудивительно, что он превратился в слюнявого идиота! Хидди околдовала дружков Катрата, чтобы они на него не набросились; выходит, это Хидди его спасла.

— До свидания, Хидди! — Бенард повернулся и побежал прочь.

ГЛАВА 2

Орлад Орладсон *слушал* бога, это было четвертым испытанием второго уровня. Он стоял с завязанными глазами перед Его изображением, сжимая в правой руке бронзовый меч, а в левой — топор. Он был полностью обнажен, если не считать веревочного ошейника, который носил с тех самых пор, как три года назад выиграл право на послушничество. Командир войска Гзург разрешил кандидатам просить одежду для этого испытания, поскольку оно проходит в ледяном Нардалборге, но, естественно, все они с презрением отказались продемонстрировать *такую* слабость.

Они должны *слушать* священного Веру до тех пор, пока он их не отпустит. Им не позволили шевелиться, хотя великодушно разрешили время от времени двигать пальцами ног, чтобы восстановить кровообращение. Кандидат, который уронит свой меч или топор до того, как его отпустит Веру, подвергнется наказанию, скорее всего такой сильной порке, что в дальнейших испытания он участия не примет.

Неприступная крепость Нардалборг контролировала во Флоренгии пути доставки провизии для лорда крови Стралга. Построенная на каменистых унылых пустошах, она охраняла дорогу из Трайфорса к Леднику, видневшемуся в пяти мензилах от крепости, чье зловещее сияние заполняло небо на восто-

ке. Пронизывающие ветры правили в этих землях, гнали серые потоки дождя на предательские болота, бездонные черные озера и окутанные белой пеной реки. Здесь бродили котомедведи и еще более свирепые скалистые медведи. Сильный ветер дул и сейчас; он стонал среди скатов крыш и стучал открытой ставней: бум, бум, бум. Этот грохот мог любого свести с ума.

Орлад чувствовал горький торфяной запах и колючий ветер, обжигавший голую кожу, но ничего не видел. Мамонты в загонах время от времени издавали трубные звуки. Неумолчный глухой голос водопада всегда слышался в Нардалборге; именно проклятые ставни не давали Орладу покоя и страшно его раздражали.

Шестнадцать кандидатов пришли в храм на испытание — когда? Вчера? Или много дней назад? Определить это можно было только по голоду, жажде и боли. И по грохоту проклятой ставни. Иногда раздавался стук дождя или мокрого снега по крыше. В темноте возникали диковинные огни, и Орлад знал, что у него скоро начнутся галлюцинации. Известно, что во время испытания бог отвергает неугодных кандидатов, навсегда сводя их с ума.

Голый, с завязанными глазами, человек становится беззащитным и полностью уязвимым — отличная проверка веры, отваги и смирения. На испытании присутствовали наблюдатели. Разумеется, командир войска Терек Храгсон время от времени проверял, как держатся его ребята, но само испытание проводили сторонние экзаменаторы. Скорее всего командир-таки позаботился о том, чтобы с его любимчиками обращались не слишком жестко, потому что Терек был сатрапом Трайфорса и братом Стралга — никто не решился бы ему возражать.

Однако на сей раз испытание проводил командир войска Гзург Хроттатсон, один из самых выдающихся Героев Веру. Он постарел, но он был рядом с лордом крови, когда они впервые пересекли Границу, во время знаменательной эпопеи, став-

шей показателем воли и стойкости, когда их воины карабкались вверх по лестницам, построенным из замерзших тел павших товарищей, — и питались этими телами. Тогда в живых осталась лишь треть войска. Думая о том, что когда-нибудь и он станет Героем, Орлад чувствовал себя незначительной букашкой. Он не мог представить, какие подвиги нужно совершить его поколению, чтобы сравниться с тем, что сделали Герои Стралга.

Вне всякого сомнения, Гзург присматривал за кандидатами. Только ему было позволено с ними разговаривать. Они имели право отвечать на его вопросы, и больше ничьи. Пару раз он неожиданно выкрикивал приказы, но кандидатам не следовало обращать на них внимания, потому что сейчас они подчинялись лишь богу. Пройти подготовку под руководством таких суровых мастеров, как сатрап Терек и командир охоты Хет Хетсон, было огромной честью; еще большей честью было выдержать испытание под надзором великого Гзурга.

Бум! Бум! Бум!

Когда испытание закончится, Орлад найдет эти ставни и разломает их на куски голыми руками!..

Пару раз ему казалось, что он слышит тихие смешки. В детстве его приводили смотреть на кандидатов, проходивших испытание перед богом, поэтому Орлад не сердился, что другим позволено видеть его с товарищами, голых и мокрых. Да, сейчас дети смеются, но он покажет им пример, чтобы они могли последовать ему, когда вырастут.

Он остался последним. Веру уже отпустил пятнадцать из шестнадцати кандидатов. Пятнадцать раз одновременный грохот топора, меча и падающего на землю тела возвещал о том, что очередной испытуемый потерял сознание. Чуть позже Орлад слышал стон, когда кандидат приходил в себя, поднимался и собирал оружие. В определенном смысле Орлад одержал победу, доказав, что он сильнее остальных, но ее омрачало то, что

он был самым старшим среди нынешних кандидатов, и ему полагалось терпеть дольше.

С другой стороны, он и проиграл, потому что бог явно ждал от него большего; никаких дополнительных баллов за долготерпение он не получит. Вроде бы с тех пор, как он слышал стук падающего оружия и тела, прошло много времени.

Однако Орлад твердо решил доказать, что достоин стать веристом! Сатрап Терек не одобрял желаний флорентиан присоединиться к Героям. Оно и понятно: его брат, лорд крови, тренировал и проводил обряд посвящения юношей в самой Флоренгии. Получив медный ошейник, они мгновенно присоединялись к трусливым повстанцам. Именно из-за них сатрап Терек до сих пор не допускал Орлада к испытаниям.

Но Орлад твердо решил их пройти. Сколько себя помнил, он всегда был не таким, как остальные, однако никогда не считал себя низшим существом, что бы с ним ни делали. Он не мог вспомнить ни одного дня в своей жизни, когда бы с кем-нибудь не подрался. Он родился на Флоренгианской Грани, но в Нардалборг приехал, когда ему было три, и не помнил другой жизни.

Бум! Бум!.. Тишина... *Бум!*

Пол под ногами начал раскачиваться, в голове бились тяжелые волны. Он принялся отчаянно шевелить пальцами ног, и вскоре слабость прошла. Неожиданно ему стало интересно, умер ли кто-нибудь от жажды во время испытания. Он слышал мрачные, пугающие истории о том, как от усталости кандидаты разбивали себе головы или падали на собственные мечи. В желудке заурчало.

— Проголодался? — спросил голос у него за спиной.

Разумеется, он дернулся. Впрочем, вряд ли за это его снимут. Он же не уронил меч или топор.

— Мой господин добр.

— Бог устроил тебе суровую проверку, — сказал Гэург. — Может, Он не хочет принимать флоренгианина?

— Мой господин добр.

— Отвечай на вопрос.

— Милорд, я почту за честь доказать Ему свою преданность.

— Смело, — произнес тихий голос.

Гзургу с трудом удавалось говорить тихо, потому что его нос теперь походил на нос крокодила. Среди кандидатов ходили слухи, что у него шестьдесят четыре зуба, а некоторые из них размером с большой палец. У него были мощные крепкие бедра. Даже в человеческом облике он выглядел великолепно, и Орлад хотел бы увидеть его в полной боевой форме.

— И что за имя такое — Орлад? Что оно означает?

— Милорд, так называют маленького грызуна с очень острыми зубами.

— Это твое настоящее имя?

— Думаю, мое настоящее имя было трудно произнести. Что-то вроде Орлиндио, милорд. Я забыл.

— Ты слишком стар, чтобы быть кандидатом. Или из-за цвета кожи ты кажешься старше?

— Мой господин добр.

— Твой господин хочет получить ответ.

— Я подчиняюсь воле сатрапа, милорд.

Воин фыркнул.

— Мы все ждем, когда бог тебя отпустит, чтобы мы могли продолжить испытания.

— Мой господин добр.

Гзург коротко рассмеялся.

— Тебя невозможно вывести из равновесия, верно? До сих пор ты превосходил всех остальных. Если так будет и дальше, я не только дарую тебе цепь, я буду настаивать на том, чтобы ты как можно быстрее получил ошейник.

«О счастье! Счастье!»

— Мой господин добр!

От похвалы великого воина в горле у Орлада образовался тугой, болезненный комок. Он сумеет доказать, что достоин быть веристом, и сможет высоко держать голову среди вигелиан! Он станет им *равным!*

Бум!

Бум!

Бум! Похоже, командир ушел.

Нет.

— Есть одна маленькая загвоздка, — донесся до него неумолимый шепот, едва слышный за воем ветра. — Ты знаешь, в чем состоит последнее испытание?

— Гнев, милорд.

— Разумеется. Мы должны быть уверены, что ты в состоянии почувствовать настоящую ярость. Именно она позволяет воину призвать бога, чтобы тот придал ему боевую форму. Ярость делает его бесстрашным на службе лорду. Тебе известно, почему флоренгиане и вигелиане так сильно друг друга ненавидят?

— Нет, милорд.

— Потому что мы сражаемся пятнадцать лет, вот почему! Чем дольше война, тем сильнее ненависть. Способен ли черноволосый мужчина ненавидеть так же, как золотоволосый?

Ни одного дня без драки, иногда двух. Неужели Гзург не видит его шрамов?

— Да, способен, если вам угоден такой ответ.

— М-м, — с сомнением протянул воин. — И кого же тебе дать, чтобы пробудился твой гнев? Если я дам флоренгианского заключенного, пойдут разговоры, что они презренны, их легко ненавидеть, или что они слабы. А если я выставлю вигелианина, многие усомнятся в твоей верности. Вдруг ты втайне поддерживаешь Флоренгию? М-м? Понимаешь, в чем загвоздка? Кого же мне выбрать?

— Как пожелает милорд.

— Тогда и того, и другого? Сможешь ли ты разбудить в себе ярость, которой хватит на двоих?

— Мой господин добр.

— М-м, — снова протянул Гзург, только на сей раз Орлад услышал в его голосе одобрение. — А какое оружие ты предпочитаешь? Плеть? Рукавицу? Или дубинку?

— Как пожелает милорд.

Орлад понял, что дал правильный ответ, потому что в ушах у него зашумело, и пол вдруг оказался перед ним, когда бог его отпустил. Он услышал, как довольно далеко от него упали меч и топор.

ГЛАВА 3

Салтайю Храгсдор называли Королевой Теней — это помимо прочих, менее лестных имен. Ее происхождение было загадкой, и никто не знал, сколько ей лет. Ее очень боялись, поскольку ходили слухи, что она Избранная Ксаран, и Древнейшая наделила ее жутким могуществом. Не вызывало сомнений, что всякий, кто выступал против нее, умирал.

Королева Теней... Темная королева. В течение пятнадцати лет она была регентом своего брата, лорда крови Стралга, дожидаясь его возвращения из Флоренгии. В пятнадцатый раз весна открыла перевал, и распоряжения Стралга полетели с бесчисленными почтовыми колесницами из Трайфорса в Бергашамм, а затем на быстрых кораблях в Скьяр. Салтайя передавала приказы, как всегда делая вид, что они поступают от ее мужа, сатрапа Эйда.

Лучше всего она чувствовала себя после наступления темноты, но в Скьяре многие не любили дневной свет. Дни становились невыносимыми, воздух в каньоне напоминал тяжелое одеяло из шерсти архара, неподвижный и густой, даже на ее

любимой террасе высоко над рекой. Накидка из черного полотна облепила тело; головной убор пришлось сбросить. В комнате у нее за спиной, на полу, каждый под своей лампой, сидели писари и деловито водили палочками по глиняным дощечкам, проливая пот на выложенный плиткой пол. Тяжелые шторы закрывали двери, отрезая свет.

— Пиши. От сатрапа Эйда командиру войска Ландару, правителю Салнорна. Обычные обращения, обычные приветствия. — Она подождала, глядя в темноту. — У вас в качестве заложника содержится Мардо Стигетто из города Равима. — Салтайя старательно произнесла чужие названия и имена. — Сообщите...

Она гордилась своей памятью, но прошло много лет, да и заложников брали немало. Это случилось около двенадцати лет назад; пухлый, довольно глупый ребенок, лет четырех или пяти...

— Сообщите юноше, что его родной город сдался повстанцам. Его отца, короля, и всю королевскую семью толпа разорвала на куски. Поставьте его в известность, что по этой причине он лишился всех прав и больше не имеет для нас никакой ценности. — Салтайя помолчала, чтобы успели записать писари. — Убейте его, как сочтете необходимым. И доложите, когда все будет сделано. Концовка письма обычная.

— Ларт, прочти, — сказала она и выслушала неприятный гнусавый голос, который повторил ее слова, приукрашенные привычными вежливыми фразами. — Неркурту?

— У меня то же самое, — ответил молодой писарь.

— Неси сюда.

На короткое мгновение промелькнул свет, когда юноша-ученик вышел из-за штор. Затем шторы сомкнулись у него за спиной, и он в полной темноте протянул госпоже поднос с дощечками. Салтайя не слишком хорошо разбирала клинопись, но могла даже во мраке поставить на мягкую глину печать своего мужа. Когда дощечки будут обожжены, она заставит дру-

гих писарей снова прочитать письма, после чего одно отправится по назначению, а другое — в дворцовый архив. Доверять кому бы то ни было глупо.

Писарь понес дощечки на обжиг. Черное небо промеж двух стен каньона усеивали яркие блестки звезд. Скьяр расположился на островах, между которыми с тихим шелестом несла свои воды река. Тут и там Салтайя различала точки света — горели лампы и свечи. Внизу бурлила покрытая шапками белой пены быстрина, и звезды отражались в неподвижной воде маленьких озер.

— Следующий, — сказала она.

После того, как ей несколько раз прочитали письма, она знала их почти наизусть.

Тонкий голос Ларта стал похож на писк летучей мыши.

— Благородный лорд крови пишет: «Города Найанома и Пьярета готовы нарушить клятву верности. Привезите их заложников, и я объясню правителям, что нужно быть тверже в своих решениях. Надеюсь, эти слова порадуют миледи».

Они ее не слишком порадовали. Стралг имел в виду нечто вроде: «Я призову отцов и заставлю смотреть, как убивают их детей». Временами ее брат вел себя, как настоящий дурак. Страх поначалу рождает ужас, и Стралг считал, что так будет всегда. Увы, он ошибается. Неоправданная жестокость приводит к оцепенению, затем к ярости и наконец к мести. Кроме того, свежие войска требовались ему гораздо больше, чем пленники, которых он мог бы мучить; провести за сезон через Границу можно лишь ограниченное количество людей.

— Отложим это послание... Что в следующем?

Салтайя ждала, расхаживая по террасе, которая представляла собой небольшую нишу, вырубленную в скале. Ей нравилось чувствовать холодный камень под босыми ногами. Откуда-то издалека донесся грохот фургона. Скоро начнут вопить особо трудолюбивые петухи.

Ларт прочел:

— Благородный лорд крови пишет: «Дож Селебры всегда был верен клятвам, но его здоровье пошатнулось. Если я уйду из Мионы, Селебра вновь начнет играть важную роль. Пришлите одного из заложников, чтобы он правил городом, когда дож умрет. Надеюсь, эти слова порадуют миледи».

Стралг никогда не был особенно честен, даже с ней. «Если я уйду из Мионы» означало «если меня прогонят из Мионы». Или даже «*когда* меня прогонят из Мионы». Допуская такую возможность, он на самом деле ее предсказывал. Интересно, где находится эта Миона?

Война шла не так, как им хотелось — этого уже никто не скрывал. Сначала веристы не встретили сопротивления, и убивать непосвященных было детской игрой для свирепых животных. Стралг покорил Флоренгию быстрее и легче, чем Вигелию. А затем допустил ошибку — всего одну, но одна царапина может убить человека, и этот просчет начал гноиться, точно рана в животе. Если сейчас он говорит, что Селебра вновь будет играть важную роль, значит, он рассматривает возможность поражения. Селебра контролировала путь домой, в Вигелию, поэтому умирающего дожа следовало заменить на такую же надежную марионетку.

Салтайя легко вспомнила детей из Селебры, — они были первыми заложниками и с тех пор несколько раз привлекали ее внимание, особенно когда при весьма странных обстоятельствах погиб Карвак Храгсон. Один мальчик точно умер, а остальные уже давно не дети. Известно, что юноши ненадежны, поэтому выбор естественным образом падал на девочку. Заложница уже достигла брачного возраста, и ее можно отослать домой с подходящим мужем, который будет править городом, а ее займет заботами о детях. Два брата станут соперниками и претендентами на высокое положение. Значит, их следует убрать, но прежде надо отправить ее за Границу.

— Пиши. От меня сатрапу Хорольду Храгсону из Косорда. Обычное обращение. Моему храброму брату двенадцать благословений и глубочайшая любовь. У тебя содержатся заложники... Погоди!

Девочка из Селебры ведь здесь, в Скьяре! По дороге к Флоренгианской Грани она проедет мимо Хорольда в Косорде и Терека в Трайфорсе. Салтайя уже давно хотела разобраться со своими родственничками. В особенности ее беспокоил Терек, который в последнее время вел себя странно. Нет нужды ехать до самой Границы, она остановится в Трайфорсе, откуда дороги ведут к перевалам. Да, лучше самой все проверить. Она лично передаст распоряжения и избежит еще одного безумно жаркого лета в Скьяре.

— Сотри письмо. Пошли за моим мужем! Скажи ему, чтобы привел Свидетельницу.

Салтайя вытерла пот со лба. Почему она вообще мирится с этим городом, с этой раскаленной печкой? Изначально причина заключалась в том, что именно здесь Терек, старший из братьев, прошел посвящение в Герои, религиозный культ Веру. *Мать Ксаран!* Это было тридцать пять лет назад! Терек помогал и другим стать веристами, тут же, в Скьяре. И именно в Скьяре Стралг завоевал титул лорда крови, Первого вериста.

До него этот титул ничего не значил, но с самого первого дня Стралг задумал командовать всеми Героями Вигелии. Его раны еще не зажили, а он уже прогнал старейшин и прибрал к рукам деньги города, чтобы организовать свою кампанию. Всего за десять лет он добился власти над всей Гранью, веристами и непосвященными. Скьяр он сделал столицей главным образом потому, что город находился в центре страны и имел хорошие дороги. Здесь невыносимо, невозможно жить, но для него удобно. Кроме того, город очень богат и в состоянии обеспечивать всем необходимым армию и огромный правительственный аппарат.

Когда Стралг отправился покорять Флоренгию, он официально оставил управлять Вигелией своих братьев и зятя, а на самом деле передал все в руки Салтайи. Карвак умер, когда восстал Джат-Ногул. Терек, Хорольд и Эйд тут же подавили мятеж и в качестве наказания разграбили город. А больше за прошедшие пятнадцать лет ничего и не изменилось.

Она снова начала расхаживать взад и вперед, и ее мозолистые ноги с шорохом касались плиток пола.

— Дальше!

Последовало очередное письмо от Стралга с просьбой прислать еще воинов, которое она проигнорировала. Война затянулась, а Герои не возвращались, если не считать тех, кто так сильно покалечился, что уже не мог сражаться, хотя им и удалось пройти через перевал. Подготовка веристов занимала годы, поэтому посвященными становилось ровно столько воинов, сколько Терек мог провести через перевал Нардалборга за сезон. Пополнение войск подождет.

— Дальше!

Затем шло требование золота. Это было что-то новенькое. В начале кампании Стралга в Вигелию стекались целые реки трофеев и рабов. Поток начал иссякать, когда возникло сопротивление, и новая просьба означала, что появились проблемы с содержанием орды. Салтайя продиктовала письмо, которое следовало отправить во все города под управлением Эйда, и мысленно сделала заметку вызвать казначея из храма Веру, где хранилась большая часть ценностей Скьяра. Кроме того, ей придется попросить денег у местных укристов.

Интересно, почему не идет ее слабоумный муженек?.. Она прошла через занавеску в освещенную лампами комнату. Ударила волна тяжелого, удушающего воздуха. Два писаря и юноша испуганно подняли головы.

— Стража! — рявкнула Салтайя.

У дальней двери тут же появился верист, который почти полностью заполнил собой дверной проем.

— Миледи?

Она с удовлетворением отметила, что он напуган не меньше, чем писари, хотя в два раза ее больше и намного моложе.

— Где сатрап?

Юноша открыл рот, оглянулся и со вздохом облегчения отошел в сторону.

— Вот он, миледи.

Эйд вошел в комнату без оружия и босяком, его накидка была повязана вокруг тела, точно полотенце. Он всегда отличался внушительными размерами, теперь же стал в два раза больше, оброс волосами с головы до ног и напоминал быка с двумя рожками на голове и с животным запахом. Вне всякого сомнения — по крайней мере Салтайя в этом не сомневалась, — его вызвали из постели какой-нибудь женщины. Она не позволяла ему прикасаться к себе уже много лет. Он запыхался — и Салтайя обрадовалась этой демонстрации послушания.

Как только он вошел, в комнате сразу стало тесно. Писари поспешно разбежались по углам и пытались не смотреть на его ноги, которые Эйд редко оставлял голыми. Свидетельница Мэйн, шедшая за ним крошечная женщина, была полностью укутана в белую накидку, скрывавшую даже руки. Она походила на отброшенную наволочку рядом с великаном.

Эйд что-то вопросительно проворчал и зевнул.

— Я хочу знать, где находятся три заложника из Селебры.

По закону, Свидетельницы отвечали на вопросы только самого Стралга и его троих вождей, Эйда, Терека и Хорольда. Салтайе приходилось задавать все свои вопросы через них.

— Отвечай, — прорычал Эйд.

Некоторые мэйнистки потребовали бы, чтобы он повторил вопрос. Эта же оказалась более сговорчивой, или ей хотелось побыстрее вернуться в постель.

— Ни один из них не находится в пределах моей досягаемости.

— Что говорит Мудрость? — спросила Салтайя.

Мудрость — коллективное знание культа, однако ее пути — часть таинства, секрет, известный лишь в Монастыре из Слоновой Кости в Бергашамме.

— Отвечай, — потребовал Эйд.

— Девушка отправилась в глубь страны, в поместье своего опекуна в Кирне. У нас нет никаких оснований думать, что Бенард Селебр покинул Косорд, и что Орландо Селебр не в Нардалборге.

— Укрист Вигсон здесь, в Скьяре?

— Да. Работает в своей конторе.

Как правило, Свидетельницы не выдавали лишних сведений, если их не спрашивали, но эта была молодой и, судя по всему, хотела выслужиться.

Хорошо. Салтайя уже хотела отпустить обоих, когда проснулась ее врожденная осмотрительность.

— Первый заложник из Селебры, самый старший... расскажи о нем.

— Он умер, — сказала женщина в белом.

— Ты подтверждаешь, что он прекратил свое физическое существование в общепринятом смысле этого слова? Ты не использовала слово «умер», придавая ему какое-то особое значение, принятое среди последователей вашего культа?

Она уже не раз ловила их на полуправде.

— Мальчик Дантио Селебр умер четырнадцать лет назад от шока и потери крови, его сердце остановилось. Так говорит Мудрость. Вам сообщали об этом три раза.

— Ты можешь идти. — Салтайя кивнула сатрапу. — И ты тоже, милый. Только пришли мне командира охоты Перага Хротгатсона. У меня для него поручение.

— Сама за ним посылай. — Эйд поплелся за прорицательницей.

— Нет, — сказала Салтайя. — Ты *пойдешь* и *приведешь* его.

Муж замер на месте, и на мгновение ей даже почудилось, что придется использовать силу, но он сдался и вышел, цокая ногами по полу, точно копытами.

Значит, решено. Она сама доставит девушку в Трайфорс. Разумеется, не на колеснице. Тряска, пыль, жара и дождь не для Королевы Теней. Они поплывут по реке.

ГЛАВА 4

Старейшая проснулась с осознанием того, что умирает. Смерть пронизывала все ее существо, точно ползучие растения, стремительно распространяющиеся по лесу. Что бы ни думали простые люди, Свидетельницы Мэйн не предсказывали будущее; это слово стало их особой шуткой, напоминанием о том, что богов нельзя подчинить собственной воле. Благословением прорицателей было знание, и Старейшая понимала: ей не суждено встать с постели. Это факт, а не пророчество. У нее уже похолодели руки и ноги, они ей больше не принадлежали.

Она лежала не шевелясь, стараясь успокоить слабое, неровно бьющееся сердце. Упрекая себя за страх. Ругая за печаль. Она бы хотела еще многое сделать, но смерти на такие вещи наплевать. Ей следовало быть благодарной за эти несколько мгновений — дар священной Мэйн. Старейшей Свидетельнице всегда дается право на прощание, чтобы она могла назвать имя преемницы. Некоторым позволяют уйти после особого благословения богини.

Поистине, Мэйн одарила ее долгой жизнью! Она была Старейшей материнского дома в Монастыре из Слоновой Кости города Бергашамма и, таким образом, Старейшей из всех Свидетельниц на Вигелианской Грани. Она уже состарилась, когда много лет назад стала наместницей богини. В былые времена ее звали Ночная Птица, но за прошедшие годы это имя ни разу не произнесли вслух. Ее правление нельзя было назвать простым; пожалуй, оно оказалось самым тяжелым, и она до сих пор сомневалась, верный ли сделала выбор. Мудрейшая из детей богини не могла оценить, правильно ли прожила жизнь. Впрочем, об этом можно не волноваться. Очень скоро богиня ответит на ее вопросы и разрешит все загадки.

Пятна солнечного света на стене указывали на то, что еще очень рано. Попрощавшись со старыми, многое повидавшими на своем веку камнями и посеребренными утренним светом балками, потертыми ковриками, которые она сама связала много лет назад, Старейшая вспомнила, что слепа. Она постепенно слепла с возрастом, но едва это замечала, потому что смотрела на мир глазами богини, и он был ярче и четче, чем прежде. Лежа на смертном одре, Старейшая заглянула на кухни, в прачечную и кладовые; в трапезную, где послушницы расставляли миски с завтраком; в большой ткаческий зал, где творились дела богини. Поля за стенами она уже не видела, потому что начала терять зрение.

Ей нужно было срочно собрать членов ее Руки, однако дары Мэйн не включали способность к призыву. Впрочем, последовательницы культа умели не только видеть. Священное число обозначало пять Граней мира, пять чувств, пять даров, пять пальцев. Сестры делились на Руки — пять отчитывались непосредственно перед Старейшей, у каждой было еще пять послушниц и так далее. Все приближенные Старейшей сейчас находились на месте, и они к ней придут. Острота их зрения зависит от важности события, а ее уход имеет огромное значение.

Она тем временем должна подумать о преемнице, потому что та, чье имя она произнесет, будет много лет управлять жизнью культа. Веристы не доживают до старости. Даже если они не погибают в сражениях или драках, суровые требования, которые ставит перед ними бог, приводят к ранней смерти. Юные воины гордятся своим выбором и тем, что предпочли славу долгой жизни, однако в таком возрасте еще плохо понимают, какую цену им придется заплатить. Стралг погибнет, и зло уйдет.

Ей хотелось откашляться, чтобы прогнать боль, но это потребует слишком много сил. У нее столько нет.

Стралг, Стралг! Неужели чудовище ее переживет? Священный Сьену решил в свое время пошутить: Свидетельницы Мэйн и Герои Веру получили новых правителей в один день. Ее имя назвала умирающая предшественница. Как Веру сообщает о своем выборе — тайна; скорее всего это происходит во время смертельного поединка.

Примерно через двадцать шестидневок Стралг явился с визитом в Бергашамм. Такова была его прихоть, решение, принятое в последний момент, иначе Свидетельницы знали бы о его намерении. Он шел с войском мимо города и вдруг решил окружить монастырь. Он вошел один — перелез через закрытые ворота, сорвал дверь с петель и заявился во внутреннее святилище, большой зал, куда вправе заходить только Свидетельницы.

Помещение было темным, с высоким потолком, — Свидетельницам не требовался свет, а из больших окон дул ветер, который повредил бы гобелены. Из Бергашамма прорицательницы отправлялись в мир, чтобы Свидетельствовать. Именно сюда они приносили собранные знания, ткали из них огромные гобелены, сохраняя таким образом историю. За работой они пели, вплетая в свое творение мелодию и прославляя богиню.

Старейшая находилась в большом зале, когда туда ворвался Стралг. О его появлении, разумеется, уже знали. Пение сменилось криками ужаса, и вскоре Старейшая осталась одна. Она

стояла неподвижно, в белом одеянии посреди окутанной мраком комнаты, усилием воли заставляя себя не обращать внимания на мерзкий запах зла.

Стралг был тогда еще молод и силен — порочно красив и высокомерен до безумия, раз осмелился силой ворваться сюда, в дом мира. Он выставлял напоказ шрамы на руках и ногах. Старейшая видела еще более страшные следы драк и сражений под черной накидкой; глаза его горели лихорадочным огнем, ведь он не успел оправиться от своего последнего ранения. Многочисленные схватки со смертью ничему не научили Стралга: от него веяло жестокостью и безрассудством. При желании он мог бы в одиночку перебить всех в монастыре, прибегнув к помощи своего жуткого бога.

У него был великолепный голос, наверное, самый красивый мужской голос из всех, что ей довелось слышать.

— Да, я Старейшая из Свидетельниц. Ты свет Веру, пролившийся на Вигелию.

— Мне нужна твоя мудрость.

Она чувствовала в нем жажду крови и не сомневалась, что сейчас умрет.

— Единственный мудрый совет, который я могу тебе дать, Кулак, состоит в том, что лучшим воинам не нужно сражаться. Используй свою силу, чтобы установить мир, а не развязать войну. Священный Демерн говорит нам, что мы должны защищать слабых, а не притеснять их.

— Демерн? Мой бог Веру! — Стралг схватил свернутый законченный гобелен и разорвал его в клочья. — Я пришел за мудрым советом, Старейшая! Глупости меня не интересуют. Герои Веру разделены. Они спорят из-за догматов, из-за собственных амбиций, даже из-за политики. Купцы нанимают веристов и посылают их сражаться друг с другом. Я объединю последователей культа.

Старейшая молчала, умоляя богиню дать ей сил и смелости вынести то, что ее ждет. В Бергашамме было очень мало мужчин и ни одного воина, к тому же Стралг окружил монастырь.

— Все веристы мне подчинятся. Я назначу правителей, чтобы следили за порядком в городах, а над ними поставлю своих братьев — сатрапов. Они будут править Вигелией от моего имени. И тогда установится мир, война закончится. Ты должна меня поддержать. Ты мне поможешь.

Она произнесла слова, которые сама считала собственной эпитафией:

— Никогда. Дела мира нас не касаются. Мы отказываемся от него по отдельности и сообща, дабы искать знание ради знания. Мы не имеем права вмешиваться в события и делиться мудростью с другими. Этот закон мы выполняем на протяжении стольких поколений, что и сами не в силах их сосчитать. Многие сестры погибли в страшных мучениях за отказ помогать тирану, своей смертью являя народу, что их правитель — недостойный человек.

Он ответил на ее вызов радостной, почти мальчишеской улыбкой.

— А не бывало ли так, что тиранам вдруг становилось известно, что их враги вооружены безупречным знанием об их слабостях и сильных сторонах?

— И такое случалось.

— «И такое случалось»! На бóльшую ложь ты вряд ли способна. Ты регулярно отвечаешь перед Свидетельницами.

— Они — единственное исключение. Мудрость не будет процветать без мира и порядка. Когда речь идет о преступлениях, мы свидетельствуем и сообщаем все, что нам известно, тем, кто судит от имени и по законам священного Демерна.

— Отныне твои прорицательницы будут служить мне.

— Нет.

Ее сердце исполнилось страха, потому что разум вериста пропитала кровь, и он задумал ужасное.

Стралг улыбнулся и ушел.

Вскоре он прислал головорезов, которые забрали пятерых Свидетельниц.

На следующее утро изувеченные тела вернули. Разумеется, все прорицательницы видели, что происходило в его лагере ночью. Затем он забрал еще десятерых. И тогда Старейшая поняла, что Стралг Храгсон уничтожит их орден, но не сдастся.

Ее единственная надежда родилась из благословения богини, ибо она видела, какое отвращение переполняло Героев, приходивших за новыми жертвами. Двадцать убитых, затем сорок... Подданные Стралга были не так жестоки и свирепы, как лорд крови, но возмущение, о котором молила Старейшая, в них не проснулось. Веристы гневались на нее, ведь это она вынуждала их убивать, зато их преданность Стралгу лишь крепла. На пятый день они забрали восемьдесят жертв, а потом ворвались в кладовые, вытащили оттуда бесценные гобелены и сожгли их. На следующее утро, когда остальные Свидетельницы лежали без чувств от страха, Старейшая вышла к нему.

Они встретились под проливным дождем на размытом поле, где пахло кровью и смертью, а безмолвное войско наблюдало за ними издалека. Трупы восьмидесяти Свидетельниц грузили на телеги.

— Итак, тряпки тебе дороже жизней? — насмешливо спросил Стралг. — Может, мне поджечь и ваши здания?

— Мы сдадимся, — сказала она. — Но не полностью.

Он громко и искренне рассмеялся.

— Еще как полностью! Иначе вы умрете. Неужели ты думаешь, что я не могу взять два раза по восемьдесят или сжечь твой монастырь?

— Тогда ты уничтожишь наш культ. Нас будет слишком мало, чтобы собрать необходимые знания.

Стралг показал ей волчий оскал.

— Значит, он не достанется никому! Сегодня я подожгу ваши кладовые. Сдавайся или умри, женщина.

— Выслушай мои условия. Мы будем отвечать на твои вопросы, но лишь на твои. Ты же не хочешь, чтобы твои воины обладали всеми знаниями?

Он прищурился, обдумывая ее слова.

— Мудрые слова. Свидетельницы будут отвечать моим командирам. Я доверяю им, как самому себе.

— Тебе и четырем твоим командирам.

Она почувствовала его ликование.

— И больше никому!

— Больше никому. Мы также сохраним нашу анонимность, обычаи и одеяния. Запрети своим людям причинять нам вред.

Он равнодушно пожал плечами, довольный одержанной победой.

— Где командир Снирсон и сколько с ним веристов?

— Снирсон умер от ран шесть дней назад. Его войско распалось.

Стралг вновь рассмеялся, потому что он уже знал это.

— И еще, — сказала Старейшая. — Мы не станем сами сообщать вам сведения. Мы будем только отвечать на вопросы.

Это ему понравилось меньше — Стралг все-таки был умен. Равновесие в его сознании сдвинулось в сторону смерти и ужаса.

— В таком случае вы будете помогать моим врагам.

— Я уже дала слово, что нет.

— Вы поможете им своим молчанием.

— Чтобы рассказать все, что имеет значение, потребуется вечность. Ты хочешь, чтобы шестьдесят сестер целыми днями отвлекали тебя разговорами? Если ты спросишь, замышляет ли какой-то верист дурное, мы ответим на твой вопрос, но пре-

дупреждать тебя не станем. Только святой знает все. Таковы мои условия. Прими их или убей всех.

Стралг колебался, сердито рассматривая возможность бойни. Затем, охваченный нетерпением и счастливый от своей победы, он принял ее условия. И хотя уступки были незначительны, никому прежде не удавалось переубедить это чудовище.

Так была заключена отвратительная сделка. И культ, состоявший главным образом из любопытных старух, стал самым серьезным оружием деспота. До появления Стралга Первый верист был всего лишь номинальной фигурой, не имеющей власти над веристами за пределами своего города и района, а лорды крови, пытавшиеся расширить границы владений, умирали очень молодыми. Прорицательницы помогли Стралгу завоевать и удержать безграничную власть на территории всей Грани, они выдали ему бессчетное число повстанцев, которых ждала жестокая месть. И все это время они утешали себя тем, что однажды у него отнимут власть, но долгожданный момент так и не наступил и не наступит, пока черное сердце Стралга не перестанет биться.

Старейшая уже давно приняла решение и менять его не собиралась. Пусть под древним обычаем повиновения зрел гнев, следовало назначить преемницу, которая пойдет по выбранному ею пути и напишет ту же историю на следующей дощечке. Именно такой преемницей должна стать ЛеЭмбер. Да, она молода, ей нет и пятидесяти, зато она дождется смерти лорда крови.

Другой возможной кандидатурой была Молчальница. Она старше, однако слишком безрассудна; она поднимет Свидетельниц против Стралга и таким образом рискнет всем. Ее фракция твердит, что зло гораздо больше Стралга и страшнее самого Веру; порожденный им ужас будет жить и после его смерти. Старейшая не приняла их доводы, ведь нет никаких доказательств того, что сестра Стралга — Избранная Ксаран. Настоящего подтверждения этому и быть не может, а последо-

вательницы Мэйн имеют дело с фактами, не с теориями или псевдопророчествами.

Солнечный свет дрогнул. Ее Рука должна поспешить, иначе будет слишком поздно. Трапезную уже окутали тени, которые наступали и сгущались. Она почти умерла.

И тем не менее... что делать, когда нет твердых фактов? Если боги не дают уверенности, разве смертные не должны действовать, основываясь на опыте, взвешивая возможности и учитывая то, что им не известно? Если Свидетельницы намерены разорвать соглашение со Стралгом, сейчас самый подходящий момент: он стареет, он далеко, все еще пытается завоевать Флоренгианскую Грань, как когда-то подчинил себе Вигелию. За пятнадцать лет успех сменился поражением. Если ЛеЭмбер ошибается, а Молчальница права, тогда именно сейчас нужно разорвать договор с чудовищем. Что это — легендарное провидение уходящей Старейшей, или всего лишь пустые размышления умирающей старухи? Неужели она ошибалась все эти годы?

Очень тихо появились все пять Свидетельниц. Они молча собрались вокруг нее, встав на колени около кровати, взяв ее за руки, чтобы утешить: Роза, Индиго, Корица, Колокольчик и Ива. Двое из них были почти ее ровесницами, а Иве едва исполнилось сорок. Их объединило горе, и общая печаль была так сильна, что вскоре слепые глаза Старейшей наполнились слезами. Они разделяли ее боль, зная, что теперь ее сущностью стала смерть.

— Ты можешь говорить, матушка? — прошептала Роза. — У тебя есть для нас какие-то особые слова? Заговорит ли с нами леди Мудрости, когда ты испустишь свой последний вдох?

Разумеется, заговорит. Ох, как же я раньше не поняла, что должна передать им ее слова!

— Плетение, — сказала она, — сегодня плетение!

Свидетельницы смутились, потому что не замечали очевидного.

В попытке объяснить непосвященным то, как они чувствовали мир, мэйнистки были вынуждены изъясняться метафорами. Они говорили о ткачестве, о мозаике, о рисунках. Об узлах, точках пересечения, едва заметных прикосновениях к рулю, при помощи коего боги управляли миром — одна снежинка вызывала лавину; сокровенный миг, когда муж прикасался к жене в тишине ночи, давал жизнь великому мудрецу или чудовищу, а в другую ночь та же женщина могла зачать совсем иное дитя. Свидетельницы очень обрадовались, когда им открылось понятие «плетения». Оно означало важное событие или действие, которое приведет к результатам, противоположным их пророчествам. Аналогия, естественно, относилась к нити: она доходит до края полотна и поворачивает назад, чтобы создать рисунок.

— Сегодня? — переспросила Роза. — Какова его природа?

— Она уезжает! — Старейшая из последних сил прошептала: — Его сестра... уезжает... в Трайфорс...

— Сестра? Но где случилось плетение, матушка? Скажи нам!

Почему они сами ничего не видят?

— Скьяр.

Она ощутила удовлетворение. Скьяр находился слишком далеко, чтобы здешние Свидетельницы его увидели. Однако скоро оттуда придет весть, которую вплетут в полотно истории, чтобы о ней узнали все. Судя по всему, это очень важное событие, раз сама леди Мудрости снизошла до того, чтобы о нем упомянуть.

Старейшая почувствовала новое присутствие. За ней пришла Древнейшая, пора уходить.

— Мы смиренно сохраним новое знание, — сказала Корица, как всегда выступив вперед. — Но кто станет Ее голосом с этих пор? Назови имя, матушка!

ЛеЭмбер, которая будет хранить условия договора и дожидаться, когда падет тиран?

Или Молчальница, твердившая об ужасном мраке за спиной Стралга? Ее последовательницы вызовут ярость тирана. Неужели Старейшая должна признать, что ошибалась всю свою жизнь? Нет, только не это. Сегодняшнее плетение спасет ее от позора.

— ЛеЭмбер, — прошептала она.

Она уловила их гнев, похожий на физический удар.

Как смеют они сомневаться и задерживать ее в такую минуту? Почему не чувствуют присутствие Древнейшей?

— Ты сказала ЛеЭмбер, матушка?

Да. Пусть они почувствуют ее твердую уверенность. Разумеется, это должна быть ЛеЭмбер! Договор необходимо сохранить.

Теперь она может уйти. Она все сделала. Освободившись от обязательств, Свидетельница Ночная Птица, Старейшая, упала в мягкие руки Матери.

ГЛАВА 5

Френа Вигсон правила колесницу по длинному склону — копыта мерно стучали, колеса подпрыгивали на ухабах, визжали оси, тихонько поскрипывал кожаный пол. Френа держала поводья в одной руке, а другой ухватилась за перила и согнула колени, чтобы они принимали на себя толчки. Это в теории, а на самом деле она болталась, как тряпка в руках прачки. Колесница неслась вперед, и ее волосы, точно знамя, развевались на ветру. Блаженство!

— Что за деревня там, впереди? — Ей пришлось кричать.

— Биттерфилд, госпожа! — крикнул в ответ Верк. — Жалкое местечко.

В жизни мало что может быть прекрасней, чем ранним утром править молодыми онаграми, особенно когда ветер вот так треплет волосы — если, конечно, они правильной длины. Од-

нако это не самое подходящее время для разговоров. На ровной дороге — да, но здесь вообще не было дороги. И путешествие могло многому научить.

Ее сопровождал Верк, старший стражник отца. Он держался за поручни так легко и уверенно, что даже не побелели костяшки пальцев. Его нисколько не трясло, лишь сокращались равномерно мышцы предплечий.

— Скажи ей, чтобы сбавила скорость! — завопил Альс из другой колесницы, мчавшейся за ними.

Если бы он ехал немного подальше, ему бы не пришлось дышать пылью, которую поднимала Френа, но он не слишком хорошо владел мечом и старался держаться рядом с Верком. Братья были невероятно похожи друг на друга — пока молчали. Стоило им открыть рот, как все становилось ясно.

— Сбавить скорость? — переспросила она.

— Мрак и Ночь любят побегать, — сказал Верк. — Если они не перегреются, с ними все будет хорошо.

Тактичный ответ, потому что сейчас Френа никак не могла исполнить просьбу Альса. Если она натянет вожжи, онагры испугаются и поранят рты. Ей не хватало сил справиться с тормозным рычагом, а просить помощи у Верка она не стала бы ни за что на свете. Мрак и Ночь уверенно мчались вперед, точно пара горных козлов, а колесницу специально для нее делал лучший мастер в Скьяре.

Каменистые холмы вывели их к чаше долины с полями скудных хлебов. Френа совсем не знала этой дороги. Обычно она путешествовала по северной, однако в письме отца говорилось, что лучше отправиться по южной. Почему — непонятно.

— Биттерфилд? Эти земли принадлежат отцу! — Она слышала название деревушки в перечне его владений. — Что-то здесь припозднились с посадками.

Ей следовало остановиться и поговорить со старостой: им невредно будет знать, что Хорт Вигсон за ними присматривает.

— Дожди пошли слишком поздно, — пояснил Верк.

Френа не очень хорошо знала Верка — командир домашней стражи большую часть времени проводил рядом с ее отцом. Он оказался приятным спутником, симпатичным и с хорошо поставленной речью. Отец нанял близнецов незадолго до того, как Френа уехала в Кирн, чтобы провести лето среди холмов, как поступали все здравомыслящие богатые люди.

Колесница была слишком тесной для двоих, и они сидели очень близко друг к другу. Из-под бронзового шлема Верка свисали длинные косы, которые подпрыгивали, когда колесница наскакивала на ухабы; ветерок играл золотыми волосами у него на руках. Он был одет в кожаную кольчугу до колен, отделанную бронзовыми пластинами; та разогрелась на солнце и пахла стражниками, что надевали ее прежде. В этом не было вины Верка, но запах напоминал о его близости. Свободной рукой он придерживал ножны на боку, и при каждом толчке Френа, хотела она того или нет, касалась ее своей обнаженной рукой.

К счастью, Френа всегда умела держать чувства под жестким контролем. С точки зрения романтических увлечений, ее не интересовал простой стражник, человек, готовый рисковать жизнью ради того, чтобы жить и столоваться в богатом особняке. Ну, а Верку хватало ума флиртовать, не питая каких бы то ни было иллюзий.

Он посмотрел на нее сверху вниз, и в его необычных темно-голубых глазах загорелся веселый огонек.

— Госпожа, если треснет ось или отвалится колесо, позаботьтесь о том, чтобы сломать шею не только себе, но и мне.

— Ты решил покончить жизнь самоубийством? За тобой охотятся разъяренные мужья?

— Мужья меня не пугают, в отличие от недовольного хозяина.

— Мой отец мягкий, любящий человек, невероятно великодушный и щедрый с теми, кто на него работает.

— *Ай-ай!* Это правда, госпожа, но еще говорят, что он страшен в гневе, когда слуги плохо исполняют свои обязанности.

— Неправда. Назови хотя бы один пример!

— Квера.

— Кто? — с сомнением спросила Френа.

— Квера. Говорят, он велел посадить ее на кол.

— Вранье! Кто мог такое сказать? Наверняка ужасный мастер Пакар!

Верк пожал бронзовыми плечами, не глядя на нее и больше не улыбаясь.

— Ты при этом не присутствовал, — ледяным тоном проговорила Френа. — А я все видела, хотя мне было тринадцать! Эту ужасную женщину наняли ночной сиделкой для моей матери, когда ее избили. Мама умерла. Отец мог высечь и прогнать Кверу или обвинить ее в небрежности, однако он ничего подобного не сделал. Я видела, как он вышвырнул ее на улицу собственными руками! Она заслужила более сурового наказания, но даже суд не приговорил бы ее к *колу*. На кол насаживают лишь самых опасных преступников.

— *Ай-ай!* Говорят, золото звенит громче, чем грохочет гром.

— Предательство! Святотатство! Все Судьи в Скьяре — Голоса Демерна. Свидетельницы Мэйн давали показания. Ты обвиняешь посвященных этих культов в том, что они получили от моего отца взятки? Или что он их запугал?

— А кто откажется маршировать под бой золотого барабана?

Это уже опасные разговоры, а не пустая болтовня. Слуга не должен так говорить о своем хозяине.

— Если мой отец выигрывает суд, это потому, что он прав.

— О, я не хотел оскорбить хозяина, дорогая леди! Прошу простить глупость бедного стражника. Каждый, кто носит меч в стране веристов, рожден дураком.

— Скажи ей, чтобы ехала медленнее! — снова крикнул Альс.

Он начал отставать, и его окутали клубы пыли, поднятые колесницей Френы. Альс был глуп.

Верк — нет.

Хорт Вигсон любил одинаковые вещи — ожерелья из жемчуга, корабли, целые улицы, а теперь вот нанял двух похожих как две капли воды стражников. Чтобы не отставать, его дочь завела себе пару черных онагров, очень редких и дорогих. В конце концов это исключительно полезное приобретение, а стражники — своего рода украшение, живые бронзовые статуи. Верк и Альс стояли рядом с Хортом, когда он принимал важных посетителей. Они сопровождали его в тех редких случаях, когда он отправлялся к кому-нибудь с визитом. В остальное время стражники в основном не давали прохода служанкам.

Вчера он отправил их в Кирн охранять Ферну. Дощечка, которую они привезли, треснула, но прочитать текст не составило труда. Печать на ней не вызывала сомнений — она явно принадлежала отцу; домашний писарь прочитал ей то, что передали на словах стражники: Френа должна немедленно вернуться домой, в Скьяр, а близнецы будут ее сопровождать. Там не говорилось, зачем она нужна отцу, и это ее разозлило.

Френа не хотела надолго задерживаться в городе. Летом там стояла невыносимая жара, как в парилке, а Кирн, расположившийся на дальней стороне холмов, был настоящим благословением. Сейчас там собрались все ее друзья — они катались на лодках, купались, охотились на птиц в болотах, устраивали гонки на колесницах. Разумеется, большими компаниями. Женщинам необходимо заботиться о своей репутации, а за очень богатыми молодыми людьми следует хорошенько приглядывать. Все ее друзья были богатыми, хотя ни одна из старых семей не могла сравниться с семьей отца. Впрочем, в Кирне не только развлекались. Френа следила за появлением на свет ягнят и

посевами. Сегодня она должна была руководить давно запланированным расширением гумна и печи для сушки хмеля.

— Объясни, что ты имел в виду!

Верк хлопнул себя по боку, словно у него там что-то зачесалось.

— Если бы Квере заплатили за то, чтобы она причинила вред вашей матери, вы бы просто выбросили ее на улицу?

Колесница поехала медленнее, дорога стала ровнее, а онагры начали уставать.

— Ты намекаешь, что мою мать убили в собственном доме?

— Кто-то пытался убить ее за пределами вашего дома, госпожа. И мог заплатить Квере, чтобы та завершила начатое.

Френа никогда об этом не задумывалась. Но она *действительно* видела, как отец вышвырнул глупую женщину из дома. Что подразумевает Верк? Прикрыв рукой глаза от солнца, он принялся разглядывать деревню, маячившую впереди.

Дорога была едва видна, и Биттерфилд представлял собой разбросанные вокруг родника земляные хижины. Наверняка под одной из соломенных крыш скрывался храм Светлых, а под другими — сараи для скота. Отвратительное зрелище! Как можно мириться с такой смертельно скучной жизнью в дыре, где единственное занятие — следить за тем, чтобы скот не пробрался на поля? Однако эти земли принадлежали ее отцу, как и большинство земель вокруг Скьяра, и жители деревни с радостью встретят Френу, предложат ей ягодные конфеты, мед и сливки, а дети станцуют и споют. Она осмотрит деревню и расскажет счетоводам отца о нуждах селян.

Только вот в домах никого не было. У основания скалистого холма, возле которого росло несколько чахлых фруктовых деревьев, на расстоянии пары выстрелов из лука, проходила какая-то церемония. Толпа показалась Френе на удивление большой для такого маленького количества домиков.

— Что происходит? Праздник летнего солнцестояния?

— Что-то вроде, — нахмурившись, пробормотал Верк.

— Наверное, они просят богов послать им дождь. Давай посмотрим.

Френа натянула поводья, заставив онагров повернуть. Колесница помчалась по полю в сторону толпы.

В середине поля под деревом стоял мужчина с поднятыми вверх руками, словно молящийся Светлым. Толпа собралась вокруг него полукругом, ближе всего дети, по внешнему краю взрослые. Голоса накатывали, точно океанские волны на берег, но Френа не узнала песню или молитву, которую они произносили.

— Что они все-таки делают?

Верк не ответил, и на его лице появилось напряженное выражение, когда он принялся разглядывать толпу.

— Какому богу молятся крестьяне? — Даже девушка из города должна была бы знать такие вещи. — Священному Веру, наверное? Он ведь бог бурь.

Продолжая рассматривать толпу, Верк пробормотал:

— Не Веру, госпожа. И они не крестьяне.

— Тогда священному Укру?

Все знали, что ее отец посвящен в таинства священного Укра, потому что никто не мог стать *таким* богатым без благословения этого бога. Покровитель процветания и изобилия, Укр помогает крестьянам и купцам.

— Возможно, они просят Укра, чтобы он держался в стороне, — пробормотал Верк. — Но скорее всего они обращаются к священной Нале. Поворачивайте, госпожа! Это зрелище не для вас. Возвращайтесь назад — немедленно!

— Ты не имеешь права мне приказывать!

— Останови ее! — взвыл Альс, который догнал их и резко развернул колесницу.

Толпа заметила ее и повернулась, наблюдая за ее приближением. Мужчина под деревом не обращал на нее внимания... и был совершенно обнажен, только глаза прикрывала повязка.

Он был подвешен за запястья к ветке так, что ноги едва касались земли. Все его тело покрывала кровь, как будто его сильно избили.

— Что это такое?! — крикнула Френа.

— Поворачивайте назад, госпожа! — рявкнул Верк.

— Я никуда не уеду, пока не пойму, что здесь происходит! И что делают те люди?

Три человека копали яму в земле.

— Скажи ей, что черные волосы — дурной знак! — пронзительно завопил Альс.

— И черные онагры! Уезжайте отсюда, госпожа, если вам дорога жизнь. Они думают, что вы хотите его спасти.

— Я и *хочу!* Какое преступление он совершил? Кто объявил вердикт священного Демерна? Неужели эта яма — *могила?*

— Естественно, могила! — крикнул Верк. — *Не останавливайтесь!*

В толпе послышались крики, и к ним бросилось несколько человек.

— Напомни ей, что случилось с ее матерью! — завизжал Альс.

— Я не уеду! — Френа вцепилась обеими руками в рукоять тормоза; колесница дрогнула, замедлила ход, подняла тучи красной пыли, и Френу швырнуло на плетеные поручни. — Они же его убивают! Скажи им, кто я такая. Я хочу знать, что они делают с этим человеком и чем он заслужил...

— Мисси! — рявкнул Верк таким тоном, какого она от него еще не слышала, вырвал у нее рукоять тормоза и прижал его ногой. — Ваш отец поклялся богом, что насадит меня на кол, если я сегодня не доставлю вас домой целой и невредимой. Вам придется взять на себя управление колесницей, или это сделаю я.

Поскольку руки у него были длиннее, он потянулся мимо нее и схватил поводья Мрака, затем быстро взял кнут из спе-

циального гнезда и со знанием дела опустил его на спину Ночи. Онагр громко завизжал, но помчался вперед, и колесница начала разворачиваться.

Толпа взвыла и бросилась в погоню.

— Этого человека обвиняют в сглазе, госпожа. Подозреваю, он наслал проклятие на овец, чтобы у них не рождались ягнята, или задержал дождь. — Что-то ударило стражника по шлему. — Они отошлют его назад к Древнейшей, которая направила его сюда, и чьей слугой он является. — Постепенно колесница набирала скорость. — Хорошо, что мы все от него избавимся.

Толпа побежала. Они хотели разделаться с ней, как те головорезы, что убили ее мать. Черные волосы — знак Древнейшей. Чушь, разумеется. Просто флоренгиане темнее вигелиан, а Френа унаследовала от матери темные волосы и смуглую кожу. Люди мчались с дикими криками. Она не разбирала слов, но их ненависть не вызывала сомнений. Стая деревенских собак уже догнала колесницу, псы бегали вокруг, громко лаяли и щелкали зубами. Ночь и Мрак вздрагивали и пытались их лягнуть.

Окровавленный грязный мужчина под деревом был вигелианином, а не флоренгианином, значит, вовсе не цвет его кожи и волос стали причиной расправы. Возможно, он действительно хтонианин, Избранный Древнейшей.

В воздухе свистели камни, чудом не задевая Френу. Она все еще не различала слов, которые выкрикивала толпа, однако в животных воплях явно читались ярость и угроза. Френа взвизгнула, когда камень угодил ей в плечо.

— Альс! — завопил Верк. — Прикрой меня слева!

Он швырнул кнут Френе и выхватил меч.

Она хлестала онагров, криками заставляя их бежать быстрее. Упрямые животные отвлекались на собак, лягались и кусались, вместо того, чтобы броситься вперед и оторваться от преследования.

— Я все равно не понимаю! — сказала Френа как можно спокойнее.

Древнейшую, Госпожу Мрака, звали Ксаран, но это имя произносили вслух только во время священных ритуалов, чтобы ненароком не призвать ее в мир. Избранные были ее посланниками, и считалось, что они творят зло. Однако представить себе, что несчастный подвешенный несет в себе зло, было невозможно. Как невозможно поверить и в то, что эти люди вершат правосудие Демерна.

— Он принадлежит Древнейшей. — Верк принялся кричать на онагров, одновременно прикрывая Френу от камней и палок, отскакивавших от металлических пластин его доспехов и боков колесницы. — Он ее слуга. Ему завязали глаза, чтобы он не призвал зло, а еще засунули в рот кляп, чтобы не произнес заклинание. Его отправят назад, положив лицом вниз и засыпав землей. Вы хотите разделить с ним могилу, госпожа?

Верк тыкал в онагров мечом, чтобы те бежали быстрее, но камни и палки попадали и в них. Дружно издав возмущенный вопль, животные помчались вперед.

Рука Френы кровоточила, и она знала, что скоро там появится громадный синяк. Если один острый камень может причинить такую боль, что же пришлось вынести тому мужчине под деревом? Или ее матери, которую прямо возле дома захватила банда неизвестных людей и избила так, что она умерла через несколько дней? По крайней мере ее не похоронили заживо! *Кровь и рождение, смерть и холодная земля...*

Разъяренная, вопящая толпа преследовала две колесницы, которые, подпрыгивая на ухабах, с грохотом устремились прочь от проклятого Биттерфилда. Самые резвые юноши начали сокращать расстояние между ними, кое-кто сжимал в руках заостренные палки. И хотя они были тощими полуголыми пастухами с развевающимися на ветру космами, Френа предпочла бы убегать от стаи голодных котомедведей. Все знали, что

безумие насылает священный Эриандер, а не Древнейшая, но жажда крови и ненависть в глазах этих юношей были чистым злом. К счастью, онагры решили бежать, а не сражаться, и понеслись изо всех сил. Теперь лай и укусы собак только подстегивали их, заставляя мчаться вперед.

Альс несся слева от их колесницы, но преследователей он не интересовал. Им нужна была девушка с черными волосами, темными глазами и смуглой кожей. Даже жители Скьяра считали это дурным знаком, и Френу много раз публично проклинали на улицах города; здесь, в деревне, люди были еще более суеверны.

Их путешествие превратилось в настоящий кошмар, приятная прогулка обернулась необходимостью спасать свою жизнь бегством. Она снова опустила кнут на спину онагров. Двое юношей уже почти догнали колесницу и хотели схватить Френу, третий бежал рядом, оставаясь вне досягаемости Верка и пытаясь ударить его палкой. Верк отбивал атаки, но колесница постоянно качалась и подпрыгивала на неровной дороге, и защищаться было очень непросто. Если им удастся палкой раскроить Френе голову, она разделит могилу с тем мужчиной.

Ее потянули за развевающееся платье, но Верк был не настолько занят верзилой, бежавшим рядом, и заметил это. Он сделал резкий выпад, противник закричал и, истекая кровью, упал на землю.

Их начали догонять взрослые мужчины с длинными шестами, они были гораздо опаснее, поскольку пытались сломать колеса или ноги онаграм, при этом оставаясь вне досягаемости мечей.

Однако даже выносливые деревенские жители не в состоянии сравниться с онаграми. Один за другим люди отставали, без сил падая на землю. Когда последняя собака исчезла, Френа оглянулась назад, на растоптанное поле пшеницы, и убедилась, что погони больше нет. Значит, ей

ничто не угрожает и она может дать волю ужасу. Измученные онагры перешли на шаг.

— Все закончилось. — Верк обнял ее за плечи.

Неожиданно Френа поняла, что плачет. Она не знала, что потрясло ее больше — собственная слабость или его наглость. Но она позволила ему обнимать себя, поливая слезами металлические пластины кольчуги.

Колесница остановилась.

— Я вела себя как настоящая дура. Я тебя не послушалась. Извини. Я очень благодарна тебе и Альсу.

— Мы просто исполняли долг, госпожа. А заодно спасали собственные шкуры.

Она с трудом сглотнула и вытерла глаза тыльной стороной ладони, заметив, что отвратительно дрожит.

— Моя мать... С ней было два стражника, когда на нее напали.

— Этого я не знал, — проворчал Верк. — И что с ними произошло?

— Неизвестно. Сбежали, наверное.

— Пустобрехи не достойны даже объедков со стола.

Она высвободилась из его рук.

— Мой отец щедро вас наградит.

— Счастливый конец не оправдывает плохое начало, — нахмурившись, проговорил Верк.

— Ты прав. Ему лучше не знать.

— *Ай-ай!* Онагры не слишком разговорчивы, а вот Альс... Альс!

Альс безвольно висел на перилах колесницы, и брат бросился к нему на помощь.

Холмы, отделявшие озеро Скьяр от Океана, когда-то славились своими лесами и высокими болиголовами. В Аркане было записано, что надменные смертные использовали дерево для

строительства домов, которые гораздо больше подходили богам, и священный Демерн убрал все деревья до тех пор, пока люди не научатся смирению. Очевидно, этого еще не произошло, потому что Светлые не вернули деревья. Выжженные голые склоны годились лишь для горных коз, а единственным напоминанием о былом величии служили остатки громадных корней, вросших в камни.

На перекрестке Верк остановил колесницу и стал ждать, пока его догонит Френа. Он вез Альса, чью руку раздробило ударом шеста. И, хотя Верк перевязал ее ремнем от ножен, Альс страдал от страшной боли — его лицо посерело, раненая рука распухла и побледнела.

От перекрестка одна дорога шла вдоль холмов, другая спускалась вниз, к берегу, где узкая полоска ровной земли поражала своей яркой зеленью. Дальше до самого горизонта раскинулось синее озеро; над ним собирались штормовые тучи, похожие на плесень на старом хлебе.

— Там есть ранчо, где выращивают онагров, называется «У Каньона».

— Да. Оно принадлежит отцу.

Френа устала и еще не пришла в себя после случившегося в деревне. Ее мысли то и дело возвращались к разъяренной толпе крестьян и их жертве, она спрашивала себя, успели ли его закопать. Он в самом деле Избранный или так же, как ее мать, ни в чем не виноват?

— Альс очень страдает от этой тряски, — сказал Верк. — И онагры устали. Если мы оставим их там, я отвезу вас домой, а завтра вернусь и приведу подмогу.

Обычно Альс начинал громко протестовать при малейшем намеке на то, что ему придется расстаться с братом. Сейчас у него даже на это не осталось сил.

— Его отсутствие заметят, — сказала Френа. — Если доберемся до города, отвезем его в дом Синары. — Заодно она

бы залечила и рану на своей руке. Цена для дочери Хорта Вигсона не имела значения. — Я бы не хотела попусту беспокоить отца.

У него и без того столько забот!

— А еще меч, госпожа, — добавил Верк. — Стражник, который роняет дорогой бронзовый меч и забывает его поднять, — плохой стражник.

— А мы не можем заехать куда-нибудь и купить такой же?

Молчание. Верк уставился на нее, и по необъяснимой причине она вдруг покраснела до самых корней волос. Как он смеет так на нее смотреть!

— *Ай-ай!* — произнес он наконец. — Мне сегодня крупно везет.

— В каком смысле?

— Когда ваш отец меня нанимал, он заставил меня поклясться на Аркане, что я доложу ему, если кто-нибудь предложит мне подарок. Он же в свою очередь поклялся в храме Укра, что даст мне в три раза больше. Теперь я получу три меча?

— Что? По-твоему, я даю тебе взятку?! Да как ты *смеешь* меня обвинять...

Но он *посмел*, и Френа *действительно* пыталась его подкупить. Она отвернулась, не в силах смотреть в его холодные глаза. На себя она злилась гораздо больше, чем на него.

— Давай как можно быстрее отвезем Альса на ранчо.

Альсу дали настойку опия и уложили в постель, уставших онагров увели кормить и поить. Френу с почестями, полагающимися дочери Хорта Вигсона, проводили к столу. Отдохнув, она выехала на свежих онаграх, Верк снова был ее пассажиром.

— Я не пыталась доставить тебе неприятности, Верк, — сказала она, глядя на дорогу. — Просто я не хочу, чтобы отец зря волновался.

— Миледи добра, — ответил он таким ровным голосом, что она не могла понять, потешается он или говорит серьез-

но. — Я знаю одного стражника, который не сумел спасти господина, и его жена приказала его выпороть. Печальное было зрелище.

— Уверена, отец не станет тебя пороть. Я бы с радостью ничего ему не говорила. Он ужасно расстроится.

Он будет в отчаянии. Хорт, который теперь редко куда-либо выбирался, в юности проделал тяжелое путешествие через Границу, к Флорентианской Грани. Задолго до вторжения Стралга, когда на это мало кто решался. Дорога в те времена была намного опаснее, чем сейчас. Хорт вернулся с бесценными товарами, положившими основу его благосостоянию, но еще он привез с собой жену, Паолу Апицеллу, единственную любовь его жизни. Предполагалось, что у богатого мужчины непременно должны быть любовницы, иногда младшие жены, но для Хорта других женщин не существовало, даже после смерти Паолы, хотя с тех пор прошло три года. Слуги ни разу не упоминали о том, что у него кто-нибудь появился. Жестокое, бессмысленное нападение на улице Скьяра убило ее. Отец не должен узнать, что такая же толпа чуть не разорвала его дочь.

— Я сказал, не подумав, госпожа. Как мы объясним отсутствие Альса? — спросил Верк. — Мой брат не слишком умен, но я его люблю и не хочу, чтобы его выпороли.

— Хватит говорить о порке! Никто никого не порет в Скьяре. Он выпал из колесницы, когда сломалась ось.

Ложь во спасение, без злого умысла, только затем, чтобы защитить отца от ненужных волнений.

— Да, тогда накажут конюха, который закреплял колеса.

Френа возмущенно открыла рот и снова закрыла. Наверное, он прав. Все эти разговоры о наказаниях были ей в диковинку. Она никогда не задумывалась о жизни, в которой случаются подобные вещи.

— Это моя вина. Я ехала слишком быстро, и колесница Альса перевернулась, налетев на камень.

Лицо Верка, покрытое золотой щетиной, наморщилось, словно он пытался сдержать улыбку.

— Разве хороший стражник позволил бы вам такое безрассудство? Меня посадят на кол, как пить дать!

— Прекрати! Ты прекрасно знаешь, что отец никого не наказывает без суда.

— Сорок плетей для человека моего возраста, — грустно проговорил Верк. — Но кто считает? Суд все равно постановит, что могучий стражник выдержит и больше, а кто потом возьмет его на работу с такими шрамами?

— Гром напугал онагров Альса, и они понесли. Такое может случиться с кем угодно.

Верк с серьезным видом кивнул.

— Хозяин посчитает сломанную руку достаточной карой. Но я не должен был подпустить вас к тем крестьянам, так что придется мне упасть ему в ноги и молить о пощаде.

— Это же моя вина! Я не позволю тебя наказать.

— Миледи добра, — повторил Верк, но без особой убежденности в голосе.

Когда они подъехали к тому месту, где река Скьяр брала свое начало из озера, Френа передала вожжи Верку. Вскоре по обеим сторонам пропасти появились высокие стены, которые назывались Ворота Веру. Там на бесчисленных каменистых островах расположился крупнейший торговый город Вигелии. Когда река разделилась на дюжину резвых речушек, дорога свернула от берега и повела через Первый мост к Колокольному Звону, самому высокому острову Скьяра. Вскоре воздух стал слишком сырым и горячим, и Френа почувствовала себя, как рыба в густой похлебке. Верк выбрал Верхнюю дорогу к Желтому Молоку.

Весь Скьяр состоял из бесчисленного множества мостов. Некоторые нависали над водой, соединяя скалы, извиваясь и

вздыбливаясь, точно змеи. Другие, веревочные, на которых кружилась голова, повисли между каменными шпилями. А еще были узенькие мостики из простых досок, и такие, по всей длине которых стояли двойные ряды лавок и домов.

От Желтого Молока к Змеиной Шкуре и Яйцу...

Некоторые острова были широкими и относительно плоскими, другие высокими и скалистыми, с прилепившимися к их бокам и вершинам домами, похожими на грибы. Жители города считали, что любой камень, возвышающийся над поверхностью воды, годится для того, чтобы стать фундаментом, пусть даже для обычной пристани у моста, а если таких камней оказывалось три или четыре, на них вполне можно было возвести дом.

От Яйца к Излучине Лимпет...

Скьяр представляли его люди: плотники, шорники, ткачи, писари, пивовары, купцы, грузчики, священники, медники, красильщики и самые разные мастера. Среди них нередко встречались веристы в накидках, Свидетельницы в белых одеяниях, настриане в зеленых плащах и последователи других легко узнаваемых культов. Кроме того, в столице наверняка имелись представители религиозных общин, которые не требовали определенной одежды.

Скьяр был невероятно древним городом и одновременно вечно молодым, построенным из дерева по старейшим законам судостроения. Год за годом его изводила гниль, землетрясения, зимние бури или случайные пожары. Френа провела в Кирне совсем немного времени, однако заметила, что Скьяр изменился: Треугольник сгорел до самого основания, между Овечкой и Сотами наконец открыли новый мост.

Воздух был липким и затхлым, пропитанным запахами еды, отбросов и большого количества людей.

— Что ты имел в виду, когда сказал, что крестьяне будут просить священного Укра не вмешиваться? Он ведь и их бог.

Верк пожевал губу, ловко маневрируя между прилавками маленького рынка и следя за тем, чтобы Мрак и Ночь не прокладывали себе дорогу при помощи зубов.

— Я плохо подумал, мне не следовало так говорить, госпожа.

— Отвечай!

Он мельком посмотрел на нее, затем снова уставился вперед.

— Умоляю, позвольте мне не отвечать. Хозяин и так не одобрит мою болтливость.

Значит, между ними вновь появится секрет — между ней и слугой в доспехах с металлическими пластинами.

— Обещаю, я ничего ему не скажу.

Ночь выбросила вбок копыто, толкнув какую-то пухлую матрону на ее спутниц; тут же раздались громкие угрозы и ругань. Верк оказался великолепным знатоком непристойностей. Френу удивило, что, когда все улеглось, он вернулся к ее вопросу.

— В трудные времена у крестьян голодают дети, госпожа. Да и в хорошие за урожай дают не слишком высокую цену. Городская мышь всегда питается лучше деревенского быка.

— А какое это имеет отношение к Укру?

— Говорят, Укр присматривает за своими почитателями.

— В смысле?

— Понимаете, госпожа, — вздохнув, сказал он, — чтобы выжить, крестьянам приходится брать еду в долг. Те, у кого она есть, дают ее тем, кому ее не хватает. А потом они требуют долг назад и получают землю за гроши. Крестьянин становится крепостным, а его детей ждет еще более жалкая участь... так говорят, — добавил он, метнув в нее короткий взгляд.

Френу передернуло.

— Хочешь сказать, так поступает мой *отец*?

— Никак нет, госпожа! *Ай!* Стражник, который говорит, что охраняет чудовище, — плохой стражник, верно, госпожа? Кто же будет ему доверять?

Он явно над ней потешался, и Френа не решилась ответить, чтобы не выставить себя еще большей дурой. Никто из слуг до сих пор не осмеливался говорить с ней так откровенно. Верк показал ей совершенно новый взгляд на отца и, разумеется, на нее саму.

Вверх по Крутому мосту к Великому, еще выше к Отваге Оссы, над мачтами корабля к Мертвому Звонарю, потом к Живому Звонарю и по почти отвесной дороге к Храму...

— Ты действительно не знаешь, зачем отец за мной послал?

В дощечках о новых конюшнях, которые он прислал ей меньше шестидневки назад, не было даже намека на это.

— Он не поставил меня в известность, госпожа. Люди говорят, что рты умеют болтать, но не хранить секреты.

— То есть, до тебя доходили слухи?

— Ничего подобного, — твердо ответил Верк. — Даже мышь не пискнула.

Решение возникло неожиданно. Дощечка, которую отец прислал в Кирн, была с трещиной, как будто ее обжигали поспешно.

— Вчера... к отцу кто-нибудь приезжал вчера?

Верк помолчал и ответил:

— Никто, за кем он приказал бы мне присматривать, госпожа.

Его молчание стало чем-то вроде ключа к тайне. Он подталкивал ее, словно дал слово о чем-то не говорить, но хотел, чтобы она задала правильные вопросы.

— Ты сопровождал его куда-нибудь?

— Я — нет. И Альс тоже.

Тогда кто?

— Он выходил из дома?

Следующая пауза была похожа на отказ отвечать. Колесница медленно проехала по всему Ловцу Угрей, прежде чем стражник заговорил.

— Ходят толки, что выходил, госпожа.

Френа задумалась над следующим вопросом. Сколько их еще у нее осталось?

— Без своих любимых стражников?

— Вообще без стражников.

Она подумала: «*Ай-ай*», — это оказалось заразно.

— Но он никогда не выходит один!

Верк пожевал губу и в конце концов произнес:

— Ну, были еще веристы.

— *Веристы?*

— С полосами сатрапа. Позже они доставили его домой. Целым и невредимым.

— Рада слышать! — Френа не помнила, чтобы дворец когда-нибудь посылал веристов за ее отцом. Едва ли сатрап Эйд имеет отношение к этому возмутительному происшествию. Здесь явно приложила руку его жена, Салтайя Храгсдор, истинная правительница Скьяра и Вигелии. — А отец их ожидал?

— На рассвете? Да к тому же, они сорвали ставни и убили сторожевую собаку! Любой другой человек лежал бы в своей постели, но вы же знаете хозяина, он никогда не спит...

— Там было сражение? — вскричала она.

— *Ай-ай*, нет! Стражники не связываются с веристами, госпожа. Таков закон... мы даже не должны *пытаться* вступать с ними в драку.

Верк сгорал от стыда и ярости. Он и его товарищи оказались совершенно беспомощными. Ее отец говорил, что человек должен быть либо слишком глупым, либо отчаянно храбрым, чтобы вступить в гильдию стражников, потому что для веристов непосвященный с мечом хуже красной тряпки для быка. А если они решат с ним разделаться, он именно в красную тряпку и превратится.

Почему отца вчера вызывали во дворец и почему он послал за ней?

С Ловца Угрей они перебрались на Болтушку и дальше покатили по Колокольчику; Френа оказалась в знакомой обстановке, среди привычных запахов смолы, рыбы и соленой воды, грохота тележек, запряженных быками, криков морских птиц, скрипа лебедок. Между домами мелькали мачты и паруса. Переливающиеся хрустальные ручейки пресной воды, вытекающие из озера, делились и объединялись, становились шире, соленее и в конце концов превращались в каналы для кораблей — вонючие, грязные дороги к Океану.

Когда она была маленькой, их дом находился улице Рыбьи Потроха, на острове Краб, выходившем прямо в Океан. Они жили на верхних этажах, а отец держал бакалейную лавку внизу — хотя к тому времени, когда ее детские воспоминания стали более осмысленными, он уже владел соседними кварталами и расширил дело. На месте того дома давно стоят склады.

Год за годом Хорт Вигсон прибирал к рукам все больше и больше, удваивая и утраивая свое состояние и количество людей, которые на него работали. Все, к чему он прикасался, обращалось в золото. Теперь он владел всем островом Краб, кроме одного причала в северо-восточном углу. Ему принадлежала большая часть Колокольчика, прилегающего к Крабу на западе, и благодаря этому он контролировал Райский Приют, естественную гавань, настолько надежную, что она давала ему серьезные преимущества перед конкурентами. Год за годом он разрушал хибары и лачуги, строил новые склады, расширял свой особняк. Даже крошечный клочок земли в Скьяре стоил целое состояние, а окна его дома выходили в собственный сад. Он привез в него уже взрослые деревья и собирался разбить здесь зоопарк. Его жилище превосходило великолепием дворец сатрапа Эйда.

Когда онагры въехали на мост, соединявший Колокольчик с Крабом, Френа нарушила затянувшееся молчание.

— Высади меня у двери, а сам сразу же возвращайся к Альсу, Верк. С тобой ему будет лучше.

Верк удивленно на нее посмотрел и чуть не сбил с ног женщину, которая несла кувшин с водой на голове. Та сразу принялась его бранить.

— Завтра, — продолжала Френа тем же спокойным и уверенным голосом — так она по крайней мере надеялась, — ты привезешь Альса к Целителям на Болтушке. Я велю Тринвару, чтобы он отправил туда кого-нибудь с золотом и подождал вас. А сегодня вечером я расскажу отцу, что произошло, и постараюсь убедить его, что это моя вина. Обещаю, — проговорила она, почувствовав недоверчивое выражение на своем лице. — Думаю, у отца сейчас есть заботы посерьезнее, чем потерянный меч и царапина у меня на руке.

— Миледи добра, — сказал Верк.

Он не стал спорить, значит, она нашла правильное решение.

ГЛАВА 6

Бенард Селебр проснулся от острых, точно кинжалы, лучей солнца, которые пытались пробраться под его закрытые веки. Поначалу он решил, что Катрат явился его прикончить, и его сердце замерло от ужаса. Оказалось, это всего лишь Тод, его отвратительно жизнерадостный ученик, с румяным лицом и покорными глазами.

— Двенадцать благословений вам в это прекрасное утро, мастер!

— И тебе, — проворчал Бенард. — Воды!

— Сейчас, мастер! — Снова стало темно, Тод опустил парусину и помчался к колодцу.

Бенард сел и поморщился от жуткой головной боли. В соседних домах священники под крики петухов распевали утренние гимны, где-то переговаривались люди, шедшие на молитву.

Его сарай стоял в углу заброшенного строительного двора за новым Пантеоном — то был чуть ли не единственный пустой участок во всем Косорде. Его жалкое жилище представляло собой три глиняные стены с занавеской из промасленной парусины, свисавшей с балки, но зато он мог здесь работать в дождливую погоду. Внутри все было завалено глиняными моделями, фигурками из фаянса, чанами с глиной, резцами и молотками, кусками дерева, банками и мешками с краской, коробками, корзинами с разноцветными плитками, досками для рисунков и еще множеством самых разных вещей. Единственное, чему Бенард не научился от мастера Одока, так это аккуратности.

Хидди... Его тело все еще желало ее. На самом ли деле она так прекрасна, как ему показалось, или ее красота существует лишь в глазах околдованного чарами Бенарда? Напрасно он осудил девушку за служенье богине безумия. То, что представлялось ему полным разложением, могло быть лучше жизни крестьянки, без конца производящей на свет умирающих в младенчестве детей.

Бенард с трудом поднялся и начал пробираться между наваленными повсюду вещами. У него было ощущение, словно он не спал вовсе, и, по-видимому, еда ему тоже не сулит. Вчера, когда он отправился праздновать помолвку Нильса, на шнурке у него было около дюжины кусочков меди, теперь же не осталось ни одного. Даже страшная головная боль, от которой он страдал, не могла столько стоить, значит, он обеспечил ею примерно половину Косорда. Священники гораздо больше любили делать заказы, чем платить за них, однако, даже когда это случалось, деньги у Бенарда надолго не задерживались. Поэтому он существовал на то, что ему платила за обучение семья Тода: мешок муки в шестидневку. Следующего ждать только завтра.

Если Бенард доживет.

Верист Катрат был лишним и досадным осложнением в жизни человека, который хотел только одного — целыми днями работать с камнем. Бенард нуждался в малом: искусстве, искусстве и снова искусстве. Время от времени он пускался в загул, как вчера ночью. Он любил женщин, и женщины любили его; несмотря на то, что большинство его друзей были простыми людьми, порой он отдавал дань Эриандер в самых роскошных спальнях Косорда. Одну женщину он любил до потери сознания, но получить не мог. Смертельная вражда с Катратом Хорольдсоном ему нужна была меньше всего, тем более, что сомнений в том, к чьей смерти она приведет, у него не было.

Он снова поморщился, когда Тод открыл занавеску и внутрь хлынули потоки солнечного света. Бенард взял у него из рук кувшин вонючей теплой воды из колодца и с жадностью принялся пить. Тод радостно вскрикнул, найдя резец и молоток.

— Убери их, — сказал Бенард. — Мне нужна доска.

— Сейчас принесу, мастер, — скрывая разочарование, произнес Тод.

Больше всего на свете он любил целыми днями обрабатывать мрамор под руководством Бенарда, уверенный в том, что это поможет ему развить роскошную мускулатуру, которая произведет впечатление на свет его жизни, Тилию, дочь Саттараторшечника. Тод был воплощением энтузиазма, мог работать от рассвета до заката, пять дней из шести. А вот наделила ли его природа талантом художника, чтобы доставить радость Анзиэль, это уже совсем другой вопрос.

— Но сначала сбегай, спроси Транта, могу ли я снова взять у него на время его парадную набедренную повязку. И сандалии! — крикнул он, когда Тод сорвался с места, точно выпущенный из пращи камень.

Трант был его братом, шорником и относительно богатым человеком.

Бенард подвязал занавеску и, прищурившись, выглянул наружу. Косорд никогда не славился хорошим строительным камнем, зато здесь была каменоломня, где добывали мрамор пастельных тонов, отлично подходивший для изображения золотистых тел вигелиан. Сделать статую Мэйн, богини знания, оказалось легче легкого, потому что видны были только Ее руки, держащие традиционную прялку и веретено. Однако Бенард остался доволен тем, как камень отобразил скрытую под одеянием женщину — свободные складки ткани, гладкие поверхности там, где она обтягивала плечо или чуть выступающее колено, даже намек на лицо под вуалью. Мрамор казался прозрачным. Да будет благословенна богиня.

Рядом с печью для обжига стояла незаконченная статуя Синары, богини здоровья, чье тело обвивала змея, но только Бенард знал, что неотесанный кусок мрамора возле сарая — будущая фигура Веру, бога бурь и сражений, ждущая своего часа.

Когда Тод примчался из лавки Транта, Бенард копался в разбросанных повсюду вещах.

— Ты нигде не видел мою бритву? — Вигелиане плохо относились к черным бородам.

Они нашли бритву, но кусок отполированной бронзы, служивший зеркалом, им так и не удалось отыскать. В своем нынешнем состоянии Бенард в любом случае бы порезался, а потому позволил Тоду себя побрить, обдумывая тем временем — «Ой!» — визит во дворец.

— Сегодня утром на улицах полно зубов, — робко заметил Тод.

— Зубов? А, да. Ой!

Мастер обязан не только наставлять ученика в ремесле, но и подавать ему пример хорошего поведения в обществе, однако объяснить разбитые костяшки пальцев непросто. Да и скрыть похмелье тоже. Бенард поведал о том, что с ним произошло,

сделав упор на праздновании помолвки и спасении дамы, попавшей в беду. О божественном вмешательстве он не упомянул.

Тод восхищенно вскрикивал, слушая рассказ о драке.

— А вы знаете имя насильника, мастер?

— Катрат Хорольдсон.

— *Сын сатрапа?* — К счастью, Тод в этот момент точил бритву о кусок плитки, иначе от восторга он перерезал бы Бенарду горло. — Он же верист! О мастер, мастер! Ударить Героя равносильно самоубийству!

Возможно, но оно того стоило. С самого детства Бенард ждал, когда ему позволят вернуться в родной дом или убьют за чужое преступление. Теперь он мог умереть счастливым, предаваясь воспоминаниям о том, как Катрат валяется в грязи.

— Надеюсь, богиня поможет мне выпутаться из этой истории.

— Да будет благословенна Прекрасная! — озадаченно молвил Тод.

Бенард не стал ему ничего объяснять, потому что и сам не знал, как поступить. Вне всякого сомнения, ему грозит смертельная опасность. Ни один верист, тем более только что получивший ошейник, не спустит такого оскорбления. Любой другой человек бежал бы куда глаза глядят, но Бенард был заложником, которому позволили свободно жить в городе. В тот день, когда он не придет во дворец и не доложит страже о том, что он здесь, его объявят вне закона, он станет беглым преступником и любой сможет открыть на него охоту. Единственными людьми, могущими обуздать Катрата, были его родители. Леди Ингельд, несомненно, вмешается, если Бенард ее попросит, но даже мирный художник не будет прятаться за женской юбкой, да и Катрат скорее всего ее не послушает.

Он подчинится отцу, однако Бенард не водил дружбу с сатрапом. Хорольд может взять сторону подлого сына и велеть ему мстить за поруганную честь семьи, или же посчитает слу-

чившееся преступлением и прикажет выпороть виновника или заклеймить, а, может, даже повесить. Это уж какое у него будет настроение. Поскольку другие решения в раскалывающую голову Бенарда не шли, он решил рискнуть. В жизни всегда есть место надежде.

Быстро шагая во дворец в нарядной набедренной повязке Транта и чувствуя, как солнце припекает спину, Бенард ощущал себя вполне приличным гражданином общества. Он причесал свои черные кудри, смазал их маслом и завязал красной лентой, подаренной ему какой-то девушкой. Он нашел ленту пару дней назад под банкой с умброй. В руках Бенард нес доску из бальзамника, которую Тод добела отчистил для него песком.

Глиняный кирпич — штука надежная, если его не мочить, но в сильные дожди стены домов сильно страдали. Частенько они и вовсе падали, приходилось возводить их заново, из-за этого уровень улицы поднимался, и следующее наводнение грозило доставить хлопоты вашим соседям. Вот так и вышло, что за многие поколения Косорд довольно сильно поднялся над равниной. Самым высоким строением был храм священной Веслих и бронзовый навес над Ее священным огнем. Вокруг него на самых разных уровнях виднелись великолепные крыши домов, которые постепенно сбегали вниз к убогим трущобам.

Ко дворцу вели широкие ступени из кирпича, покрытого белой, красной и зеленой глазурью. Разноцветные кирпичи украшали стены; солнце сверкало, отражаясь от бронзовых колонн у высокой двери. Сразу за ними находилась комната стражи, где Бенард должен был отмечаться каждый день. За десять лет, что он был учеником мастера Одока, он забыл об этом лишь раз; неприятные последствия значительно улучшили его память.

Войско Хорольда насчитывало более двадцати шестидесяток, хотя обычно он держал в Косорде только две охоты, а остальные три находились в других городах. Его сатрапия, которая

охватывала примерно треть Грани, включала в себя много других войск, чьи командиры номинально подчинялись ему, но любой верист, ставший во главе армии, тут же падал жертвой революционных амбиций. Герои считали «мир» весьма смутным понятием. Даже летние учения назывались неудачными, если в это время не начинались беспорядки.

По сравнению с войском дворцовая стража была смехотворной: горстка престарелых калек, не годящихся для сражений, и небольшое количество кадетов. Над ними стоял командир фланга Гатлаг, которому обязан был докладываться Бенард, причем с утра и как можно раньше. Гатлаг сидел на своей обычной скамье, играл в бабки и пил пиво с тремя молодыми веристами в белых поясах и кожаных кадетских ошейниках. К полудню они задолжают ему целое состояние; к заходу солнца отыграют все назад. У Бенарда сложилось впечатление, что Гатлаг уже давно начал пить, потому что его накидка висела мятыми складками, в то время как молодые люди выглядели идеально.

Гатлаг прищурился и посмотрел на Бенарда красными проспиртованными глазками.

— Рановато, а? Небось, постель намочил, или девка тебя вышвырнула?

Он поклонился, и от этого голова заболела еще сильнее.

— Милорд, жалкий флоренгианский жук докладывает о своем присутствии, как того требует закон.

— Вчера ты был слизняком. Как заработал повышение?

— Милорд, это произошло еще до того, как меня вышвырнула девка.

Пожилые веристы встречались редко. Гатлаг Гатлагсон — его фамилия означала, что отец либо неизвестен, либо отрекся от сына — воевал с войском Косорда во времена Консорта Нарса Нарсона еще до прихода к власти Стралга. Веристы не переживали своих командиров, а командир войска Нарса погиб во время бойни. Никто не знал, как Гатлагу удалось спастись.

Сейчас он превратился в высушенную палку — совершенно лысый, с седыми волосами на груди, обвислой кожей и уродливыми красными венами на ногах. У него были искривлены пальцы и болели суставы, но он не подвергся изменению своей сущности, которую веристы называют «боевая закалка». Возраст взял свое, а значит, он мало участвовал в сражениях. И тем не менее норовистые молодые стражники слушали старого воина — все знали, что в прошлом он не раз давал звонкие оплеухи шайке Катрата, когда они переходили все границы и слишком сильно мучили юного заложника из Селебры. Если бы Гатлаг знал, что сын сатрапа вышел сегодня на охоту, он бы предупредил Бенарда, но он только закатил глаза, когда тот прихватил кусок колбасы, оставленный без присмотра кем-то из стражников.

— А это что такое? — спросил он, показав на доску.

— Рисунок. Могу я задать вопрос, господин? Я не собираюсь лезть в таинства Веру, но...

— Я бы тебе не советовал это делать.

— Конечно, господин. Вчера ночью я ввязался в спор...

— Судя по тому, как ты выглядишь, меня это не удивляет.

— Ну да, господин. Один человек сказал, будто веристы могут принимать боевую форму, стоит им захотеть, а другой заявил, что они так поступают только по велению командира. Это тайна?

Он хотел выяснить, каким способом новообращенный Катрат с ним разберется, но не собирался без необходимости рассказывать, что с ним произошло.

В комнате вдруг стало пугающе холодно. В глазах Гатлага вспыхнула угроза.

— Я советую тебе, — прорычал тот, — не лезть в чужие дела, художник. Видел когда-нибудь боевое животное?

— Нет, лорд.

— Молись, чтобы не увидеть. Для непосвященных это, как правило, смертельно опасное зрелище.

На людях старый негодяй любил выставлять себя суровым и грубоватым, наедине же держался вполне доброжелательно.

— Покажи нам свою картинку. Невеждам и дикарям не повредит окультуриться.

Бенард поклонился.

— Слушаюсь, господин.

Кадеты нахмурились, услышав эту шутку, но им хватило ума промолчать. Бенард освободил край стола и положил на него пустую доску.

— Я еще не успел ничего нарисовать.

— Рад слышать. А то я уже решил, что ослеп. — Командир фланга сунул в рот соломинку, поморщился и протянул кувшин кадету, который отправился в угол за пивом. — И новую соломинку принеси!

Даже Гатлаг не мог пить пиво прямо из кувшина, где плавала шелуха, а со дна поднимался осадок и кусочки дрожжей.

Бенард подошел к очагу и, покопавшись в холодных углях, нашел несколько подходящих кусочков. Он вернулся назад и принялся разглядывать деревянную доску, читая про себя молитву.

— Следите за ним, — прошамкал беззубым ртом Гатлаг, — если хотите посмотреть, как действует благословение бога.

— Богини! — поправил его самый крупный из кадетов. — Разве настоящий мужчина будет поклоняться богине?

Бенард больше ничего не слышал. Он вернулся в тот день, когда впервые появился в Косорде — тогда ему было всего восемь лет, но богиня одарила его прекрасной памятью. Он очень хворал и еще не оправился после тягот путешествия по Приграничным землям, где они с Орландо чуть не умерли, несмотря на то, что Дантио пытался заменить им отца и мать. Они спустились на бесцветные, печальные пустоши около Трайфорса. Жалобно плачущего Орландо оставили там. Бенарда отправили ко двору сатрапа Хорольда, Дантио увезли по реке навстречу неизвестной судьбе.

Но ему требовались не образы потерянных родных. И не Ингельд, выходившая и вернувшая его к жизни. Бенард пытался отыскать в памяти другое лицо, и постепенно оно обрело очертания, словно всплыло из белого тумана лет. Он послал свою молитву Анзиэль и почувствовал, как Ее благословение проникло в его пальцы — быстрыми движениями он набросал очертания носа, уха, зубов, более мягкими штрихами — шею и скулы. Кончиками пальцев размазал угольную крошку, получились тени... более легкими касаниями нарисовал длинные светлые локоны. Самыми темными штрихами Бенард изобразил ошейник. Получилось лицо мужчины лет тридцати, прекрасно осознающего свою привлекательность. В отличие от большинства веристов, он был гладко выбрит и носил длинные волосы. Бенарду даже удалось передать блеск его глаз, которые в жизни поражали своим ослепительно голубым цветом. В то время у него был нос с горбинкой — не похожий на крючок, как у брата, лорда крови, а великолепный нос сильного мужчины. И прекрасные зубы, что редко встретишь.

— Кровь! — пробормотал Гатлаг. — Кровь и пытки! Я и забыл.

— Почему у этого размазни ошейник вериста? — сердито поинтересовался один из кадетов.

— Это что, шутка такая? — спросил другой.

— *Кровь!* — взревел Гатлаг. — Тупые слизняки!

Все трое встали по стойке «смирно» и, точно дрессированные, дружно выкрикнули:

— Мой господин добр!

— Неужели вы его не узнали?

Они по очереди узнали изображенного человека и, не сдержавшись, выдохнули проклятия. Мужчина, которого нарисовал Бенард, был совсем не похож на сатрапа, разъезжавшего на своей колеснице всю последнюю шестидневку и праздновавшего посзящение сына. Видимо, они не до конца понимали,

что делает с человеком боевая закалка — и что она рано или поздно сотворит с ними, если на их долю выпадет много сражений. В то лето Хорольд впервые не ушел в поход. У веристов заживали самые страшные раны, но с каждым разом они становились все меньше и меньше похожи на людей. Таков был их корбан.

— Он действительно так выглядел?

— Именно, — прорычал Гатлаг. — И что ты собираешься с этим делать, парень?

— Покажу ему, — ответил Бенард. — А потом попрошу об услуге.

— Ты спятил!

— Почему?

Командир фланга недоверчиво покачал головой.

— Неужели ты думаешь, что ему понравится такое напоминание?

Бенард задумался.

— А почему нет?

Старый верист зарычал, словно сторожевой пес.

— Лучше ты, чем я, парень. Да еще в суде!

— Суд? Сегодня?

Если сатрап собирается проводить судебное разбирательство или дать кому-то аудиенцию, значит, Бенард должен поймать его прежде, чем он туда отправится, иначе у него не будет возможности поговорить с ним с глазу на глаз до того, как Катрат его найдет.

Вдалеке протрубили горны.

— *О боги!*

Бенард схватил рисунок и выскочил за дверь.

Большой дворцовый зал был пятиугольным, с балконом, который шел по всему периметру, и открытым небу центром. Стены украшали панели из яркой глазированной плитки с изображения-

ми людей и богов в красном, черном, белом и зеленом, а также массивные стелы с выбитыми на них законами священного Демерна. Бенард когда-то дружил с писарем, который пытался объяснить ему технику письма: значки, обозначавшие имена, значки, необходимые для понимания других значков, грамматические элементы, звуки... От всего этого у Бенарда отчаянно болела голова. Кроме того, древний язык был так сложен, что значение законов могли расшифровать лишь Голоса Демерна, да и те понимали их благодаря божественному провидению.

До прихода Стралга Косордом правила представительница наследственной династии, Жрица огня. Консорта выбирали из числа Голосов Демерна, но Хорольд изгнал их культ из сатрапии, потому что Голос сразу объявил бы его узурпатором. В результате, хотя только Голоса имели право озвучивать законы, Хорольд сам вершил суд, устраивая разбирательства в каждый первый день своего пребывания в городе. После заседания он принимал петиции: к нему обращались купцы, желающие заключить новые соглашения, землевладельцы с просьбами о получении титулов, горожане со своими спорами, чиновники, мечтающие о продвижении по службе, в общем, ему приходилось разрешать множество самых разных вопросов — пока у него не заканчивалось терпение. Простые люди иногда по полгода ходили к нему раз в шестидневку, пока он не соблаговолял их выслушать.

Бенард подошел к двери, когда прозвучал второй зов горна, означавший, что сатрап идет в зал. Учитывая, какая собралась во дворе толпа, шансы, что сатрап его выслушает, были ничтожны, к тому же он не мог рассказать при свидетелях о своей ссоре с Катратом. Однако тут Катрат никогда не станет его искать и, конечно, не осмелится совершить здесь убийство.

Бенард смело подошел к писарям, сидевшим за высоким столом, назвал свое имя и звание и показал печать. Он знал большинство людей во дворце, но с тех пор, как он его покинул, главный писарь сменился. Он был толст, роскошно одет,

поросячья голова гладко выбрита. Писарь выжидающе на него посмотрел, и его приторная профессиональная улыбка погасла, уступив место презрению.

— Э-э-э... — протянул Бенард. Никто не может встретиться с сатрапом, не заплатив пару взяток, а у него ничего не было. — Хм-м-м... Я могу нарисовать ваших красивых детей. Или жену.

Двое мелких писарей вдруг дружно закашляли. Толстяк нахмурился и покраснел.

— Не думаю, — сказал он пронзительным сопрано. — Подожди наверху.

Бенард умчался прочь, ругая себя за глупость. Как же он сразу не понял? Скорее боги умрут от старости, чем его вызовут к сатрапу. Сегодня вечером ему придется просить Ингельд о личной встрече с ее мужем. Наверху на балконе он заметил колонну, у которой никто не стоял, и прислонился к ней, поставив рядом свою дощечку и приготовившись к длинному скучному дню. Его похмелье следовало покрыть глазурью и обессмертить в анналах Вигелии.

Когда прозвучал последний сигнал, в зал вошли священники в ярких одеяниях, распевавшие псалмы. Бенард мог участвовать в публичных ритуалах вроде этого, отличавшегося от чувственного жертвоприношения, которого ждала от него Хидди в храме Эриандер. Стоило ему вспомнить Хидди, как его вновь охватило сильное желание. Он с надеждой подумал, что, возможно, слишком сурово истолковывает правила, и решил спросить об этом у Одока, главы их ложи и света Анзиэль в Косорде.

Темнокожие флоренгиане — пленные рабы с обрезанными ушами — втащили корзины с глиняными дощечками и поставили их позади трона. Жрица огня, которая внесла пламя (заложница по имени Сансайя), была на несколько лет младше Бенарда и тоже из Флоренгии. Он помнил перепуганную до смерти девочку, прибывшую ко двору незадолго до того, как он

поступил в ученики к Одоку; она превратилась в невероятно красивую женщину, притягивавшую взгляды всех мужчин. По мнению Бенарда, огненно-красное одеяние куда больше шло ее смуглой коже, нежели вигелианский розовый цвет. Ее черные волосы, отпечатавшиеся в его памяти, стали великолепного каштанового цвета, но это благодаря тому, что ее посвятили в Дочери Веслих. Если Ингельд решила не присутствовать на сегодняшнем заседании суда и передать свои обязанности Сансайе, значит, никаких важных дел заслушано не будет.

Священники замолчали. Сансайя остановилась возле очага, где уже были приготовлены поленья ароматного дерева, и произнесла молитву, обращенную к Веслих. Затем опустилась на колени и высыпала на них тлеющие угли из священной чаши. Огонь вспыхнул мгновенно, и повалил такой густой маслянистый дым, что она отшатнулась и чуть не потеряла равновесие. Дружный стон удивления сменился испуганным ропотом.

Как раз в это мгновение Бенард вскрикнул от боли, когда острый конец кинжала вонзился в его левую ягодицу. Он резко обернулся и увидел Катрата. Ему следовало догадаться, что первым делом сын сатрапа спросит Гатлага, приходил ли к нему заложник. Даже грандиозное сражение не могло бы заставить *так* покраснеть глаза юного Хорольдсона. С другой стороны, похмелье было сущим пустяком по сравнению с распухшей челюстью и большой шишкой на затылке. Хотя никто, казалось, ничего не заметил, пространство вокруг них расчистилось: зрители отошли, чтобы поздороваться со знакомыми и друзьями.

— Я разберусь с тобой еще до вечера, дерьмо.

— Мой господин добр. — Эта чудесная фраза могла означать все, что угодно, и ровным счетом ничего. — Благородный лорд понимает, что его раб был отвратительно пьян.

Бессмысленно. Извинения — это проявление слабости, да и ничто не может оправдать столь серьезное оскорбление, которое Бенард нанес сыну сатрапа.

— Я переломаю все твои кости, а потом сверну шею.

Скорее всего так оно и будет. Бенард был крупнее и мощнее, но не прошел необходимой подготовки и не умел вызывать в себе жажду крови. Даже если он победит в драке, Катрат примет боевую форму или позовет на помощь.

— Мой господин добр.

— Нет. — Катрат покачал головой и сморщился от боли. — Я нисколько не добр. Наслаждайся последним утром, червяк. Я подожду тебя снаружи.

Он пнул Бенарда в лодыжку и ушел.

Бенард без сил вновь прислонился к колонне. Первую встречу с Катратом ему удалось пережить. Страшнее всего было то, что Катрат мог наброситься на него, приняв боевую форму; а один зверь в состоянии уничтожить целый взвод вооруженных мечами непосвященных, не говоря уже об одиноком скульпторе.

Сатрап стоял перед своим троном, почти прямо под Бенардом. Отсюда Хорольд не производил необычного впечатления, только казался слишком волосатым и крупным. В зале суда повисла зловещая тишина, потому что Сансайя все еще стояла на коленях перед огнем. У Бенарда, который в этом не слишком разбирался, сложилось впечатление, что он горит вполне нормально. Наверняка кто-то вылил в очаг слишком много масла, и все.

У Хорольда закончилось терпение. Его голос прозвучал хрипло и злобно, как у разъяренного быка.

— И вновь я спрашиваю тебя, веслиханка! Наша великая хранительница благословляет это собрание?

Сансайя неохотно поднялась, с сомнением глядя в огонь.

— Я не... Я... — Затем она произнесла необходимую фразу: — Милорд, священная Веслих восхваляет этот дом и рада видеть всех, кто вошел в него с Ее именем на устах, да будет благословенна богиня. Аминь.

Она развернулась на каблуках и бросилась прочь из зала, окутанная развевающимися складками красно-золотого одеяния и волной каштановых волос. Вне всякого сомнения, она поспешила к Ингельд, чтобы сообщить об увиденном. Однако она произнесла слова благословения, и нужды в массовом жертвоприношении или публичном наказании не было. Заседание могло начаться.

— Аминь! — дружно выкрикнули собравшиеся, и сатрап занял свое место.

Писари уселись, скрестив ноги, на полу у него за спиной; два, сидевших ближе всего к трону, зажали в руках палочки и держали наготове дощечки со свежим слоем мягкой глины.

— Начинайте! — проревел бык.

Герольд назвал имя благородного командира охоты Дарага Квирарлсона — люди сатрапа всегда имели преимущество, их выслушивали даже прежде, чем обсуждали преступления. Дараг попросил у внушающего благоговейный страх лорда монополию на торговлю перцем в Косорде и его окрестностях на двенадцать лет, без налогов и процентов. Он не объяснил, почему он должен получить такие привилегии, а Хорольд не стал его спрашивать.

— Мы с радостью удовлетворяем просьбу храброго сына Квирарла.

Палочки писарей быстро забегали по мягкой глине. Вперед выступил хранитель печатей, что-то пробормотал касательно куриных следов на глине, потом одобрительно закивал. Дощечки тут же унесли, чтобы поместить в печь для обжига, заменив их свежими.

После Дарага свои петиции выдвинули еще два вериста, которые попросили подтвердить их право на земли, полученные ими неизвестно каким способом. На сей раз сатрап спросил, нет ли у кого-нибудь возражений, но всем хватило ума промолчать. В результате свободные крестьяне, живущие на

этих землях, а также их дети, навсегда превращались в крепостных. Записи на дощечках были проверены и одобрены.

Печать Хорольда почти ничем не отличалась от печати Бенарда: каменный цилиндр размером с фалангу пальца, с дыркой по всей длине и пропущенной через нее веревочкой; на внешней стороне картинка. Прижатая к сырой глине, печать оставляла четкий отпечаток. На агатовой печати Бенарда был изображен ястреб в полете, символ его богини; на камне сатрапа — ониксе или халцедоне — ощетинился дикий кабан. Он обладал значительно большей властью.

Следующим перед сатрапом предстал разбойник, забивший дубинкой путешественника и укравший его кошелек. Он отрицал свою вину; Свидетельница заявила, что он виновен. Хорольд даже не потребовал, чтобы зачитали соответствующий закон, поскольку все знали, что наказание за такое преступление — сажание на кол. Когда смертоносный маленький цилиндр вынес разбойнику приговор, его, плачущего, увели.

Так тянулось заседание суда. Хорольд ни разу не попросил огласить соответствующие законы священного Демерна, видимо, опасаясь, что писари не смогут их прочитать или найти нужную стелу. Вместо этого он спрашивал о прецедентах, и тогда они изучали дощечки в своих корзинках, советовались между собой, а затем сообщали ему, какое наказание его предшественники назначали за такое же преступление. На Бенарда, отчаянно сражавшегося с дремотой, это произвело сильное впечатление. Кровавый тиран умело вершил правосудие, не обращаясь к помощи богов. Бенарду немного не понравилось, что заявление о драке, устроенной бандой веристов, не заслужило внимания Хорольда, однако любой на его месте поставил бы своих братьев по культу выше непосвященных. Если не считать предвзятого мнения касательно всего, что творили веристы, сатрап принимал свидетельства прорицательницы, выслушивал оправдания обвиняемых, а затем назначал положенную кару, иногда даже слишком мяг-

кую: например, приговорив должника к рабству, он позволил его жене и детям вернуться к ее родным, вместо того чтобы продать и их.

Временами он демонстрировал жестокий юмор, хорошо знакомый Бенарду. Молодого сапожника обвинили в изнасиловании, за что обычно наказывали кастрацией. Жена и родители просили пощадить его на основании того, что он — единственный ребенок в семье и еще не произвел на свет наследника. Жертва серьезно не пострадала, не забеременела, и муж принял ее назад в свою постель. Хорольд поинтересовался схожими случаями. После короткого совещания писарь доложил, что консорт Нарс никогда не смягчал и не отменял наказание за изнасилование.

— А был ли кто-нибудь из преступников сапожником? — спросил сатрап. — Они работают сидя. Отрежьте ему лучше ноги. Тогда он не сможет гоняться за новыми жертвами. И пусть священная Эриандер благословит его брак. Следующий.

— Ступай! — сказал командир Гатлаг и оттащил Бенарда от колонны. — Я поговорил с канцлером. Ты следующий! — Он ткнул Бенарда шишковатым пальцем.

— Но...

Он не хотел... но, но, но... прижав рисунок к груди, Бенард спустился вместе с Гатлагом.

Сатрап Хорольд прервал следующего обвиняемого на полуслове.

— Сорок плетей. Следующий?

— Просьба, господин, — смущенно проговорил герольд. — Заложник Бенард Селебр.

— Заложник? — недоверчиво переспросил сатрап и прищурил маленькие звериные глазки, глядя на просителя, ползущего к нему на четвереньках. — Маленький Бена! Можешь подняться.

Это означало, что он мог сесть на корточки, а не прижиматься лицом к полу.

— Мой господин добр.

— Ты совсем взрослый.

Хорольд тоже изменился. Он всегда славился внушительными размерами, а теперь еще сильнее раздался вширь и походил на мощного быка, хотя жира у него не было. Пурпурная мантия окутывала почти весь торс, а видимые части тела заросли желтой шерстью цвета спелой пшеницы, под которой прятались ошейник и огромное количество золотых браслетов, украшавших могучие руки и ноги. Лохматые брови закрывали лоб. Сапоги скрывали явно не человеческие ноги; гордый нос с горбинкой, нарисованный Бенардом, превратился в рыло, и нижняя часть лица выступала между двумя торчащими клыками.

Чудовище вздохнуло.

— Годы идут! Мастер-художник? Поклоняешься Анзиэль? Достойный выбор.

— Мой господин добр.

Как это ни удивительно!

— Все флорентиане художники, а не воины. Так нам говорили. Как по-твоему, мой брат еще в это верит? — В свинячьих глазках загорелся опасный огонек.

— Милорд, я об этом ничего не слышал.

Флорентианская война шла далеко, и убеждения лорда крови Стралга мало волновали Бенарда.

— Заложнику стоило бы интересоваться такими вещами. Итак, чего ты хочешь?

Этот вопрос он задавал и всем остальным просителям.

— Милорд знает, — проговорил Бенард, произнеся вежливую формулу, означавшую: «Мне прекрасно известно, что вы этого не знаете», — что его жалкий слуга получил заказ на изготовление статуй Светлых для нового Пантеона.

— Помнится, священники выманили у меня кучу золота на какой-то бестолковый проект. — Сатрап нетерпеливо постучал когтями по ручке трона. — И?

— Я хотел посоветоваться насчет статуи священного Веру, милорд. Поскольку вы — свет Веру в Косорде, я подумал, что вы укажете презренному рабу, как следует изобразить вашего бога. Я осмелился принести рисунок... милорд...

Тот махнул рукой герольду, который отобрал у Бенарда доску и, опустившись на колени, показал ее чудовищу на троне. Сатрап Хорольд, с его рылом, клыками и злобными глазками, посмотрел на божественное лицо, которое принадлежало ему пятнадцать лет назад.

Он фыркнул и знаком велел Бенарду подняться и подойти к трону. Это было исключительной честью, хотя таило в себе и опасность. Гатлаг уже намекнул, что Хорольд может воспринять рисунок Бенарда слишком близко к сердцу и прикончить художника одним движением лапы.

— Когда ты это сделал? — спросил он, низко и глухо зарычав. Ему с трудом удавалось говорить тихо.

— Сегодня утром, милорд.

Древний трон Косорда был не слишком высоким, однако Бенарду пришлось задрать голову, чтобы увидеть клыки сатрапа, и ему стоило немалых усилий сдержать гримасу отвращения от его мерзкого животного запаха.

— По памяти?

— Да, милорд.

— Невероятно.

— Мой господин добр.

— Расскажи мне про новый Пантеон.

— Милорд, боги будут стоять над своими храмами...

Стоящие порознь статуи в полный человеческий рост были новшеством, заимствованным у флоренгианцев. До войны вигелиане редко осмеливались изображать богов иначе как на ба-

рельефах или в виде фаянсовых фигурок. Поскольку статуи в человеческий рост невозможно было перевезти через Границу, мастера вроде Одока и его ученики работали по рисункам, а остальное додумывали сами.

— Каковы размеры статуй?

— Священники хотели, чтобы они были в человеческий... я хотел сказать, *большими*, милорд.

Болван, каких свет не видывал!

— И что на них будет надето?

— То, что требует традиция и одобряют священники, милорд. — Бенард постарался взять себя в руки, чтобы не пуститься в длинное описание чуда, которое он собирался создать. Когда имеешь дело с деспотом, надо думать, что говоришь. — Со всеми подобающими атрибутами. Некоторые из них будут в одеждах... другие нет.

— Что будет на Веру?

— То, что прикажет милорд.

— В таком случае изобрази Веру без одежды.

Пока Бенард раздумывал над тем, как попросить защиты сатрапа на время работы, не упоминая его сына, Хорольд заговорил сам:

— Дайте ему меч... без ошейника, разумеется. — Челюсть чудовища заходила в подобии улыбки. Из пасти вывалился длинный черный язык, облизавший клыки. — В прошлом ты доставил мне немало неприятностей, малыш Бена. Что же ты натворил сейчас, раз пришел просить у меня поддержки?

Бенард не мог соврать в присутствии Свидетельницы. Он почувствовал, как во рту у него пересохло, но он все же сумел прошептать:

— Ну... ничтожнейший из слуг милорда напился и произнес... э-э-э... оскорбительные речи в адрес великолепнейшего сына милорда, храброго воина Катрата Хорольдсона, и теперь опасается за свою жизнь... милорд.

Чудовище фыркнуло и почесало за ухом кривым когтем.

— Надеюсь, что это так. И все?

— Если вам будет угодно, милорд.

— Свидетельница?

Свидетельница в белом одеянии, продолжая прясть, бесшумно скользнула к трону.

— Милорд?

— Что произошло на самом деле?

— Милорд! — взвыл Бенард. Нет, только не теперь!

— Молчать! — рявкнул сатрап.

— Художник предложил вашему сыну сразиться за женщину, тот согласился, а потом упал и потерял сознание, милорд.

Свидетельницы говорят громко, ее услышали все присутствующие в зале суда и затаили дыхание.

Хорольд засопел, несколько раз сжал и разжал кулаки; длинные черные когти, казалось, стали длиннее.

— Моему сыну? — прохрипел он. — Это отребье? *Когда*?

— До рассвета.

— Кто это видел?

— Женщина и два воина из фланга Катрата.

Бенард ждал, когда за ним придет смерть. Вопросы сатрапа выставили его самого и его наследника, посвящение которого он совсем недавно праздновал, в глупом свете. Нормальная реакция вериста на такое оскорбление — мгновенное убийство, и Хорольд задрожал от усилия, которое ему потребовалось, чтобы удержать себя в руках. Публичное насилие только ухудшит его положение, показав, как сильно он уязвлен. Его маленькие глазки оглядывали потрясенный зал в поисках насмешек. В конце концов он выдохнул и произнес:

— Да, очень интересно! А сейчас где мой сын?

— На галерее около западной лестницы, милорд.

Свидетельница прекратила прясть и заправила новую нить в прялку.

— Герольд, вызови Катрата Хорольдсона.

Бенард спрашивал себя, почему ярость Хорольда еще не повалила Свидетельницу навзничь. Неужели отец велит Катрату устроить казнь? Зубами...

— Художник!

— Милорд?

— Веру — покровитель Косорда. Ты сделаешь Ужасного вдвое выше остальных богов. И даже больше, чем вдвое.

«Но контракт со священниками...», — подумал было Бенард.

— Мой господин добр. А мрамор...

— Чего еще? — прорычал сатрап, и собравшиеся невольно попятились назад, но Бенарду оставалось только сильнее взмокнуть.

— Мраморные блоки уже вырублены или заказаны, милорд. Трудности в перевозке такого большого куска, а также в том, чтобы найти блок нужного размера без минеральных полос...

— Писарь, запиши, что заложника Бенарда необходимо обеспечить транспортом до наших каменоломен и рабочей силой, когда потребуется вырубить нужный блок, а затем доставить его назад, в Косорд — за наш счет. Сообщи страже, что ему позволено не докладывать о своем присутствии в городе, пока он будет выполнять нашу волю. Выдать ему денег... — Черные губы вновь искривила усмешка. — Нет, только не малышу Бене! Следить за расходами я пошлю кого-нибудь поразумнее.

— Мой господин добр!

Бенард даже мечтать о таком не смел! Путешествие на каменоломни может растянуться надолго, и Катрату придется ждать.

— Стража позаботится о том, чтобы ты благополучно вернулся домой. Герольд, верни ему рисунок, когда он будет уходить. — Злобные крошечные глазки на мгновение остановились

на Бенарде. — Отнеси его нашей жене. Пусть она сохранит его на память. О, а вот и мой сынок, презренная тень воина.

Поскольку его вызвали не как воина Хорольдсона, Катрат полз к трону, будто самый обычный гражданский проситель.

— Поднимайся, — велел сатрап.

— Мой господин добр. — Катрат сел на корточки и бросил смертоносный взгляд на Бенарда.

— Ты всегда гордился своей физической силой, верно?

— Милорд...

— Отвечай!

Катрат задохнулся, словно от ярости его чудом не вырвало.

— Смею надеяться, я достоин своих благородных предков, милорд.

— Девушки говорят тебе, как ты красив и силен?

— Некоторые говорят, милорд.

— Сколько их?

— Хм-м... Две? — прошептал Катрат и испуганно глянул на Свидетельницу.

— *А какая-нибудь из них называла тебя бестолковым карликом?!!* — проревел Хорольд.

Его сын вздрогнул и съежился.

— Ни одна, милорд.

— И следовало быть повнимательнее! Нашему художнику нужна модель для изображения священного Веру. Ты будешь ему позировать. Столько дней, сколько он скажет. *Голый!* Писарь, запиши мой приказ. А также отметь, что художник находится под моей защитой. Это распоряжение касается всех Героев. Никаких несчастных случаев, Катрат! И никаких побоев в темных переулках.

— Мой господин добр.

У Катрата побелели даже губы.

— Неужели? Ты опозорил Героев Косорда! Сообщи командиру охоты Квирарлсону, чтобы тебе назначили кару, и моли

его, чтобы он не унижал тебя снисходительностью. Писарь, мы в долгу перед заложником Бенардом Селебром за то, что он показал нам никчемность нашего сына. — Хорольд снял один золотой браслет. — Запиши, что мы дарим ему это кольцо в знак нашего расположения. Следующий.

Суд взорвался одобрительными воплями, льстивые придворные и просители ликовали, приветствуя несказанное благородство и щедрость сатрапа; благодарность Бенарда потонула в их криках. Он поклонился и начал пятиться прочь от трона, спрашивая себя, что делать с куском золота, который он получил в подарок.

ГЛАВА 7

Войдя в особняк, Френа Вигсон сразу же почуяла недоброе. Слуги кивали ей или падали на колени — в зависимости от занимаемого ими положения; они улыбались, а если видели рану на плече, то удивленно на нее смотрели. Однако все равно что-то было не так. Тут же позвали мастера Тринвара, управляющего, чтобы он приветствовал ее в доме.

Френа его поблагодарила.

— Доложи господину, что я вернулась. Скажи Инге, что мне немедленно нужна ванна. Пламна уже родила? Пусть принесут из хранилища мои драгоценности. Надеюсь, комнаты убраны и проветрены? Стражник Альс сломал руку. Верк завтра отвезет его на Болтушку к синаристам, чтобы они его исцелили, поэтому прошу тебя, отправь им щедрый подарок. Сегодня вечером я хочу, чтобы в нашем доме играла музыка. Моя колесница сейчас у Верка, но скажи мастеру конюшен, что левое колесо слегка покривилось. Работы по расширению крыла для слуг уже завершены?

Получив ответы на все вопросы, она поспешила в свои покои. Хорт нарушил давнюю скьярскую традицию строительства домов из дерева: особняк Вигсона был из камня, облицованного плитками, мрамором и мозаикой, снаружи и внутри. Отец постоянно что-то расширял, украшал, покупал произведения искусства. Новые красивые вещи выставлялись на видных местах, а через некоторое время их сменяли другие, еще более роскошные приобретения, и старые перебирались в менее заметные уголки дома, чуть ли не в крыло для слуг. Затем он их продавал. Хорт хвастался, что ни разу не потерял на этом денег, хотя красивые вещи были для всего лишь простым увлечением.

С тех пор, как Френа уехала отсюда, на лестнице появилось несколько скульптур в человеческий рост, вырезанных из черного дерева, и она дала себе слово рассмотреть их внимательнее, когда появится время. Неудивительно, что стоявшие здесь бесценные ашурбианские погребальные урны переместились в ее комнаты. А вот то, что ее гардероб не перенесли в другое, более просторное помещение, оказалось для нее неожиданностью. Урны сменили куда-то подевавшихся рыб из малахита.

Ее мать всегда настаивала, что спальня должна выходить в сад, но Френа предпочитала берег. Ей нравились суета, корабли, без конца входящие в пристань и покидающие ее, дюжие матросы и береговые рабочие. Океан диковинным образом отличался от суши. Он казался таким же плоским, однако не более чем в половине мензила от берега его ограничивал горизонт. Корабли исчезали *за* ним, сначала они сами, а потом паруса, или появлялись — тогда первым делом возникали паруса. Френа находила это зрелище завораживающим и необъяснимым. Она с детства втайне от всех мечтала о прекрасном моряке, который увезет ее на торговом корабле, и они будут много лет путешествовать по всему Океану, побывают в экзотических городах и на романтических островах. Отец мог дать ей корабль; загвоздка была в том, чтобы найти моряка с хорошими манерами.

Вскоре появилась Инга в сопровождении служанок с кувшинами на головах, и Френа с удовольствием погрузилась в ванну из порфира. Пламна смыла губкой с ее тела дорожную грязь, а Лили быстро разложила одежду, приготовила духи и множество других необходимых вещей. Инга нахмурилась, увидев порез у нее на плече, и предложила позвать синаристку.

— Пустяки! В меня угодили камнем. А теперь расскажите-ка мне новости.

Хорошие горничные не сплетничают, поэтому они слегка помялись, прежде чем сообщить ей все неслыханные вести, которые они для нее приберегли. Начали с того, что уже рассказал ей Верк: накануне Хорта схватили веристы сатрапа и вернули через некоторое время в исключительно взволнованном состоянии. Он даже попросил принести ему вина, хотя обычно пил только козье молоко. Верк и Альс уехали до полудня.

— Говорят, что у нас будет большой прием, госпожа! — доложила Най. — Из деревни даже привезли слуг.

С тех пор, как умерла мать, хозяйничала в доме Хорта Френа. Она устраивала самые громкие приемы в Скьяре, но и представить себе не могла, *почему* отец задумал праздник, когда все здравомыслящие люди уехали из города. Хотя это, вне всякого сомнения, объясняло, зачем он ее вызвал.

Позже Лилин, вышедшая замуж за одного из счетоводов, сообщила ей, что Хорт остановил переговоры и попросил выдать ему ссуды, что он делал, когда требовались большие суммы денег. Но ни один прием, даже самый грандиозный, не требует столько золота.

Когда Френа спустилась вниз по лестнице мимо скульптур из черного дерева, она знала все, что было известно слугам в доме, а это обычно составляло пятьдесят девять из шестидесяти важных новостей. К несчастью, она пропустила визит Высшей жрицы Бхарии, которая явилась к ее отцу в сопровождении целой свиты жриц, занимавших более низкое положение. С ними обращались как с

членами королевской семьи, и они ушли, нагруженные подарками. О чем они говорили, не слышал никто, однако слуги считали, что в ближайшем будущем зазвучат свадебные колокола. Френа была того же мнения. И готовилась к войне.

Свой роскошный кабинет Хорт обставил с таким умыслом, чтобы производить неизгладимое впечатление на посетителей. Позолоченное кресло украшали жемчуга и пластины из слоновой кости; кроме того, оно стояло на возвышении, так что его хозяин сверху вниз смотрел на всех слуг, писарей, мастеров гильдий, штурманов, купцов и конкурентов. В таком громадном зале он мог вести переговоры, не опасаясь, что его подслушают, и в тоже время по одному его знаку из дальнего конца к нему мчались писари или счетоводы. Принимая более почетных гостей, Хорт спускался и усаживался с ними у окна. Самые же важные посетители (сатрап или его жена, послы из других городов, четверо из пяти глав торговых домов, которых он считал равными себе), как правило, встречались с ним в закрытом саду.

Именно туда, на окутанную тенями поляну, и проводили Френу, по обыкновению предупредив, чтобы она не касалась листвы, когда будет входить. Узкая петляющая тропинка привела ее в маленький пятиугольный дворик, прячущийся в густой зелени. Журчание фонтанов приглушало любые разговоры, а наглый шпион мог на собственной шкуре испытать смертоносные свойства наварианских удушающих вишен.

Хорт с мрачным видом развалился в кресле и смотрел на дорожку, повернувшись боком к дочери. Она вдруг подумала, что, возможно, зря приняла так близко к сердцу его требование приехать. Может, его неприятности не имеют к ней никакого отношения и он просто нуждается в поддержке. У них ведь никого нет, кроме друг друга.

— Отец?

Он вскинул голову.

— Френа, любовь моя!

Хорт встал, чтобы ее обнять; по его неловким движениям она поняла, что у отца снова болит спина, и постаралась как можно осторожнее ответить на его объятие. Он был в обуви на толстой подошве, которую обычно надевал, принимая гостей, но Френа заметила только два стула.

Хорт Вигсон на первый взгляд производил впечатление человека непримечательного, а на второй — и вовсе незначительного: невысокий, худой, с запавшей грудью. Лысая голова в форме яйца с торчащими ушами и кучерявой бородой казалась слишком крупной для тела. Отец питался ячменным печеньем и козьим молоком, так что лишняя плоть у него свисала только под глазами цвета бледного грейпфрута. Он часто моргал, глядя на мир с грустным непониманием. Даже Френа, знавшая его лучше остальных, редко догадывалась, о чем он думает.

— Нормально доехала? Садись, пожалуйста. Ты поела? Если хочешь, можем пойти в дом... я подумал, здесь прохладнее. В городе так жарко... Когда пойдет дождь, станет немного лучше.

Он, как обычно, был чересчур тепло одет: в халат из золотой парчи с ярко-голубой отделкой.

Френа по опыту знала, что лучший способ защиты — не нападать прямо (это могло привести к яростному сражению из-за пустяков), а перейти к энергичному наступлению на флангах и исподволь нарушить установившийся порядок. Она села и отправила свою армию в бой.

— Отец, недавно до меня дошли жуткие слухи. Как будто богатые люди воруют земли у крестьян в уплату займов, которые те берут, когда им не удается собрать хороший урожай. Это правда?

Бледные глаза отца несколько раз моргнули.

— Тебя интересует, можно ли назвать это воровством? Берут ли голодающие крестьяне в долг у богатых людей? Лишают ли богатые их права пользования землей в уплату долга?

И делаю ли так я? — спросил он мягким, обезоруживающим голосом.

— А ты так делаешь?

Она развел руками в драгоценных браслетах.

— Да, мои агенты имеют право давать голодающим крестьянам в долг. Как правило, это зерно, которое те могут вернуть во время сбора урожая. Разумеется, агенты должны быть уверены, что долг им вернут. А иначе как бы мы получали назад то, что даем? Разве мои слуги должны бесплатно раздавать зерно? Так, получается?

— Ну, не совсем... Но...

Хорт редко улыбался, на его лице лишь иногда появлялось выражение терпеливого веселья. Как, например, сейчас. Френа напомнила себе, что он знает ее лучше, чем она его.

— Позволь мне вот что у тебя спросить, дорогая. Крестьянин умирает, и его шестеро сыновей делят между собой землю. Каждый из них производит на свет по шесть сыновей. И так далее. В конце концов наделы становятся такими маленькими, что уже не могут прокормить хозяев, понимаешь? Молодой крестьянин поначалу справляется, но он хочет жениться, и потом у него рождаются дети. Засуха, болезни, наводнения — такова судьба крестьянина, а дети — его проклятие. Рано или поздно он не выдержит и попросит помощи. Когда он становится должником, шансы, что ему когда-нибудь удастся выкарабкаться из этой ямы, очень и очень малы. Следует ли ему вообще брать у меня в долг? И должен ли я ему помогать?

— Ну... я не знаю.

— Не уверен, что сам знаю ответ на этот вопрос, дорогая, — грустно проговорил Хорт. — Однако, если бы я оказался на месте этого несчастного крестьянина, я бы променял свой клочок земли на что-нибудь более стоящее — скажем, на мельницу. Или на печь для обжига. Или на рыбацкую лодку. — Он вздохнул. — С другой стороны, я ведь не крестьянин.

«Конечно, ты большой умник и невероятно ловко умеешь приводить доводы!» — подумала Френа. Она потерпела сокрушительное поражение. Обычно отец позволял ей барахтаться значительно дольше.

Когда она ничего не ответила, он соединил кончики пальцев в до боли знакомом жесте.

— Разумеется, ты уже слышала от слуг, дорогая, что вчера меня вызывали во дворец. В основном по делам, но там было упомянуто и твое имя.

— Кто его упомянул? Сатрап или его ужасная жена?

«Вне всякого сомнения, Салтайя!»

Отец поморщился.

— Я знаю, нас тут никто не может подслушать, но помни, что сатрап пользуется советами мэйнисток. Они, возможно, нас видят и даже слышат. Необдуманное слово может стать причиной серьезных неприятностей, Френа.

Только не сатрап! Френа не могла себе представить, чтобы тупой старый Эйд тратил силы на такие пустяки, но от Королевы Теней можно ждать чего угодно.

— Конечно, отец. На случай, если за нами наблюдает прорицательница, я скажу, что мне очень даже нравится сатрап. Несмотря на рога, он гораздо менее отвратителен, чем другие чудовища-веристы, которых я видела в городе. — Она рассмеялась, а он нахмурился. — Не волнуйся! Я уже взрослая и хорошо понимаю, где и что можно говорить.

— Надеюсь. Речь зашла о твоем возрасте. Тебе уже шестнадцать.

— Да, знаю.

Он принялся постукивать пальцами друг о друга.

— Сатрап Эйд и его миледи жена... обсуждали городской Пантеон. Видишь ли, он разваливается, и ему требуется серьезный ремонт. Сатрап хочет его восстановить. Но стоимость...

— То есть он хочет, чтобы *ты* его восстановил? Да ты же и близко к Пантеону не подходишь!

— Он желает, чтобы я внес деньги на строительство, — с укором проговорил ее отец. — И я сказал, что с радостью выполню его волю. Если мой бог не возражает, какое тебе до этого дело?

Удивившись его недовольству, Френа кивнула.

— Извини, отец.

— Твое имя прозвучало, когда Высшая Жрица Бхария спросила, когда...

— Наверное, когда я пройду посвящение? А ей какое дело?

— Не утомляй меня, Френа. Разумеется, ей есть до этого дело. Большинство девушек произносят клятву в возрасте четырнадцати лет и даже раньше. После пятнадцати — большая редкость.

— Это среди бедняков. А богатые часто ждут еще дольше.

Церемония посвящения официально подтверждала, что девушка стала женщиной, и служила сигналом, что ее родители готовы рассматривать потенциальных женихов. В небогатых семьях свадьбу, как правило, устраивали до конца сезона. Достигшие брачного возраста девушки всегда пользовались спросом, чтобы заменить умерших во время родов жен. — Ты мне дал честное слово...

— Я *помню* свое обещание, дитя!

Френа вскочила на ноги. Он никогда не повышал на нее голос.

— Всю свою жизнь я даю и выполняю обещания, и прекрасно помню, что́ тебе обещал. Я не приму предложения, которое тебя не устроит. Боги знают, что в выкупе я не нуждаюсь. Ничто на свете не поможет мне смириться с нашим расставанием, дорогая, и я ужасно по тебе скучал, пока ты была в Кирне. Однако я не обещал, что ты сможешь вечно откладывать обряд посвящения. Ты хозяйка в моем доме, ты носишь печать, даешь указания слугам — и то, что ты еще не принесла клятву, непристойно. Почти позорно. Все это заметили.

Суровость была ему не к лицу.

— *Кто все?* С каких пор ты обращаешь внимание на сплетни? Ты ведь не ходил в Пантеон. Мама никогда не приближалась к Ужасному...

— И посмотри, чем все закончилось!

— В каком смысле?! — вскричала Френа.

Иногда Хорт казался очень маленьким.

— Как тебе хорошо известно, я не приношу жертвы в Пантеоне, потому что я генотеист. Впрочем, это известно всем. У твоей матери подобного оправдания не было. Флоренгиане поклоняются примерно таким же богам, но наши ритуалы она находила странными. И, вне всякого сомнения, не слишком старательно исполняла религиозные обязательства. Я никогда не прощу себя за то, что не предвидел, чем это грозит. Многие люди не понимали, почему она так себя вела. И делали совершенно неправильные выводы.

Френу передернуло.

— Прости, отец.

Она начала расхаживать по дворику. Обычно они подобные вещи не обсуждали.

— Теперь мне поздно себя корить, однако я должен был увидеть, что и тебе грозит та же участь. Ты без промедлений принесешь клятву. Высшая жрица Бхария согласилась лично вести церемонию, и я хочу, чтобы ты устроила самый роскошный праздник в честь этого события. Денег не жалей! Пусть весь город узнает, что ты оказала почтение Светлым.

Он начал разговор с того, что упомянул о своем визите во дворец. Затем сообщил, что на церемонии настаивает Высшая навозница Бхария, хотя она приходила к нему с визитом сегодня утром, уже после того, как он послал за Френой. Выходит, она тоже была вчера во дворце, и отец слегка подсластил пилюлю?

— Чует мое сердце, за всем этим скрывается какой-то нетерпеливый женишок. Мне придется отбиваться от сопливого

и прыщавого внука жрицы или от неотесанного родственничка сатрапа Эйда?

— Френа!

— Извини, — пробормотала она, хотя на самом деле нисколько не жалела о сказанном.

Она мечтала путешествовать, посмотреть Вигелию, а потом открыть художественную фабрику и поддерживать скульпторов и ремесленников. Богатство Хорта защищало Френу от нежелательных претендентов на ее руку, но только не от сатрапа.

— Когда должно произойти это событие?

— Мы с Высшей жрицей договорились о следующей шестидневке.

— *Что?* Ты сошел с ума! Минимум через полгода!

Хорт встал. В обуви на толстой подошве он был выше, чем она.

— Я терпелив, Френа, но заслуживаю и маломальского уважения.

— Извини, отец. Я не права.

— Твои извинения приняты. — Он ласково улыбнулся. — Тебе пора готовиться.

Да, доклад о делах в Кирне мог подождать, но Альс... Она пожалела, что сразу не рассказала о случившемся.

— Альс сломал руку, отец. Он очень страдал, поэтому мы оставили его на ферме «У Каньона», а Верк привез меня домой. Завтра он доставит его к целителям. Я попросила мастера Тринвара послать им подарок.

С тем же успехом можно было незаметно провести детеныша муфлона через стаю волков или утаить правду в присутствии укриста.

— И как же Альс сломал руку?

Френа глубоко вздохнула.

— Твоя деревушка Биттерфилд... ее жители проводили какую-то церемонию, а мы подъехали слишком близко. Им не

понравилось, что мы подсматриваем или еще что. Ну, они и давай кидаться в нас всякими предметами...

— *Какую церемонию?*

Френа отшатнулась, так потряс ее отцовский крик, а затем выпалила в ответ:

— Они хотели заживо похоронить человека!

— Нет! — Ее отец рухнул на стул, страшно побледнев. — И они решили, что его спасаете? О Френа! Как ты могла быть такой... О чем только думал Верк? *Что ты сделала с Верком?*

— Сделала? Да ничего. А что я могла с ним *сделать?* Я не имела ни малейшего понятия о том, что там происходило. И всего лишь хотела посмотреть. Верк вел себя безупречно, мы постарались как можно быстрее оттуда уехать. — Она уставилась на Хорта, в глазах которого застыл ужас. — Отец, что случилось? Тебе нехорошо?

Он облизнул губы.

— Ты должна принести клятвы, слышишь?! Должна! Через три дня, а не через шесть. И почему я этого не предвидел? Скажи Тринвару. Я напишу в Пантеон.

Она была так потрясена, что смогла лишь пролепетать:

— Три дня? Но это ведь очень...

— Три дня! — мрачно повторил Хорт. Френа поняла, что он не отступит.

ГЛАВА 8

Бенард Селебр знал, что Катрат рано или поздно ему отомстит, и теперь не сомневался, что его ждет смерть, но на какое-то время котенок лишился когтей. Радостно размышляя о том, что все рано или поздно умрет, Бенард шагал по лабиринту дворцовых коридоров. Он богат! Никогда в жизни ему не принадлежала даже крошка золота, он и мечтать об этом не

мог. Браслет, который едва сходился на могучем предплечье сатрапа, прекрасно наделся на бедро Бенарда, и теперь его скрывала набедренная повязка Транта.

Он прошел мимо стен из сверкающих разноцветных кирпичей, миновал дворики и залы и поднялся по лестницам к храму Веслих — точнее, на женскую половину, расположенную за ним. Всю дорогу он обменивался улыбками со знакомыми, останавливаясь время от времени, чтобы поговорить о помолвке Нильса и ужасах похмелья. Он даже наткнулся на мать Нильса, которая отметила его голодный вид и обещала ему роскошный ужин, если он придет к ней вечером в гости. Он обещал прийти: она все-таки вдова и страдает от одиночества.

Леди Ингельд, представительница династии Косорда, свет Веслих, пролившийся на Косорд, жена сатрапа и мать Катрата, стала приемной матерью для многочисленных флоренгианских заложников. В этой части дворца Бенард рос с того самого дня, когда его привезли в Косорд, и до тринадцати лет. В отличие от других городов Косорд не прятал представительниц королевской семьи за решетками и не ставил евнухов их охранять, однако взрослым мужчинам требовалась уважительная причина, чтобы сюда войти, и они должны были придерживаться определенных правил. Рисунок у Бенарда под мышкой — вполне уважительная причина. Но лишь боги знали, как Ингельд к нему отнесется — возможно, ее охватит невероятная ностальгия, ведь когда-то она любила это чудовище. Даже собак можно любить.

Когда Бенард приблизился к Храму, он услышал зловещий грохот литавр, означавший, что Ингельд проводит церемонию поклонения огню. Сегодня был не священный день. По всей видимости, Ингельд куда серьезнее Сансайи отнеслась к знакам, которые та увидела сегодня во дворце.

Через несколько мгновений Бенард оказался у основания пирамиды. Священный огонь под бронзовым толосом на вершине скрывала толпа жриц и прислужниц, стоявших между

колоннами; вокруг собралась небольшая толпа прихожан. Это место можно было по праву назвать истинным сердцем города (а вовсе не Пантеон или дворец сатрапа). Здесь проводились женские церемонии — заключались браки, дети получали имена — и здесь же Ингельд толковала предзнаменования.

В прошлый раз Бенард приходил в храм во время мрачных дней, следующих за праздником Демерна. Пост, воздержание и молитвы могли продолжаться один или несколько дней, а иногда и вовсе ни одного, в зависимости от погоды. Когда Ингельд видела на рассвете священную звезду Нартиаш, она снова зажигала священный огонь, объявляя о наступлении первого дня нового года и читая пророчества в языках пламени.

Бенард стоял в толпе. Он отчаянно хотел спать и охрип после разгульной ночи, и все же услышал предсказания Ингельд: осторожные, но не пугающие. Хорольд велел принести больше жертв, чем обычно, однако дал разрешение на обычный праздник. Неужели с тех пор какая-то ошибка разгневала богиню? Или Сансайя пала жертвой воображения? Разумеется, увиденное ею могло иметь отношение только к сегодняшней аудиенции, а Ингельд интересовала судьба всего города в течение целого года. С точки зрения Хорольда, утренняя аудиенция прошла не слишком удачно. Можно только догадываться, что думает о ней Катрат.

Стоя над крышами дворца и красными парусами плывущих мимо лодок, Бенард смотрел, как Врогг, самая могущественная река, прокладывает себе дорогу по равнине и исчезает вдали у так называемой стены мира. Весной Косорд превращался в остров, ведь даже когда в реке было мало воды, она стояла выше уровня равнины, так что самый обычный разлив затапливал набережные. Если этого не происходило, наступал голод. В нынешнем году разлив был вполне приличным, не слишком сильным, но каналы, пересекавшие равнину, все еще заполняла вода, и зеленые ростки уже начали появляться на полях: жди хорошего урожая.

Сверху Косорд был почти не виден. Маленькие дворики у домов походили на крошечные зеленые точки, но крытые соломой крыши сливались с грязными улицами и стенами — да и с рекой и долиной. Людей, занятых своими делами, скрывали ветви деревьев или свесы крыш, так что даже Светлые, глядящие вниз с голубых небес, могли подумать, что населен лишь берег реки, где располагались доки, рынок и главная улица.

Яркое сияние солнца слепило опухшие и больные глаза Бенарда. Прикрыв их рукой, он огляделся по сторонам и в очередной раз поразился тому, как велик мир. На востоке и севере небо окрасили глубокие синие тона; на юго-западе оно было бледным, точно пахта. Там раскинулся огромный Океан, теряющийся в синеве неба.

Пока Бенард раздумывал, дождаться Ингельд или отправиться домой спать, чей-то острый ноготь ткнул его в бок. Он опустил глаза и рассмеялся.

— Двенадцать благословений, старая матушка. — Он нежно обнял старуху.

Молит была доверенной служанкой Ингельд. На ее морщинистом лице появилась улыбка, беззубая и добрая, но не слишком широкая — не то паренек еще решит, будто все в полном порядке.

— Нам сказали, ты умер от тяжелой болезни.

— Прошло не так много времени!

— Очень много. — Улыбка погасла. — Леди велела тебе идти к олеандрам и подождать ее там.

Бенард удивился.

— Спасибо, старая матушка.

Тонкими, слабыми пальцами она схватила его за запястье. Затянутые пеленой глаза смотрели на него с беспокойством.

— Будь осторожен, дружок.

— Конечно! Я всегда осторожен.

Он отошел, стараясь никому не попадаться на глаза, но и не прятаться.

Ингельд, судя по всему, выдала эти указания до начала церемонии. Ей тогда еще не доложили, что произошло на аудиенции. Как же она узнала, что он к ней придет?

Глупый вопрос.

Зловещий ответ.

В былые времена Катрат и его банда любителей швырять камни так часто охотились на Бенарда Селебра, что тот изучил дворец как свои пять пальцев. Он выбрался на крышу, где лежали матрасы, на которых спали слуги. Оттуда он легко спрыгнул в заросший деревьями парк, куда не допускались мужчины, хотя придворная молодежь знала, что это — Место-Где-Делают-Детей. По идее его могли увидеть стражники на крыше, но они — всего лишь вооруженные люди, а не веристы, и в такую жару не слишком внимательны.

В углу росло огромное олеандровое дерево. Сжимая доску с рисунком в одной руке, Бенард подпрыгнул, ухватился за ветку другой рукой и залез наверх, спрятавшись среди листьев. Ветви переплетались с соседним олеандром, давая возможность спокойно перебраться через стену, ощетинившуюся бронзовыми зубцами. Бенард ловко приземлился в траву и оказался в еще более укромном садике, откуда направился к незаметным, но очень надежным воротам в углу.

Разумеется, они были закрыты на засов, но Бенард хорошо его знал. Положив руку на деревянную поверхность ворот, он зажмурился и обратился с безмолвной молитвой к Анзиэль, стараясь нарисовать перед мысленным взором маленький уединенный сад. Убедившись, что там никого нет, он поведал Ей о красоте, которую ищет, и попросил открыть ему путь. Это оказалось немного труднее, чем он рассчитывал, однако вскоре бронзовая задвижка сдвинулась в сторону; он осторожно открыл, а потом закрыл за собой ворота, прекрасно зная, как скрипят петли. Затем прошел по цветочной лужайке между двумя

тенистыми прудами, где задумчиво плавали в тишине золотые рыбки, и шагнул в комнату миледи Ингельд.

Она была государственным и религиозным лицом, и потому ее частная жизнь редко оставалась частной, вот почему комната была очень большой, соответствующей статусу хозяйки, и имела пятиугольную форму — знак того, что она священна. Слуги купали ее в громадной ванне из черного гранита, Ингельд стояла на специальном помосте во время аудиенций, и даже дети, которых она зачала и произвела на свет на огромной спальной платформе, принадлежали государству. Пять стройных колонн, окружавших пятиугольный очаг, соединялись под потолком, превращаясь в трубу, уходившую к высокой крыше. Несмотря на жаркий день, в маленькой жаровне Веслих тлели угли.

Невероятная красота, а также воспоминания, с ней связанные, сделали эту комнату самой любимой комнатой Бенарда во всем Додеке. Хотя стили отличались, тонкий вкус и изящество этих покоев отдаленно напоминали ему дворец отца в Селебре. Табурет из бальзамника, стол с алебастровыми кувшинчиками для мазей, инкрустированные камнями сундуки — здесь было собрано много великолепных вещиц, красоту которых подчеркивал простор. Летом тут царила прохлада, потому что одна сторона выходила на цветущий сад с шелковистыми прудами, а зимой за массивными дверями из отделанного бронзой дерева было тепло и уютно; яркие ковры покрывали холодные плитки на полу, а в громадном очаге ревел огонь, бросая вызов ледяным бурям — идеальное место для Ингельд. Мягкие циновки из шерсти горных коз устилали спальную платформу. В комнате витал едва различимый аромат Ингельд. Бенард обратил внимание на капельки воды внутри ванны и в выложенном плитками желобе, куда ее сливали. Значит, Ингельд искупалась, прежде чем отправиться на встречу с богиней.

Разноцветная глазурь украшала кирпичи стен, обрамленных на высоте плеч яркими фризами. Один из них, с изображе-

нием Двенадцати Светлых, написал Бенард, благодаря чему стал членом гильдии художников и приобщился к таинствам Анзиэль, а позже получил заказ на скульптуры для Пантеона.

Сейчас он смотрел на другую, мемориальную стену Ингельд, выполненную мастером Одоком. Центральные фигуры изображали ее давно погибших родителей, и она утверждала, что сходство поразительное. Они умерли в тот день, когда Стралг захватил город. Нарса Нарсона, последнего консорта, в соответствии с сохранившимися легендами навеки запечатлели в черной мантии, с роскошной гривой седых волос, острым подбородком и упрямым выражением на лице. Леди Тиа была в ритуальном одеянии Жрицы огня. Ингельд рассказывала, что у нее с матерью одинаковые волосы — великолепного бронзового цвета, однако технология финифтевой росписи вынудила мастера сделать их сияющего золотого цвета. Ему даже пришлось использовать формулу трех обжигов, которой, как правило, пользовались горшечники.

Сбоку от нее стояли близнецы Финар и Фитель, улыбаясь и гордясь своим посвящением в Герои и новенькими медными ошейниками. Они были на шесть лет старше Катрата и в шестьдесят на шестьдесят раз достойнее того, чтобы память о них была увековечена, хотя одного изображения вполне хватило бы на обоих. Одок едва успел достать свою работу из печи для обжига, когда они ушли на войну и погибли, так и не успев на нее попасть.

На мемориальной стене Ингельд появилась новая картина, и Бенард подумал, что заблуждениям матерей нет границ. Хотя изображение ухмыляющегося Катрата в медном ошейнике вряд ли могло украсить какую-либо комнату, даже туалет, Бенарду пришлось признать, что старый мастер превзошел себя, поскольку это явно была работа Одока. Цвета фона прекрасно сочетались с цветом кожи; каждая складка накидки идеально ровной линией пересекала стыки плиток. А когда Бенард отошел на несколько шагов, чтобы полюбоваться картиной со стороны,

он неохотно признал, что у юного дикаря действительно впечатляющее телосложение. Увеличить мышцы, чтобы они соответствовали мышцам взрослого мужчины, подправить черты лица со следами многочисленных драк, изобразить отвратительное высокомерие с таким же мастерством, как это сделал Одок... и Катрат станет прекрасной моделью для Ужасного Веру.

Охваченный отвращением, Бенард прислонил доску к стене под ногами Катрата, чтобы показать, насколько красивее был когда-то Хорольд, и подошел к спальной платформе. Сбросив сандалии Транта, он улегся на постель, и аромат Ингельд окутал его, пробудив ностальгические воспоминания, однако мерзкой вони Хорольда он не уловил. Это животное следовало держать в стойле с сухой соломой, большего он не заслужил. Бенард подумал, что Ингельд теперь не обязана исполнять роль жены чудовища, хотя задать ей подобный вопрос было немыслимо.

Он лежал и смотрел на свою работу, фриз с Двенадцатью Светлыми, и пришел к выводу, что она ему не нравится. Теперь Бенард всегда рисовал и лепил с натурщиков, а раньше полагался на воображение, и результат был грубым и неубедительным. Священная Веслих отличалась от остальных Светлых, потому что походила на Ингельд — великолепная, стройная, полная сил, точно живое пламя. Он несколько улучшил технику Одока, соединив медь с золотом, и получил более точный оттенок волос. Краски до сих пор не выцвели. Священный Веру был похож на лорда крови Стралга, каким Бенард увидел его в то страшное утро за воротами Селебры, пятнадцать лет назад. Другие боги имели едва заметное портретное сходство со знакомыми Бенарда.

Его взгляд остановился на священной Эриандер. Храм украшало изображение богини в виде непристойного сочетания двух полов, отвратительной комбинации разных органов. Бенард изобразил юношу гермафродита, закутанного в накидку, выше обычной женщины, но ниже мужчины. Никто не возра-

жал против такого новшества, даже Высший священник Нракфин, и статуя в Пантеоне должна была быть такой же. Лицо... Поскольку Бенард не знал ни одного гермафродита, он скорее всего придумал неопределенные черты, однако теперь уловил в них неприятное сходство с... Он все еще пытался вспомнить, кому они могли принадлежать, когда у него закрылись глаза и навалился сон.

ГЛАВА 9

Ингельд Нарсдор любила проводить ритуал поклонения огню по ночам, когда искры и голоса, переплетаясь, уносились к звездам в сопровождении гипнотического боя барабанов. В эти мгновения Дочери, танцующие вокруг огня, превращались в кружащиеся колонны пламени, а в мерцающих углях возникали мириады образов. Днем этот ритуал был не таким впечатляющим, хотя сегодняшние образы оказались необычно четкими и ясными. Любой дурак в состоянии увидеть в огне картины, но только наделенная божественным даром Жрица огня может понять, какие из них имеют значение, извлечь высший смысл из бесконечности возможностей.

Прорицательницы утверждали, что любое предсказание бессмысленно, потому что боги свободны, их нельзя подчинить никаким законам. В этом была доля истины, и временами Ингельд чудилось, что она видит в языках пламени шестьдесят шестидесяток танцующих образов будущего, словно Светлые вели божественный совет и спорили о своих планах. Однако мэйнистки были не совсем правы, потому что почитательницы Веслих никогда не утверждали, что они заглядывают дальше, чем полагается. Крестьянка, обращающаяся с молитвой к домашнему очагу, отличалась от Ингельд лишь тем, что последняя была посвященной высшего уровня, первой среди Дочерей

и искала знаки будущего для всего Косорда в языках священного пламени на вершине храма. Одна из них царила в хижине, другая — во дворце, но оба этих дома имели значение для священной Веслих. Если богиня хотела сообщить о своих намерениях, другие боги не вмешивались.

Прошлой ночью, следуя традиции, Ингельд возглавила последовательниц богини в молитве в святая святых храма. Необъяснимым образом она увидела Бенарда Селебра в темноте между углями, что означало грозившую ему опасность. Это ее не удивило, поскольку она не успела предупредить Бенарда о том, что его ждут неприятности. Но предзнаменования говорили еще и об опасности, которой подвергнется город, что было полной бессмыслицей. Ингельд охватило такое сильное беспокойство, что она послала слугу к нему домой. Его там не оказалось, и Ингельд не требовалось божественное провидение, чтобы догадаться, что он ночует где-то в другом месте, поскольку Бенард обладал поразительной способностью вызывать у женщин желание о нем позаботиться. На рассвете она снова отправилась в храм и увидела его. На сей раз он шел во дворец. Образы, возникающие в жаровне, не шли ни в какое сравнение с теми, что появлялись в большом очаге, поэтому она решила провести полную церемонию, отправив на совет вместо себя Сансайю и предупредив Молит, чтобы та впустила Бенарда, когда он придет.

Ей не пришло в голову, что он шел на аудиенцию к Хорольду, но уже первые истинные знаки показали его на балконе судебного зала. Предзнаменования для Косорда были ясными и четкими, каких она уже много лет не видела — окутанный сиянием ребенок, письмо в тени, лодка, иногда целая, а порой разбитая. Они являлись искрами, от которых должно было разгореться настоящее пламя, но за ними она разглядела только смятение, волнения, беспорядок и тени. Время от времени, когда возникали образы, угли сразу рассыпались, словно боги решили положить начало каким-то важным событиям и не сумели

договориться о том, к чему они приведут. Но почему везде Бенард? Куда бы она не смотрела, всюду на заднем плане маячил этот юноша. Ребенок, письмо, лодка, смерть, смерть, смерть... и все время Бенард. Почему он вдруг стал так важен?

Церемония поклонения огню одновременно отнимала у Ингельд силы и дарила возбуждение. Когда она закончилась, двое послушниц подошли ее поддержать, а сама она обратилась к взволнованной толпе.

— Я не вижу никакого страшного зла, — сказала она. — Приближаются беспокойные времена, но боги милосердны. Не забывайте о них, и беды вас минуют.

Они опустились перед ней на колени, когда она начала спускаться по ступеням; вскоре Ингельд с облегчением вздохнула, пройдя через бронзовую дверь, оставив позади ослепительное солнце и оказавшись в женской половине, где царили тени и прохлада.

К счастью, у нее имелись и другие — самые обычные — источники, из которых она узнавала, что происходит в зале для аудиенций Хорольда; старая Молит кивнула, когда Ингельд вопросительно взглянула на нее, приподняв бровь. Таким образом, она получила предупреждение, что не должна входить в свою спальню вместе со свитой.

Сказав, что ей нужно отдохнуть, она вошла в комнату одна и даже сумела аккуратно закрыть дверь, а не в ярости ее захлопнуть. Как она и опасалась, Бена растянулся на ее спальной платформе и крепко спал. Конечно, он наверняка всю ночь развлекался с какой-нибудь девкой. *Глупый щенок!* Неужели он не видит, какая опасность ему угрожает? Хорольд отнесется к этому как к сознательному вызову, а прорицательницы непременно расскажут ему о случившемся.

Она промчалась по комнате, точно огненный вихрь, намереваясь стащить его с платформы за ухо. Но решимость быст-

ро ее покинула, и Ингельд поглядела на него с удивлением, пронизанным болью. О Бена, Бена! При свете дня он не отличался красотой: слишком смугл и волосат даже по меркам флоренгиан, с широкими, как у грузчика, грудью и плечами, противоречащими его благородному происхождению. Массивное лицо походило на бастионы крепости — челюсть, лоб и скулы. Однако и в детстве, и теперь, он всегда был прекрасен во сне, когда его щеки осеняли длинные ресницы невинного младенца. Бенард мог покорить любую женщину одним взглядом этих глаз истинного художника — мягким, влажным, всевидящим.

Ингельд посмотрела на улыбающиеся с фриза лица близнецов. Если бы они остались в живых, им сейчас было бы столько же лет — они бы достигли расцвета своей силы, еще не успев узнать, как умирают мечты. Она снова перевела взгляд на Бенарда... сильного, но не агрессивного, добродушного и покладистого во многом, невероятно упрямого в остальном. Мускулы борца и нежное прикосновение бабочки.

Особенно она помнила, каким он был в то ужасное лето шесть лет назад, когда Финар и Фитель уехали из дома, чтобы присоединиться к своему дяде во Флоренгии. Хорольд отправился подавлять какое-то мелкое восстание, но известие о лавине добралось до него первым. Ингельд узнала о случившемся из письма, в котором ее муж приказал отдать Катрата на обучение к веристам, нарушив обещание, данное ей, когда она согласилась родить еще одного сына. Одним ударом она лишилась всех детей и видимости брака.

Охваченная болью и яростью, Ингельд обратилась за утешением к мальчику, в половину ее младше, даже младше близнецов, которых она оплакивала. Бенард, не задумываясь, подарил ей это утешение, хотя понимал, что оно может стоить ему жизни. Сначала она просила только поддержки богини Налы, но когда он держал ее в своих объятиях долгими ночами, полными слез, пришел священный Эриандер и предложил свою помощь, что-

бы облегчить ее боль. Если кто-то из двоих смертных и звал его, это была она, а не Бенард, хотя уже тогда он знал радости плотской любви. Он мог легко отказать ей, напомнив о ее возрасте, и о своем, и о том, что она свет Веслих в Косорде, что она проводит бесчисленные брачные церемонии и объясняет каждой невесте, как важно хранить верность мужу.

Они были любовниками целый сезон. С Бенардом она познала счастье, какого не видела в своих браках. Наверняка многие слуги догадывались о том, что тогда происходило, но вслух никто ничего не говорил, а священная Веслих не сожгла Косорд дотла.

Хорольд, разумеется, обо всем узнал. Ему только и требовалось, что спросить у прорицательницы о том, чем занимается его жена — мерзкие *сплетницы*. Грубоватый мужчина, уехавший на войну весной, вернулся осенью, превратившись в дикое существо на двух ногах. Последовавшее за этим сражение должно было стать для него таким же запоминающимся, как и прочие, в которых он принимал участие. Он назвал ее шлюхой, а она спросила, каких животных теперь будет от него рожать. В конце концов они перестали ругаться, но мира так и не заключили. Он знал, что если он причинит ей какой-нибудь вред, горожане дружно выступят на защиту Ингельд, а подавить это восстание он сможет, только разрушив город.

К счастью, Бенард был единственным в сатрапии человеком, которому Хорольд ничего не мог сделать, государственным заложником, чья смерть привела бы в ярость его брата, Стралга, или тоже хуже, их сестру. Хорольд отчаянно боялся Салтайю. Так что, не вдаваясь в обсуждения, они решили, что обойдутся без развода, Бенард останется жив, а Ингельд будет спать одна. С тех пор Хорольд ни разу не вошел в ее спальню. Что самое странное, она была замужем за лучшим из сыновей Храга, которые на его месте ни за что бы ее не простили.

Прошло очень много времени с тех пор, как на ее ложе спал мужчина.

— Бенард Селебр! — рявкнула она. — Ты дурак!

Она отвернулась и зашагала прочь от постели, охваченная внезапной яростью. Когда она снова на него посмотрела, он уже стоял на полу, слегка покачиваясь и глядя на нее сонными глазами.

— М-м? Ты же сама велела, чтобы я пришел.

— До того, как узнала, что Хорольд отправил тебя сюда!

Она прошла под аркой, вокруг ванны, снова вернулась к двери, окутанная мягкими складками своего одеяния.

Он плюхнулся назад и пробормотал, обращаясь к пальцам своих ног:

— В ваших словах не слишком много смысла, миледи.

— Идиот! Ты что, не понимаешь, как это опасно? — выкрикнула она. — Он оскорбил Катрата и запретил ему причинять тебе вред. Он одарил тебя золотом, и весь двор вопил от восторга. Он даже отправил тебя ко мне. Простак! Придурок! Безмозглый болван! Ты должен уйти. Немедленно!

И тут она заметила, как он на нее смотрит, и снова выругалась. Бенард хорошо видел знакомые признаки: она устала и раскраснелась после ритуала. Поклонение огню всегда ее возбуждало и делало уязвимой; ее мать признавалась, что с ней происходило то же самое. Хорольд, когда еще был человеком, уяснил: визит к жене после церемонии не останется без награды. Как же давно это было! И все же она пока не состарилась и не потеряла прежней пылкости, а Бенард понимал ее так же легко, как лепил фигурки из глины. Он снова встал и попытался ее перехватить.

— Ингельд...

— *Не прикасайся ко мне!* Ты что, не понимаешь, что тебя заманили в ловушку, идиот? Ты покойник, Бенард Селебр, ты мертвец! Уходи, пока не поздно.

— Ничего не понимаю.

Мир он всегда понимал избирательно.

— Он прилюдно показал тебе свое расположение, чтобы не стать вторым подозреваемым, когда тебя, разорванного на куски, найдут в навозной куче. Но именно это он и хочет сделать — разорвать тебя на части, содрать с тебя шкуру. Бенард, Бенард! Как ты мог совершить такую глупость и *бросить вызов* Катрату, а потом *победить?* В присутствии его *друзей?*

— Вопрос стоял так: или я одержу победу, или он выпустит мне кишки.

Он фыркнул, довольный собой. Большой, неуклюжий медведь!

— Молчи! А что заставило тебя явиться в суд и похвастаться тем, что ты совершил? Почему ты позволил тупой Свидетельнице вывалить правду перед всеми? И откуда она *знала* о том, что случилось? Отвечай!

В черных маслянистых глазах запрыгали веселые огоньки.

— Будь добра, определись со своими желаниями. Мне показалось, что я должен молчать. И замри уже, женщина, от тебя голова идет кругом! О боги, как же я хочу тебя поцеловать!

Она отшатнулась от него.

— *Нет!* Он спросит у этой мерзкой Свидетельницы, что ты здесь делал. Они настоящие *сучки!* Хорольд может задать вопрос про кого угодно, и они ему все рассказывают. Она свидетельствовала? Не пыталась уйти от ответа, не говорила двусмысленно?

Он нахмурился.

— Нет. То есть, да. Она свидетельствовала.

— Почему? — взвыла Ингельд. — Почему ты так важен, что даже она все о тебе видит?!

Интерес мэйнисток был необъясним, но подтверждал то, что Ингельд разглядела в огне. Этот кажущийся незначительным художник — очень важная фигура.

— Наверное, ее интересовал Катрат...

— Нет! Нет! На прошлой шестидневке он куда-то пропал во время пьянки. Хорольд спросил, где он, и прорицательницы сказали, что он вне досягаемости, что его нет во дворце. Ночью они следили за *тобой*.

— Возможно, она услышала мои мысли сегодня утром.

— Благословение Мэйн не включает дар читать мысли, только чувства. Ты должен немедленно уйти, Бенард! О, ты только посмотри на себя! Какие ужасные ногти! Ты ешь-то нормально? А это что, на твоей набедренной повязке?

— Уголь... кровь? Двенадцать проклятий! — Его гораздо больше расстроило крошечное пятнышко крови, чем предсказание смерти. — Это не моя повязка. Придется купить Транту новую.

— Я дам тебе немного меди... — Ингельд бросилась к сундуку с деньгами.

Он рассмеялся.

— Брось, мне не нужны медяки. Хорольд дал мне золото.

— Не глупи. Ты не можешь покупать одежду за золото. Вот, держи и не возражай. — Она нашла шнурок с плотно нанизанными на нее кусочками меди, большими и маленькими, и надела ему на шею. — Спрячь золото в каком-нибудь надежном месте, только не позабудь где. А теперь, прошу тебя, уходи.

Он потянулся к ней, но она успела увернуться.

— Еще рано. — Он был широкоплечим и сильным, упрямым, точно целое стадо онагров. — Ингельд, сердце мое, Хорольд не бросит судебное разбирательство и не примчится сюда, чтобы оторвать мне голову. Ты его знаешь. Если он замыслит убийство, то хорошенько его спланирует и насладится предвкушением. Он любит поохотиться.

Она открыла рот, чтобы возразить, однако поняла, что он прав. Мечтатель мог быть очень проницательным, когда хотел.

— Он знает, что произошло шесть лет назад, — продолжал Бенард. — Его ручные прорицательницы скажут, что с

тех пор мы с тобой остались друзьями. Я точно знаю, что при желании он меня в любом случае прикончит. Если бы я по этому поводу беспокоился, то сошел бы с ума много лет назад.

— Он бы *сделал* это много лет назад, не будь ты заложником лорда крови. Но рано или поздно ему такой шанс представится. Послушай. Веристы прибывают сюда с депешами от Стралга. Обычно я с ними не встречаюсь, но Хорольда не было, и мне удалось его заменить, а также подслушать сплетни. Война идет не так, как Стралг рассчитывал, Бенард. За зиму он потерял много земель. Его гонят в сторону Селебры.

Скульптор пожал могучими плечами.

Ингельд с трудом подавила желание схватить его и хорошенько встряхнуть.

— Послушай! Ты знаешь, что рабы, заложники и золото перестали поступать к нам несколько лет назад. Все больше веристов отправляется на войну, примерно двадцать шестидесяток в год. А Стралг все равно терпит поражения!

Она боялась, что Катрат будет следующим — Хорольд не станет обращать внимания на то, что написал Стралг, но лорд крови призвал всех остальных молодых мужчин из его семьи на бойню, так почему последний из них должен получить послабление?

— Ты же знаешь, меня война не интересует.

— Давно пора заинтересоваться! Твой отец все эти годы держал слово, правил городом, точно марионетка Стралга, но если флоренгианские повстанцы появятся у его ворот, все изменится.

Бенард смотрел на нее все так же вежливо и равнодушно, и Ингельд решила прибегнуть к другим, более суровым методам.

— Помнишь Томозо?

— Конечно. Хороший парень. — Его улыбка уступила место подозрительности. — А что?

— Его отец, правитель Мионы, был марионеткой Стралга, как и твой. Повстанцы Кавотти окружили город, когда в

нем находился Стралг, и подожгли его. Он потерял... — Она пожала плечами. — ...много, очень много людей. Стралг приказал Хорольду поджарить Томозо на очень медленном огне.

Бенард поморщился.

— Нет! Даже Хорольд... Он не мог!

— Правильно, — не стала спорить Ингельд. — Он обрезал ему уши и продал работорговцам.

Бенард повернулся и стал смотреть в сад, мышцы на спине напряглись, точно корабельные канаты. Ей так хотелось его обнять. Почему боги жестоки к тому, кто добр и нежен?

— Зачем? — хрипло проговорил Бенард. — Он же не сделал ничего дурного. И какой в этом толк?

— Злоба, Бенард, злоба. Тебе не дано понять, как устроены веристы, даже не пытайся. А Салтайя еще хуже. Хорольд проявил ровно столько милосердия, насколько осмелился. И это правда.

Хорольд был самым добрым из всего выводка Храга.

— Со мной он не будет милосерден, — сказал Бенард. — Если это случится, значит, так тому и быть. Я не в силах что-либо сделать.

— Я слышала, он отправил тебя на каменоломню Витерим.

— Меня и двух веристов, чтоб неповадно было. Спасибо за новости. Пожалуй, мне действительно пора.

— Это еще не все.

Он огляделся по сторонам, стараясь напустить на себя раздражение и скрыть свои истинные чувства. Может быть, старую горечь. Он никогда особенно не боялся будущего, но ненавидел, когда ему напоминали о прошлом.

— Убили еще кого-то из заложников?

— Думаю, да, но я не уверена. В Косорде никого. Я спросила курьеров про Селебру. Они сказали, что твоему отцу сильно нездоровится.

— Ингельд! — сердито вскричал он. — Мне плевать на войну, и еще меньше меня интересуют родители. Ты не забыла, что они меня отдали? Единственный человек во всем Додеке, которого я люблю, это ты. Тебя я люблю больше жизни. Ты была для меня матерью; матерью и любовницей, только тебя я хочу, но не могу получить. Я должен идти.

И он бросился в сторону сада.

— А остальные как же? — спросила она.

Он замер под аркой, не поворачиваясь — темный силуэт на фоне яркого света.

— Что с ними?

До сих пор она ни разу не видела, чтобы он проявлял даже такой интерес, настолько сильной была его боль.

— Должна сказать, что в последнее время я о них ничего не слышала. Твой младший брат, который остался в Трайфорсе с Тереком...

— Орландо.

— Он все еще был жив около года назад. Терек сюда заезжал. Сказал про него что-то вроде: «Утенок, который всюду волочится за собакой и думает, что он щенок».

— Звучит не слишком многообещающе. А Дантио умер?

— Так мне говорила Салтайя. Она не стала бы утруждать себя враньем. Если бы она сама перерезала ему горло, она бы этого не скрыла.

— А Фабия? Вонючий маленький сверток, который постоянно вопит.

— Полагаю, она уже прекратила это делать. Ее отправили в Джат-Ногул, к Карваку. Салтайя говорит, что она пропала, когда повстанцы убили Карвака. Считается, что она тоже умерла. Думаю, ты последний, Бенард, ты и, возможно, Орландо.

Ей отчаянно хотелось его обнять.

— Я даже не узнаю его, если встречу на улице. Он меня тоже наверняка забыл. — Бенард сделал шаг вперед, но тут же остановился. — А мать?

— Говорят, она исполняет обязанности твоего отца. О Бенард, послушай! Они отправят в Селебру кого-нибудь из вас на смену отцу, тебя или Орландо. Как только Хорольд узнает, что необходимость в тебе как в заложнике отпала, считай, ты мертв. Нам нужно постараться каким-то образом увезти тебя из Косорда. Я знаю, это будет трудно...

Он резко развернулся и подлетел к ней в два прыжка. Ингельд вдруг поняла, что никогда не видела в его черных глазах такой ярости. Она отшатнулась, с изумлением подумав, что Бенард может быть очень опасен.

— Не трудно, а невозможно! Боевые звери Хорольда догонят меня и прикончат. Но я готов рискнуть на одном условии.

— *Нет!* — покачав головой, сказала она.

— Да! — вскричал он. — Давай уйдем вместе. Только ты и я. Ты замужем за животным, твой сын вырос. Мы сможем отсюда ускользнуть. Если мне придется стать крестьянином и целыми днями рубить деревья — плевать!

Ингельд невольно улыбнулась. Он даже верит в то, что говорит, так уж он устроен.

— Было бы неплохо, верно? Только вот прорицательницы Хорольда расскажут ему, где мы прячемся, а еще я Дочь и должна выполнять свой долг перед очагом Косорда. Прекрасная мысль! Даже если случится чудо и мы с тобой сбежим, новые знакомые будут поздравлять меня с таким чудесным сыном и постоянно спрашивать, почему он еще не женат.

— Мне все равно.

— Сейчас — да. Сходи к нимфам, и тогда на пару дней в голове у тебя прояснится.

Она удивилась, что Бенард покраснел.

— Не пойду.

Ингельд покачала головой.

— Это чудесная мечта, но опасная и безнадежная, ее даже обсуждать не стоит.

— Я подгоню колесницу к ступеням твоего дома на рассвете.

— Я пришлю тебе девушку твоего возраста. Будь осторожен, Бенард!

Он тряхнул головой и ушел.

Ингельд пошла за ним, чтобы закрыть ворота. По дороге она остановилась полюбоваться рыбками, это часто помогало ей успокоиться.

Ингельд отчаянно хотелось закричать.

Глупый мальчишка! Как может столь проницательный человек быть таким слепцом? Он мостит улицы разбитыми сердцами и не замечает этого. Его работы вызывают зависть у остальных художников, а он готов без лишних размышлений от всего отречься. Он проходит сквозь стены, мечтая об облаках. Категорически отказывается понять, что ему грозит страшная опасность. И почему он вдруг стал так важен для Косорда? Ребенок, корабль, письмо и Бенард. Почему Бенард?

Ее муж и сын, вне всякого сомнения, хотят убить человека, которого она любит. Катрат всегда знал, что она больше любила Бенарда. Бедный Катрат! Ему так и не удалось сравняться с близнецами в глазах отца и с заложником в глазах матери.

Золотые рыбки не успокоили ее, а когда она перешагнула через порог, то увидела доску, прислоненную к стене. Тот самый рисунок, навлекший столько бед, лицо человека, за которого она вышла замуж. *Почему* Хорольд приказал Бенарду отнести его ей? Ее охватил гнев, и она произнесла проклятие. Дерево взорвалось водопадом искр и густого дыма, на пол пролился дождь пепла, и на изображении Катрата на стене появилось черное пятно сажи.

ГЛАВА 10

Терек Храгсон, брат лорда крови и сатрап Трайфорса, был светом Веру в Нардалборге — когда жил там, что случалось не так часто, как хотелось бы. Остальное время командир охоты Хет делал все, что требовалось, причем исполнял свои обязанности безупречно, но Терек постоянно искал предлог, чтобы отправиться в пустоши и провести там, где жизнь так проста, несколько дней. А набор новых кадетов — вполне уважительная причина.

Считалось, что уже наступила весна, но в стенах крепости завывала метель. Лето в этих безлюдных пустошах можно было легко не заметить, а осень и вовсе была мифом, поскольку тут не росли деревья, которые могли бы сбрасывать листья. Разумеется, скоро снег растает, а дороги станут еще менее проходимыми, но в высокогорных районах часть его наверняка останется. Плохо, потому что урожай этого года уже в пути. Первые обозы тянулись в Трайфорс, когда он оттуда уезжал.

Хет совсем недавно первым же караваном отправил прошлогодние остатки припасов; ему потребуется по меньшей мере четыре ездки, чтобы до начала зимы доставить через Границу новый урожай, и, если первые три задержатся, получится, что для последнего почти не будет времени. Хуже того, Терек подозревал, что его младший братец Стралг скоро потребует шестой. Называйте это интуицией воина; он мог поставить на свое предчувствие половину боевых наград. Продвижение каждого каравана зависело от запасов еды и топлива, сделанных, самое малое, тремя вьючными обозами. Не стоит искушать богов и слишком поздно пускаться в путь; можно потерять обоз, а у Хета нет лишних мамонтов, не говоря уже о людях. Кроме того, Стралг без конца требует новых Героев.

Защищаясь от непогоды, Большой зал забили досками; его освещали вонючие дымящие факелы. Пламя плясало, стучали ставни, флоренгианские рабы метались по всему залу, разнося кувшины с пивом. Собравшиеся там воины уже закончили есть, но не пить, и вот-вот бросятся в драку. Терек оглядел столы, за которыми сидели могучие мужи в полосатых накидках: дикое сборище, куда не допускали женщин, шумное, взрывное, опасное. Как правило, собрания веристов заканчивались дракой, служившей развлечением — незаконный переход в боевую форму жестоко наказывался, а потому такое случалось редко.

Хорошо, что их много. Тереку удалось полностью сохранить охоту в Нардалборге, около четырех шестидесяток, но остальное его войско было сильно обескровлено, поскольку Стралг требовал все новых и новых Героев. Охота Трайфорса насчитывала около трех шестидесяток, а вот в его собственном Кулаке не наберется и двух. Охота Каллави и Дьяволы существовали только на глиняных дощечках. Хорольд постоянно переводил отряды из одного города в другой, меняя полосы на их накидках, чтобы никто не понял, как мало у него людей. Все правители в его сатрапии заявляли, что у них положение еще хуже, но в этом не было ничего удивительного.

Только здесь Терек мог мысленно вернуться в прошлое, в те длинные летние дни, когда он воевал вместе со Стралгом, братьями и несколькими особо доверенными воинами вроде Гэурга Хротгатсона, сидевшего сейчас рядом с ним. Они начали свою кампанию пару дюжин лет назад, призывая к порядку веристов-отщепенцев, не желавших признать нового лорда крови, и это было очень непростое дело; позже оно превратились в развлечение, когда они устанавливали власть Стралга над городами и, главным образом, сражались с непосвященными. Большинство его товарищей уже отправились к Темной, а те, что выжили, постарели. Как Гэург с его крокодильей пастью.

Как и сам Терек. Даже непосвященный состарится к пятидесяти трем, а веристы и вовсе редко доживают до таких лет, так что ему еще повезло, что у него мало болезней. Лица вокруг сливались в размытое пятно, но он мог посчитать дырки в зубах новых кандидатов, сидевших в дальнем конце зала. Он оглядел четырнадцать воодушевленных лиц, задаваясь вопросом, скольких из них и кого обучал Гэург. Несмотря на возраст, Зубастый не растерял своих навыков, и мальчишки под его руководством прошли сквозь огонь и воду за последние несколько дней. Поразительно, что только двое из них выбыли. Впрочем, никто не сомневался, что они поправятся.

Сколько и кто? Все воины с удовольствием играли в азартные игры, особенно с подчиненными, которые не осмеливались слишком сильно возражать. Правила были самые что ни на есть традиционные — тебе надо выбрать тех, кто, по-твоему, не справится с испытанием, или кого Веру отпустит первым. Разумеется, тут выигрыш мог быть очень серьезным, но Терек всегда умел разглядеть победителя. В этом году фаворитом был Снерфрик, громадный и жестокий. Терек даже подумал, что он его сын, но прорицательницы сказали, что это не так, а они никогда не ошибаются. Никто не сомневался, что Снерфрику суждено стать командиром молодых воинов, и никто не ставил против него больших денег, поэтому командир войска для разнообразия изменил стратегию, поставив на тех, кто образует команду. Он был не слишком высокого мнения о трех кандидатах, привезенных из Трайфорса, — им бы стоило подождать еще сезон, а потом проходить испытание.

Тринадцать лиц обветрились и потемнели от загара, но одно поражало своей смуглостью. Судя по всему, темнокожий заложник был хорош, и Терек обнаружил, что многие сделали на него ставки. Терек получил весьма привлекательные предложения от тех, кто не знал, что он победил еще до начала игры.

Он фыркнул и выпил свой личный тост за уничтожение всех флоренгианских паразитов. Лет десять или около того назад ему понравилась мысль перевезти свою коллекцию заложников в Нардалборг, откуда они не смогут сбежать. Малыш из Селебры оказался самым маленьким, и ему было не с кем играть, кроме сыновей веристов. Поскольку Терека убедили, что он получает от них ежедневную взбучку, что устраивало все заинтересованные стороны, Терек на его счет не волновался.

До тех пор, пока не увидел флоренгианского юношу с лицом цвета дерьма в ошейнике кандидата. Последовавший сразу за этим разговор с Хетом получился яростным — если не сказать больше, но дело было сделано, и он не мог отменить распоряжение командира охоты, не подпортив свою репутацию. Но Терек заявил, что не позволит этому отрепью проходить испытания на территории его сатрапии. Чем упорнее Хет настаивал на том, что мальчишка — прирожденный воин, тем старательнее Терек втолковывал ему, что *доверять флоренгианам нельзя!* Они предатели, вруны и отступники.

Эти ублюдки, не выполняющие своих обещаний, убили его сыновей.

А еще они трусы. Стралг подчинил себе всю Флоренгианскую Грань так же легко, как скосил бы пшеницу. Поток добычи, рабов и заложников тек через Границу в Нардалборг и дальше к большой реке, обогащая Вигелию так же, как ежегодные наводнения дарили равнине плодородие. Когда не осталось никакого сопротивления, лорд крови начал выводить оттуда своих людей, решив заменить гарнизоны местными жителями, прошедшими у него обучение. И совершил ошибку. Все до одного флоренгиане, которых Стралг сделал посвященными культа, предали его. А потом начали передавать все, что умели, соплеменникам. Война разгорелась с новой силой, но на сей раз вигелианским веристам пришлось иметь дело с флоренгианскими веристами. Три сына Терека Храгсона погибли, сра-

жаясь с лишенными чести варварами. Он *никогда* не станет доверять флоренгианину. *Никогда!*

Как, впрочем, и Гзург Хротгатсон. В начале года его карьера воина подошла к концу. Как он сам признавался, остаться он не мог, потому что во время последнего превращения ему чудом удалось вернуться назад, а верист, оказавшийся в ловушке своей боевой формы, умирает через день.

Главная загвоздка состояла в исцелении. Сражения, даже между равными силами веристов, редко продолжались дольше нескольких минут. Преследование могло занять целый день, но тело справлялось с такой нагрузкой, если это происходило не слишком часто. Однако рано или поздно удача от тебя отворачивалась, и ты получал ранение. Раны веристов быстрее заживали в боевой форме — они даже могли исцелиться от раны, которая убила бы их в человеческом обличье — но для этого требовалось приложить такое усилие, что тело забывало путь назад. Следующее превращение Гзурга могло стать последним.

Поэтому Стралг отослал старого Героя домой, в Вигелию, приказав сделать все, что в его силах, чтобы ускорить набор новых воинов. Пригласив Темнокожего Мальчика на испытание кандидатов в Нардалборге, Терек в конце концов позволил ему попытать удачу. Болваны из Охоты Нардалборга, готовые на него поставить, не понимали того, что Гзург после стольких лет сражений, кровопролития и предательств скорее займется вышиванием, чем допустит в культ Веру еще одного презренного флоренгианина. Терек предвкушал, как он выиграет сегодня целое состояние. Ублюдок Орлад явно этого не понимал, он спокойно сидел среди кандидатов, а в его глазах горел огонь предательства, который он даже не пытался скрыть. О Малыш Отступник, тебя ждет разочарование! Ты еще не знаешь, что командир войска тебя раскусил.

— Ты их щи-итал, братишка? — проревел Гзург, наклонившись к Тереку и обдав его кислыми пивными парами. —

Школьких людей ты отправил к Темной, когда сражался с врагами? Я хочу сказать, *лично*?

— Нет, а ты считал?

— Пока у меня не закончились пальцы.

Командир войска пьяно расхохотался над этим глупым заявлением.

— А девок, с которыми трахался, щи-итал?

— Нет, а ты?

— Да.

Икнув, Гзург щелкнул зубами.

— Шлушай, я вше пытаюсь вшпомнить... как жвали того герцога около Белого озера... ну, того, что пытался ш нами шпорить и думал, будто у него хватит воинов ш нами поквитаться? Помнишь?

— Не помню.

Хорошо еще, если этот старый пьяница помнит хотя бы имена сегодняшних кандидатов.

— Кажется, это было до того, как мы ра...жгромили Джат-Ногул.

— Нет, через год после.

— Я все равно не помню.

— А я никогда не забуду. Его окружила дюжина мер...-жавцев с мечами, а ты изменил форму, в один миг промчался мимо них, перере...жал ему глотку, и ш-шнова вернулся и стал, как был, он еще даже на землю не уш-шпел упасть.

Пьяный старик громко расхохотался и сделал большой глоток через соломинку.

— Готов речь ска...жать?

— Конечно. А потом *по-настоящему* напьемся, договорились?

Терек встал и вытянулся во весь рост. Веристы, как правило, крупны с юности и постепенно становятся мощнее и больше. Он же в молодые годы был тощим и высоким, а теперь стал

в два раза выше любого непосвященного — когда выпрямлялся, чего он предпочитал не делать. Терек положил когти на стол и наклонился вперед, оглядывая собравшихся. Парни за спиной называли его «Стервятник», так ему доложили прорицательницы. Ему это пришлось по душе, хотя он считал, что «Орел» звучало бы уважительнее.

Собравшиеся принялись толкать друг друга в бок локтями, и вскоре в зале воцарилась тишина.

— Пятнадцать лет назад Нардалборг был торговым перевалочным пунктом, здесь стояли палатки и жалкие хижины, — пропищал Терек. У него не осталось зубов, поэтому и голос стал похож на свист, но это его не волновало. Пусть мучаются те, кто слушает. — Именно здесь наш могущественный лорд крови, мой брат...

Он сделал паузу для обязательных приветственных криков.

Здесь, в Нардалборге, Терек распрощался со Стралгом, сказав про себя: «Слава богам, что мы от тебя избавились», — и начал вести приятную жизнь сатрапа: богатство, женщины и власть. В горах водилось много дичи, а каждое лето тут и там возникали небольшие мятежи, которые он с удовольствием подавлял, часто вместе со своими братьями и мужем Салтайи, Эйдом. Герои дружно удивлялись тому, как прекрасно ладила эта четверка. Заставив Свидетельниц Мэйн встать на свою сторону, они получили ни с чем не сравнимое преимущество, а лучше хорошего сражения может быть только сражение, которое нельзя проиграть. Теперь в городе стало заметно спокойнее. Флорентианская война забрала львиную долю воинов, и собрать приличное войско было трудно.

В добрые старые времена Терек считал Нардалборг помойной ямой и предпочитал ему Трайфорс с его богатой ночной жизнью. Теперь же ни одна женщина в городе даже в самом страшном кошмаре не посмотрела бы в его сторону — включая нимф. И он стал отдавать предпочтение мужскому миру Нардалборга, где его не дразнили недостижимые соблазны.

Он улыбнулся, когда тишину взорвали громкие вопли.

— Именно здесь Стралг собрал огромную орду и повел ее на завоевательную войну. — «Которая так и не закончилась», — подумал Терек про себя и повернулся к соседу. — Один из тех, кто тогда ушел с ним...

Во время нового взрыва воплей четырнадцать кандидатов вскочили на ноги, приветствуя Гзурга. Много дней подряд Крокодил избивал их, доводил до изнеможения, мучил и пытал, и теперь они его приветствуют? Странные создания — эти мужчины. Может, они просто кичатся своей храбростью и выносливостью? Терек сел, глотнул пива и стал ждать, когда его ставки начнут приносить прибыль.

Голос Гзурга прозвучал ясно и жестко, казалось, он протрезвел. Пусть и временно. Командир произнес несколько полагающихся фраз и перешел к тому, чего все ждали с таким нетерпением. Через пару мгновений медь, серебро и даже женщины начнут переходить из рук в руки. Он помолчал немного и стал вглядываться в полумрак.

— Кандидаты на месте?

— Вон там. — Терек указал в конец зала.

— Хорошо. Во-первых, хочу поздравить сатрапа Терека и командира охоты Хета. Я уже дал положительную оценку половине кандидатов. Сегодня из шестнадцати юношей, принявших участие в испытании, я с гордостью называю десятерых, успешно прошедших испытания.

Он ухмыльнулся, снова оскалив жуткие зубы, дожидаясь, когда умолкнут радостные крики.

— Первым стал — и, должен сказать, выбор был *очевиден* — кандидат, проявивший отвагу, твердость, преданность и честную ярость жажды крови, какую нечасто встретишь среди веристов...

Терек наблюдал за Снерфриком, самодовольно озиравшимся по сторонам, пока звучала похвала Гзурга.

— По всем параметрам значительно опередил своего ближайшего соперника... кандидат Орлад.

Собравшиеся замерли. На мгновение утих даже ветер, а рабы застыли на своих местах, пытаясь понять, что случилось. Где-то вдалеке протрубил мамонт. Когда флоренгианский заложник вышел вперед с сияющими от ликования глазами, на него смотрели пятьсот изумленных глаз. Да, он прошел испытания, но неужели *первым*? Гзург, наверное, сошел с ума. Пропил последние мозги. Или его слишком часто били по голове? Поставить грязного флоренгианского червяка впереди пятнадцати честных вигелианцев!

Теперь Тереку придется держать ублюдка за руки и слушать, как он будет повторять слова клятвы, которую не имеет ни малейшего намерения сдержать... Тереку придется надеть ему на шею цепь победителя... И, о ужас! Он должен будет его обнять!

Нет, это невыносимо. Оскорбление священного Веру, самого Терека и памяти троих его погибших сыновей! Хороший флоренгианин — это мертвый флоренгианин. Нужно устроить ему смертельную западню. И как можно скорее.

ГЛАВА 11

Френа Вигсон билась за свою жизнь с черным одеялом мрака, опустившимся ей на голову. Быстрое течение хватало ее за щиколотки, норовя свалить с ног, а ветер расшвыривал во все стороны потоки дождя. В этом хаосе она ни о чем не могла думать, уверенная лишь в том, что, стоит ей упасть, как вода унесет ее прочь и погубит. Нужно спешить. Ее преследовала опасность, не имевшая определенной формы — рычащий, клыкастый вой, который прятался внутри бури, скрывая свое приближение за ревом

непогоды, но неумолимо приближался, пока она карабкалась вверх по склону.

Она была в Скьяре. Воздух пах Скьяром. Знакомые улицы, со всех сторон грубые деревянные стены; то и дело над Френой нависали скалы, менялись уровни и качество домов. На ощупь стены были шершавые. Она едва могла сделать вдох, в боку кололо. Дождь стекал по лицу и дергал ее за одежду, словно буря хотела раздеть ее догола.

Мимо пролетали какие-то тряпки и палки. Видимо, ее глаза начали привыкать к темноте, потому что теперь она уже различала перед собой широкую дорогу — не площадь, конечно, но место соединения двух улиц, одна круче другой. Всюду окна, забранные решетками, наглухо запертые двери. По мостовой несся, смывая мелкие камешки, пенный поток воды. В крышах выл ветер. Вокруг никого не было, но Френа чувствовала, что страшная опасность подбирается к ней все ближе, преследует по пятам.

Маленькая дверь в углу, удивительно бесформенная, с каменной ручкой — вот ответ. Там она найдет спасение. Когда, цепляясь за стену, она начала пробираться к ней, сражаясь с поднимающимся потоком воды и злым ветром, кривая дверь медленно приоткрылась. Таившееся за ней было чернее ночи, чернее вечного пространства или бездонной пещеры. Даже вода боялась туда входить. Дверь отворилась, на пороге возник силуэт: менее темный оттенок мрака, обретающий очертания в бесконечно черном цвете... женщина... улыбающаяся, зовущая ее...

— Мама! — закричала Френа и в отчаянии бросилась к двери, но женщина начала отступать внутрь, сливаясь с непроницаемым мраком, продолжая улыбаться и призывно ее манить. Френа хотела пойти за ней и поняла, что ее не пускают. Она пыталась войти в ту дверь, но кто-то крепко ее держал. — Мама! Мама!

* * *

Френа села, дрожа и задыхаясь. Снова старый сон. Даже это понимание ее не успокоило. Простыня намокла, словно Френа в ней купалась, в голове пульсировала боль. Пот — нормальное явление для Скъяра, а вот ужас — нет. В свете мерцающей лампы она видела, что все в полном порядке: спальная платформа, резные сундуки, изящные стулья, мозаика и портьеры, ашурбианские урны... все, как и должно быть. Однако каждую ночь Френе снился этот кошмар про мать. Ей бы вызвать мастера Фратсона, онейроманта отца, чтобы тот объяснил ей значение сна, рассказал, о чем он ее предупреждает. Может, старик даже изучит свои книги и решит, какие подношения сделать богам, чтобы отвратить их гнев; но ее мать всегда потешалась над Фратсоном и его ремеслом. Она говорила, что сны — всего лишь фантомы, насылаемые Матерью Лжи, и лучше не обращать на них внимания.

Френа прикоснулась к ране на плече и в тусклом свете увидела, что ее пальцы потемнели. *Кровь и мрак...* Не так. *Кровь и...* что-то еще. Не важно. Она металась во сне, вот рана и открылась.

Она *могла* спасти того человека, если бы вовремя поняла, что происходит. Внезапное нападение наверняка принесло бы успех: две колесницы, два стражника и она, выкрикивающая страшные проклятия. Толпа бы испугалась.

Наверняка рассвет уже скоро — она допоздна просидела с писарями, счетоводами и составителями программы. Время пронеслось в водопаде встреч, решений, приказов и даже нескольких скандалов. На рассвете еще теплые после обжига приглашения разошлют по адресам, и к утру изрядная часть Скъяра начнет готовится к ее церемонии.

Сам ритуал был несложным. Девушка из простой семьи отправлялась вместе с матерью к любому алтарю Веслих, дарила богине цветок или ржаное печенье и приносила клятвы,

даже если рядом не было ни одной жрицы. Богатые же устраивали из церемонии настоящий праздник с банкетами и парадами: матери отвозили дочерей в Пантеон, где их ждали все родственники, друзья и друзья родителей, желающие присутствовать при исполнении столь важного ритуала. Затем девушка зачитывала клятву, приносила жертву во всех двенадцати храмах, и мать увозила ее домой на банкет. Следом ехала длинная процессия колесниц.

Беда в том, что все, кого хотела пригласить Френа, уехали в горы. Будь их воля, они бы ни за что не пропустили грандиозный пир в особняке Вигсона, но кто успеет вернуться до абсурдного срока, назначенного отцом? Три дня! Все решат, будто она забеременела, и ее хотят срочно выдать замуж. Да и как собрать за такое время необходимое количество еды? Гостям еще нужно купить дорогие подарки. Ну, а развлечения? Надо позвать музыкантов и танцоров, акробатов, мимов и дрессированных животных, но все уважающие себя артисты отправились развлекать своих покровителей в горах. Фу!

Френа села на край спальной платформы и стиснула руками отчаянно болевшую голову.

В такую ночь...

В точно такую же ночь три года назад жара и тревога не давали ей уснуть. Она надела халат и спустилась вниз проведать мать. Паола пролежала в постели три дня, перебинтованная, с наложенными на ноги и руки шинами. Она кашляла кровью и ужасно страдала. Целители обычно не брались за пациента с такими серьезными ранениями, стоящего на пороге смерти, но богатство Хорта сумело убедить одного из них — видимо, он был смелее и жаднее прочих — попытаться ей помочь. Паола отказалась. Она не пожелала принять помощь священной Синары и даже священной Налы. Она твердо стояла на своем, несмотря на слезы дочери и уговоры мужа. Хотя Хорт нашел среди непосвященных лучших аптекарей и врачей, они

не могли справиться с внутренними повреждениями. Жизнь Паолы утекала прямо на глазах.

Однако той ночью Френа обнаружила, что спальная платформа пуста, мать пропала, а Квера — это жалкое подобие ночной сиделки — храпит на стуле. Каким-то непостижимым образом лежачая больная исчезла из своей постели. Как это ни странно, юная Френа не бросилась с криками к отцу, не разбудила Кверу и даже не подняла тревогу. Она помчалась во внутренний двор, чтобы поискать мать среди деревьев и цветов, зная, что сад, за которым Паола сама ухаживала, был ее любимым местом — она хотела постоянно видеть его из окон своей комнаты. Разбросанная одежда и бинты привели Френу к телу Паолы, лежавшей лицом вниз в зарослях.

Холодная земля... *Кровь и холодная земля?* Нет, не то.

Паолу похоронили там, где она умерла — в богатой могиле, в мраморном саркофаге и лицом вверх. Половина жителей города пришли на погребальную службу. Она была любящей, идеальной матерью, а не злобным чудовищем. Весь город удивлялся щедрости, с какой она раздавала милостыню, и все любили Паолу.

Но...

Но она не просто безразлично относилась к жертвоприношениям в Пантеоне. Думая о матери долгими темными ночами, Френа так и не вспомнила, чтобы мать хоть *раз* туда сходила. Жена одного из самых богатых людей Грани, она наверняка не испытывала тех трудностей, с которыми сталкивались большинство женщин, но разве в ее жизни не было болезней или забот, вынуждающих ее обращаться к Светлым? Неужели все ее друзья и любимые слуги были совершенно счастливы? И почему перед смертью она отказалась от помощи священной Синары и утешения священной Налы? А как она умерла! Быть может, какое-нибудь отвратительное воплощение Ксаран вытащило несчастную женщину из постели, раздело почти донага и, спря-

тав добычу под кустом, высосало из нее остатки жизни? Или Паола Апицелла добровольно вернулась к Темной Госпоже и холодной земле?

Была ли Квера неумелой сиделкой, или она пала жертвой злых чар?

Впервые в жизни Френа начала сомневаться в своей матери и впервые не верила словам отца. На ее вопрос о том, к чему такая спешка с церемонией, он пробормотал что-то жалкое и неправдоподобное. Что он знает или подозревает, чего не желает с ней обсуждать?

ГЛАВА 12

Орлад Орладсон вскочил на ноги, прежде чем затих сигнал утренней побудки. Он дрожал. Из соседних клетушек, похожих на стойла для лошадей, доносились стоны и ворчание.

Солнце еще не взошло, и он едва различал очертания своей койки, с которой только что встал. В отличие от долгих и кровавых закатов рассвет в Нардалборге поражал воображение. Ослепительное сияние озаряло небо, усыпанное звездами, не желавшими гаснуть, затем вспыхивало невероятно яркое солнце, проливавшее свет на Ледник. На несколько мгновений мир становился одноцветным — сияющий белый замок, стоящий среди белых пустошей; в Нардалборге ни одна ночь не обходилась без мороза или снега. И лишь когда солнце появлялось над горизонтом, небо неохотно приобретало голубой цвет.

Сегодня Орладу предстоит встретиться лицом к лицу с миром; ему и девяти другим кадетам — его крошечному флангу из молодняка. Орлад был один в стойле. По-другому этот закуток и не назовешь: самое настоящее стойло с занавеской у входа, полкой и парой крючков; на полу матрас и одеяло. Именно так жили все кадеты и кандидаты. Прошлой ночью у его

соседей шло веселье, звучали женские голоса. Обычно у новообращенного командира не возникало проблем с женщинами, желающими доставить ему удовольствие; несмотря на свое флоренгианское происхождение, Орлад их сторонился. Они могут причинить слишком много боли. Когда он получит медный ошейник и докажет мужчинам, на что способен, тогда и придет черед женщин.

Облачиться в накидку вериста без посторонней помощи совсем не просто. Сначала нужно перебросить один конец ткани через левое плечо так, чтобы он свисал до самых почек. Остальное собрать на груди, обернуть, прикрывая спину, чресла, зад, достать второй конец ткани со спины, пропустить под левой рукой и через правое плечо. Если все сделать правильно, второй конец будет прикрывать почки на одном уровне с первым. Пока вроде правильно. Дальше — двигаясь очень осторожно, потому что тут можно все испортить — взять пояс и завязать его особым узлом. Он будет удерживать накидку на месте. Теоретически. Оставалась одна загвоздка — как двигаться под тяжестью шерсти, которая весит не меньше здорового быка? Когда вчера вечером интендант бросил на его протянутые в нетерпении руки кусок сложенной ткани, Орлад покачнулся под ее весом. Полночи при свете звезд он учился ее надевать, и теперь пришло время предстать перед всеми в облачении истинного вериста, а не какого-нибудь жалкого претендента в тунике и легтинсах с веревкой на шее. Годы тяжелого обучения подошли к концу.

О первенстве на испытаниях он мог только мечтать. Гзург никогда никого не хвалил без причины и высоко ценил подготовку, которую будущие веристы получали в Нардалборге. Заслужить одобрение легендарного Героя, каким, несомненно, был Гзург, пройти обучение под руководством Хета и дать клятву перед лицом великого Терека, самого Стервятника, — это честь на всю жизнь, начало головокружительной карьеры. Но быть

Первым — лучше всего. Десять новых кадетов. Девять щенков и командир молодняка. Девять кожаных ошейников и одна цепь.

Гзург предупредил Орлада о том, что его ждет, но больше никто ничего не знал. И всех потрясло его решение. Позже, разумеется, они громко приветствовали Снерфрика, не понимая очевидного: чем оглушительнее они вопят в честь второго, тем больше превозносят Первого. Последний сюрприз ждал веристов в конце вечера, когда Ваэльса объявили номером десять. Его имя встретили удивленным молчанием, и кто-то проговорил: «Поганый Рот». Ах, да, Поганый Рот!

Орлад провел руками по складкам и пришел к выводу, что на груди они лежат неровно. Решив, что нельзя появляться в новой роли командира молодняка в плохо надетой накидке, он снял ее, разложил нелепую тряпку на полу и начал складывать, чтобы затем попытаться еще раз. В коридоре послышались голоса и топот ног.

— Сколько на самом деле власти у командира молодняка? — спросил он Гзурга.

— Сколько он сможет взять и удержать. — Старик рассмеялся, показав все шестьдесят четыре зуба. — Тебе, сынок, нужно как можно быстрее нарисовать линию на песке и оборонять ее до последнего вздоха. По возможности не своего, а чужого вздоха.

Только с четвертой попытки Орлад остался доволен своим одеянием — и у него почти не осталось времени. Верист! В настоящей накидке и с цепочкой на шее! Кадет Орлад, оранжевые полоски (войско Стервятника), зеленые (охота Нардалборга) и белые, означавшие, что он еще ученик. После стольких лет мечтаний и попыток добиться своей цели он, наконец, одет так, как хотел, и скоро расстанется с белой полоской. Он дал клятву и отныне принадлежит богу.

Накидка, конечно, — непривычная одежда, и у Орлада сложилось впечатление, что она в любой момент может свалиться на пол, а он останется голым; однако в этом и заключалась ее суть — веристам, принимающим боевую форму, некогда сражаться с тряпками. Он чувствовал себя довольно глупо, но понимал, что со временем необычное ощущение пройдет. После вчерашних испытаний, оказавшихся гораздо тяжелее, чем он ожидал, все тело у него болело и ныло от синяков. Кроме того, ему отчаянно хотелось спать, но все это теперь было частью его жизни. Порез на предплечье, откуда он взял кровь, чтобы принести клятву, прекрасно заживал.

Он чувствовал себя превосходно.

Командир молодняка Орлад надел сандалии, отбросил в сторону занавеску и зашагал по коридору. Половина занавесок оставались закрытыми, из-за них даже доносился храп, но большинство тех, кто находился в одной с ним спальне, не имели к нему никакого отношения. Если кто-то из фланга опоздает на поверку, вот тогда он примет меры. Орлад уже почти подошел к выходу, когда из-за скользнувшей в сторону занавески появился Поганый Рот. В самый последний миг.

Орлад остановился.

— Смерть твоим врагам, щенок Ваэльс.

Поганый Рот поспешно кивнул.

— Мой господин добр.

— Не господин. — Орлад сурово нахмурился, довольный собой.

— Мой командир добр.

Ваэльс с опаской ждал, что от него потребуется. Про него почти никто ничего не знал. Он был одним из трех кандидатов, которых прислали из Трайфорса принять участие в испытании. Он казался таким молодым и застенчивым, что на него почти не сделали ставок. Но вчера вечером, когда двое других юношей из Трайфорса не выдержали испытания — к огромной

радости всего Нардалборга, принявшегося громко вопить и улюлюкать, — он остался стоять. Свое прозвище он получил из-за родимого пятна винного цвета, покрывающего нижнюю часть его лица. Жидкая бородка его нисколько не скрывала и, по всей видимости, никогда не скроет.

— Встань у окна, — сказал Орлад. — Повернись. Молодец! Выглядит идеально. А у меня задница не торчит?

С сегодняшнего дня молодняк разобьется на пары, и каждый будет отвечать за своего товарища в самых разных вопросах, включая то, как сидит накидка.

— Мой командир добр. Если позволите... — Поганый Рот слегка подправил накидку Орлада. — Думаю, так лучше, командир.

— Спасибо. — Они зашагали рядом по коридору. Орлад не слишком любил пустые разговоры, но командир должен знать своих людей, а про Ваэльса ему почти ничего не было известно. — Поздравляю. Здорово, правда?

— Очень... командир. Я тоже вас поздравляю, командир молодняка Орлад. Если позволите выразить свое мнение про то, как вы проходили испытания, то вы...

— Тебе *не* позволено ничего про это говорить. Никакой лести. Не желаю слышать ни слова о своих заслугах, вне зависимости от того, правда это или нет.

— Мой командир добр.

Они вышли из здания, где находились спальни, и по колено увязли в слякоти, да еще сильный ветер решил проверить их мастерство подвязывания накидок. Они зашагали быстрее, навстречу ветру. Мимо прошло несколько человек из золотого отряда, они кивнули и улыбнулись, признавая щенков. Видимо, удивление начало проходить.

— Итак, почему ты замешкался, когда я тебя поздравил?

— Не припомню такого, командир молодняка.

— И все же ты замешкался. Наверняка думаешь, будто тебя привезли в качестве *запасного*, так ведь? Чтобы ты вылетел. Отбросы из Трайфорса.

Поганый Рот смотрел прямо перед собой, из его глаз текли слезы, щеки раскраснелись и почти слились с родимым пятном, губы посинели. Поразмыслив немного, он ответил:

— Мысль о том, что я *запасной*, не приходила мне в голову, командир молодняка. Уверен, это всего лишь легенда.

Они уже почти подошли к двери в столовую.

— Как часто подобное происходит в Трайфорсе?

— Ну... бывает иногда.

— Здесь за последние десять лет такое случилось восемь раз, — сказал Орлад.

Во время подготовок погибло восемь кадетов из двадцати классов. В ряде случаев действительно произошло несчастье. Но ходили слухи, что последнему кандидату в списке как правило ничего хорошего не сулит.

— Подозреваю, что скоро этот список пополнится девятым именем, однако тебе угрожает не такая серьезная опасность, как мне.

— Но вы же *Первый!* — изумленно вскричал Поганый Рот, открыв и придержав дверь для начальника.

— Командир молодняка — флоренгианин? Тебе известно, что ни одному флоренгианину не удалось остаться в живых во время подготовок в Нардалборге?

Ваэльс ухмыльнулся.

— А может, это потому, что они и не пробовали?

Орлад молча прошел вперед. Он не чувствовал в этом юноше опасности, возможно, они даже чем-то похожи: у него уродливое родимое пятно, а у Орлада — смуглая кожа.

Столовая была огромной, с высоким потолком, и сегодняшнему ветру удалось разогнать дым. Из огромных окон открывался прекрасный вид на пустоши, а еще в них дуло так, что

внутри царил пронизывающий холод. Вообще-то эти окна обычно закрывали ставнями.

Из столовой выходили парни из красного отряда. Они довольно грубо и оскорбительно пошутили, заявив, что последнее время здесь полно отбросов. Орлад даже не улыбнулся.

Большинство присутствующих сидели на табуретах за длинными столами; они ели и переругивались. Наверняка где-то есть отдельный стол для молодняка. Еще здесь был стол для разделки, где все желающие могли стоя разрывать руками и зубами сырое мясо. Но *такой* завтрак в планы Орлада не входил, хотя он знал, что скоро ему придется к этому привыкать. Он направился к столу, заваленному хлебом, сыром, фруктами и овощами.

Поганый Рот без раздумий последовал за своим командиром. Необычное ощущение для вечного изгоя: отныне девять человек должны будут подчиняться любым его приказам. Должны, но не *обязаны*. Воин, осмелившийся возразить командиру фланга, рискует жизнью или здоровьем, но Гэург предупредил его, что кадет имеет право обратиться к вышестоящему начальству. «Власти столько, сколько сможешь взять и удержать».

Даже Гэург признал, что пост командира молодняка — не какой-нибудь пустяк. Когда Герой получает повышение, его ставят над незнакомыми ему воинами. Нового командира фланга переводят в другой фланг, вожака стаи в чужую стаю, командира охоты в другую охоту, иногда даже командир войска переходит в другое войско. А командир молодняка — всего лишь первый в классе. Орлад понимал, что ему будет трудно поддерживать образ первого среди равных, если класс не сможет взглянуть на флорентианина, как на равного себе. Да, у него цепочка на шее, он старше многих на год, а то и на два. На этом его преимущества заканчиваются. Настоящим авторитетом пользовался командир охоты Хет, жесткий, лишенный чувства юмора человек, у

которого никогда не было любимчиков. Поддержит ли он его или попытается закопать как можно глубже?

Заполняя едой большую чашу, Орлад успел заметить стол для молодняка, разглядев Снерфрика. В зале, полном огромных крепких воинов, он умудрялся выделяться и привлекать внимание. Даже сидя за столом, Снерфрик был на полголовы выше любого, да к тому же отличался могучим телосложением — через десять лет он станет настоящим великаном, как сатрап Терек. Вот почему его считали главным претендентом на цепь командира. Думали, что он одержит верх в соревнованиях по борьбе, но Орлад его уложил и радовался этой победе немногим меньше, чем новой роли командира.

Он направился к столу и увидел, что кадеты его заметили. Встанут ли они его приветствовать или бросят вызов? Придумывая достойный ответ, Орлад уже ощущал в груди ярость. Однако воины сочли, что пока не время спектаклей. Открыто выразить неповиновение еще до того, как новый командир заговорит, было бы равноценно мятежу.

Застучали стулья и, когда Орлад подошел к своему месту, все стояли по стойке «смирно». По обе стороны стола оказалось по пять кадетов, выходит, всего их двенадцать, полный фланг... Орлад сообразил, что забыл посчитать Варгина и Рантра. Они стали кадетами еще в прошлом году, но по какой-то причине не прошли посвящение вместе с товарищами — никто не знал почему. Им предоставили второй шанс, и таким образом, они попали во фланг Орлада.

Вероятно, они первыми постараются испытать его на прочность. Они знают все входы и выходы, поэтому даже Снерфрик будет их уважать. Варгин был великолепным бойцом — это Орлад узнал на собственной шкуре — но в основном потому, что ему не хватало мозгов понять, что он терпит поражение. Офицеры, набиравшие будущих воинов, никогда не беспокоились об их *мозгах*. Рантр умнее, точнее и хитрее Варгина, так

что за ним надо приглядывать. От него можно ждать самых разных неприятностей.

С другой стороны, чужаки — это не так уж плохо. Хотя никто не произнес ни слова, Орлад почувствовал напряжение. Кадеты расселись в соответствии с занятыми ими во время испытания местами, а дальние табуреты оставили для командира молодняка и кандидата в запасные. Однако Варгин и Рантр сидели по обе стороны от табурета, предназначенного Орладу, показывая таким образом свое превосходство. Все ждали, как он поступит.

Орлад поставил на стол свою чашу.

— Вольно. Смерть вашим врагам, щенки.

— Наш командир добр! — произнесли они почти в унисон.

Он сел, следом за ним все остальные. Орлад окинул их суровым взглядом.

— Вчера вечером мы принесли клятву. Отныне мы принадлежим богу, поэтому должны все вместе заслужить Его благословение. Перед лицом Веру мы обязаны помогать друг другу в этом испытании. Мы с вами братья, хотя пока не входим в число Его Героев. Мы рискуем оскорбить нашего бога, придя к нему в обществе человека по кличке Поганый Рот.

Все дружно посмотрели на Ваэльса, который так сильно побледнел, что его родимое пятно стало еще краснее. Удивленные взгляды вернулись к Орладу.

— Для вериста более подходящим именем будет Кровавый Рот. Поэтому мой первый приказ в роли командира молодняка таков: с этих пор вы должны называть Ваэльса Кровавый Рот, и никогда — Поганый. Кара — два удара розгами.

Ваэльс ухмылялся так, словно только что остался в живых после жестокой драки.

— Мой командир добр, — пробормотал он.

— И кто же почтит нас своей карой? — спросил Рантр.

Орлад окинул взглядом поле боя и не увидел никаких подвохов — пока.

— Я сам. У вас еще появится возможность узнать, что у меня очень сильный удар правой. А тот, кому покажется, что это не так, получит право на поощрение.

Он откусил яблоко.

На лицах появились улыбки. Пока все шло хорошо. Первый приказ был вполне приемлемым, и, возможно, его даже исполнят, если только Ваэльс в ближайшие дни не выставит себя полным идиотом. Как только телега, запряженная быками, начинает двигаться в правильном направлении, следующий шаг сделать уже легче.

Громадный Снерфрик был явно недоволен тем, что Рантр и Варгин очевидным образом подвинули его со второго места на четвертое. Он некоторое время елозил на табурете, пока его товарищи усердно поглощали завтрак, а все остальные в зале разговаривали, не обращая на них внимания. Наконец он рявкнул своим громоподобным голосом:

— Что сегодня делаем, командир?

Орлад не имел ни малейшего представления. Он прожевал то, что было у него во рту, проглотил и провел первую линию на песке.

— Первым делом сегодня я разделю вас на пары. Это вполне можно сделать и сейчас.

— Но...

— Что?

— Ничего... мой командир добр.

Снерфрик и Варгин переглянулись. Возможно, Снерфрик считал себя вторым и ожидал, что Орлад выберет его в качестве своего партнера. Либо сомневался, хочет ли такой сомнительной чести. Кроме того, Варгин и Рантр уже знали дорогу, по которой остальным лишь предстояло пройти. Разумеется, о Ваэльсе тут и речи не шло, как и о Хротгате, ставшим девятым во время испытания.

— Я хочу вас предупредить, — сказал Орлад, — что я не намерен мириться с провалами. Все члены нашего фланга дол-

жны пройти испытание или погибнуть, пытаясь это сделать. Сильные будут помогать слабым, поэтому я беру себе в партнеры Ваэльса. Снерфрик, тебе достается Хротгат, Кейдо возьмет Чарнарта... — Он прошелся по списку, объединяя первых с последними, пока не дошел до середины. Затем он проговорил: — Варгин и Рантр.

Стол молодняка превратился в крошечный оазис тишины посреди зала, где царили шум и разговоры. Орланду расхотелось есть яблоко, когда он понял, что его вызов принят. Во рту у него пересохло, словно он перед этим наелся соли.

— Я не хочу Рантра, — сказал Варгин. — Другие командиры молодняка разрешают своим воинам самим выбирать себе партнеров.

Варгину никогда не хватало ума понять, что его положили на лопатки; он решил, будто его лишили заслуженных почестей, и тем самым вырыл себе могилу.

Как раз вовремя, потому что к их столу направлялся Хет, и у новоиспеченного командира появилась возможность доказать, на что он способен, или потерпеть полное поражение.

— Щенок, на первый раз я позволю тебе забрать свои слова назад.

— Я хочу быть партнером Снерфрика.

Яблоко в руке Орлада против его воли превратилось в кашу.

— Щенок Варгин! Сбегай к начальнику гавани и спроси, сколько у него детей.

— Сам сбегай, дерьмоглаз!

Вот молодец! Теперь Орлад мог не скрывать, что заметил командира охоты Хета, возвышающегося за спиной Ваэльса. Он вскочил на ноги.

— Фланг, смирно!

Несколько стульев упало, когда одиннадцать щенков вскочили вслед за ним. Орлад поклонился по всем правилам веристов — ступни вместе, спина горизонтально, глаза смотрят вниз,

так что почти уткнулся носом в стол. То есть оказался в очень невыгодном положении, если бы командиру вдруг вздумалось его ударить.

— Вольно, — скомандовал Хет.

Командира охоты безоговорочно уважали все веристы; единственной его слабостью была нелюбовь к пьяным оргиям; кроме того, ходили жуткие слухи, будто он хранит верность жене. Несмотря на множество военных кампаний, в которых он участвовал, битвы сказались лишь на его размерах, да еще, пожалуй, шея и плечи непомерно раздались, отчего он стал похож на быка. Его голова имела необычную кубическую форму — Орлад еще ребенком обратил на это внимание.

Все кадеты, кроме Орлада, сели. Командир охоты окинул их задумчивым взглядом, словно почувствовал, что здесь что-то не так.

— Сегодня утром, командир молодняка, ты будешь учить своих щенков разоблачаться, затем до вечера пусть отдыхают. В течение следующих нескольких дней никому из вас не удастся как следует выспаться. Сейчас можете хорошенько подкрепиться, затем будет пост. На закате солнца вы должны по сигналу явиться в храм для получения новых указаний и медитации. Будем готовиться к сбрасыванию первой вуали.

«Наконец-то!» — подумал Орлад. Что бы это ни значило.

— Мой господин добр. Мы с нетерпением ждем этой минуты.

— Хорошо. Продолжайте...

Судя по тому, как медленно Хет отвернулся, он скорее всего знал, что далеко ему не уйти.

— Милорд!

— Командир?

— Милорд, с прискорбием докладываю: возникли первые дисциплинарные разногласия.

Верист нахмурился, его квадратное лицо потемнело, а массивные плечи, казалось, стали еще шире.

— Уже?

— Да, милорд.

— Что ж, ваш фланг побил все рекорды, хотя гордиться тут нечем.

— Мой господин добр.

— Что за разногласия?

— Отказ понести назначенную мною кару.

— За какой проступок?

— За отказ подчиниться распоряжению.

— Какому распоряжению?

— Щенок не согласен с распределением партнеров.

— А кара?

— Визит к управляющему гавани, милорд.

Орладу еще не выпадал случай с ним встретиться, однако управляющий гавани славился своей плодовитостью и жил в Трайфорсе, расположенном примерно в трех мензилах от Нардалборга. Надо отметить, что мензил — понятие весьма растяжимое. В хорошую погоду сильный кадет в прекрасной форме доберется до места за один день. Приказ отправиться туда бегом и вернуться считался более серьезной карой, чем порка второго уровня, да и прошедший ночью снег мог здорово задержать щенка в пути.

— А какую дополнительную кару ты назначил за то, что он отказался понести первую?

— Пока никакой, милорд. Может быть, пять ударов плетью за каждый день или полдня задержки?

Хет поджал губы.

— На твоем месте я бы воспитывал в себе строгость, командир молодняка, или они сядут тебе на шею.

«Победа!» Орлад попытался скрыть головокружительное облегчение за суровым выражением лица, какое полагается истинному воину.

— Со всем уважением, милорд, я не хочу калечить щенка за первый же проступок.

— Как тебе угодно. — Хет пожал плечами. — Если он будет стоять на своем, доложи мне, и мы возьмем его на охоту.

Неожиданно на Орлада накатила такая волна тошноты, что он чуть не задохнулся, но сумел проговорить в удаляющуюся спину Хета положенное:

— Мой господин добр.

Ругая себя за неподобающую слабость, он посмотрел на Варгина. Тот побелел от ужаса.

— Ты слышал, каким будет первое и второе наказание, щенок. Ты их принимаешь или назначить тебе третье?

Варгин тут же вскочил на ноги.

— Мой господин добр! — прохрипел он. — Разрешите отправиться прямо сейчас?

— Разрешаю. — Убивать идиота не было никакой нужды. — Варгин?

Тупица обернулся.

— Командир?

— Можешь выбрать любую одежду. Захвати еду и флягу.

— Мой господин добр! — вскричал Варгин искренне — для разнообразия, и бросился к столу за едой.

Орлад сел и обвел взглядом десять потрясенных лиц. Рантр и Снерфрик позеленели, пытаясь решить, кто из них будет следующим. Разногласий сегодня больше не ожидалось.

— Щенок Рантр, ты не проведешь для нас тренировку по разоблачению?

— Мой господин добр, — пробормотал Рантр, а затем повторил, точно попугай: — По команде «Раздеться!» воин сбрасывает накидку. Мой господин добр. По команде «Одеться!» воин должен облачиться в накидку и помочь своему товарищу сделать то же самое.

— Пожалуй, нам стоит подыскать для тренировок место потеплее. — Орлад оторвал хлебную корочку и засунул в рот, размышляя над этой задачей. Накидку можно снять, резко потянув за узел на поясе. Тяжелая ткань упадет на землю, точно лавина. — Сколько времени требуется хорошо тренированному отряду?

— Нисколько, — ответил Рантр. — Разоблачение сразу по команде.

— Значит, будем делать это еще быстрее!

Орлад оторвал еще кусок хлеба, несколько кадетов тоже вернулись к прерванному завтраку. Большинство же были потрясены тем, как быстро он установил воинскую дисциплину. Отправить на охоту, это же надо!

— Теперь мы принадлежим священному Веру, — сказал Орлад. — И нас всех посвятят в Его таинства. Мы пройдем обучение в рекордное время. Несогласные есть?

После долгой тишины Ваэльс осторожно спросил:

— А рекорд — это сколько, командир?

— Мы будем готовы к последнему дню Фестиваля Веру.

Никто не осмелился поднять глаза и посмотреть даже на соседа.

— Со всем уважением, командир, это же через полгода! — Будучи напарником и товарищем командира, Ваэльс рискнул ему возразить. — Насколько мне известно, ни один класс не прошел путь от испытания до посвящения так быстро.

— А мы это сделаем. Вот уже десять лет подряд последний караван отправляется в путь примерно через шестидневку после Фестиваля. К этому времени мы будем готовы и сможем перебраться через Границу до того, как зима закроет переход. — Орлад окинул взглядом стол. — Или вы трусы и хотите ждать целый год, чтобы присоединиться к войску лорда крови и убивать флоренгианских отступников?

Возмущенные его предположением, они дружно завопили, как и полагается юным веристам.

Орлад довольно улыбнулся.

Скорей бы уже начать.

ГЛАВА 13

Френа Вигсон смотрела из окна на безжизненные доки. Даже рабы не могли работать в такой жаркий день, когда солнце ослепительно сияло на бледном небе, а Океан казался свинцовой простыней, над которой торчали мачты и снасти кораблей. Френа надела соответствующее случаю белоснежное платье, украшенное жемчужинами. Ее черные, как смоль, волосы были скромно завиты, но их удерживала рубиновая заколка — вызов Пантеону и знак протеста.

Согласившись встретиться с Высшей Жрицей Бхарией днем, она совершила ошибку: не успела Френа выйти из спальни, как уже покрылась потом с ног до головы. Колесница ждала ее у парадной двери особняка; Мрак и Ночь нетерпеливо переступали с ноги на ногу. Поразительно: в колеснице сидел Верк. Слуги опустили для нее ступеньки, и он протянул ей сильную руку, чтобы помочь забраться внутрь.

— Как дела у Альса?

— Леди добра. Он полностью поправился.

Френа взяла поводья. Почему ее сопровождает Верк, а не обычный возница или кто-нибудь из домашних стражей? Это решение отца, или Верк хочет поговорить с ней с глазу на глаз? Она не стала спрашивать, потому что у нее отчаянно разболелась голова, и с каждой минутой становилось только хуже. Колесница раскачивалась и подпрыгивала на ухабах, и у Френы было чувство, что гром и молнии, сверкающие у нее в мозгу, разорвут ее на части.

Поскольку родственниц у нее не было, она сообщила отцу, что тот сам повезет ее в храм. И, хотя Хорт не ездил на колесницах уже много лет, он рассмеялся и сказал, что для него это большая честь. Она твердо решила следовать традиции и возглавить парад после посвящения. Эта поездка была репетицией, а также обязательным предварительным визитом к сварливой Высшей Жрице.

— Вы здоровы, госпожа?

«Неужели я так сильно позеленела?» — спросила она себя.

— Здорова, здорова. Жалею только, что не взяла затычки для ушей.

Высшая Жрица Бхария была самой известной болтушкой в Додеке.

Храм стоял на одном из самых крупных и неровных островов с изрезанными берегами. Очевидно, он возник, когда сюда обрушилась стена каньона и река проложила новые каналы в запруде. Дома занимали большую часть острова, и он был похож на рептилию с крышами вместо чешуи, но кое-где виднелись напоминающие кости скопления камня. Пантеон устроился на зеленом горбе, одном из заросших деревьями участков города, добраться до которого можно было только по длинной лестнице. Двенадцать очков в пользу погоды, и еще двенадцать — в пользу головной боли.

Колесница выехала с моста на одну оживленную улицу, затем на другую, ведущую прямо к скале, проскользнула сквозь узкую щель в ней и оказалась в ложбине с крутыми стенами, дно которой было усыпано гравием. Там стояли десятки колесниц, около некоторых дожидались хозяев слуги, возле других хлопотали настриане, служившие при Пантеоне. Эхо от воплей онагров разносилось в каменных стенах, и глупые животные отвечали сами себе. Прихожане сновали туда-сюда по площади, однако они все вынуждены были подняться по деревянной лестнице, прикрепленной к крутому скалистому склону. Верк

подъехал как можно ближе к его подножию, потому что брать с собой в храм оружие запрещалось, а идти туда в сопровождении слуг считалось дурным тоном.

Френа протянула поводья Верку и уже хотела спуститься на землю.

— Меня недавно вызывал Хозяин, — сказал он, не глядя.

Она замерла.

— И что? Не велел сажать тебя на кол?

— Нет, госпожа. Он очень хотел знать, зачем вам понадобилось подъезжать к толпе.

Она бы и сама хотела это знать! Что заставило ее вести себя столь глупо? Для нее такое поведение совершенно нехарактерно.

— Надеюсь, ты объяснил ему, что я стала жертвой любопытства.

— Не такими словами. — Его голос прозвучал на удивление сдержанно.

«Я могла бы спасти того человека», — снова подумала Френа.

Верк помог ей спуститься на землю. Надев на плечо кожаную сумку, Френа приготовилась к трудному подъему. Голова болела все сильнее, а от воплей нищих, просящих милостыню у состоятельных прихожан, ей стало еще хуже. Богачи и священники в разноцветных одеяниях Пантеона не обращали на них внимания, но, когда попрошайки заметили сумку Френы, они завыли еще громче и, протягивая руки, поползли за ней на коленях. Она ускорила шаг, прошла мимо них и следом за парой священников начала подниматься к храму. Лестница извивалась зигзагом, часто меняя направление и перебираясь с одного склона на другой. Ее ширины хватало, чтобы двое людей, идущих наверх, могли разойтись с двумя спускающимися, однако она была в плохом состоянии, поручни расшатаны и разбиты. Давно пора ее отремонтировать.

— Фабия Селебр?

Кто-то коснулся ее руки. Не обращая внимания, Френа продолжала с трудом подниматься наверх.

— Тогда Френа Вигсон?

Френа с удивлением обнаружила, что к ней обращается прорицательница — высокая, стройная, с ног до головы одетая в белое. Поверх платья до пояса спадал плащ, скрывающий руки, на голове накидка. Ей, наверное, было ужасно жарко.

— Да, я Френа Вигсон. — До сих пор ей еще ни разу не доводилось разговаривать со Свидетельницами.

Та пошла рядом с ней.

— Не останавливайся и постарайся скрыть удивление. У меня для тебя важная весть.

— Откуда мне знать, что вы именно та, за кого себя выдаете?

И почему они разговаривают на флоренгианом языке?

— У тебя на правом плече незажившая рана, а твоя нижняя рубашка вышита голубыми маргаритками. — У нее был голос очень молодой женщины. — Итак, я прорицательница?

— Э-э... да. О чем вы хотите меня предупредить?

— Веришь ли ты, что я говорю только правду?

— Вы обратились ко мне, назвав другое имя.

— Да, хотела проверить, знаешь ли ты его. Ты не всегда была Френой Вигсон.

— Не всегда? — с трудом выдавила Френа.

Сердце стучало у нее в груди гораздо громче, чем следовало. Во рту пересохло, в голове пульсировала боль, и два пожилых священника, поднимавшихся перед ней, шли гораздо быстрее. Она совсем не хотела слушать загадки безумных прорицательниц.

— Да. Всю жизнь тебе лгали, но лишь затем, чтобы уберечь от опасности. Теперь же твое неведение может оказаться смертельным.

Если бы эту чушь нагородила не прорицательница, а кто-нибудь другой...

— Ну, и кто же я?

— На самом деле тебя зовут Фабия. Ты — четвертый ребенок Пьеро, дожа флорентианского города Селебра, и его жены, леди Оливии. Тебя взяли в качестве заложницы, когда пятнадцать лет назад Селебру захватил лорд крови Стралг. У тебя слишком быстро бьется сердце, дорогая. Отдохни немного.

Френа прислонилась к заросшему мхом камню, и прорицательница остановилась возле нее, но на ступеньку выше. Вниз направлялась группа женщин. В голове у Френы вспыхивали ослепительно зеленые молнии, которые были ярче солнечного света.

— Фабия?

— Фабия Селебр.

— А что такое «дож»?

— Что-то вроде выборного короля.

— И какая опасность мне угрожает?

Помимо смерти от головной боли.

— Преждевременная гибель. Скажу как можно короче: тебя и троих твоих братьев привезли в Вигелию в качестве заложников. В течение последних пятнадцати лет твой родной отец был марионеткой лорда крови, спасая его таким образом от войны и горя. Мы не можем видеть за пределами Грани, и мои сведения устарели примерно на сезон. Но уже тогда он был очень болен. Селебра снова становится стратегически важным городом, хотя довольно долго она не представляла никакого интереса. Один из детей дожа будет возвращен во Флоренгию, чтобы после его смерти занять трон. Остальных убьют, поскольку они могут развязать войну за престол. Теперь ты поняла, какая опасность тебе угрожает?

— Братья? Что? Где?

— Не время для пустой болтовни. Королева Теней — регент Стралга на этой Грани. Она принимает решение, кто из вас останется в живых. В настоящий момент она рассматрива-

ет вариант выдать тебя замуж за человека, которому она сможет доверять, и отправить в Селебру вместе с ним, но она может и передумать.

— Это она настояла на моем посвящении?

— Разумеется. Она запугала твоего отца угрозами, что объявит тебя Избранной Ксаран.

Несмотря на зеленые вспышки боли, выжимавшей ее мозг, точно сырую тряпку, Френа цеплялась за полусгнившие перила и пыталась сосредоточиться на словах прорицательницы.

— Зачем вы мне все это говорите? Мэйнистки поддерживают Стралга, вы его советницы. Почему вы делаете вид, будто пытаетесь помешать его сестре?

— Мы никогда не притворяемся! — В голосе прорицательницы зазвучали наконец человеческие чувства — гнев. — Фабия! Фабия! Поверь, мы служим чудовищу против воли и лишь потому, что должны исполнять условия старого договора, который, по мнению большинства из нас, давно пора разорвать. Мало кто согласен с главой нашего культа, однако в расчет принимается только ее мнение, и, заговорив с тобой, я нарушаю клятву послушания. Тебе полегчало, можешь идти? Парочка назойливых священников наверняка заинтересуется, почему ты так надолго остановилась.

Френа заставила себя подняться, хотя ноги у нее налились свинцом, и ей казалось, будто к ним привязали корабельные якоря. Спускавшиеся из храма люди с любопытством поглядывали на прорицательницу, а на Френу не обращали никакого внимания.

— Не думаю, что я в силах во все это поверить.

— Попытайся, потому что на карту поставлена твоя жизнь. *Я Свидетельница Мэйн!* Мы всегда говорим правду.

— Да, Свидетельница. Извините. А мой отец знает?

— Конечно.

— И как только я принесу клятвы, он примет брачное предложение?

— Предложение, от которого не сможет отказаться.

— И кто счастливый жених?

— Салтайя выбрала сына своего брата Хорольда, сатрапа Косорда. Его зовут Катрат, он только что прошел посвящение в Герои, либо это вот-вот произойдет.

Верист? Фу! Хуже и быть ничего не может.

— Отец... Хорт... обещал, что не заставит меня выходить замуж.

— Теперь заставит. Тому, кто выступает против воли Салтайи, не светит ничего хорошего.

— Зачем вы тратите силы на этот разговор, если у меня нет выбора?

— Ну, всегда можно совершить самоубийство, — весело заявила прорицательница. — Хотя это и не самый лучший выход. Отчасти я говорю тебе это, поскольку служу богине правды, и ты должна знать истину. Отчасти — чтобы рассердить Королеву Теней, насквозь пропитанную злом. Но в первую очередь я открываю тебе правду потому, что ты отмечена судьбой. Это сложное понятие, и его почти невозможно объяснить непосвященному. Оно означает великий потенциал и очень редко встречается. Высшая Жрица Бхария обладает огромной властью в городе, однако в ней нет «изюминки». Твой приемный отец — пресный и скучный человек, несмотря на богатство. Стралг и Салтайя тоже отмечены судьбой.

— И зачем мне этот дар? Какая от него польза?

— Им наделены те, кто создает историю. Это вовсе не означает, что *именно так* и происходит, потому что многие них остаются на обочине, не сумев исполнить свое предназначение. Однако, когда боги хотят изменить аромат мира, они используют для этого тех, кто отмечен судьбой. Мы редко встречаемся с данным явлением до того, как оно проявляется в полной мере, вот почему мы так в тебе заинтересованы, Фабия Селебр. Твое время еще не пришло.

— Это метафора такая, да? Мир представляется вам горшком, в котором боги готовят еду?

— А почему бы и нет. Если твой аромат — то, чего хотят боги, они положат тебя в свой горшок. Или ты можешь вечно простоять на полке в кухне. Точнее объяснить тебе предсказания будущего я все равно не смогу.

Безумие!

Прорицательница вздохнула.

— Ладно, ты не в силах поверить. Но подумай о единственной семье, которую ты знаешь. Для укриста Хорт Вигсон — неплохой человек, и ты подвергнешь его смертельной опасности, если будешь сопротивляться неизбежному.

Правая нога, левая, правая... Холодные ручейки стекали по телу Френы, воздух был слишком густым и тягучим, и она не могла сделать вдох.

— Я думала... Точнее, он мне всегда говорил, что в молодости путешествовал за Границу и встретил там мою... встретил во Флоренгии Паолу, на которой женился...

— У меня нет ни одного свидетельства о том, что он когда-нибудь покидал Скьяр. Он хорошо говорит на флоренгианом языке?

— Нет, вызубрил пару слов. Меня научила Паола и... — Френа замолчала, сообразив, что могут означать эти слова. *Почему* Хорт не выучил флоренгианский?

— Нам известно, что Паолу Апицеллу наняли где-то неподалеку от Селебры, или, возможно, заставили стать кормилицей для крошечного ребенка-заложника, на время путешествия на эту Грань. Здесь тебя отдали на попечение сатрапа Карвака, еще одного Храгсона. Он умер, когда повстанцы разгромили Джат-Ногул. Апицелле удалось бежать вместе с тобой в Скьяр, где она вышла замуж за укриста с большим будущим. Свидетельницы, разумеется, тебя нашли. Салтайя согласилась оставить тебе чужое имя и семью до тех пор, пока ты ей не понадобишься.

— Или пока я не понадоблюсь *вам*... — Вспышка боли заставила Френу говорить тише. — Так ведь? Я вдруг всем стала нужна. Меня желает заполучить Стралг, а вы хотите ему помешать. Зачем? Вы меня спасете?

Женщина в белом пожала плечами.

— Свидетельницы лишь наблюдают и записывают события, но никогда ни во что не вмешиваются. Кроме того, открыть Салтайе наши попытки сопротивления сейчас будет неразумно.

«Ха! Еще бы!» — подумала Френа.

— Вы говорите, что я не родная дочь Хорта Вигсона, однако я прожила с ним всю жизнь и научилась отказываться от сделок, выгодных лишь одной стороне. Если вы хотите, чтобы я вам помогала, вам придется предложить что-нибудь взамен. Мне плевать, что город, о котором вы сказали, важен для Стралга! Стать женой чудовища — незавидная участь. Флорентианские аристократы, чьи имена здесь прозвучали, отдали меня, когда я была совсем крошкой, а Паола и Хорт стали для меня всем, о чем ребенок только может мечтать — любящими, заботливыми родителями. Я знаю, что леди Салтайя имеет сомнительную репутацию, но всегда считала ее образованной и воспитанной дамой.

«Вот вам!»

— Однако ты ее боишься, сама не зная почему. Выходит, я могу заручиться твоей поддержкой при помощи взятки? Кстати, Паолу Апицеллу велела убить Салтайя.

— *Что?* — Френа споткнулась и остановилась, ухватившись за перила обеими руками и тупо глядя на Свидетельницу. — Вы только что сказали...

— Да, сказала. И готова подтвердить это на суде в присутствии Голоса Демерна. Салтайя Храгсдор велела флангу веристов забить твою приемную мать до смерти и бросить ее у порога дома Вигсона. Видишь ли, Салтайя не ищет сложных путей.

— Нет! — Преднамеренное убийство куда хуже, чем случайное нападение банды пьяных горожан. — Зачем она это сделала?

— Могу только догадываться. Она, вне всякого сомнения, подозревала, что твоя приемная мать стала причиной смерти ее брата, Карвака. Возможно, она боялась, как бы Паола не ввела тебя в ряды Избранных. Салтайя не сомневалась, что Паола — хтонианка.

Они уже почти дошли до самого верха, но все, что находилось впереди, пряталось за оградой; дорожка шла через ворота и резко сворачивала направо. Из ворот вылетела орава мальчишек, которые с криками помчались вниз по лестнице подобно живой лавине. Двор остался далеко внизу, и колесницы казались крошечными, точно детские игрушки.

Задрожав, несмотря на жару, Френа задала очевидный вопрос:

— А она была хтонианкой?

Прорицательница очень осторожно взвешивала слова.

— Фабия, наша богиня не позволяет нам заглядывать в таинства других богов. Сатрап Эйд — совершенно точно верист, потому что носит ошейник, и у него на голове видны зачатки рогов. Но Веру имеет и другие культы, о которых ты никогда не слышала. Если женщина носит огненную гадюку вместо ожерелья, значит, она настрианка. Ты знала, что Укр, бог твоего отца, также поддерживает культ воров?

— Нет! Правда?

— Избранных определить невозможно, что бы ни говорили охотники за ведьмами.

— Мама никогда не ходила в Пантеон, — сказала Френа.

— Причина могла быть в том, что Апицелла ненавидела ханжество. И все же иногда она тут бывала. Боги ревностно относятся к тем, кто им поклоняется, но, если бы Темная не позволяла своим Избранным посещать другие храмы, их име-

на сразу стали бы известны, а их самих бы уничтожили. Идеального испытания, которое помогает выявить Темных, *не* существует!

Свидетельница обернулась, словно посмотрела на что-то, хотя тяжелая ткань, закрывавшая ее голову и лицо, наверняка была непроницаемой, поскольку черты ее лица Френа разглядеть не могла. Видны были только пятна пота.

— Мама не была злой!

— А я и не говорила, что она злая. Я вообще не знаю сколько-нибудь полного и бесспорного определения зла. Древнейшую очень боятся, называя хранительницей мертвых, но мы все в конце концов отправляемся к Ней. Я не отрицаю, что некоторые из ее слуг могут нести зло; вполне разумно предположить, что другие злом не наделены. У Салтайи были факты: необычные обстоятельства смерти ее брата, удачное бегство Паолы и то, что она на протяжении многих лет жила так, что о ней никто не знал. И потом, ей повезло выйти замуж за богатого человека, который мог ее защитить. Да еще прикончить двух веристов, напавших на нее в темном переулке. Умирала она очень долго. Немолодая безоружная женщина стала жертвой нападения крепких воинов и убила двоих? Разве такое возможно?

— Вы снова манипулируете правдой! — Хотя Френе отчаянно хотелось закричать, из нее вышел лишь сдавленный хрип. — Вы говорите, будто Избранные не несут в себе зла, но зато могут победить веристов? Вы предлагаете мне принести клятву Матери Лжи, а не Светлым?

Настоящий, серьезный вопрос.

— Я ничего такого не предлагаю. Решение принимать тебе. Я вижу, что ты испытываешь сильные физические страдания, вероятно, у тебя болит голова. Причиной может быть несвежее мясо, однако я подозреваю иное. Конечно, существуют и другие объяснения, о которых я не подумала, но на мой взгляд ты уже обещана определенному богу или богине; это противоре-

чит цели твоего визита в дом Двенадцати, и данное противоречие вызывает боль. Посвящение есть форма выбора.

— Вы намекаете на то, что я принадлежу Темной? — прошептала Френа, представив себе вырытые в земле могилы.

— Вероятнее всего.

— Но я никогда не давала Ей клятву верности! — Френа смахнула пот, заливавший ей глаза.

— Младенцев могут посвятить богу родители или приемная мать. — Слова прорицательницы прозвучали так, словно она пыталась что-то у нее выведать. Френа решила, что ее ждет разочарование. — Когда ребенок становится взрослым, посвящение необходимо подтвердить. Вот почему ритуал требует, чтобы ты отказалась от всех остальных богов и от Древнейшей в отдельности.

— И тогда я буду от Нее свободна?

— Так заверяют священники. Если ты хочешь попытаться сделать это здесь и сейчас, боль в определенной степени отступит. С другой стороны, если ты пожелаешь принести клятву верности Ей, твое физическое состояние тоже улучшится. Я подозреваю, что причина твоих страданий именно в этой неясности. Я уже говорила: Избранную определить невозможно — она произнесет слова отречения, не моргнув глазом. — Прорицательница отвернулась, словно услышала нечто, недоступное Френе. — Мы слишком долго беседуем. Двенадцать раз по двенадцать благословений тебе...

— Подождите! Предположим, я решу... обдумать другую возможность. Что нужно делать?

Прорицательница долго молчала, стоя в облаке белых одежд.

— Советую тебе поговорить со служащим твоего приемного отца, мастером Пакаром. Судя по его привычкам, если он и не хтонианин, то должен знать тех, кто ими является. Но будь предельно осторожна!

— Подождите! — Френа схватила прорицательницу за край плаща. — Вы готовы помочь Избранной?

Свидетельница высвободилась и ответила:

— Я же говорила, мне неизвестно определение зла, Фабия Селебр, но «дети Храга» очень близко к нему подошли. Я готова помогать любому, кто выступит против них, любому! И я не одна. Однако будь осторожна! В Скьяре сейчас девять Свидетельниц, но не все они со мной согласны. Не верь никому, кто не назовет тебе имя Вуаль.

— Вуаль?

— Она ведет нас за собой. Двенадцать благословений, Фабия Селебр.

С этими словами она ловко взлетела по оставшимся ступеням и исчезла за воротами в вихре белых одежд.

Высшая Жрица Бхария была в зрелом возрасте, обладала величественной фигурой, зычным голосом, и зануды пуще нее в Додеке не знали. Она могла на протяжении всего банкета не переводить дыхание и не закрывать рта, умудряясь съесть больше остальных, одновременно рассуждая на темы, которые ее в данный момент занимали. Френа старалась никогда не приглашать ее на приемы, если только не присутствовала Салтайя — та единственная осмеливалась ее прерывать.

С другой стороны, она была глупа, но зато добродушна. Она приняла Френу в большой, заполненной людьми гардеробной — сумрачной, душной, пахнущей гнилью — и заключила в могучие потные объятия, обдав запахом божественного дерева. Когда они обменялись любезностями, Жрица отодвинула свою гостью на расстояние вытянутой руки и принялась разглядывать из-под нависших век.

— Ты хорошо себя чувствуешь, дитя? Выглядишь ужасно. Нервы, полагаю; это совершенно естественно для девушки перед...

— Голова болит... погода...

— Да, влажность, я тебя понимаю, у нас одна жрица священного Настра *невероятно* страдает в сезон дождей, ее постоянно тошнит... давай отправимся в храм священной Синары, там ты помолишься, оставишь небольшое подношение, и наверняка богиня облегчит твои страдания.

— Нет, со мной все хорошо, — поспешно проговорила Френа. Сказать что-нибудь иное в присутствии достопочтенной Бхарии было невозможно.

— Как хочешь. Тогда позволь сначала представить тебе...

Высшая Жрица представила ей дюжину служителей и две дюжины их заместителей, в чем не было никакой необходимости. Зато все они ждали от Френы подарков. Не успели они произнести и двух слов приветствия, как Бхария повела всю процессию на экскурсию по Пантеону.

Очень скоро Френа обнаружила, что головная боль слегка отступила и стала вполне терпимой. Она поняла, что в определенном смысле сделала выбор, отказавшись обратиться за помощью к священной Синаре. Окончательное решение она примет, когда у нее будет возможность обдумать то, что ей сообщила Свидетельница. Дочь *дожа*, что бы это ни значило. *Фабия* — необычное имя, даже экзотическое. Аристократичное. Ей придется научиться думать о себе как о *леди Фабии*. Три брата? Правитель крупного и стратегически важного города?

Убийство?

Точно матушка-гусыня, Бхария повела свиту вдоль ухоженной дорожки через необычный парк; они поднимались и спускались, тропинка петляла между скалами и древними деревьями, от одного храма к другому, и все это вокруг вершины холма. Встречавшиеся им священники и прихожане испуганно уступали дорогу. Сегодня монолог Высшей Жрицы был посвящен истории Храмового острова и самого Скьяра, необходимости сохранять и восстанавливать святыни. И, хотя она ни словом

не обмолвилось о золоте Хорта, вне всякого сомнения, именно оно подтолкнуло ее к подобным разглагольствованиям.

Она постоянно повторяла слова «очень старый».

— Эта земля священна с давних времен, в некоторых местах даже древнее Арканы. Здесь сохранились следы *очень старых*, примитивных храмов... Все храмы выстроены из дерева, и некоторые стили поражают своей древностью — это *очень старые* постройки. Разумеется, материал достаточно новый, потому что испокон веков каждое здание возводится заново раз в двадцать лет, причем копия в мельчайших подробностях повторяет оригинал. К очередной запланированной реставрации мы и собираемся приступить в ближайшее время.

У Бхарии было единственное достоинство: разговор с ней не требовал никаких усилий, даже участия.

— Храм священного Веру *очень старый*, возможно, самый древний из сохранившихся до нашего времени, потому что ущелью дано Его имя. Известно, что в так называемый Период Экспансии город считал Веру своим покровителем, впрочем, тогда Скьяр был всего лишь пиратской крепостью. Хотя нам не следует говорить вслух подобные вещи, даже если это и правда, верно? Ведь благодаря мастерству пиратов в строительстве кораблей мы смогли завоевать половину побережья Океана и все земли вокруг озера. По этой причине священную Храду стали считать Его супругой, и веристы поклонялись Им, как двум покровителям города...

— А я всегда думала, что священная Храда — богиня-*девственница*, — умудрилась ввернуть Френа.

— Ну, сейчас это, разумеется, так, — спокойно заявила Высшая Жрица. — Однако все, о чем я рассказываю, было много лет назад. — Она помчалась вперед, видимо, так и не поняв, что ляпнула глупость. — По традиции богине преподносят дар в виде вышитого шарфа, но мы можем предложить украшенную драгоценностями шкатулку за вполне приемлемую цену...

Поразительно, что прорицательница так терпимо говорила о Темной. Почему-то это успокаивало. Возможно, мама Френы... то есть, Паола Апицелла была одновременно Избранной и любящей матерью, которую Френа... то есть Фабия вспоминала с нежностью. О, ну почему она не может в это поверить? С ее плеч тогда свалилась бы целая гора сомнений и боли.

— Храм священного Демерна дошел до нас с *очень старых* династических времен, когда Он и священная Веслих были хранителями Скьяра. Это видно по линии крыши и перевернутых фронтонов, а еще вот здесь есть надпись, сообщающая нам о том, сколько раз храм перестраивали...

Должна ли Френа принять какое-то решение? Чем все это закончится, ясно и так: через два дня Хорт привезет ее сюда, в Пантеон, в сопровождении вооруженных стражников. Множество друзей, служащих, партнеров и просто зевак станут свидетелями ее посвящения, и, следовательно, отречения от Ксаран и всех остальных богов, кроме Двенадцати — из которых она так сразу и не смогла бы кого-нибудь вспомнить. Если она откажется, ее вытащат из храма и похоронят заживо, что, конечно же, испортит праздник...

— Ты что-то сказала?

— О нет, ваше святейшество. — «Всего лишь нервно хихикнула». — Голова уже почти прошла. Прошу вас, продолжайте.

— Как я уже сказала, так называемое Демократическое Междуцарствие, судя по всему, не оставило никаких заметных следов в Пантеоне, но, разумеется, оно продолжалось совсем недолго, а дошедшие до нас сведения о религиозных верованиях весьма противоречивы... И хотя предположение, что священный Сьену был божественным вдохновителем перемен, может в какой-то мере объяснить их преходящий результат — естественно, я не хочу показать неуважение к...

И так далее.

И тому подобное.

У Фабии три брата! Три! Она не успела спросить у Свидетельницы, где они находятся, кто они такие и кем стали. Понравятся ли они ей? А она — им? Любят ли они то же, что и она? И где их вырастили — во дворцах или на кухнях? Стали ли они учениками ремесленников, крестьянами или их воспитывали как будущих дожей? Когда ей *официально* объявят о ее настоящем положении, она сможет расспросить о братьях. И предупредить об опасности, которая им угрожает!

— ...разумеется, олигархия подарила Скьяру величайшее процветание, сделав упор на торговле и объявив священного Укра своим покровителем, а священную Анзиэль Его супругой. Ибо от богатства нет ни малейшей пользы, если оно не озаряет нашу жизнь искусством, и все перестройки, которые вы видите, относятся к промежутку времени незадолго до того, как двадцать лет назад лорд крови Стралг сверг Совет... я-то все помню, но уверена, что вы...

Неужели эта женщина *никогда* не замолкает?

ГЛАВА 14

Френа Вигсон вернулась домой и закрутилась в водовороте встреч и споров, от которых ей удалось отделаться лишь дюжиной категоричных заявлений. Затем она потребовала прохладную ванну, свежее платье и сказала, что хочет перекусить на своем любимом балконе, выходящем в гавань. Порез на плече все еще кровоточил. Инга попыталась снова его перевязать, но теперь уже и Френа сама подумывала, не послать ли за синаристкой.

Впрочем, она довольно быстро об этом забыла. Она лежала на диване, ела конфеты, Пламна и Лилин играли на инструментах, а Най пела. Френа смотрела на синий Океан, обрамленный каньоном; от головной боли не осталось и следа. Окажись рядом про-

рицательница, она бы увидела в этом знак того, что Френа приняла решение. Разумеется, никакого решения еще не было; она продолжала рассматривать разные возможности. Наконец Френа отдохнула и послала за архивариусом, отвечавшим за свежие реестры.

Этот бессмысленный титул принадлежал мастеру Пакару, одному из отцовский писарей. Он часто уезжал, и даже его официальные обязанности представлялись Френе загадочными. Неофициальные же — судя по тому, что на протяжении многих лет слышала Френа от слуг, и что сегодня подтвердила прорицательница — включали некоторые не слишком достойные деяния. Одна из причин, по которым она его не любила. А еще он был толстый, но если полнота и предполагает некоторую приятность — взять, например, Бхарию — к нему это не относилось. Складывалось впечатление, что у него совсем нет волос; рот был слюнявый, с отвислыми губами; а еще от него постоянно несло рыбой. Всякий раз, когда Френа оказывалась рядом, ей становилось ужасно не по себе.

Она не слышала, как он подошел, поскольку Пламна играла на цимбале, и чуть не свалилась с дивана, когда обнаружила его рядом. Белое льняное одеяние окутывало мастера Пакара от самых подмышек до щиколоток. Мокрые губы улыбались, жирные руки были сцеплены на толстом животе, и он старался не смотреть ей в глаза.

— Чем могу быть полезен, миледи?

Френа махнула рукой, отпустив девушек, и, пока они шли к двери, попыталась собраться с мыслями. В комнате стоял еще один диван, но она не предложила Пакару сесть. Да он и не ждал от нее этого. Она потянулась к засахаренному винограду, однако запах рыбы отбил у нее всякую охоту к сладкому.

— Сегодня мне сообщили, что ты — Избранный.

Мастер Пакар стоял чересчур близко и, улыбаясь, смотрел на ее тело.

— Ты ничего не скажешь мне по этому поводу?

— Избранный для чего, госпожа?

— Избранный... — Она вовремя остановилась, не успев произнести запретное имя. — Хтонианин.

— Ах.

— Это серьезное обвинение.

Он вздохнул, разглядывая ее бедра.

— Да, серьезное. Естественно, я все отрицаю. Впрочем, у меня действительно имеется несколько весьма сомнительных знакомств. Госпожа хочет провести хтонианский ритуал? Сколько дней прошло с тех пор, как у вас была кровь?

— *Как ты смеешь?!* Наглец! За такое полагается порка! — Френа мучительно покраснела.

— Прошу меня простить, — слегка шепелявя, пролепетал Пакар. — Я вас неправильно понял. Возможно, миледи соблаговолит объяснить...

— Мне прекрасно известно, что ты вызываешь выкидыши у нерадивых служанок. Многие из них считают, что причина их бед кроется в любовных эликсирах, которые ты продаешь не слишком порядочным слугам-мужчинам. Как правило, я не обсуждаю подобные вещи с отцом, однако же...

— Эта рыба не клюнет, госпожа. — Он улыбнулся, пялясь на ее левую грудь. — Ваш отец не видит того, чего не хочет знать, и ценит гармонию в доме. Я исполняю множество мелких поручений по его желанию, хотя он не отдает мне прямых приказов. Если вы вздумали шантажировать меня кухонными сплетнями, должен вас разочаровать. И потом, вы подвергнете своего отца опасности.

Френа несколько раз глубоко вдохнула, чтобы взять себя в руки. Он был умнее, чем она ожидала.

— Мне также известно, какую цену ты берешь за свои труды. У хорошеньких девушек ты требуешь три ночи, менее привлекательные или немолодые оказывают тебе весьма унизительные ус-

луги. Имей в иду, тебе не удастся шантажом принудить меня к чему-либо подобному.

Его поклон скорее напоминал кивок в сторону ее пупка.

— В таком случае давайте будем разговаривать просто как... — он самодовольно ухмыльнулся, — партнеры. Ваша мать была Избранной. Да, этому нет никаких доказательств, но ваш отец нанял меня вскоре после того, как она... «вернулась в утробу», так говорят. В каком-то смысле я сейчас заменяю вам ее — в качестве источника определенных знаний или услуг. Итак, вас заставляют пройти посвящение Двенадцати, вы вынуждены сделать выбор между ними и Темной, которой вас в младенчестве посвятила мать. Теперь вы желаете обсудить церемонию окончательного посвящения.

— Все это злобная клевета!

Большой белый слизняк изучал ее левую грудь.

— Мои нижайшие извинения. Меня сбила с толку рана на плече миледи, и я подумал, что вы попытались самостоятельно принести жертву.

— Рана?

Ну конечно, горничные раззвонили об этом на весь дом!

— Подозреваю, она от острого камня. Пользоваться металлическим клинком запрещено. А, вы покраснели, значит, я не ошибся. Я вижу, вам даже известно, что вы должны были сделать это левой рукой. Кровавое жертвоприношение имеет огромное значение, но без правильного порядка действий и вспомогательного ритуала таит в себе много опасностей. Кроме того, очень важно, чтобы кто-нибудь указывал вам, что делать. Обсудим условия?

— Золото.

— Какой у вас чудесный голос. — Его взгляд спустился ниже, к бедрам. — Сколько золота?

— А что именно я покупаю?

— Руководство. Знания. Пролить пару капель крови на землю недостаточно. Вы должны принести жертву в месте,

священном для Матери Всех и прочесть правильные клятвы. Существуют ритуалы, как я сказал, однако служба короткая и очень легкая по сравнению с годами тяжелого труда и унижения, которых требуют некоторые другие культы. Я с удовольствием предоставлю вам знающего наставника, который отведет вас в нужное место и поможет принести клятвы Древнейшей.

И ни слова, что наставником будет толстый, лысый слизняк с бегающими глазами. *Кровь и мрак?* Нет, неправильно. *Холодная земля* — наверняка это часть ритуала.

— Какие возможности Она дает и какой корбан я должна принести?

Пакар наградил бедра Френы такой радостной улыбкой, что она испугалась, не видит ли он сквозь одежду.

— Она воздает в соответствии с вашим подношением. Вы клянетесь только в одном — терпеть. Темная несет погибель, однако, собирая в ночи свой урожай, Она узнает и щадит тех, кто ей принадлежит. Если бы я сказал вам, сколько мне лет, вы бы не поверили.

— Вчера я видела, как толпа заживо похоронила Избранного.

— Откуда вы узнали, что он Избранный, госпожа? А им это откуда известно?

— Ты хочешь сказать, что, раз он умер, он был ни в чем не виновен; а если б не умер — то виновен?

— Я не говорил, что Она дарит бессмертие. Рано или поздно мы все умираем.

Френу передернуло.

— Мне нужно подумать.

— Не медлите. Ваша встреча с Двенадцатью назначена через два дня, и она свяжет вас узами, которые вам будет очень трудно разорвать, если позже вы захотите принадлежать Матушке Ксаран. О! Я произнес Ее священное имя, но меня не

поразила молния. Наставник, о котором я говорил, естественно захочет получить плату вперед. Пять мер золота.

— Никогда. Хватит и двух.

— Пять. И пусть земля у вас под ногами будет щедрой, госпожа. — Мастер Пакар поклонился ее животу и ушел так же тихо, как возник.

Рано или поздно любой день подходит к концу.

Френа села, ее била дрожь. *Мрак?.. Шум...*

Наконец-то пошел дождь! Он лился на пол под ее окном — не настоящая буря, но все равно сильный ливень. Воздух оставался таким же горячим, однако Френа чувствовала приближающуюся прохладу. Она поднялась с мятой простыни и в тусклом свете ночника пошла закрывать ставни. Затем она плюхнулась на край спальной платформы, сжала голову руками и снова задумалась о том, что ей делать.

Пакар невыносим. Допустим, у нее найдется необходимая сумма (хотя едва ли)... Френа все равно не верила, что он исполнит обещанное. Даже прорицательница не могла точно определить, что он хтонианин, а он так и не дал однозначного ответа.

Здравый смысл подсказывал ей обратиться к отцу... к Хорту. Назвать родителей «*приемной* матерью» и «*приемным* отцом» у Френы язык не поднимался — но ведь Хорт всю жизнь ей лгал! Впрочем, ей так и не удалось выяснить, что ему известно. Знал ли он, что его жена — Избранная, или это как раз и относилось к тем вещам, на которые он, по мнению Пакара, закрывал глаза? Нет, Френа не могла просить помощи у Хорта.

Возможно, именно здесь и кроется решение. Если Избранные поклоняются Ксаран, выходит, их культ не похож ни на какой другой — у них нет величественных храмов, нет священников или учителей, всего лишь одинокие приверженцы, которых ненавидят и отовсюду гонят. Салтайе нужна марионетка, чтобы править Се-

леброй, а Избранная никогда не станет марионеткой. Более того, возможно, она отомстит за убийство Паолы.

Френа-Фабия должна принять это решение сама. Ее плечо снова закровило. Нужно пролить кровь в священном месте, так сказал мерзкий Пакар. Возможно, подходящее место совсем рядом.

Френа не решилась взять лампу и пробиралась по коридору в темноте. В этом крыле особняка располагались в основном общие комнаты. Здесь спали только она и отец; дюжиной комнат для гостей никто никогда не пользовался. Стражники, охранявшие дом снаружи, не имели права сюда входить, но могли это сделать, если бы увидели мерцающий свет. Она нащупала ногой первую ступеньку и начала спускаться, двигаясь как можно осторожнее, потому что она помнила о новых деревянных фигурах и не хотела уронить одну из них, чтобы она с грохотом полетела вниз. Ее сандалии тихонько шуршали по мраморному полу.

Френа не забыла ту ужасную ночь, три года назад, которая продолжала мучить ее в кошмарах. Тогда, как и сейчас, дом был темным и казался пустым. Тогда, как и сейчас, она видела свет под дверью кабинета отца, потому что он редко прерывал работу на еду или сон. Тогда, как и сейчас, она пошла в противоположную сторону и стала спускаться по лестнице. С тех пор лестницу расширили и украсили; прежние покои ее матери снесли, чтобы увеличить внутренний дворик, окруженный сейчас крытым переходом. Она прошла по нему и вскоре остановилась под аркой рядом с тем местом, куда Паола пришла умирать. Если поблизости и есть место, священное для Древнейшей, оно наверняка тут. Для Френы оно определенно было священным.

Дождь полил сильнее, хотя все равно он не мог сравниться с тем, что бывает в сезон дождей. Ветер не проникал внутрь дома, но струи воды с шипением падали во дворик, капли рав-

номерно стучали по крышам, срывались с веток деревьев. Вода усиливала запахи земли и листьев, это была жизнь, дар богов. Дрожа, но не от холода, Френа стояла в крытой галерее и вспоминала постоянно повторяющийся сон. Дверь. Ее мать. Зов. Она не припоминала, чтобы еще какие-нибудь сны были такими яркими. *Кровь и холодная земля*... нет, не так. *Кровь и рождение*... И что-то еще. Поговорка? Пословица? Стихотворение?

Слова, которые ассоциировались у нее с матерью — с Паолой Апицеллой, а не какой-то таинственной аристократкой, живущей далеко, на другой Грани.

Она скоро промокнет до нитки. Вода не причинит ей никакого вреда, а пара сырых полотенец в комнате не вызовет утром безмолвных вопросов, однако мокрое насквозь платье не останется незамеченным. Френа сбросила с плеч тонкую ткань, которая упала на пол. Да, вот так.

Обнаженная, она вышла из-под арки и ступила на влажную землю. Дождь был теплым и настолько сильным, что она тут же намокла, совсем как в момент своего рождения. Френа поспешила по тропинке, разбрызгивая воду из луж, чувствуя прилипшие к спине волосы и ласковое прикосновение листьев: они словно радовались ливню.

Она пробежала по траве. Здесь. Здесь она нашла мать. Паола доползла сюда, сбрасывая по пути бинты и шины. Ей не удалось избавиться от всех, но, когда она очутилась на этом месте, то была почти обнажена, как и ее дочь сейчас. Тут она умерла, прямо на голой земле. Нет, на *холодной* земле!

Френа присела и заглянула в кусты. Они разрослись, превратившись в маленькие деревья. Могилу традиционно отмечали пять камней. Листья, танцующие в струях дождя, опустились ей на плечи, когда она полезла под ветки.

Да! Она поняла: *Кровь и рождение; смерть и холодная земля.*

Она потерла пальцами рану от острого камня, затем положила перепачканную кровью руку на черную глину. Она оказалась мягкой и на удивление приятной. Покой сменился радостью. Здесь чувствовались любовь и тепло, мамино присутствие. Она уловила безмолвное приветствие, почувствовала призрачное объятие и знакомый запах, но все это было за пределами реальности.

— Мама? — прошептала она.

Ответом была любовь.

«Терпи!» — уловила она легкий шепот.

Ей стало холодно. В конце концов она замучилась ждать и вернулась в крытую галерею. Френа отдавала себе отчет, что затеяла опасную игру. Ритуалы, проводимые в одиночестве посреди ночи — вполне достаточный повод, чтобы приговорить человека к смерти. Даже капли воды на полу галереи могут стать смертельно опасным свидетельством. Она сделала невероятно большой шаг и встала на свое сброшенное платье, вытерла об него ноги и надела сандалии. Затем помчалась назад, в свою комнату.

Там она вытянулась на спальной платформе и произнесла молитву. Древнейшая была еще и Леди Снов. «Пошли мне сон, — попросила Френа. — Только не про наводнение и дверь. Его я поняла. Покажи что-нибудь другое. Помоги мне!»

Пришла очередь женщины занять место в первом ряду возле огня. Восемь безымянных людей прижимались друг к другу, стараясь согреться, в безнадежной попытке укрыться за спинами тех, кто стоял впереди. Ветер, точно острый бронзовый клинок, проникал сквозь шерсть и меха, в которые она куталась, от земли поднимался ледяной холод, полз вверх, наполняя все ее тело. Ее сосед закашлялся, и тут же начали кашлять другие. Им не хватало воздуха, который обжигал глотки и легкие, от него трескались губы и ноздри. Бороды мужчин обледенели.

Лагерь разбили в ущелье, где не было никакого укрытия от убийственного ветра, и даже могучим веристам не хватило сил поставить палатки. Жалкий, шипящий костер погаснет еще до рассвета. За прошедшие несколько дней караван не встретил на своем пути ни одного, даже самого чахлого, кустика, но сегодня вечером они наткнулись на труп какого-то путешественника, который умер на дороге, высох, превратившись в мумию, да так и остался там лежать. Герои разломали его на куски и вылили на него остатки масла. К счастью, благодаря ветру он загорелся.

На черном бархате неба, точно невесомая паутина из алмазной пыли, сияли невероятные звезды. Очень далеко на западе, на горизонте, мерцая, словно призрак, виднелся конический пик. Варакатс, знак того, что они миновали Границу — так говорили ледяные демоны. Однако впереди их ждал долгий спуск; и теперь уже все понимали, что некоторым из них не дано его преодолеть. Возможно, никому, и следующие путники используют их тела в качестве топлива.

Ветер обжигал кожу, резал, точно острый нож, а затем превращался в злобного хищника, воющего среди скал. Тяжелее всего была нехватка сна. Лечь означало задохнуться в разреженном воздухе. Лишившись возможности растапливать снег, они лишились и питьевой воды; жажда становилась пыткой пострашнее, чем голод и усталость.

Могучая рука схватила ее и перебросила через тех, кто стоял у нее за спиной, они тут же пригнулись и подняли руки, прикрывая головы. Она оказалась за пределами внешнего круга и упала на спину, пытаясь защитить драгоценный груз, спрятанный под паркой. Верист, сделавший это, перешагнул через своих сидящих товарищей, чтобы занять ее место у костра.

— Ты должен нас защищать, свинья! — хрипло выкрикнула она.

Он не обратил на нее ни малейшего внимания: либо не понял языка, на котором она говорила, либо знал, что у нее просто не хватит сил устроить потасовку. Ледяные демоны не выставляли напоказ свои могучие обнаженные руки, как делали это на равнине; они кутались в шерсть и меха, а поверх надели плащи, однако это не мешало им решать все возникшие проблемы с помощью грубой силы.

Крошечный сверток, который она прижимала к груди под мехами, был холодным и безжизненным. С того самого мгновения, когда командир приказал разбить лагерь, она знала, что время пришло, но бессилие мешало ей действовать. Если она не сделает этого сейчас, будет слишком поздно. Никем не замеченная, она отошла от лагеря, впрочем, если кто-то ее и видел, всем было плевать и ее никто не окликнул. Никого не волновало, умрет ли эта женщина и ее подопечная. Скоро веристов перестанет занимать даже собственная смерть, и тогда наступит конец. Они все умрут — потому что у них не останется воли к жизни.

За первым скоплением высоких валунов она обнаружила камни, с которых ветер сдул всю пыль. То, что она задумала, нужно сделать очень быстро. Вокруг царила ночь, озаренная лишь светом звезд, но темнота была ее другом. Она видела достаточно для своих целей, для целей Матери.

Женщина сняла перчатки. Пальцы заледенели, а без перчаток и вовсе скоро омертвеют. Земля здесь так промерзла за многие годы, что стала жесткой, как камень. Она положила руку на отполированную ветрами поверхность и открыла свое сознание бездонным потокам мира, ласкающему присутствию Матери. Ее тут же наполнила могучая сила, которая поразила ее, ослепила и чуть не заставила отдернуть руку. Неожиданно она поняла, что никогда до сих пор не вступала в связь с Матерью через голый камень. Прежде Она дарила ей силу, прошедшую

сквозь мягкую, живую землю. Здесь же скрытое от посторонних глаз могущество стихии находилось в своем чистом виде, и все его темные грани ослепительно сияли, словно в этой древней холодной пустыне жизнь отчаянно искала выхода через ее плоть.

Возможно ли то, что она задумала? И как повлияет на малышку такая могучая сила? Она может поглотить ее, и тогда ребенок умрет, но и без благословения она больше не выдержит ни одного перехода. Придется рискнуть.

Она выбрала острый камень, закатала рукав и сделала надрез на внутренней стороне запястья. Когда кровь пролилась на камень, она положила на него руку. И тут же почувствовала узнавание и благодарность за жертву. И, конечно же, любовь. То была безжалостная любовь, несокрушимая, не знающая преград. Женщина раздумывала, не в силах справиться со страхом... Но она знала, что должна это сделать, что бы ни случилось потом.

— Мать, — прошептала она, — услышь меня и помоги защитить девочку, которую я Тебе принесла. Надели ее волей, чтобы она не умерла в этом ужасном месте.

Теперь надо делать все очень быстро. Она начала поспешно дергать завязки и расстегивать пуговицы неловкими, замерзшими пальцами. В груди у нее почти не осталось молока, но ребенок давно перестал плакать. Она вытащила малышку, от которой отвратительно воняло, потому что вот уже много дней ей не встречался подходящий мох. Неужели она ждала слишком долго? Девочка жалобно захныкала, когда на нее налетели порывы ледяного ветра. Во время первого посвящения нужно раздеться догола, но у нее не было времени; да и крошечное тельце вряд ли выдержит такой холод.

Она перевернула малышку и сделала надрез на внутренней поверхности крошечного бедра. На мгновение ей показа-

лось, что в маленьком теле совсем не осталось крови, но тут две капли упали на камень.

— Мать, я прошу Тебя избрать и присвоить себе этого ребенка. Возьми ее живое тело или забери дух — как пожелаешь. Но я молю Тебя, подари ей жизнь, чтобы она могла служить Тебе в будущем.

Она прижала маленькую ручку к уже замерзшим крошечным каплям крови. Ребенок неожиданно завизжал, словно возмущаясь таким обращением. А потом снова, еще громче.

Вскрикнув от радости, женщина схватила малышку и засунула под плащ, к своей теплой груди. Ощущение было такое, будто прижимаешь к себе холодную рыбу, но крошечные губы тут же нашли сосок и принялись сосать. Женщина с удовлетворением вздохнула, почувствовав, как грудь начала наливаться молоком. Ласковое тепло окутало ее, потекло из ее тела к малышке. Даже любовь мужчины и удовольствие, которое ей дарил Ставан, не могло сравниться с наслаждением, охватившим ее, когда она кормила ребенка.

Потом она поплотнее запахнула плащ, прикрыв свою подопечную, которая уже согрелась.

— Ну вот! — пробормотала она. — Теперь ты принадлежишь Ей, как и я. Но зато ты будешь жить. Это все же лучше.

Когда сердце перестало отчаянно колотиться в груди, Френа встала, нашла бронзовое зеркальце и принялась разглядывать внутреннюю поверхность своего бедра в неверном свете лампы, в которой почти закончилось масло. Шрама там не было. Впрочем, неудивительно, ведь прошло столько времени, она выросла. Френа легла на платформу, зная, что ей не суждено заснуть. Как достать пять мер золота и довериться мастеру Пакару, незаметно сбежать с ним в место, которое он называет священным, да и вообще, откуда ей знать, что он не

совершит какое-нибудь злодеяние, когда она окажется с ним наедине? У нее впереди всего одна ночь.

Голова окончательно перестала болеть — она приняла решение. Френа знала, что хочет сделать. Ради Паолы. Но ей потребуется помощь Древнейшей.

ГЛАВА 15

Терек Храгсон ходил взад и вперед по своей комнате, окутанной спустившимися сумерками. *Цок... цок... цок...* Где эта проклятая прорицательница? Что могло ее так задержать?

Он остановился возле окна и посмотрел на дорогу, ведущую в Трайфорс. В небе полыхали красные, оранжевые и розовые краски, а солнце казалось неровным кровавым пятном. В Нардалборге закаты длились бесконечно.

Он развернулся и зашагал назад. *Цок... цок... цок...* В тусклом свете комнаты он не видел ни скамьи, ни стола, даже спальной платформы. Он считал свои шаги, прислушиваясь к стуку когтей по деревянным доскам.

Из восточного окна открывался вид на дорогу, ведущую к Леднику, там небо уже стало бархатно-черным, усыпанным звездами. Сегодня утром он целую вечность разглядывал приближающийся караван, спустившийся с перевала, прежде чем стража его заметила и подала сигнал тревоги. Терек был потрясен тем, какой он маленький. В прежние времена караван состоял из бесконечного потока рабов, согнутых под тяжестью добычи своих хозяев; а сегодня Терек сумел заметить лишь несколько купцов, около дюжины раненых воинов, возвращающихся на родину, и пару совершенно здоровых веристов с сумками, в которых, вне всякого сомнения, лежали послания от Стралга.

Почему Свидетельница так задерживается? Уже скоро совсем стемнеет.

Терек снова посмотрел в окно, выходящее на запад. Он собирался вернуться в Трайфорс сразу после принесения клятвы, несколько дней назад. У него хватает забот с отрядами зеленых новобранцев, проходящих через город по дороге во Флоренгию, чтобы умереть там ради Стралга, а Хет прекрасно управляет Нардалборгом и без командира войска, таскающегося за ним по пятам. Терек остался из-за проклятого заложника Орлада. Нужно было видеть его глаза! Не в тот миг, когда Терек надел ему на шею цепь и вынужденно наградил ритуальным объятием, от которого его чуть не вытошнило — тогда в этих глазах застыло лишь холодное, жесткое выражение. Нет, чуть раньше, за несколько минут до того, как пропивший мозги болван Гзург Хроттатсон объявил о своем безумном решении. Чернявый мерзавец болтался в конце зала и, вне всякого сомнения, знал, что сейчас произойдет, но не догадывался, что за ним кто-то наблюдает. Вот когда Терек увидел огонь предательства в его отвратительных черных глазах.

Поэтому вместо того, что отправиться в Трайфорс на следующее утро, Терек вызвал к себе прорицательницу, и она прибыла сегодня утром в фургоне, запряженном длинношерстным быком. Ему всего лишь требовалось, чтобы она подтвердила его подозрения — на случай, если Салтайя вдруг решит задать вопрос — а затем он прикончит молодого мерзавца. Цепочка на шее, значит? На ней же его и повесят!

Кто-то постучал в деревянную дверь.

— Войди! — крикнул он и сделал вид, что разглядывает пейзаж за окном.

— Милорд!

Мужской голос — скорее всего это Хет, но по одному слову не определишь наверняка. Терек не мог разглядеть в темноте цвет его пояса.

— Вольно. Чего тебе?

— Мой господин добр. — Хет выпрямился. — Прибыл караван.

— Я видел.

— Он доставил для вас вот это. — Послышался стук глиняных дощечек, которые положили на деревянный стол. — И еще несколько штук. Сразу отправить их по назначению?

Этот вопрос означал: «Не хотите ли вы взглянуть на них первым?» Прошло много лет с тех пор, как Терек последний раз бывал в Нардалборге во время прибытия каравана, и Хет не знал, как следует поступить. Однако он был достаточно предусмотрителен, чтобы поинтересоваться.

— Обязательно отправляй. Полагаю, большая часть адресована моей сестре. Ты решил, что я захочу прочитать ее почту?

— Нет, разумеется, милорд.

Терек так и поступил бы, если б посмел. Однажды он рискнул это сделать, много лет назад — как-то ночью, сильно напившись, он вдруг подумал, что со стороны Стралга несправедливо сообщать все последние новости Салтайе, а ему — ничего. Поэтому он приказал писарю выбрать по датам на футлярах самую свежую из недавно прибывших дощечек, раскрыть ее и прочитать содержимое. В пути футляр вполне мог пострадать, но, очевидно, прорицательницы были в состоянии определить, что произошло с табличкой. Он об этом не подумал, в отличие от Салтайи. Примерно через сезон после происшествия та призвала его к себе. Он пытался не обращать внимания на ее приказ, мысленно послав Салтайю к Древнейшей, но потом испугался, что именно к ней она и пойдет — вовсе не за тем, о чем он подумал. Поэтому в конце концов он подчинился.

Почему-то в тот год он был в Джат-Ногуле, на дальней стороне Грани, и у него ушла целая зима, чтобы добраться до сестры. Когда он предстал перед ней, она отвесила ему пощечину, сообщила, что прикончит его, если он еще раз так поступит, и тут же отправила домой. По крайней мере так он это запомнил, однако его адъютанты утверждали, что он отсутство-

вал три дня. С тех пор он ни разу не осмелился вскрывать письма Салтайи.

— Прислать к вам писаря... милорд? — неуверенно спросил Хет.

— А какие ходят слухи? — Молва могла содержать гораздо больше правды, чем вымыслы Стралга. — Есть новости из Флоренгии? Мы одержали какую-нибудь великую победу?

— На самом деле да, милорд. Герои ликуют по поводу грандиозной победы возле местечка под названием Миона. Повстанцы пытались осадить поселение, в котором находился ваш великий брат, милорд. И, хотя они значительно превосходили числом нашу армию, он хитростью заманил их в город, после чего ушел оттуда, распорядившись сжечь все дотла. Враг понес огромные потери.

По сдержанному голосу опытного военного было трудно сказать, верит ли он в эти бредни. Терек не поверил. Он бы отдал половину своих когтей за то, чтобы увидеть выражение лица Хета, но на близком расстоянии все лица превращались для него в размытое пятно.

— А они были там лично, эти Герои?

— Не думаю, милорд.

— Где находится Миона? Рядом с перевалом или дальше?

— Я... мне не пришло в голову спросить, милорд. — В голосе появились осторожные нотки.

Терек рассмеялся и снова повернулся к окну.

— Иди сюда.

Хет подошел и встал рядом.

— Слушаю, милорд?

— Ты не понимаешь, что происходит, мой мальчик, — тихо проговорил сатрап. — Мне не следовало бы тебя так называть, верно? Тебе уже сколько... двадцать восемь?

— Тридцать.

— Ага. Ну, в тридцать ты уже должен уметь видеть дичь, прячущуюся в кустах. — Он выдавил из себя смешок и обхва-

тил одной рукой могучие плечи Хета. — Помнишь то время, когда ты проходил посвящение? Ты хотел немедленно отправиться во Флоренгию. В ту ночь ты бы ушел туда один, отпусти я тебя. Однако я настаивал, чтобы ты подождал и стал хотя бы командиром фланга.

— Помню. — Ровным сдержанным тоном, который ничего не выдавал, ответил Хет. — А потом вы мне сказали, что уже слишком поздно, и что я пропустил войну.

— Да, я так думал, мой мальчик. Правда. Но затем Стралг совершил ошибку.

— Вы имеете в виду посвящение флоренгианцев нашему богу?

— Разумеется, а что же еще? Стралг начал посвящать этих грязнокожих, темноглазых, скользких лжецов! Они все предатели!

— И заплатят за это.

— Правда? Ты так думаешь? Сейчас флоренгианская орда скорее всего превосходит числом орду Стралга. А их воины прошли такую же подготовку, и они так же смертельно опасны. Как по-твоему, почему он постоянно требует подкреплений? Он же *проигрывает!*

— Или временно отступает.

— Едва ли. — *Цок... Цок... Цок...* Терек вдруг заметил, что снова расхаживает по комнате. — На их стороне Грани меньше льда!

— Мой господин добр.

Вне всякого сомнения, Хет знал, что Терек имеет в виду, но хороший верист никогда не произносит вслух подобные вещи.

А вот Терек вполне мог себе это позволить.

— Даже курьерам легче пересекать перевал в этом направлении — трудности начинаются лишь по эту сторону Грани. И привести орду сюда будет *гораздо* проще. Вот наша главная беда! И вот почему война должна продолжаться любой ценой.

Если Стралг не сможет удержать север — Селебру и дорогу домой — он вернется назад и приведет за собой флоренгианскую армию. Как ты думаешь, Нардалборг сможет их остановить? Эти темнокожие уроды заполонят Вигелию, начнут сжигать наши города и насиловать женщин! И все потому, что Стралг доверился флоренгианам! — Он смутился, услышав, как дрогнул у него голос. — Они убили твоих братьев!

— Да, милорд.

В свое время Терек от нескольких женщин произвел на свет четырех сыновей и неопределенное количество дочерей. Он назначил женщинам щедрое содержание, позволив им оставить дочек, а сыновей забрал себе. Теперь он жалел, что не оставил себе и девочек, которые родили бы ему внуков. Троих сыновей он признал, все они стали служить Веру и надели медные ошейники. Он попрощался с ними здесь, в Нардалборге, и смотрел им вслед, когда они уходили на войну его брата. Храг Терексон, Стралг Терексон, Нарс Терексон... Все трое — могучие воины, но флоренгианские предатели убили их.

— Вот почему я держу тебя втайне, сын. Вот почему тебе приходится носить позорное имя Хетсон. Стралг забрал у меня троих сыновей. Их убили флоренгиане. И двух сыновей Карвака. Троих — Салтайи. Двое сыновей Хорольда погибли по дороге во Флоренгию.

Если бы Стралг или Салтайя узнали про Хета, они бы забрали и его.

— Да, милорд.

— Флоренгианские свиньи! Я ненавижу их, ненавижу! А этот вонючий флоренгианский ублюдок болтается в Нардалборге — *ты* уговорил меня позволить ему участвовать в испытаниях, командир охоты! Я этого не забуду. А потом тупоголовый Гзург объявил, что он их прошел, и мне пришлось наградить его ошейником. Да еще смотреть, как он пачкает своей поганой кровью пол у моих ног. Ты заставил меня принять клятву у гнусного флоренгианско-

го предателя, хотя я знал, что каждое произнесенное им слово — ложь. Я даже был вынужден обнять эту тварь!

Его передернуло от отвращения. Он до сих пор не понимал, как ему удалось сдержаться и не задушить мерзкого червя прямо там. Сейчас ему требуется одно лишь слово прорицательницы, и он сможет это сделать. Почему ее так долго нет?

— Ну, чего ты хочешь?

— Я принес вам почту, милорд.

— Врешь. Ты не слуга. Давай выкладывай.

Он не видел сыновнего лица, но это не помешало ему наградить его суровым взглядом. Терек услышал беспокойство в его голосе.

— Мой господин добр. Я пришел сказать, милорд... доложить... Я разрешил кадетам прикоснуться к Присутствию. Сегодня ночью. Милорд.

— Нет! Нет, нет, нет! Это же смешно! — Он наткнулся на скамью, зарычал от ярости и отшвырнул ее в противоположный конец комнаты, где она с грохотом разлетелась на мелкие куски. — Они не готовы. Они не могут быть готовы. Ты допустил...

— Отец, выслушайте меня!

Терек еще ни разу не слышал, чтобы Хет его так называл. Это привело его в чувство. Флоренгианские ублюдки убили троих его сыновей, он не мог потерять четвертого. Молча кивнув, он поглядел на звезды, усыпавшие небо на востоке.

— Отец, я еще никогда в жизни не видел командира молодняка, подобного Орладу. Каждое утро я говорю ему, что он должен сделать, но оказывается, что он уже это сделал! Он провел со своими парнями учения, расписанные на шесть дней, за половину срока. Я знаю, мои слова звучат неправдоподобно, но это так. Готовы все двенадцать! Это выше сил любого вериста, но он справился. Они измотаны, однако с готовностью продолжают тренировки. Следуют за ним, точно гусята за

гусыней. К себе он еще более требователен, чем к остальным, и они не ропщут. Все ответы отлетают у них от зубов. Я проверял, милорд — разумеется, проверял! И, клянусь, что они готовы прикоснуться к Присутствию не меньше тех кадетов, с которыми я имел дело до сих пор. Не отказывайте им, милорд! Умоляю вас! Если они не примут участия в церемонии сегодня, то сломаются, и пройдет много времени, прежде чем они снова будут готовы — если вообще будут. Двенадцать кадетов, отец, *готовы все двенадцать!* Боги знают, как сильно мы в них нуждаемся.

В горле Терека возникло глухое рычание. Подготовка мужчины к первому прикосновению к Присутствию была самой сложной частью посвящения. Испытуемый должен быть напряжен, точно натянутая тетива, готовая вот-вот лопнуть, иначе ритуал провалится. Первая неудача часто означала, что в будущем рассчитывать не на что. Кадет даже может умереть. Изнурение, голод, нехватка сна — все это очень важно, но стоит перегнуть палку, и мальчик сломается. Хет никогда не ошибался в данном вопросе.

— Возьми одиннадцать и сломай ублюдку шею.

— Не получится, милорд. Они идут за ним. Без Орлада они просто не будут знать, что делать, потому что они уже переступили грань и не в состоянии думать самостоятельно.

— Нет! Я же сказал тебе, что доверять флоренгианам нельзя!

Его вопль должен был положить конец разговору. Веристы никогда не возражают своим командирам. Но, как это не удивительно, Хет продолжал настаивать на своем.

— Отец, если то, что вы говорите о войне...

— Нет! Он заложник! Заложник из Селебры, даже Стралг признает, что это опасно. Салтайя спрашивала меня о нем в своем последнем письме, ее интересовало, жив ли он и где находится. Предположим, старый король — или кто он там? — умрет, и Стралг потребует, чтобы Орлад занял его трон — мы

отправим туда *веристa*? Как ты думаешь, сможет верист стать марионеткой?

— Он и сейчас — не марионетка, милорд.

Снова кто-то тихонько постучал в дверь, и Терек с облегчением рявкнул:

— Входи!

На сей раз это была прорицательница — он сумел различить белое пятно ее одеяния. Едва дождавшись, когда она закроет дверь, он принялся задавать вопросы:

— Ну? Почему так долго? Что он думает? Замышляет предательство, да?

— Мы не одни, милорд. — Она была пугливой, миниатюрной и совсем молодой, судя по голосу. Женщины! Как же давно Терек не имел с ними дела!

— Мне это прекрасно известно.

— Как пожелаете. Я задержалась, так как вы запретили мне открывать кому бы то ни было свои намерения. Поскольку я не могла задавать ему прямых вопросов, да и другим тоже, пришлось полагаться на обычные разговоры, а он сейчас так устал, что едва ворочает языком. Прибытие каравана дало мне счастливую возможность...

— И *что* же он замыслил? Настраивает против меня весь фланг?

— Ничего подобного, милорд. Он говорит то, что думает, и ничего не скрывает. Он фанатично предан вам и командиру охоты Хету. Он так безгранично вами восхищается, что даже не позволяет своим кадетам называть вас прозвищем, которым пользуются все остальные. Командир молодняка твердо решил сделать так, чтобы все его подопечные в рекордное время прошли посвящение, потому что он мечтает присоединиться к вашему брату в войне с флоренгианскими веристами.

— Вранье! Ты *ошибаешься!* Это не может быть правдой!

Женщина закричала, прежде чем Терек успел до нее добраться.

Хет метнулся вперед и встал между ними, обхватив отца могучими руками.

— Сатрап! Подождите!

Терек вырвался из его рук.

— Она лжет! Это неправда. Он же флоренгианин.

— Прошу вас, позвольте прорицательнице договорить, милорд. Продолжай, Свидетельница.

Свидетельница свернулась в клубок на полу.

— Продолжать? — В ее дрожащем голосе прозвучали истерические нотки. — Если бы не ваша сноровка, это обезумевшее чудовище...

— Вставай!

Она не пошевелилась.

— Он хотел *разорвать* меня! Объясни ему, к чему бы это привело. Я попыталась и не сумела. Соглашение между Героями и Свидетельницами было бы...

— Заткнись, болтливая корова, — рявкнул Хет. — И встань. Он тебя не тронул. Скажи ему, почему Орлад ненавидит своих соплеменников-флоренгиан.

— Я скажу, если сатрап будет прилично себя вести, — жалобно произнесла она, отряхивая пыль с одеяния. — Мальчик ненавидит не всех флоренгиан. Он презирает только флоренгианских веристов, считает их нарушителями клятвы, потому что они обещали хранить верность лорду крови Стралгу.

— Видишь, отец? Всю свою жизнь здесь, в Нардалборге, его травили за...

— Кровь! — Терек вернулся к окну, подставив лицо холодному воздуху, чтобы тот немного остудил его ярость. — Тупая шлюха! Ты хочешь сказать, что есть один флоренгианин, которому я могу доверять, что он не предаст меня, как только ему представится такая возможность?

— Я не знаю будущего. Я лишь говорю, что сейчас вы можете ему доверять.

— Ха! Значит, я *не могу* ему доверять?

— Мне остается лишь повторить сказанное.

— Милорд, я думаю, прорицательница имеет в виду, что фанатичная преданность — вещь хрупкая, — вмешался Хет. — Такая верность не знает компромиссов. Если человек, слепо поддерживающий какое-то дело, вдруг посчитает его недостойным, он перейдет на другую сторону и будет сражаться с такой же страстью. Я правильно понял, Свидетельница?

— Я сообщаю факты, командир охоты. В мои обязанности не входит строить предположения.

— Кровь! — снова взревел Терек. — Из мертвого флоренгианина даже хорошего удобрения не получится. Прочитай мне письма.

— Я не писарь, милорд.

— Знаю, идиотка! Но ты можешь мне сказать, что там говорится.

Он всегда требовал, чтобы почту ему читали Свидетельницы, потому что не доверял писарям. Надиктовав важное послание, он просил, чтобы прорицательница его прочитала. Сейчас Терек нетерпеливо постукивал когтями по полу, пока девушка перебирала маленькие таблички.

— Они все адресованы вам от лорда крови Стралга. Первая...

— Начни с последней, тупица!

Возникло молчание. Прорицательница она разбила глиняный конверт, ударив им о край стола, и достала дощечку.

— Священными именем самого могущественного...

— Оставь это дерьмо! Могу спорить, что в начале содержится требование прислать очередной отряд веристов, так?

Стралг всегда начинал свои послания одинаково.

— Э-э-э... да, милорд. Он э-э-э... он говорит, что должен закрепить свой недавний успех у Мионы и что враг, привыкший к летнему теплу, не станет сражаться зимой, в то время

как для вигелиан их погода не страшна, поэтому они имеют естественное преимущество в...

— Жабье дерьмо! Во Флоренгии нет времен года; у них зима ничем не отличается от лета. Сколько на сей раз?

— Э-э-э... он надеется, что Трайфорс пришлет ему одну полную стаю, по крайней мере два фланга из которых будут опытными воинами. А еще вы должны отправить к нему вашего лучшего командира охоты... милорд.

Невозможно! У Терека не было лишних сорока девяти человек, и он не собирался посылать к Стралгу Хета. Хет благоразумно помалкивал. За последние несколько лет он видел, как воины отправляются на войну шестидесятками и шестьдесят-шестидесятками, но назад возвращались лишь немногие, да и то калеки.

— Сколько еще караванов он хочет получить от меня до наступления зимы?

— Не сообщается.

— А сколько всего людей ему нужно?

— Здесь он об не говорит, милорд...

Терек не обратил внимания на ее слова, в отличие от Хета.

— А *где* он это говорит?

— Со всем уважением, милорд, я имею право отвечать только на вопросы командира войска.

— Отвечай ему! — прорычал Терек, а затем ответил сам. — Ты читала другие послания! *Ты можешь их читать, не открывая?*

И почему это сразу не пришло ему в голову? Тупоголовые коровы не говорили ему, на что они способны и что умеют делать. Они никогда ничего не предлагали! Ему стало интересно, знает ли Салтайя об этой их способности.

— Я не могу прочитать запечатанное послание, милорд.

— Но можешь сказать, о чем там говорится? — спросил Хет.

— Если стою достаточно близко, — мрачно сообщила прорицательница, — а в послании содержатся важные сведения.

Терек фыркнул.

— Что ж, ты находилась достаточно близко от прибывших сегодня посланий? Ну разумеется! Ты бы ни за что не упустила такую возможность. Расскажи нам, что мой дорогой братец пишет нашей сестре? Давай, я слушаю!

— Все, милорд?

— Начни с самых интересных новостей, а я скажу тебе, когда остановиться.

Она вздохнула.

— Хорошо, милорд. Он написал, что потерпел сокрушительное поражение у моста Реггони. Повстанец командир орды Кавотти испортил...

— *Заговорщик!* — вскричал Терек.

— Хорошо, заговорщик. Он испортил мост, и, когда охота вашего брата оказалась на нем, тот обрушился в пропасть. Авангард остался в изоляции. Его атаковали борцы за свободу...

— Повстанцы! Клятвопреступники!

— ...и уничтожили. Лорд крови потерял почти целое войско. Он требует пополнения... Его точные слова, милорд, звучат так: ваша высокочтимая сестра должна «послать ему столько людей, сколько полоумный Терек сможет переправить через Границу». Милорд.

Терек подумал, что было бы неплохо свернуть Свидетельнице шею, но решил этого не делать.

— Хет, ты сможешь до наступления зимы отправить еще пять караванов?

— Я попытаюсь, милорд. Последнее слово останется за погодой.

— А ты сумеешь увеличить караваны?

— Нет! — твердо ответил Хет. — Без новых рабов и мамонтов не смогу. Но даже если нам и удастся собрать достаточно провианта для более чем четырех шестидесяток воинов, у нас нет таких вместительных хранилищ, куда можно все это сложить. Они построены для маленьких караванов. Четыре шестидесятки — это абсолютный предел... милорд.

И тут Тереку в голову пришла великолепная идея, просто блестящая.

— Не стоит оставлять место для Воина Орлада.

— Мой господин добр, — неуверенно пробормотал Хет.

— Новобранцы... они хоть и полны желания отправиться на войну, но такие неопытные, — заявил сатрап и радостно рассмеялся. Здесь, в Нардалборге, он не мог привести свой план в исполнение. Это подорвет моральный дух войска. — Сегодня я разрешаю сделать то, о чем тебя просили. Уверен, командир молодняка Орлад справится с испытанием. Пожелай всем кадетам удачи. Свободен.

— Мой господин добр.

— Да, и еще... Когда командир молодняка Орлад наконец пройдет посвящение, в чем я нисколько не сомневаюсь... отправь его ко мне, в Трайфорс.

Он услышал, как Хет закрыл за собой дверь. Белое пятно Свидетельницы осталось в комнате, но она держалась от него на почтительном расстоянии. Замечательные, чудесные, прекрасные, юные воины! Прежде чем отправить их в сражение, будет только справедливо позволить потренировать на флорентианских веристах.

ГЛАВА 16

Френа Вигсон потратила еще один день на подготовку к банкету. Ответы на приглашения текли сплошным потоком — правда, про глиняные таблички нельзя сказать, что они текут, но многие присылали благодарности с гонцами, юношами, обладающими поразительной способностью запоминать очень длинные послания наизусть. Их тоже нельзя было назвать потоком, но пот с них капал на плитки пола, потому что дождь прекратился и установилась еще более невыносимая жара.

Натужно скрипящие фургоны доставляли продукты. Варилось пиво, наполняя дом пьянящими запахами дрожжей. Ей приходилось принимать множество мелких решений между примерками и бесконечными проблемами, возникавшими повсюду. Хорта нигде не было видно. Хотя все свои дни он отдавал делам, когда Френа находилась дома, он обычно разделял с ней какую-нибудь трапезу — грыз ячменное печенье, запивая его молоком, в то время как она частенько с удовольствием поглощала гуся в имбире или форель, фаршированную устрицами. Сегодня она обедала одна, а Виньор, сказочник, рассказывал ей одну из своих древних историй, чтобы она не скучала. Один раз она мельком видела мастера Пакара. Тот улыбнулся ей и поклонился. Она кивнула и быстро прошествовала мимо. Нет, она скорее доверится огненной гадюке!

Однако рано или поздно каждый день подходит к концу. Пришел миг, когда Френа смогла запереть дверь на засов, оставив за ней Ингу, Лилин и всех остальных, отца и его слуг, Пакара и весь мир. Измученная хлопотами, она рухнула на спальную платформу и закрыла глаза. Тут на нее, точно голодные звери, набросились Проблемы.

Ее возлюбленная мать принадлежала Древнейшей, и сама Френа обещана этой богине. Даже без видения, посетившего ее прошлой ночью, она не сомневалась, что лишь божественное вмешательство позволило выжить крошечному младенцу во время путешествия по приграничным землям. Ради Паолы Френа должна сдержать данное ею обещание и принести свои клятвы Ксаран, а не Двенадцати. Но как она может это сделать, когда у нее так мало времени? Очевидно, ее вчерашняя молитва была услышана и ей показали прошлое. Сегодня она попросит наставлений о том, что ей делать в самом ближайшем будущем. Хотя Френа невероятно устала, ей не составило никакого труда не заснуть и дождаться, когда затихнет весь дом.

Закутавшись в темный плащ и чувствуя себя невидимкой, Френа в полной безопасности осторожно пробиралась по коридо-

ру, начиная свой путь паломника. Ее отец все еще работал, и из-под его двери наружу пробивалась полоска света. Добравшись до арки, ведущей в сад, Френа остановилась и прислушалась. Где-то далеко вопили коты, лаяли собаки, на постоялых дворах на улице Рыбьи Потроха веселились матросы. В доме же, точно в могиле, царила тишина. *Дурное сравнение!* Звезды, светившие над Кирном — Фургон, Меч Грабена, Ишроп и Ишниар — в Скьяре, пристроившемся в сыром каньоне, разглядеть было невозможно. Вокруг все замерло в неподвижности, и у нее не было никаких причин, чтобы не идти дальше.

Френа быстро пробежала по саду к могиле. Она сомневалась, стоит ли раздеваться, но потом решила, что будет правильно не пачкать платье, поэтому сняла его и повесила на ветку. Рана на плече затянулась; Френа нашла острый камень — скорее всего кусок мрамора, оставленный строителями — и сделала новый надрез, из которого проступило несколько капель крови.

— Матушка?

Она чувствовала себя довольно глупо, обращаясь к земляным червям; и ей было трудно думать о том, насколько все это серьезно. Она не уловила *присутствия*, которое ощущала раньше. Прошлую ночь наполняла загадочность и благоговение; сегодняшняя казалась ей фарсом.

— Матушка... Ксаран...

Она еще ни разу в жизни не произносила это имя вслух, и ей стало так страшно, что из чистого упрямства она его повторила.

— Наисвятейшая Ксаран, я поклянусь в верности Тебе и Твоему святилищу, если Ты укажешь мне путь. Я принесу клятву *кровью и рождением; смертью и холодной землей*, если только Ты покажешь мне, как это сделать.

Каким-то непостижимым образом мольба, обращенная к Паоле Апицелле, превратилась в молитву Матери Лжи, но она не почувствовала никакого ответа. В конце концов Френа поднялась, чувствуя смущение и напомнив себе, что Древнейшая

разговаривает со своими детьми во сне. Возможно, она еще получит ответ.

Холод ночи окутал Паолу Апицеллу, точно ледяной плащ — она была еще слишком слаба. Ей едва удавалось поднять полную лопату земли, сил у нее хватало лишь на ложку, и если бы почва не была мягкой, она бы и вовсе не смогла копать. Паола дрожала на ветру. Лопата издавала негромкие скрежещущие звуки. Она пришла сюда одна, поскольку остальные вообще запретили бы ей выходить из дома, а сама она не знала, где нужно копать. Она позволила Матери руководить собой, а потому ни в чем не сомневалась.

Вжик... вжик... лопата продолжала скрежетать... воздух наполнили запахи разложения и смерти.

Она начала рожать в тот самый момент, когда ледяные демоны погнали прочь стада, и мужчинам пришлось выбежать наружу, чтобы их остановить. К тому времени, когда отошли воды, все мужчины были мертвы. Когда роды закончились, женщины и мальчики их уже похоронили... прямо здесь, в общей могиле.

Вжик... вжик... Ей сказали, что ребенок не выживет, а потому не следует давать ему имя. Однако она назвала его в честь отца. Она так хотела ребенка и так отчаянно старалась. Он сражался, как настоящий боец, но это ничего не изменило. Мать забрала его к себе. Слава Матери.

Вжик... Лопата скользнула по чему-то мягкому. Возможно, по руке Ставана. Яма получилась не слишком глубокой, но этого будет достаточно. Она остановилась, чтобы перевести дыхание и вытереть лоб. Ей было холодно, но она вспотела. Нужно заканчивать побыстрее.

Она взяла маленький сверток, крошечного Става, развернула для последнего поцелуя, а потом встала на колени и

положила его на руки отцу. Затем она произнесла молитву, обращенную к Древнейшей, чтобы Она позаботилась о них обоих. Потом Паола засыпала яму и пошла через поле обратно к деревне.

В домике было холодно. Она проголодалась, но чужеземцы забрали всю еду, даже собак. Она улеглась на постель, все еще сохранявшую знакомый запах Ставана. Ее грудь налилась молоком. В деревне не осталось мужчин, нет еды, но это не ее забота. Ей было все равно.

Потом она заснула, и ее разбудили низкие мужские голоса, что-то кричащие на незнакомом языке. Наверное, ледяные демоны вернулись. Теперь они пришли не за едой.

Пронзительные вопли, крики, потом дверь в хижину распахнулась, пылающие факелы разогнали тьму... Она осталась лежать на постели, уже не испытывая страха, голод отнял у нее все силы. Они что-то закричали ей на своем гортанном языке, а потом тот, что поменьше ростом, заговорил на флорентианском языке с сильным акцентом. Он спрашивал о еде и о детях.

Это был дом богатого человека — каменные стены, выложенный плитками пол, крепкая мебель, но сейчас в нем воняло ледяными демонами; отвратительный животный запах смешался с вонью грязных мужчин. Они оставили Паолу в комнате, но здесь горел огонь, который служил источником света и тепла — из-за голода она так сильно мерзла! — а потом один из них вернулся и протянул миску с кашей. Она принялась есть пальцами, стараясь побыстрее насытиться; еда возвращала ее к жизни.

Потом раздался женский крик, послышались сердитые мужские голоса, и в комнату ввалились мужчины с зажженными факелами. За ними вошел полуобнаженный мужчина, который нес небольшой сверток. Он сунул его Паоле в руки. Послышались крики, и Паола ощутила боль в груди. Она тут

же обнажила грудь и дала ее ребенку. Плач сразу прекратился, и Паола почувствовала, как ее охватывает радость. Нет, это был не ее маленький Став, но теперь появилось существо, которое можно любить, ради которого стоит жить. Существо, нуждающееся в ее молоке. Мальчик или девочка? Она не посмотрела.

Паола подняла взгляд и увидела, что на нее смотрит женщина, стоявшая на пороге. Это была флорентианка, сквозь разорванное платье которой виднелись налитые молоком груди. На щеке выделялся огромный синяк, один глаз заплыл, из разбитой губы сочилась кровь. Мужчина что-то нетерпеливо рявкнул. Возле глаза у него была длинная свежая царапина. Женщина дернулась в сторону ребенка, но мужчина схватил ее за руку. Это мать или только кормилица?

Паола приподняла платье, чтобы женщина видела, что она кормит ребенка, и улыбнулась, показывая, что будет любить малыша и ухаживать за ним, будь то мальчик или девочка. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, а потом мужество оставило женщину. Она безнадежно кивнула. Мужчина оскалился и вытолкнул женщину наружу, он явно испытывал нетерпение; она пошла за ним молча, больше не сопротивляясь. Теперь для Паолы имело значение только одно: ледяные демоны дали ей кормить ребенка — значит, они позаботятся и о ней. Благодарение Древнейшей, ответившей на ее молитву!

ГЛАВА 17

Бенард Селебр уже стучал по мрамору, когда священники затянули утренние псалмы. Если он хочет добраться до дворца до восхода солнца, нужно выходить прямо сейчас; не стоит заставлять вериста ждать, если не хочешь неприятностей. Он с

неохотой отложил в сторону молоток и резец, надел новую набедренную повязку, которую купил за медяк, полученный у Ингельд, рассеянно вытер руки и накинул на статую покрывало.

И побежал во дворец.

В отсутствие Бенарда Тод должен был помогать гончару Саттару, из чего следовало, что он будет пожирать влюбленными глазами Тилию.

Распоряжение сатрапа Хорольда посетить Витеримский карьер показалось Бенарду спасением от верной смерти, но с тех пор он ни разу не видел Катрата, поэтому дело перестало выглядеть таким уж срочным. Более того, в путешествии отпала нужда. Он мог договориться со священниками, чтобы те отправили послание мастеру карьера, а он в свою очередь распорядится вырезать кусок мрамора нужного размера, который доставят в город во время весеннего разлива.

Между тем Бенард начал работать над третьим куском мрамора. Если из него не получится бог Веру, он сделает статую другого бога. Когда богиня Анзиэль даровала ему вдохновение, он еще не успел принять решение. Никогда прежде он не ощущал ее священный огонь так ярко, словно камень стал прозрачным, и он увидел саму богиню, стоящую внутри, очень похожую на Хидди, какой она предстала перед ним в ту ночь в храме. И без модели, рисунков и предварительных наметок на камне, он начал отсекать все, что не имело отношения к Хидди, чтобы сотворить статую Анзиэль. Сейчас в камне уже угадывались общие очертания фигуры. Ему очень не хотелось оставлять свою работу в таком виде. Он знал, что каждая минута, проведенная вдали от нее, будет тянуться для него бесконечно.

Поскольку Бенард не мог пройти прямиком через дворец, он появился в конюшне, слегка задыхаясь. Даже здесь он внимательно смотрел по сторонам, опасаясь появления веристов — ведь их не сдерживал эдикт Хорольда.

Повозка и упряжка были уже готовы, онагров успокаивал молодой настрианин; глаза онагров были закрыты, длинные уши мирно опущены. Повозка представляла собой потрепанную плетеную коробку на двух колесах, без изящных украшений, полагающихся экипажам состоятельных горожан вроде Ингельд. За всю жизнь Бенард лишь четыре раза ездил на колесницах, и всякий раз его тошнило. Внутри повозки уже были сложены чьи-то вещи и два пухлых меха с вином. Вино указывало, что возницей и стражем выбрали командира фланга Гатлагсона — довольно странное решение — но ехать с ним будет приятнее, чем с любым другим веристом. Гатлагсон был не в восторге от сына сатрапа, а потому страшно обрадовался, когда узнал, что Бенард сумел поставить этого оболтуса на место.

Бенард забрался в повозку, сел среди вещей и задумался о Хидди. О Хидди-статуе, а не о женщине из плоти и крови, которую он больше ни разу не видел. Он решил изобразить ее в более гордой позе — со вздернутым подбородком — а не такой, какой она предстала перед ним в храме. В результате придется немного изменить положение шеи и...

Старый Гатлаг в сильно помятой накидке, прихрамывая, пересек двор конюшни. Рядом с ним тащился огромный нескладный кадет с кожаным мешком. Бенард встал.

— Вот! — сказал кадет и протянул ему мешок. Внимательный глаз художника сразу отметил, с каким трудом двигался неповоротливый великан, и какие усилия ему пришлось затратить, чтобы поднять мешок.

Бенард сумел удержать его лишь двумя руками; колесница содрогнулась, онагры и настрианин протестующее фыркнули. Верист оценивающе покачал головой и недовольно посмотрел на мешок.

Бенард опустил его на дно колесницы и услышал мелодичный звон. Зачем им столько золота?

— Готов? — спросил Гатлаг.

— Готов, господин.

— У тебя нет вещей?

Бенард покачал головой. Он осторожно помог старику забраться на колесницу, сжав его запястье, но стараясь не прикасаться к скрюченным пальцам. С некоторым удивлением Бенард обнаружил, что сидит слева.

— Вы хотите, чтобы правил я? Леди Ингельд не раз говорила, что гораздо легче научить онагров рисовать. Однажды она разрешила мне править — и колесница едва не перевернулась. Замечательно! Вы еще уверены в своем решении?

— Мальчик, пора уже повзрослеть! — проворчал Гатлаг сквозь пивные пары.

Пиво было любимым напитком старика, но пиво нельзя перевозить на колесницах. Ни само пиво, ни кувшины не выдерживают тряски. Удивительно, что Гатлаг отважился на подобную поездку.

— Да, господин. Я постараюсь. — Бенард взял в руки поводья, вспомнил, что нужно сначала проверить тормоз (рукоять опущена вниз!), взялся покрепче за край колесницы и закричал настрианину:

— Готов!

Юноша неохотно вернулся в мир людей и отошел в сторону, забрав с собой и благословение своего бога. Длинные уши тут же поднялись вверх. С пронзительным ревом твари помчались вперед, стремясь вырваться из постромок. Колесница покатила по двору прямо в сторону дальней стены. Еще немного и они врежутся в нее и перевернутся. Бенард изо всех сил натянул правый повод, и колесница совершила смертельно опасный разворот. Когда Бенард понял, что оба колеса вновь касаются земли, он направил онагров к воротам, стараясь не поддаваться отчаянному желанию закрыть глаза.

Когда они выехали на улицу, ему ничего не оставалось, как цепляться за поводья, пока они катили вниз по склону к реке,

лавируя между людьми, повозками, фургонами и носилками. Гатлаг трубил в бычий рог. Пешеходы и домашний скот разбегались, люди выкрикивали проклятия и задыхались в клубах пыли.

— В какую сторону? — спросил Бенард.

Гатлаг оторвал от губ рог и рявкнул:

— Налево!

Бенард повиновался. Они с трудом миновали телегу, запряженную быками, и дело пошло лучше. Да, конечно, именно в этом месте вода сходилась с землей, здесь была сосредоточена вся деловая жизнь города. Дамба служила не только защитой от воды, но и дорогой, здесь люди покупали и продавали, что-то сгружали и складывали в повозки. Под огромными тяжестями ползли, точно муравьи, носильщики; фургоны с грохотом проезжали между грудами товаров и яркими прилавками. Богатые восседали на носилках или в колесницах, возницы кричали и щелкали кнутами, разгоняя толпу — впрочем, без особого толка. К счастью, здесь оставалось место для маневра, и не было стен, к которым возница мог прижать зазевавшихся прохожих.

— Ну вот! — сказал Гатлаг, когда они выехали из города. — Не так уж и трудно, верно?

— Я бы предпочел работать с мрамором, — пробормотал себе под нос Бенард, но он был доволен собой.

Они ехали против течения реки, ветер трепал ему волосы, солнце светило в глаза, и он начал получать удовольствие от жизни. Повозок и колесниц было совсем немного, да и онагры уже немного подустали и побежали медленнее. Конечно, колесница постоянно подскакивала на ухабах. А еще она скрипела, раскачивалась и тряслась. Говорят, что нужно держать колени полусогнутыми — и тогда все будет хорошо.

Хотя Бенарду приходилось нелегко, еще хуже переносил поездку Гатлаг. Старый больной воин изо всех сил цеплялся за края колесницы своими согнутыми ревматизмом пальцами. Медный ошейник подпрыгивал на тощей шее, лицо часто искажалось от боли.

Бенард ослабил поводья, и уставшие онагры перешли на рысь.

— Сколько еще до Витерима?

— Около мензила.

Колесница окажется там около полудня.

— Мы проедем через какие-нибудь любопытные места?

Верист открыл глаза и нахмурился.

— На равнине есть лишь одно интересное место — Косорд, но там довольно скучно.

— А как же Амторд? Вроде бы именно там расположено святилище Синары?

— И что с того? — проворчал старик. — Герои не имеют никаких отношений с целителями, они с нами тоже. Остановись. Нужно выпить.

Значит, можно отбросить первую теорию — несмотря на распухшие суставы, никто не посылал Гатлага в это путешествие, чтобы он исцелился в знаменитом святилище. Так зачем же тогда столько золота?

Онагры остановились по сигналу Бенарда, что его изрядно удивило. Он передал старику поводья, а сам встал на колени, чтобы развязать мех с вином. Гатлаг пил долго.

Солнце уже нещадно палило, начался долгий летний день — именно в такие быстро зреет пшеница. Бенард посмотрел на небо — бесчисленные пухлые облака были рассыпаны, точно зерно по столу, только небо казалось бесконечным. Вскоре появились изгороди, или домики, или еще что-то, но бесконечные небеса простирались во все стороны, теряясь в дымке стены мира. Справа текла река — широкая дорога, по коричнево-желтой поверхности которой скользили далекие треугольные красно-коричневые паруса. С противоположной стороны колыхались зеленые волны пшеницы и поблескивали серебристые поверхности прудов.

— Чего ты ждешь, мальчик? Поехали, хватит мечтать.

— Да, господин. Пшшли! — Бенард слегка стегнул онагров поводьями.

— Ты забыл отпустить тормоз.

Ах, да...

Они долго ехали молча.

Наконец Бенард спросил:

— Что слышно про Катрата?

Гатлаг захихикал.

— Прыщик все еще в карцере. Ты без него скучаешь?

— Нет. Вы полагаете, что мне ничего не грозит?

— Ар-р! Не говори так. Тебе многое угрожает.

— Даже после того, что сказал сатрап?

— Думаю, да, — ворчливо отозвался старик. — На кону стоит честь войска. Конечно, тут требуется план. Если с тобой что-то случится, Хорольд должен будет спросить у прорицательницы, кто это сделал, верно? Выходит, Прыщик не осмелится ничего предпринять сам, поскольку знает, что отец отделает его за непослушание. По той же причине этим не станет заниматься никто из местных Героев. Но за пару медяков в пивной можно купить сколько угодно убийц, кроме того, через город к Границе постоянно проезжают Герои. Никто не откажется поддержать честь культа, понимаешь? К утру их и след простынет, а ты будешь кормить угрей.

— Мой господин добр, — сказал Бенард скорее себе, чем Гатлагу.

Ну, чему быть, того не миновать!

Он все еще не понимал, зачем Гатлаг везет в двухдневное путешествие такую кучу золота, но знал, что лучше не задавать вопросов. К тому же Бенарду было о чем подумать. Статуя Анзиэль, подобно больному зубу, не давала надолго о себе забыть. Очень важно правильно выбрать направление Ее взгляда...

* * *

После второй остановки на выпивку обезболивающее сделало Гатлага более разговорчивым.

— Твой рисунок вернул меня в прошлое, — пробормотал он. — Сатрап был тогда красивым воином.

— Даже когда я его знал. А в молодости он наверняка был неотразим.

— Именно, мальчик. Иначе бы я тут не сидел.

— Мой господин добр, — тупо сказал Бенард.

Гатлаг захихикал и толкнул его локтем.

— Кончай это! Слышал историю падения Косорда?

— В общих чертах.

На самом деле Бенард слышал гораздо больше, чем ему хотелось бы, но теперь придется узнать и все остальное. Быть может, Гатлаг расскажет, как ему удалось выжить, тогда как остальные защитники погибли.

— Ясно. Ну, Жрица огня, естественно, это предвидела. Леди Тиа. Она видела орду Стралга. Он захватил Скьяр, Йормот, несколько других городов, и Косорд уже хотел сдаться. Все шло, как и было задумано. Командующий ордой Кратрак понимал, что следующим Стралг попытается взять Косорд. Хороший был человек, этот Кратрак. — Гатлаг с грустью сплюнул. — Конечно, Стралг располагал огромным войском, двадцать шестидесяток. А Кратрак не мог выставить против него и двух охот, так что соотношение сил было бы пять к одному.

— Было бы?

— Да. В общем, леди прочитала это в огне. В те времена Светом Демерна в Косорде являлся Консорт Нарс. Голос должен сообщать истинное суждение, какими бы ни были его собственные интересы — это одновременно дар и его корбан богу. Нарс принял решение, что будет лучше отдать город врагу. Он велел Кратраку взять свою армию и перейти к Стралгу. Кратрак отказался.

Бенард слышал эту историю прежде и пришел к выводу, что ему никогда не понять Героев. Так он думал и теперь.

— Лучше смерть, чем бесчестье?

— В какой-то степени да, — не стал спорить Гатлаг. — Однако главная причина состояла в том, что его брат был кандидатом в лорды крови, и потому Кратрак хотел заполучить потроха Стралга.

— Даже ценой жизни своих воинов?

— Это ведь их долг. Он сказал, что решение примет Веру. Орда Стралга ступила на равнину, и той же ночью состоялось сражение. Консорт убедил Кратрака предоставить своим людям выбор, и примерно половина из них перешла к Стралгу — хотя они прекрасно понимали, что он первыми пошлет их в битву, дабы проверить верность новых воинов.

«Ой!»

— Не самое разумное решение.

— Голос из тебя вышел бы никудышный! — буркнул старик. — Стралг не мог не победить. Все знали, что он сжигает города, осмелившееся выступить против него. А если его войска понесли бы меньшие потери, может, он бы и смилостивился.

— Вы правы, я не последователь Демерна. — Бенард часто задавался вопросом, не был ли дож (такой титул носил его отец) тем же самым, что и консорт. Только Голос мог отдать собственных детей чудовищу.

— По мне, так это очень жестоко.

— Для того и нужен Голос! — прохрипел Гатлаг. — Положение было безвыходное, поэтому бог Нарса сказал ему, что для города будет лучше, если он умрет рядом со своими солдатами.

Бенард указал на появившийся впереди курган.

— А это что такое?

— Амторд.

— Мы разве не туда направляемся? Священник говорил...

— Не-е-ет. Оставайся на насыпи.

Бенард поехал дальше, мимо полуголых крестьян, ведущих с помощью мотыг бесконечную войну с сорняками. Он помахал им, но они не обратили на него внимания. Здесь, на равнине, небо над головой казалось невероятно огромным.

— И леди Тиа решила умереть вместе с мужем?

— Именно так. Она села в колесницу и взяла в руки меч, чтобы они отнеслись к ней, как к воину. Она знала, что орда Стралга делает с женщинами.

— Но почему? Даже Стралг не осмелился бы коснуться дочери Веслих!

— Она сказала, так лучше для города, поскольку Стралг никогда не будет доверять ей, а она — ему. Нарс хотел объяснить жене, что она ошибается, *но не смог!* Я видел, как слезы текли по его щекам и бороде, однако он не вымолвил ни слова. И они вышли из города вместе, попросив Кратрака выделить одного воина для охраны Ингельд, пока новый господин не возьмет город под контроль.

Ага!

— И сколько лет было Ингельд?

— Шестнадцать, — со вздохом ответил Гатлаг.

Вздохнул и Бенард. Он не мог себе представить шестнадцатилетнюю Ингельд: она стояла у него перед глазами такой, какой была шесть лет назад, когда они разделили ложе.

— Кратрак выбрал меня, — сказал Гатлаг, — старшего воина войска. От этих разговоров у меня в горле пересохло.

Бенард снова вздохнул. Говорят, ночное сражение у стен города превратилось в бойню. Он не знал, что веристы Косорда дрались друг против друга, но вполне мог в это поверить. А потом горожане пытались остановить ввод вражеских солдат в город, что привело к мятежам, схваткам и жестокому кровопролитию, во время которого погибла Тиа.

— Едем дальше! — прорычал Гатлаг, рыгнув и выплевав рот.

На сей раз Бенард не забыл про тормоз и хлестнул онагров.

— Вы много сражались за Ингельд?

— Достаточно. — Бенард никогда не видел, чтобы верист проявлял такую скромность.

— Мятежники ворвались во дворец, не так ли?

— Фу! Мятежники были вооружены всего лишь копьями. Я разорвал на части нескольких, и после этого они держались от меня подальше. Однако боевые звери Стралга оказались более серьезными противниками. Я прикончил троих, прежде чем вожак стаи их остановил. Когда появился сам Стралг, я продолжал защищать дверь, сохраняя боевую форму, весь в крови. Он привел с собой Хорольда. Заявил, что хочет поговорить с Ингельд, и она вышла к нему.

На долю леди выпало немало горьких минут, но мало что могло сравниться с тем разговором. Она никогда не рассказывала о нем Бенарду. Он тогда еще даже не родился, и всякий раз поражался, думая о том, сколько разных событий произошло до его появления на свет.

— Это произошло на нефритовой лестнице?

— Нет, у западной двери.

Бенард попытался представить себе обстановку. Он хорошо знал тот переход... узкий и прямой, протяженностью примерно в пятнадцать шагов... Темнота, лишь чадят факелы да танцуют тени. Много крови, Стралг и его люди толпятся внизу, возможно, вокруг лежит несколько тел... Ингельд с дерзко поднятой головой стоит наверху, а у ее ног сидит готовое ринуться в бой чудовище — Гатлаг. Или он стоял во весь рост, возвышался над ней? Лучше не просить вериста описать боевого зверя, в которого он превращается. Гатлаг истекает кровью...

— Стралг сказал, что она может выйти замуж за его брата и принести клятву верности. В противном случае он отдаст ее на растерзание солдатам.

— И она, конечно, выбрала красивого Хорольда?

— Нет. О, ты бы гордился ею, мальчик! Она выдвинула собственные условия. Среди прочего Стралг должен был со-

хранить мне жизнь. Так я и уцелел. Стралг сам признал, что я этого заслуживаю.

— Достойная похвала!

Гатлаг ностальгически вздохнул, вспоминая самый чудесный миг в своей жизни.

— О да, Кулак — Герой Героев. Помнишь, ты спрашивал меня о боевой форме? Ну, так вот отвечаю: да, мы можем принимать боевую форму в любой момент по собственному желанию, но нам это запрещено. Если человек меняет форму без приказа, то его ждет кара, которая недавно постигла твоего дружка Прыщика. Имей в виду, мальчик, превращение — не такое простое дело. И очень болезненное! Все суставы скрипят, кости выгибаются. Человек должен быть в ярости, чтобы пройти через такое. Или испытывать сильный страх. Во время настоящей битвы это не имеет значения, поскольку те, кто уже изменил форму, набросятся на своих же, если они медлят. Это расценивается как дезертирство. Вот почему мы сразу же меняем форму вслед за вожаками.

— А какие еще условия поставила тогда Ингельд?

— Трудно сказать. — Гатлаг деловито почесался. — В боевой форме понимаешь только самые простые слова. Ну, и я ведь потерял много крови. К тому же держал в поле зрения штук шесть веристов, прикидывая, что будет, если они одновременно бросятся на меня по лестнице. Поэтому я не все понял. Речь шла о сыновьях... И о муже. Он должен был получить свободу.

— Что-что?! — вскричал Бенард, и онагры тревожно навострили уши.

Смех старика показал, что он ожидал от Бенарда именно такой реакции.

— А тебе какое дело, что леди уже была замужем, парень?

— Никакого. — Он посмотрел на Гатлага и понял, что его слова не убедили старого вериста. Сколько людей подозревало, что они с Ингельд были любовниками?

— И как его звали?

— Ардиал Берксон. Голос, естественно. Нарс сам выбрал наследника.

— И как долго они были женаты?

Могла ли Ингельд повлиять на выбор отца? Любила ли она мужа?

— Около шести дней. Он стоял рядом, спокойный, словно его отлили из бронзы. В какой-то момент, когда Стралг начал возражать, она сказала: «Вожак стаи, убей меня». Тогда я был вожаком стаи красных, понимаешь?

— Нет! О нет, это слишком! Мне пришлось проглотить немало лжи, но это уже чересчур.

— Береги зубы, мальчик! — прорычал Гатлаг. — Я говорю тебе правду богини Мэйн. Мы договорились заранее: я должен был ее убить, чтобы она не досталась им живой. Однако она так и не произнесла заветное слово.

Да, Ингельд вполне на это способна, решил Бенард, как и ее мать. Другой вопрос, могла ли она так поступить в шестнадцать лет?

— Очевидно, Стралг ей поверил.

— Стралг привел с собой прорицательницу. Он спросил, блефует ли Ингельд. Прорицательница ответила, что нет. И тогда Стралг согласился. Она пошла к его брату — наверное, его внешность сделала свое дело. Он был красив, как бог. Ардиал же был уродливый малый, да в придачу холодный, как рыба — все Голоса такие. Он лишь поклонился и ушел вместе с остальными веристами, перешагивая через трупы. Мне позволили принести клятву верности Хорольду. И он запретил мне принимать боевую форму.

Бенард даже не сразу понял, что это значит. Он бросил взгляд на узловатые руки и колени, на искаженное болью лицо. Веристам не нужны целители, поскольку они способны излечиваться в боевой форме.

— Стралг уже давно забыл о том приказе. Разве нельзя его попросить?

— Веристы не просят, мальчик.

Скорее всего самозащита будет достаточным предлогом для нарушения приказа. Быть может, Гатлаг специально захватил с собой золото, чтобы на них напали разбойники, и он мог принять боевую форму? Нет, ерунда. Или предполагалось, что Бенард украдет золото и попытается сбежать?

— Вам теперь тяжело путешествовать, милорд. Почему вы не послали кого-нибудь другого?

Наступившее молчание продолжалось так долго, что Бенард уже и не рассчитывал получить ответ. Тут старик прорычал:

— Я поехал, потому что так велел сатрап. И еще он сказал, что я должен за тобой приглядывать. Мол, я единственный человек во всем войске, который не прикончит тебя, как только он отвернется.

— Господин очень добр.

— Ага, очень. Он сам мечтает тебя разорвать, понимаешь?

Бенард понимал.

— Ну, во всяком случае, Хорольд честен. А он не сказал, когда?

— Не-ет. Зато велел тебя изловить, если попытаешься сбежать.

— Да не собирался я...

Гатлаг неприятно захихикал.

— Оно и к лучшему. Веристу трудно думать о чем-то, кроме погони, понимаешь? Поймать кого-то и не убить — редкий случай.

Бенард не сводил глаз с дороги, но в животе у него все перевернулось.

— Я в любом случае не хотел убегать.

— Ага, леди так и сказала. — Старик заговорил тонким голоском: — «Боюсь только, мой дорогой Бенард никогда не

бросит свой драгоценный мрамор, — вот что она заявила. — У этого милого мальчика все мысли об искусстве».

— Ингельд не могла назвать меня милым мальчиком!

— Верно. Она назвала тебя тупоголовым идиотом.

Наконец до Бенарда дошло, что задумала Ингельд. Как он мог быть таким слепцом? Она сказала веристу о мраморе, но с мрамором не было никаких проблем, и все это знали. Проблема состояла в том, что Хорольд мечтал его убить. А Ингельд хотела, чтобы он сбежал.

— Значит, вы поехали по просьбе Ингельд? Золото от нее? Эта женщина всюду сует свой нос!

Старик пьяно захихикал.

— «Нужно как-то его спасти», — так она сказала.

Возможно, Ингельд действовала из самых добрых побуждений, но Бенарду было неприятно, что она пыталась его выкупить, хотя сама она наверняка смотрела на вещи иначе. Без нее он никуда не побежит. Почему они не понимают, что иногда требуется огромное мужество, чтобы ничего не предпринимать? Верно, он не слишком часто ее навещал, поскольку сатрап наверняка шпионил за ней через прорицательниц, но мысль о том, что он никогда больше ее не увидит, была невыносимой. Наступит день, и она поймет, что есть только один способ спасти ему жизнь — сбежать вместе с ним.

Он подождал, пока Гатлаг захочет еще раз выпить — произошло это довольно скоро.

Бенард остановил колесницу. Он видел возле берега несколько лодок со спущенными парусами, гребцы налегали на весла, огибая излучину реки близко от берега. Как только верист поднес к губам почти пустой мех с вином, Бенард выскочил из колесницы. В три огромных прыжка, едва не переломав себе ноги, он оказался на берегу и приготовился нырнуть в воду.

Что-то перехватило его в воздухе. Чудовище его опередило! Оно с легкостью отбросило Бенарда назад, и тот упал на

спину, увидев перед собой чудовищную пасть, острые клыки, сверкающие глаза и выпущенные когти. Отвратительное дыхание воняло спиртным.

Бенард приготовился умереть. Чудовище разорвет его на части. Гатлаг ведь предупреждал, что происходит во время погони, предупреждал, что боевой зверь почти не понимает человеческий язык. Но тут он услышал вопли страха и грохот: онагры запаниковали, почуяв и увидев боевого зверя.

— Колесница! — закричал Бенард. — Золото! Хватай золото!

Когти коснулись его лба и замерли. Охваченный ужасом, Бенард лежал совершенно неподвижно, глядя на грубую волосатую лапу — последнее, что ему суждено увидеть в жизни. Существо, которое еще недавно было Гатлагом, подняло голову и заметило уносящуюся прочь колесницу. Оно яростно зарычало, отскочило от Бенарда и огромными скачками помчалось за онаграми.

Бенард тут же прыгнул в воду и поплыл изо всех сил к ближайшей лодке. Лодка отвезет его обратно в Косорд. Ради него Гатлаг не бросит золото. Чего бы там ни придумала Ингельд, Бенард Селебр не станет убегать от маленького подонка вроде Катрата или от большого подонка вроде его отца. Придется ей с этим смириться.

ГЛАВА 18

Паола Апицелла стояла возле двери, не осмеливаясь выйти на балкон: если толпа ее увидит, то может и растерзать. Ночь озаряли мерцающие факелы, свет войны. Сражение уже стучало в окна и стены; она слышала, как снаряды ударяли в ставни. На первом этаже царила паника, раздавались отчаянные крики и звериный вой — верист бился против вериста.

У нее за спиной ребенок продолжал спать крепким сном невинных. Трепещущий свет единственной бронзовой лампы озарял роскошную комнату, полную удобных и дорогих вещей. Во дворце чудесно жить, но сейчас пришло время его покинуть. Паола подошла к лампе, решительно поднесла пламя к занавескам, а потом вылила масло на постель и подожгла ее. Простыни тут же запылали, едкий дым начал щипать глаза и горло. Теперь защитникам будет, чем заняться!

Она подхватила девочку — в последнее время та очень потяжелела. Пора! Что-то прыгнуло на балкон, заскрежетали когти. Чудовищная черная тень появилась в окне, замерцала и превратилась в крупного вигелианина, покрытого кровью и потом. Он был совершенно обнажен, если не считать медного ошейника на шее, и так часто дышал, что ему было трудно говорить.

— Злодейка! — выдохнул он. — Что ты наделала? Давай сюда ублюдка. — Он решительно двинулся к ней, протягивая одну руку к ее горлу, а другую к ребенку. — Ты больше нам не нужна, хтонианка.

Она исполнила все, что требовалось. Ребенок выкормлен, и эта женщина причинила серьезный вред сатрапу, устроив пожар, так что верист хотел ее убить.

«Ненавижу!»

Он отпрянул.

— Прекрати! — Он шагнул вперед, но тут же вновь попятился. — Что ты делаешь? Прекрати!

«Ненавижу-ненавижу-ненавижу!» Она подалась вперед, прижимая к себе ребенка, у которого брала силы.

Верист отступал, выкрикивая проклятия, пытаясь напугать ее, размахивая кулаками, хотя она была достаточно далеко от него. Возле двери его крики изменились.

— Веру! Священный Веру! Помоги мне! — Он вышел на балкон, воя от ужаса.

Озверевшая толпа узнала его и яростно закричала. В него градом полетели камни и стрелы. Через мгновение в грудь вериста вонзилась стрела. Потом еще одна. Он повернулся, сделал несколько неверных шагов, ему в грудь попали еще две стрелы, и он рухнул через балюстраду. Толпа радостно заревела.

Паола скрылась в дыму и понесла ребенка в безопасное место.

Страшный удар грома разбудил Френу. Она задыхалась, сердце мучительно колотилось от страха. Лицо вспотело. Нет, ее глаза не горели от едкого дыма, за окном не бушевала толпа, но видение было таким ясным, словно все это происходило с ней наяву. Где? Когда? Апицелла спаслась... Какой город назвала прорицательница? Джат... как там дальше? Сатрап Карвак, один из сыновей Храга... погиб во время налета на Джат-Ногул...

Еще один оглушительный удар грома заставил обнаженную Френу подбежать к окну. «Нужно соблюдать осторожность, когда о чем-то молишься», — любил повторять Хорт. Она молилась Древнейшей, чтобы та спасла ее от посещения Пантеона.

Достаточно серьезная буря могла ее от этого избавить, но Френе вовсе не хотелось, чтобы Скьяр смыло с лица земли. Обычно каньон защищал город от самых сильных ветров, но он и направлял их — и тогда волны могли нанести серьезный урон городу. К счастью, направление бури довольно редко совпадало с проходом в каньоне. Если же это случалось, возникали серьезные наводнения и разрушения. От нового раската грома все вокруг содрогнулось.

По всей видимости, начался сезон дождей.

Все утро черная пелена затягивала небо. К полудню голубая лазурь воды превратилась в свинец, волны угрожающе раскачивали причал, словно испытывали его на прочность перед предстоящей битвой. Все, что могла унести вода, привязывали,

укрепляли или убирали подальше от берега, а большая часть кораблей укрылись в гавани. То и дело рокотал гром.

— Мы умрем! — захныкала Най.

— Не глупи! — отрезала Френа. — Ты и прежде видела бури. У нас каменный дом. Более безопасного места не найти.

Веер, которым ее обмахивала Най, совершенно не приносил прохлады. Все задыхались и с трудом двигались в насыщенном влагой воздухе, приближая отъезд ее светлости: Инга заново убирала перламутровыми гребнями ее волосы, Пламна заканчивала подкрашивать ногти серебром, Лилин опустилась на колени, чтобы поправить цветочные лепестки на туфельках. Остальные пытались навести порядок в комнате. Солнце затянуло тучами.

— Если боги будут добры, миледи вернется домой еще до начала бури, — успокаивающе сказала Инга.

Расторопная Инга управляла другими девушками, готовившими Френу к великому событию — они купали ее, умащивали, завивали, пудрили и красили.

Да, а еще боги могут обрушить дождь на ее процессию за то, что она флиртовала с Древнейшей. Вдруг посетившие ее видения — нечто большее, чем злые обманы Матери Лжи? Если Древнейшая хотела, чтобы Френа посвятила себя Ей, то почему не показала, как это сделать? От волнений и недостатка сна у Френы так болела голова, что ей было уже все равно, какому богу она себя посвятит. С самого рассвета она кружилась в безумном гавоте, проверяя поваров и пекарей, сервировку столов, доставку свежих продуктов, подбор вин, конюшни... Еще никто не организовывал такой огромный прием за такое короткое время! А потом пришло время готовиться самой, но даже в купальне она постоянно выслушивала доклады разных слуг. Приехали жонглеры, гуси уже жарятся, запаздывают подарки от некоторых гостей, кувшины с вином охлаждают мокрыми полотенцами...

Всего три дня назад волшебного белого платья не существовало. Белый цвет традиционно использовали для посвящений, и все дружно твердили, что он очень идет Френе. Отмахнувшись от дерзких протестов Инги, Френа выбрала фасон с вызывающе глубоким вырезом. У нее была подходящая для такого выреза фигура, так почему бы не дать миру насладиться столь приятным зрелищем? Три дня и три ночи бессонные белошвейки работали над складками и подолом, украшали платье жемчугом. Шесть сотен жемчужин сияли, точно летняя роса, укрепляя и фиксируя корсаж. Еще несколько раз по шестьдесят жемчужин составили ожерелье и два браслета. Огромное количество жемчуга ушло на тиару. Френа старалась не думать о росте смертности среди молодых устриц.

Инга принесла зеркало, чтобы она могла в последний раз проверить, все ли в порядке. Взглянув на себя, Френа не увидела захватывающей дух красоты. Для девушек, принимающих посвящение, всегда использовали белую пудру; на ее смуглом лице это выглядело бы смешно, и Френа с презрением ее отвергла. Вполне приличное лицо, но никто не спутает ее со священной Анзиэль, решившей навестить смертных. На юную Веслих она бы еще могла быть похожа — на мать, надежную защитницу очага. А надо бы на Мать Лжи... Утробу Мира... неприятных титулов у Темной богини хоть отбавляй, однако никто и никогда не осмелится изображать Древнейшую.

— Спасибо вам, — сказала Френа. — Вы все сделали замечательно. Давайте спустимся вниз, чтобы мой отец и остальные насладились плодами вашей тяжелой работы.

— Господин ждет за дверью, госпожа.

— Так пусть он немедленно войдет! — сердито приказала Френа.

Когда вошел Хорт, она присела в низком реверансе.

Он поклонился.

— О, мой цыпленок вырос! Теперь перед нами лебедь.

Не лебедь, а кукушка. Хорт лгал ей всю жизнь, но она не держала на него зла. Он вырастил ее, защищал и любил. А дож из Флоренгии ее предал.

Френу порадовало, что даже в такой день Хорт ничуть не уступал дочери в пышности одеяний. Его наряд оказался еще более ослепительным, чем у Френы: расшитый драгоценными камнями шелк, шапочка с самоцветами укрывает лысину. Хорт даже подкрасил бороду и надел башмаки с каблуками выше обычных. Она осторожно его обняла, чтобы он с них не свалился.

— Ты изумительна, дорогая! Повернись. Мать бы тобой гордилась. Ты великолепна, Френа! О, надо было созвать своих лучших писарей, чтобы они успели запечатлеть на глине все предложения руки и сердца, которые я сегодня услышу.

— Ну, управиться с ними будет несложно, отец. Повторяй одно слово: «Нет»! Договорились?

Он рассмеялся.

— Да, так тому и быть. Отвечу всем «нет». Я не забыл о своем обещании.

Однако, если верить Свидетельнице, он очень скоро получит предложение, от которого не сможет отказаться.

Когда они рука об руку зашагали по коридору, и ее юбки шептали секреты выложенному плиткой полу, Френа почувствовала, как Хорт прихрамывает, и поняла, что у него вновь разболелась спина. Она замедлила шаг, чтобы напоследок поговорить с ним наедине.

— Отец, послушай. Я не верю, что жену сатрапа хоть сколько-нибудь интересует моя репутация.

— Френа...

— Пожалуйста, дай мне закончить. Даже богам известно, что ее репутация далеко не безупречна, и если бы Скьяр голосовал за Избранную в...

— Френа! Я прошу тебя...

— Дослушай! У Королевы Теней может быть на примете женишок, и у тебя возникнут большие неприятности, если ты

решишь отказаться. Надеюсь, что я ошибаюсь, но прошу тебя, не навлекай на себя беду, чтобы выполнить свое обещание.

Она внимательно на него посмотрела, пытаясь понять, как Хорт отнесся к ее словам, но тот лишь рассмеялся. Они свернули по коридору и начали спускаться по лестнице.

— Френа, Френа! Не беспокойся. Я надеюсь, ты не спешишь заключать брак, моя дорогая. Я не хочу тебя ни с кем делить. Но если какая-то женщина и может позволить себе выбор, то это ты. Я буду ужасно одинок, когда ты сбежишь к мужу, и все мои богатства не помогут развеять эту грусть. — Признание было неожиданное, но Френа вдруг почувствовала, что у Хорта назрел какой-то план.

Посреди лестницы она остановилась, чтобы послушать аплодисменты. Почти все обитатели особняка собрались посмотреть на ее выход, были здесь и работники лавки. Однако Френа уже опаздывала, поскольку ей еще предстояло выслушать добрые пожелания и принять подарки, а пять самых старших мужчин получали право ее поцеловать — их выбрали заранее. Мастер Пакар не попал в их число. Затем она поедет в Пантеон и...

Ей оставалось еще пять или шесть ступеней, когда до нее донеслись крики протеста. Хорт пошатнулся и замер; Френа его поддержала и услышала, как он что-то пробормотал — вроде бы молитву. Сквозь толпу пробирались воины в медных ошейниках; люди отшатывались, видя их жестокие грубые лица, и старались избежать столкновений с мощными плечами. Командир остановился у основания лестницы, подперев кулаками бока. У него за спиной стояло восемь веристов.

— Командир охоты Пераг Хроггатсон! — воскликнул Хорт, спускаясь дальше. Френа все еще держала его под руку. — Двенадцать благословений тебе, Герой, и твоим славным воинам! Несомненно, вы пришли убедиться в безопасности нашего дома перед визитом благородного сатрапа, и...

Лицо Перага исказила кривая усмешка.

— Он великолепен, а, парни? Как по-вашему, кто из них симпатичнее?

Улыбка на лице Хорта не дрогнула.

— Могу ли я предложить вам и вашим людям выпить, командир охоты? Боюсь, что для вина еще слишком рано, но у нас есть свежее пиво.

В том числе две кислых бочки, которые прекрасно подойдут для этих тварей.

— Я пришел за тобой, мальчик. Тебя желает видеть мой господин.

— Вероятно, произошло какое-то недоразумение. — Хорт остановился на предпоследней ступеньке, в результате его глаза оказались почти на том же уровне, что и глаза незваного гостя. — Сатрап Эйд и его леди приглашены на наш пир.

От стоявшего рядом вериста скверно пахло, а выглядел он и вовсе отвратительно. Его рост и размеры ошеломляли. Верк, Альс и остальные домашние стражи стояли возле дальней стены, их переполняли ярость и стыд, но это не имело ни малейшего значения.

Верист презрительно тряхнул головой.

— Скажешь ему при встрече. Берите его, парни!

Очевидно, все было известно заранее. Два молодых головореза, двигаясь с невероятной для своих размеров быстротой, бросились вперед и схватили Хорта за руки. Высоко подняв его над гостями, они выбежали вместе с ним из зала, чтобы все могли видеть его унижение. Украшенная самоцветами шапка сползла на глаза, голова едва не задела за притолоку.

— Это возмутительно! — закричала Френа. — Сам сатрап приказал... приказал...

Ухмылка вериста заставила ее умолкнуть.

— Неплохо! Таких называют ночными красавицами, парни. По традиции мужчины должны поцеловать девушку.

— Нет! — взвыла Френа и попыталась взбежать наверх, но огромные руки оторвали ее от пола и подняли в воздух, как ягоду с куста.

Он прижал к себе Френу и впился в нее губами. Никогда в жизни она не испытывала такого отвращения и унижения — ее ноги болтались над полом, спина выгнута, а грязное животное приникает к ее рту. Она отбивалась руками, лягалась, но верист не обращал на это внимания. Закончив, он рассмеялся и передал девушку стоящему рядом веристу, который также впился ей в губы. Грубые сильные пальцы сжимали ее тело. Так и не дав ей ступить на землю, веристы передавали ее из рук в руки, словно пили из одного бурдюка. Последний поставил ее на ноги, и она бы упала, если бы кто-то ее не поддержал. Теперь Френа понимала, что такое коллективное изнасилование — да еще на глазах у всех домочадцев, включая стражников Хорта.

— Вина! — выдохнула она. — Уксуса! Рассола! Чего угодно!

Кто-то протянул ей чашу с вином. Она прополоскала рот и сплюнула в подставленную миску. Веристы ушли.

— Грязные мерзавцы! Неужели они никогда не моются?

— Это бы ничего не изменило, — буркнул Верк, его губы побелели от ярости.

— Миледи, ваши волосы! — проблеяла Инга. — А шлейф!

Френа допила остатки вина.

— К Матери Смерти мои волосы! — рявкнула она. — Верк, за мной. Колесницы готовы? — Не дожидаясь ответа, она устремилась вперед, и толпа перед ней разошлась.

ГЛАВА 19

Хорта Вигсона бросили в колесницу и привязали к бортам, так что ему пришлось наклониться вперед. Такое положение неудобно для любого человек, а для него было настоящей пыткой, и он не сомневался, что веристы это прекрасно знают. Они надвинули ему шапку на глаза и оставили страдать, пока сами

чего-то ждали. Обычно он спокойно относился к подобным унижениям, да и боль в спине была вполне терпимой по сравнению с муками, которые он испытывал после каждой трапезы, когда его живот по воле богов наполнялся расплавленной бронзой, но такая открытая жестокость — дурной знак. Очевидно, кому-то стали известны его тайные планы. Он всегда старался соблюдать законы, никому ничего не рассказывал — даже Френе — но тиран, пользующийся услугами прорицательниц, мог приговорить человека к смерти даже за мысли об измене.

Прогремел гром. Порыв ледяного воздуха на мгновение рассеял жару и тут же исчез.

— Готовы? — спросил Пераг Хроттатсон.

— Груз на месте, мой господин. Вам удалось ее распробовать?

— В полной мере. Самое лучшее качество, дружище! Редко удается поиграть с таким выменем.

Конечно, они старались ради Хорта. Хроттатсон являлся любимым слугой Салтайи, вероятно, именно он возглавлял банду, убившую Паолу. Если бы Хорт сумел купить доказательства этому преступлению, он бы организовал смерть вериста, но их было недостаточно, чтобы его казнить. В любом случае главным преступником была Салтайя. Увы, Избранная неуязвима — только обезумевшая толпа могла с ней управиться. Или другая Избранная — мастер Пакар пытался решить эту проблему многие годы, но так и не нашел возможности для нанесения удара.

А теперь время заканчивалось.

Хорт почувствовал, как колесница просела под тяжестью еще одного человека и уловил запах Перага. Однако все молчали. В воздухе просвистел хлыст, и колесница покатила по мостовой. Теперь гром гремел постоянно, улицы почти опустели, но, чем быстрее мчалась колесница, тем сильнее она подпрыгивала на ухабах, и Хорт испытывал ужасные муки, один раз ему даже показалось, что у него сейчас сломается спина.

* * *

Колесница с грохотом прокатилась по четырем мостам и остановилась, значит, они еще не добрались до дворца. Очередной дурной знак. Воняло мочой и гнилым мясом, из чего Хорт заключил, что они на Блэкстауре, острове дубильщиков. Впрочем, здесь свершалось множество темных делишек, словно отвратительный запах сам привлекал злые деяния. Сильные руки подхватили его, втолкнули в дом и спустили по лестнице. Когда дверь со скрипом отворилась, а потом с грохотом захлопнулась у него за спиной, в подвале заметалось жуткое эхо. Хорта пихнули в спину, и он распростерся на полу, ощутив запах сточных труб.

— Встать! — кто-то ударил его по ребрам, но не так сильно, чтобы что-то сломать. Он встал и стянул с головы шапку. Хорт находился в подвале или склепе, лишенном окон, единственным источником света служила одинокая лампа, а вокруг стояло трое веристов, одним из которых был Хроггатсон. — Подвесить его!

Двое веристов завязали веревки у него на запястьях и подвесили так, что ноги едва касались пола. Потом они вооружились дубинками и стали ждать, радостно ухмыляясь. Хорт нисколько не удивился, когда командир охоты достал кусок ткани и завязал ему глаза — обычная процедура, позволяющая быстрее добиться полного повиновения. Прежде с ним так никогда не поступали, но ему об этом рассказывали. И еще он знал многих, кому не довелось вернуться назад, чтобы поведать о том, что с ними происходило.

— Пора, господин?

— Не нужно спешить. Дайте ему время подумать.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Опять блеф. Хорт должен был тревожиться о том, что его мучители остались в камере и могут ударить его без предупреждения. Они оставили его в крайне неудобном положении, так что его вес поровну разделяли запястья и пальцы ног, кото-

рые уже начали затекать, однако это принесло облегчение горевшей огнем спине.

Хотя веристы были знамениты своей жестокостью, сатрап пользовался популярностью в Скьяре. Плутократия, которую сверг Стралг, благоволила к богатым, облагала налогами бедных и всех держала в узде. Эйд Эрнсон сохранил прежний порядок, но совсем перестал взимать налоги. Формально он задолжал Хорту более шестьдесят-шестьдесят-шестьдесят мер золота, вероятно, это был самый большой долг во всей Вигелии. Хорт знал, что не получит обратно ни одного медяка, поскольку любое требование о возврате долга будет встречено не золотом, а бронзой. И это не тревожило Хорта. Когда у него потребуют новый «заем», он поторгуется и получит от сатрапа небольшое одолжение, которое ничего не будет стоить самому сатрапу — например, десятилетнюю монополию на соль. Таким образом Эйд не собирал налоги; Хорт богател, готовый расстаться с частью золота в будущем; бедным приходилось платить в любом случае.

На сей раз сатрап или его жена захотели больше, чем просто золота. Очевидно, их интересовала Френа — как она сама догадалась — и Хорт был готов расстаться со всем, что имел, только бы не отдавать свою драгоценную дочь в их лапы. Салтайя это понимала, даже если подобные умозаключения были недоступны ее тупоголовому мужу. Увы, все удовольствия преходящи, как знает любой последователь Укра. Все, кого ты любишь, становятся заложниками.

Радости завтрашние и вчерашние,
Всегда слаще сегодняшних.

Он догадался об опасности четыре дня назад, когда Пераг притащил его на рассвете во дворец, где Королева Теней угрожала ему объявить Френу Избранной. Даже имя жениха, которого она имела в виду, было столь очевидным, что Хорт всерьез рассматривал возможность отправить двух стражей в Кирн, чтобы

приказать Френе бежать. Однако после некоторых размышлений он пришел к выводу, что такой ход слишком опасен и поспешен. Кроме того, посвящение Френы должно было стать лучшим праздником в ее жизни, и он не хотел, чтобы девочка его лишилась. Мгновения счастья слишком редки, чтобы их терять. Он решил дождаться вечера, когда гости разойдутся, а потом обо всем рассказать Френе и предложить ей выбор. Корабль уже будет наготове. Зная Френу, он не сомневался, что она предпочтет до конца жизни скрываться, лишь бы не стать женой вериста.

Он был очень осторожен, но никто не в силах обмануть Свидетельницу Мэйн. Теперь Салтайя перережет ему горло или забьет до смерти — выбор за ней — а потом воспользуется его печатью, чтобы передать его состояние сатрапу. Такое случалось и прежде. А Френа станет племенной кобылой для убийцы.

Хорт — имя Вигсон появилось позже — родился в бедной хижине на крошечном островке в океане, а его мать, еще не успев прийти в себя после рождения сына, тут же забеременела снова. Маленький и вечно голодный, он был постоянным объектом жестоких шуток, и Хорт не любил вспоминать детство. Его отец, простой матрос, возвращался на берег, чтобы пропить свой заработок, зачать очередного ребенка, избить жену, поиздеваться над детьми и устроить драку с друзьями. Его отъезд всегда служил поводом для всеобщей радости. Когда он исчезал, в доме становилось больше еды.

Хорт был десятым из двенадцати или пятнадцати, если считать мертворожденных и выкидыши. Все оставшиеся в живых исчезали, как только становились постарше. Они отправлялись в золотой Скьяр на поиски работы, а в таком возрасте это не так уж трудно, если вы не слишком разборчивы в том, что делаете, или что делают с вами. Хорт оказался разборчивым. Очень даже разборчивым, к тому же он не был создан для тяжелой работы.

Он хотел стать богатым и вскоре сообразил, что лучше регулярно есть яйца, чем раз в жизни отведать жареного гуся. В экономике, где отсутствовали деньги, это было настоящим прозрением.

Большинство богатых людей видели богатство во владении землей или в обладании властью и всей душой презирали торговлю. Даже купцы часто пренебрежительно думали о вещах, которые покупались на медь, удостаивая вниманием лишь то, что стоило серебра или золота. Превращение одного вида металла в другой было только обменом, поэтому универсальная шкала ценностей отсутствовала.

Обладая талантом к числам и сделкам, молодой Хорт сумел заполучить работу на рынке, потом поднялся до ученика в купеческой гильдии. Как только он стал мастером, его приобщили к таинствам укристов. Этот культ не имел жрецов, а его члены не носили громких имен: никаких Героев, или Рук. Просто укристы. Роль святилища исполнял подвал, а вместе они собирались только в тех случаях, когда один из братьев или сестер предлагал нового члена для вступления в культ. Большинство принятых были слишком заняты, чтобы участвовать в таких встречах, и они не сомневались, что их бог одобряет подобное отношение. Кроме того, богатые купцы, фермеры или владельцы рудников, распевающие псалмы, выглядели довольно забавно.

По закону, чтобы стать последователем культа, требовалось не менее пяти поручителей, и кворум удавалось собрать только при помощи взяток. Претендент занимал меру золота у каждого поручителя под ужасающий процент — одна шестидесятая за каждые шесть дней. Даже в Скьяре это было выгодно, поскольку кандидату обычно требовалось несколько лет, чтобы выплатить долг, а потому общая прибыль получалась значительной.

Хорт легко убедил своего нанимателя и четверых его друзей за него поручиться. Он также сумел уговорить почти дю-

жину человек выступить свидетелями. Согласно правилам, после того, как поручители устанавливали, что у него имеются полные меры чистого золота, кандидат разделял пять мер между двумя сосудами, золотым и глиняным. Затем приносил клятвы. То, что он клал в золотой сосуд, было подношением богу и исчезало — священный Укр получал вознаграждение за участие в ритуале. Содержимое глиняного сосуда оставалось в собственности нового члена культа, который мог либо заплатить некоторым своим кредиторам сразу, либо использовать золото в качестве начального капитала.

Но все было совсем не так просто.

Кандидаты, стремящиеся стать членами культа, никогда не сомневались относительно благословений, полученных членами культа. А вот цена, которую требовал бог, иногда выражалась не столь очевидным образом — «она была написана на обратной стороне дощечки», как говорили на базаре. Так священный Укр предлагал процветание, в то время как клятва, которую Он требовал, не содержала упоминания о корбане, однако в ней имелись внешне невинные слова, что кандидат сделает процветание своей «единственной радостью». Было очевидно — джентльменское соглашение между смертным и богом — что последующие богатство и счастье будут соответствовать количеству золота в двух сосудах. Лишь немногие кандидаты осмеливались предложить богу более трех частей из пяти, оставляя две части себе. Дать Укру четыре части из пяти считалось безрассудством.

Хорт очень торопился. Он мечтал о настоящем богатстве, а не просто о безбедной жизни. Он хотел вернуться домой — ненадолго, естественно — чтобы избавить мать от унизительной бедности. Он намеревался помогать братьям и сестрам — в разумных пределах, конечно — если сумеет их найти. Но больше всего он мечтал показать своему отцу, как выглядит богатый человек, и как несколько нанятых телохранителей могут

отплатить за старые обиды. Вот почему он положил в золотой сосуд все пять мер.

Если судить по дальнейшим событиям, богу его дар понравился. И не вызывало сомнений, что поступок Хорта произвел сильное впечатление на смертных свидетелей, поскольку многие из них согласились на тайное предложение Хорта стать его партнерами. Не прошло и шести дней после ритуала посвящения, а Хорт уже сумел расплатиться с главным долгом, взяв новый заем под значительно меньшие проценты. Меньше чем через год он полностью погасил все долги, а двое из его поручителей уже на него работали.

Он так и не нашел времени вернуться домой. Когда он наконец сумел послать туда человека, тот вернулся и доложил, что родители мастера Вигсона довольно давно умерли, и никто не знает, где искать его братьев и сестер. Как бывает всегда, завтрашние радости не материализовались. Текущие заботы очень скоро заставили Хорта о них забыть.

Судороги в ногах вызывали такую сильную боль, что глаза под повязкой начали слезиться. Впрочем, слезы — пустяк, они никак не связаны с настоящим горем. Он не смог заплакать, когда умерла Паола, и не станет плакать, если сейчас они заберут Френу. У трупов не текут слезы.

Бедная Френа! Он так хотел устроить ей замечательный праздник!

> Вчерашние и завтрашние радости
> Слаще сегодняшних.

Откуда взялись эти слова? Две величайшие радости его жизни пришли к нему через несколько лет после посвящения в культ, когда он принял посетительницу — молодую флоренгианку с черными вьющимися волосами и яростными темными глазами. Он сидел у себя кабинете и приказал, чтобы его не беспокоили. Тем не менее она каким-то образом сумела убе-

дить слугу, вошла и села без приглашения. Она привела с собой девочку, которая уже начала ходить. Сейчас малышка стояла рядом с матерью, держала ее за руку и молча смотрела на Хорта бездонными глазами.

Хорт взглянул на них, поскольку верил чутью, которым наделил его бог, и они подсказали ему, что эта женщина принесет ему доход.

— Что я могу для вас сделать, госпожа?

— Многое. Я тоже могу многое для вас сделать.

Он ждал. Темные глаза запылали еще сильнее.

— Этот ребенок — заложник из одного крупного города во Флоренгии.

— Если вы рассчитываете, что я помогу собрать выкуп у сыновей Храга, то вы будете горько разочарованы.

Она презрительно тряхнула головой.

— Меня наняли кормилицей, чтобы я доставила ребенка сюда. — Если она говорила правду, то у нее была удивительно чистая речь, ведь война началась всего год назад, так что эта женщина появилась в Вигелии сравнительно недавно. — Позднее они пытались забрать у меня девочку.

— Это обычная практика — тщательно охранять заложников, — сказал Хорт. — Если маленький ребенок не способен сбежать, то это вполне по силам опекуну.

— Ее опекун так и сделал. — Она мрачно улыбнулась.

— Когда и где? У меня нет ни малейшего желания обнаружить в своем доме веристов. — Его смущала растущая уверенность, что женщина принесет ему прибыль; такие же чувства он часто испытывал, когда смотрел на медную руду или лебединые перья, и это ощущение его никогда не обманывало. Но сейчас он не понимал, что может значить появление незнакомки.

— Джат-Ногул.

— Ага! — Рыба начала кусаться. — Мятежники, стало быть? Во время набега дворец разграблен. Сатрап Карвак умер.

— Да, так все и произошло. — От ее улыбки он задрожал.

Ну уж нет! Это все меняет. С другой стороны, два бога наверняка лучше, чем один.

После недолгих размышлений он произнес:

— Я не считаю, что убийство любого ребенка Храга является преступлением. Скорее наоборот. Возможно, в честь убийцы следует поставить памятник. Вам известны подробности?

— Да.

— И вы?..

— Не спрашивайте.

Они довольно долго молча смотрели друг на друга. Она больше не улыбалась. Тому, кто фехтует с Древнейшей, нужен длинный меч, как говорят на базаре. С другой стороны — а Хорт умел рассматривать ситуацию с самых разных точек зрения, на что были способны немногие, — его бог все еще сулил ему большие доходы. Два бога лучше, чем один.

— Вы хотите найти в моем доме убежище или рассчитываете, что я помогу вам добраться до Флоренгии?

— Женитесь на мне. Удочерите девочку. Вы богаты и скоро станете еще богаче. Вы можете позволить себе жену. А из меня получится хорошая жена. — Она насмешливо улыбнулась. — Кормилицы редко бывают девственницами.

— Наверное, вы правы. — К своему удивлению Хорт улыбнулся в ответ. Женщина была привлекательна. Он давно собирался жениться, но никак не находил времени. — А что еще я получу, если не считать вашего весьма приятного общества?

— Мы присматриваем за своими.

— Ну, женам положено так поступать. Нельзя ли более конкретно?

— Процветание для вас и несчастье для ваших врагов.

— Я не одобряю убийство, если вы это имеете в виду.

Она подвергла себя опасности, сказав так много, а теперь и Хорт попал в затруднительное положение.

Если он откажет ей, а женщина говорит правду, то она может навести на него порчу. Если же он сохранит их беседу в

тайне, ему могут предъявить обвинение в пособничестве мятежникам. Или того хуже. Поскольку священные Свидетельницы Мэйн не выступают на хтонических судах, священный Голос Демерна не вынесет приговор, и правосудие будет вершить толпа.

— Убивать людей не в моих привычках, — надменно заявила она.

— Можете доказать, что вы действительно та, за кого себя выдаете? — Он не осмелился произнести слово вслух.

— Я ведь вас нашла, верно? И ваши слуги меня пропустили, не так ли?

Девочка повернулась к женщине и протянула к ней руки. Та посадила ее к себе на колени.

— Я сделала вам честное предложение. Вы его принимаете?

Хорт подумал еще немного. Может, вышвырнуть ее вон (если, конечно, он сумеет)? Нет, это будет ошибкой.

— Жениться на вас?

Обнимая ребенка, она сказала:

— Моя дочь говорит, что мы женаты уже два года. Историю вы придумаете.

— Ладно. Договорились. Мы женаты. Как вас зовут?

Она рассмеялась. Он рассмеялся в ответ.

Удивительно, что после стольких лет он помнит ее смех так же ясно, как и ложе, которое они делили, хотя невероятное удовольствие, открывшееся ему в ту ночь, оказалось одним из величайших откровений его жизни. С тех пор он был весьма умелым мужем, пока ухудшившееся здоровье не подорвало его мужскую силу.

Она пожала плечами.

— Вам нравится имя Паола? Паола Апицелла. Нареките свою дочь, господин.

— Френа, — тут же назвал он имя матери.

Его агенты потратили почти год на то, чтобы установить личность ребенка, но к тому моменту это уже не имело значе-

ния. Хорт так и не узнал подробностей прошлого Паолы, поскольку она не была важной персоной.

Избранная ли она? Хорт больше никогда не спрашивал ее об этом. Она оказалась любящей и любимой женой. Ее нельзя было сравнить с Королевой Теней, чьи враги умирали с поразительной быстротой и регулярностью. Хотя иногда он удивлялся, когда его конкуренты заболевали или терпели неожиданные неудачи — то ли из-за проклятий Паолы, то ли сказывалась помощь Укра, он так и остался в неведении. Хорт даже не знал, был ли хтонианином мрачный Пакар, или же он имел дело с ловким обманщиком.

Вчерашние радости... Три года назад он потерял жену, а теперь лишится дочери. Будущее радостей не сулило, как, впрочем и день сегодняшний. Увы, Хорт давно убедился в том, что нет смысла беспокоиться о вещах, которые можно заменить. Все его несравненное богатство и то, что он ценил более всего...

Дверь со скрипом отворилась.

Их было несколько. Они дали ему послушать свои шаги, но долго молчали. Несмотря на уверенность в себе, он напрягся в ожидании острой боли.

— Говорить будешь? — послышался тихий голос. — Готов?

Несмотря на странные манеры, Эйд Эрнсон всегда разговаривал, как голодный рассерженный бык. Да и думал так же.

— Чем могу служить моему господину? — Хорт не дал согласия.

Любой человек, оказавшийся в тюрьме, назвал бы своего тюремщика «господином».

— Я хочу, чтобы твоя дочь стала женой... одного молодого человека. — Эйд, простая душа, чуть не сболтнул лишнее.

— Брак, одобренный господином, будет для меня огромной честью. Боюсь только, наша родословная недостаточно хороша.

— Твоя — да. А ее родословная тебе известна?

Кто еще находится в подвале? Салтайя брала своего тупого мужа на важные встречи только в тех случаях, когда нуждалась в показаниях Свидетельницы. Если прорицательница здесь, то Хорту лучше не лгать.

— Мне она известна. Ей — нет. Ее приемная мать ничего мне не рассказала, но я постарался выяснить это сам. — Порой во время переговоров некоторые сведения лучше скрыть. Однако бывают случаи, когда из откровенности можно извлечь выгоду. — И с тех пор я стал следить за событиями в Селебре. Дожу, отцу Френы, весной стало лучше, но его здоровье до сих пор вызывает серьезное беспокойство. Насколько я понимаю, необходимо найти ему преемника. Я считал, что выбор падет на одного из братьев Френы.

Столкнувшись с неожиданными сведениями, сатрап смутился.

— Он говорит правду? — послышался грудной голос Салтайи Храгсдор.

Тишина.

— Он говорит правду? — повторил вопрос Эйд.

— Он думает, что говорит правду, господин, — раздался монотонный голос прорицательницы. — Однако его сведения о Селебре могут быть неверными, как и ваши.

— Хм-м-м? Ничего не слышал об улучшении здоровья дожа.

Эйд и прорицательница стояли перед Хортом, Салтайя — где-то у него за спиной, кроме того, рядом наверняка находился Пераг или его подручный с дубинкой, на случай, если разговор пойдет не так, как планировалось.

— Сведения пленника могут оказаться новее ваших, господин. Я сужу лишь о том, во что он сам верит.

— Хм-м-м, так ты согласен на брак?

Хорт сделал глубокий вдох.

— Не окажет ли милорд мне честь, описав молодого человека, который войдет в мой дом?

— А на что ты рассчитываешь? — спросила Королева Теней.

— Было бы абсурдной самонадеянностью с моей стороны...

— Отвечай, или я прикажу Перагу сломать тебе ноги.

Все знали, что Салтайя никогда не блефует.

— Миледи добра, — вздохнул Хорт. — Согласно моим последним сведениям, в Косорде готовились к торжествам по поводу вступления младшего сына сатрапа в Герои. Он на два года старше Френы. Поскольку все ваши сыновья и племянники отправлены во Флоренгию сразу после прохождения благословения, Катрат представляется наилучшим кандидатом на роль правителя Селебры.

— Хм-м-м?! — взревел Эйд. — Он шпионит за нами! Прорицательница, откуда он это знает?

— Спросите у него, господин.

— Откуда ты это знаешь, заключенный?

— Предположение, основанное на общедоступных сведениях, — ответил Хорт.

— Он говорит правду.

Голос Салтайи был подобен серебряному кинжалу.

— Так ты приветствуешь этот брак, купец?

Он вздохнул.

— Нет. Я обещал Френе, что позволю ей самой выбрать себе мужа. И тут нет никакого неуважения к вашему племяннику, госпожа, поскольку я никогда его не встречал. Просто я не думаю, что моя дочь захочет выйти за вериста.

— И что ты намерен делать? — Угроза в ее голосе была очевидной.

— Согласиться, естественно! А что мне остается? У вас есть прорицательницы и веристы. Разве мы сможем убежать? Разве я брошу свое состояние? Вы думаете, я безумец?

— Тогда зачем ты набил ящики золотом? — резко спросила Салтайя. — Почему приказал перенести их ночью на борт

корабля, стоящего в бухте Райский Приют? Почему отправил вместе с ними свою одежду и одежду девушки?

Его загнали в угол!

Хорт не нашелся с ответом и потому молчал, дожидаясь, когда его начнут бить. Они его убьют, заберут все имущество, объявят Френу несовершеннолетней и возьмут под опеку сатрапии. Они уже не раз поступали подобным образом с другими богачами. Все мышцы его тела напряглись, на коже проступил обильный пот.

Однако его спас голос Свидетельницы.

— Обычно мне не позволено ничего говорить, когда меня не спрашивают, но в данных обстоятельствах я должна сообщить, что на город обрушилась сильная буря. Утонуло уже множество людей, а этот подвал скоро затопит до самого потолка.

ГЛАВА 20

Френа Вигсон вбежала во двор, где стало совсем темно из-за черного полога бури, опустившегося на город. Френу приветствовала ошеломляющая вспышка, по двору полетели опавшие листья, стая черных птиц в панике заметалась в разные стороны, из конюшен доносились звуки глухих ударов — онагры беспокоились в своих стойлах. Три упряжки уже были готовы, и старый Пермиак старался успокоить животных, что при данных обстоятельствах было практически невозможно даже для настрианина. Одна из колесниц, украшенная ленточками и цветами, принадлежала Френе, Пермиак запряг в нее Мрак и Ночь.

Френа, подхватив юбки, быстро забралась в колесницу, взяла поводья и стегнула онагров. Казалось, колесница взлетела. Она еще раз стегнула скакунов.

— Госпожа! — закричал Верк, бросившись вслед за Френой.

— Следуй за мной!

Из-за очередного удара грома он едва ли расслышал ее крик.

Она проехала в ворота на одном колесе. Огонь цвета лаванды осветил тучи. Вытащив кнут, Френа несколько раз хлестнула онагров. Они закричали и помчались еще быстрее.

Конечно, дорога была пуста. Сейчас ни один человек в здравом уме не выйдет из дома. Один раскат грома следовал за другим, первые капли дождя, огромные, точно виноградины, ледяными шариками ударяли в ее тело. Мост через Колокольчик находился прямо перед ней. Он появился, словно стрела, но по мере того, как он рос, завеса дождя делала его очертания все более туманными. Когда Френа добралась до моста, вода уже низвергалась с небес потоками, обрушиваясь на ее голову и плечи, точно шестьдесят раз по шестьдесят молотов.

Колеса застонали, когда колесница пронеслась по деревянному настилу. Вверх, к Болтушке, еще одному острову, который служил причалом. Френа мчалась все дальше, а вокруг не было ни души. Она не захватила ни сумки с жертвоприношениями, ни вуали, ни двух лилий — вообще никаких предметов, нужных для ритуала. Ее уже не заботило состояние платья, волос и лица. Эти вещи не имели значения для Фабии, поскольку она не собиралась в Пантеон. Она летела во дворец, чтобы кое-что сказать Эйду и Салтайе. И для каждого из них у нее найдутся подходящие слова. Она ехала под дождем, с трудом узнавая путь от Болтушки к Ловцу Угрей. Огромные волны почти доставали до моста — она даже видела, как он раскачивается впереди. Жуткое зрелище. Френа посмотрела в сторону моря и увидела лишь туман.

И где же эти свиньи-веристы? Она рассчитывала, что сумеет их догнать. Даже если сатрап владел лучшими онаграми в мире, Мрак и Ночь должны были их перегнать — ведь в колеснице сидела только Френа. Возможно, эти скоты направились в сторону Когтя Лангуста. Френа огляделась по сторонам, но увидела у себя за спиной только Верка и Альса. Вокруг во-

обще никого не было, впрочем, и видимость стала совсем плохой. Улицы превратились в коричневые реки, воздух — в море, а шлейф ее платья в грязные лохмотья. Отчаянно дрожа и пытаясь вспомнить, когда ей в последний раз было так холодно, она сделала еще один крутой поворот на одном колесе и помчалась к храму. Колеса грохотали по пустому мосту.

Молния превратила сумрак в молочно-белую пелену; удар грома был подобен грохоту шестидесяти на шестьдесят молотов. Мрак и Ночь запаниковали и понесли. Френа потеряла хлыст и едва не выронила поводья; вцепившись в поручни, она закричала, побуждая онагров бежать еще быстрее. Сквозь рев дождя прорывался другой, еще более жуткий звук. Что-то, чего там не должно было быть, двигалось вдоль канала. Фабия закричала и попыталась удержать поводья.

Она мало что видела, но определенно разглядела корабль и нечто, напоминающее обломки домов. Эта стена смерти неуклонно катилась по каналу высокой серой волной. Мост, да и она сама, были обречены, если колесница не успеет перебраться на другой берег раньше.

— Быстр-ре-е! — Она отчаянно хлестала онагров поводьями.

Колесница сделала несколько длинных скачков — стоит ей задеть ограду, и Френу выбросит из колесницы, которая разлетится на мелкие кусочки. Теперь корабль был уже над ней, он кренился на бок, и она видела даже приросшие к днищу ракушки. Корабль мчался на нее на пенной волне. Колеса колесницы крутились с невероятной скоростью, однако все происходило очень медленно, как в ночном кошмаре, конец моста все еще оставался ужасно далеко, а смерть уже тянулась к ней на огромной волне.

К счастью, она успела проскочить под кораблем и горой мусора, ударившим о мост у нее за спиной. Онагры это почувствовали и, казалось, побежали в два раза быстрее. Последний рывок, и они уже неслись по земле, вот только ее никак нельзя

было назвать сухой. Колесница летела по улице, разбрызгивая воду во все стороны. Френа уже не пыталась управлять онаграми, она потеряла представление о том, в какой части острова оказалась. Они проскочили поворот на Пантеон. Затем онагры свернули направо, потом налево и выскочили на перекресток, по которому неслись потоки черной воды. И тут она разглядела дверь, не раз виденную во сне.

— Тпру! — Френа потянулась к тормозу как раз в тот момент, когда одно колесо угодило в дыру глубиной с ванну.

Поток был холодным, как смерть, и достаточно глубоким. Он поднял Френу, перевернул и понес прямо в центр бури. Задыхающаяся, оцепеневшая Френа сумела подняться на колени и ухватиться за стену. Она успела заметить, как вода уносит колесо, а сама колесница и онагры исчезли бесследно.

Френа встала, продолжая цепляться за стену. Вода шипела у ее щиколоток; под пальцами ног она ощущала слой грязи. Она спотыкалась, задевая за острые выступы мостовой, но продолжала упорно подниматься в гору, понимая, что ее может накрыть еще одна волна. Хотя она прошла мимо нескольких дверей, ей не пришло в голову постучаться и попросить убежища. Улица, петляя, уходила все дальше, яркие вспышки молний превращали ночь в день, потом вновь наступал могильный мрак. Между ужасающими ударами грома Френа слышала и другие жуткие звуки ревущей непогоды. Через несколько секунд потоки воды стали белыми ото льда, и градины принялись атаковать стоящие вокруг дома — они были такими крупными, что могли причинить серьезный вред.

Френа стояла неподалеку от странной бесформенной двери в углу между стеной и каменным выступом — нечто очень похожее она множество раз видела во сне. Она без малейших колебаний устремилась к ней, а когда подошла совсем близко, ее ноги впервые перестали касаться воды. Дверь была закрыта на простой засов, но ей пришлось побороться с ветром, чтобы ее открыть. Наконец она сумела протиснуться внутрь, и створка сразу же захлопнулась у нее за спиной.

* * *

Довольно долго она стояла в темноте и дрожала. Не самое надежное убежище, и все же лучше, чем мертвой плыть к морю. Здесь не было призраков и голосов, лишь пахло листвой и землей. Снаружи продолжал бушевать гром, град еще некоторое время с остервенением бил по стенам, а потом неожиданно прекратился. Начался ливень — такая буря могла продолжаться несколько дней.

Ее осторожные пальцы нащупали резной камень и выложенный каменными плитками низкий потолок. Пальцами ног она наткнулась на ступеньку ведущей вверх лестницы. Потом на еще одну. Воздух здесь был нехолодным, но она дрожала в промокших лохмотьях. Ей захотелось избавиться от него, но осторожность заставила подождать и выяснить сначала, куда она попала — что она потом будет делать без платья? Она поднялась на десять ступенек и лестница закончилась. Френа вновь постаралась определить, куда попала. Туннель превратился в пещеру, точнее в конусообразный проем между двумя массивными кусками скалы, стоящими рядом; потолок был опасно низким с одной стороны, а с другой она не могла до него достать. Кто-то насыпал здесь гравий, чтобы выровнять пол.

Вскоре стена справа исчезла. И тут Френу покинуло мужество. Слишком серьезной стала опасность безнадежно заблудиться. Она села и обхватила колени. Впрочем, она прекрасно понимала, что это ей не поможет; нужно либо идти вперед, либо вернуться под открытое небо, где бушевала буря... вдруг Френе показалось, что она видит мерцающий впереди тусклый свет. Раскаты грома слышались именно с той стороны. Она встала и двинулась вдоль левой стены, тщательно выбирая, куда ставить ногу.

Кровь и рождение; смерть и холодная земля.

Она не сомневалась, что попала сюда не случайно — но привели ее вовсе не Светлые! Темную называли также Утробой Мира; могила означала возвращение в утробу. Быть мо-

жет, Паола иногда приходила сюда, а не в Пантеон? Френа понимала, что у нее под ногами тропа, значит, кто-то ее протоптал. Должно быть, Пантеон где-то впереди.

Наконец Френа оказалась в гроте. Потолок терялся где-то далеко наверху, но по меньшей мере в двух местах грот был открыт небу, откуда сочился свет, позволяющий ее привыкшим к темноте глазам различить очертания огромного неровного зала. Когда полыхнула молния, влажные каменные стены засеребрились, словно лепные украшения. Под ногами хлюпало, но Френа не могла определить, чего здесь больше — мха или грязи. Воздух был полон каких-то неясных ароматов, но они не вызывали у нее отвращения; Френа ощущала, что попала в священное место, где время замерло. Она слышала стук падающих капель и приятное журчание льющейся воды. Френа нашла источник, напилась и вымыла испачканные землей руки.

У одной из стен стоял плоской каменный алтарь, напоминающий ложе, а на стене виднелось изображение тучной женщины, состоящей словно бы из подушек — голова, грудь, живот, ягодицы. Высшая Жрица Бхария упоминала о следах очень древних культов в Островном Храме. Древнейшая. Утроба Мира.

Френа сняла платье. Теперь она уже не сомневалась, что здесь достаточно света, чтобы не заблудиться. Большая часть украшений и самоцветов с ее платья исчезли. *Может быть, стоит принести в жертву остальные камни,* — подумала Френа, но потом отказалась от этой мысли. Обнаженная, в ужасе от собственной отваги, она опустилась на колени перед алтарем и совсем не удивилась, нащупав зазубренные фрагменты скалы. Она очистила место для колен. *Кровь и рождение; смерть и холодная земля.*

— Матушка? — пошептала она.

Никакого ответа.

Тогда она заговорила громче и увереннее:

— Я пришла, как ты просила. Ты спасла мою жизнь в Приграничье, когда я была беспомощным ребенком, и с тех пор она принадлежит тебе. Скажи только, чего ты от меня хочешь, и я все выполню.

Она взяла острый осколок камня в левую руку и полоснула правую ладонь. Было больно, но Френа понимала, что так и должно быть. Она почувствовала, как кровь капает на камень, положила туда ладонь и склонила голову.

— *Кровью и рождением; смертью и холодной землей*, клянусь повиноваться и терпеть.

Молчание. Она почувствовала, как в ее руку течет сила. Любовь и радость запели беззвучную песню, и она ощутила необычное тепло. Возможно, ей это только показалось, и она не осмелилась поднять взгляд, но у нее возникло ощущение, что рядом находится кто-то еще...

— Неплохо, — произнес мастер Пакар.

Френа испуганно закричала, вскочила на ноги, споткнулась и задела коленом каменный алтарь. В сумеречном свете Пакар мерцал, словно белая личинка.

— Я не знал, сумеешь ли ты найти сюда дорогу. Очевидно, связь стала очень сильна. — Он подошел ближе. — Но это лишь начало, моя дорогая. Струйка крови из пореза на руке? И ты полагаешь, что Мать этим удовлетворится?

Она ощутила его кислый рыбный запах. Слова Пакара показались Френе какими-то тусклыми. Она отступила на шаг и едва не потеряла равновесие. Для ее босых ног пол представлял серьезную опасность.

— Держись от меня подальше! Чего тебе надо?

— Речь не о том, чего надо мне, дитя, — прошепелявил он, — а о том, что требует Мать. Ты и в самом деле полагаешь, будто девственница может стать Избранной? Нужно предложить Матери куда более драгоценную кровь, священную кровь невинности. — Он слегка пошевелил рукой, и его накидка упала на

пол. Почти ничего не изменилось — он оставался все тем же бледным червем. Однако Пакар был гораздо крупнее и сильнее Френы.

— Нет!

Он вздохнул.

— Но ты обещала заплатить необходимую цену и терпеть. Это жертва, которая требуется от девушки, которая хочет стать Избранной. Вот, разложи это на полу и устраивайся поудобнее. — Он бросил ткань на алтарь.

— Нет! Я не стану!

— И что? Ты закричишь? — Он радостно засмеялся. — Никто не услышит. А даже если и услышит, ты знаешь, что с тобой сделают, когда найдут тебя здесь. — Он протянул руку, чтобы схватить Френу.

Она попыталась бежать, но босиком это было почти невозможно. Не успела она сделать и трех шагов, как Пакар схватил ее за руку.

— Пойдем, дорогая. Тебе нужно принести в жертву кровь, достоинство, испытать боль. Начнем с поцелуя?

— Нет! — Она скорчилась, когда он обнял ее и попытался прижаться к ее губам слюнявым ртом.

Ненавижу!

Пакар отпустил Френу и отступил назад.

— Что ты делаешь? Мне больно! — Казалось, он скорее удивился, чем испугался.

Ненавижу! Ненавижу! Лжец, сводник и шантажист! Убийца нерожденных детей! Мерзкий слизняк.

— Прекрати! — Теперь он кричал, пытаясь защитить лицо руками, словно от Френы исходило нестерпимое сияние.

Пакар начал быстро пятиться.

Она пошла за ним, переполняемая ненавистью, сама не зная, сумеет ли по-настоящему его напугать — и если нет, то как долго сможет удерживать его на расстоянии при помощи дико-

винной силы, которой ее обучили. *Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!*

Он пронзительно закричал. Со всех сторон посыпались камни.

— Пощады!

— Пощады? Ты не знаешь смысла этого слова!

Насильник!

Ненавижу!

Он сделал еще один шаг назад и отчаянно замахал руками, пытаясь сохранить равновесие. Возможно, она могла бы его спасти, но без малейших колебаний сделала шаг вперед и толкнула обеими руками. Он исчез. Она услышала его крик, который тут же стих, как только раздался звук удара, потом вниз посыпались камни. Он еще раз ударился о стены, и вновь зашумели камни. Затем наступила тишина.

Несомненно, Пакар потерял сознание, где бы он ни находился. Если он жив, она ничего не может — и не осмелилась бы — для него сделать.

Дрожа, Френа вновь опустилась на колени перед алтарем. Она не знала, что сказать... но только потому, что все ее мысли смешались. Сожалела ли она? Нет. Это самозащита. Пакар хотел овладеть Френой против ее воли, рассчитывая на свою силу. Если хотя бы одна из двенадцати баек, которые рассказывали про мастера Пакара, соответствует истине, он заслужил эту смерть.

Поступит ли она так еще раз при похожих обстоятельствах?

Да.

— Священная Ксаран, я, *Фабия Селебр*, благодарю тебя за спасение. И предлагаю богохульника Пакара в качестве жертвы. Умоляю, прими его кровь и смерть, как мое жертвоприношение.

А потом она добавила:

— Аминь.

ГЛАВА 21

Фабия Селебр натянула на себя обрывки мокрого платья. Дрожа от холода и запоздалого страха, она нашла кожаный плащ мастера Пакара и спрятала в просторный внутренний карман жемчужный браслет и другие безделушки, которые у нее остались. Его накидку она швырнула в шахту, куда он упал, — в качестве савана. Фабия так и не нашла светильник, но смысл этого факта открылся ей, лишь когда она вернулась ко входу, уверенно перемещаясь во мраке. Конечно, Избранная должна видеть в темноте! И это поразило ее даже больше, чем смерть Пакара. Она стала одной из них. Был ли Пакар хтонианином? Или он самозванец? Прорицательница говорила, что установить правду невозможно.

Незаметные щели и дырочки от сучков в старой двери давали возможность полностью разглядеть улицу, так что почитатели Матери Ксаран могли уходить незамеченными. Раскаты грома стали совсем далекими, но ливень не унимался, и потоки воды заливали улицу. Фабия имела смутное представление о том, где она оказалась или куда ей теперь следует идти — домой, во дворец или в Пантеон? Та же чудовищная волна, что разбила мост Ловца Угрей, могла уничтожить и несколько других мостов, так что путь домой мог превратиться в долгое путешествие вдоль берега реки. До дворца было ничуть не ближе, и она не могла отправиться туда, словно напуганная морская чайка. Ближе всего находился Пантеон, там ей наверняка помогут.

Она заметила людей в плащах с капюшонами, которые брели под ливнем. Фабия остановила какую-то женщину и поменяла один из своих драгоценных перламутровых гребней на пару тростниковых сандалий и указания, как пройти к Пантеону. Мысль о том, как бы отнесся к такому обмену Хорт, вызвала у нее смех. Теперь Фабия смогла идти быстрее, а женщина, только что совершившая выгодную сделку, так и смотрела ей вслед, разинув рот.

Каменная площадка, на которой колесницы поджидали своих хозяев, пока те находились в Пантеоне, превратилась в озеро, где вода доходила до колен. Тем не менее здесь собралась толпа, слышался сердитый рев онагров. Дождь не прекращался, но на лестнице было полно народу. Да и в толпе собралось слишком много онагров, как змей в огороде, и если она сумеет благополучно добраться до лестницы, то это будет...

— Госпожа! Госпожа Френа!

...чудо.

Черные волосы все-таки имеют некоторые преимущества. Верк возвышался над толпой — очевидно, он стоял на колеснице — и отчаянно махал руками. Она помахала в ответ и двинулась к нему. Ленточки и цветы, украшавшие колесницу, были такими же потрепанными, как и ее платье.

Увидев Френу, Верк покачал головой и произнес:

— Я должен немедленно доставить вас в святилище Синары, госпожа.

Неожиданно она почувствовала ужасную усталость, сказались трудные дни и бессонные ночи.

— Нет. Поедем домой. Сейчас у целителей полно более серьезной работы. А со мной все в порядке, я упала, ничего серьезного. — Никто не обратил внимания на ее ладонь, потому что все ее тело покрывали небольшие царапины.

Громко крича и щелкая кнутом, Верк начал сложный процесс выезда с площади. Онагры слушались его неохотно, они совершенно потеряли разум из-за дождя, грома и всеобщего страха.

— Что делают эти люди? — спросила Фабия.

— Благодарят богов за то, что не утонули, госпожа.

Катастрофа позволила ей принести клятву Древнейшей, как она и собиралась, но ей не хотелось думать, что буря ниспослана ради этой цели.

— А как насчет утонувших?

В его бледных глазах появились искорки смеха.

— То были нечестивцы, которые не заслужили иной участи.

Они рассмеялись вместе. Не слишком добрые слова. И богохульные. Но они остались живы, а очень многие погибли — в таких случаях людям свойственно радоваться. Проклиная идиотов как на двух, так и на четырех ногах, Верк рассказал, что мост рухнул прямо у него на глазах, стоило Фабии исчезнуть в тумане. Он поехал к Пантеону кружным путем и стал ее ждать, слушая рассказы об ужасных бедствиях на внешних островах — Крабе, Колокольчике, Соленой Траве и Странде — и чуть менее серьезных разрушениях на островах, расположенных выше по течению. Естественно, Верк не знал, что произошло с Хортом после того, как его увели веристы.

Фабия кратко и не слишком внятно описала свои приключения — она решила, что он упал бы в обморок, если бы узнал правду. Она и сама еще не до конца понимала, к чему приведут ее действия. С этих пор ее жизнь всегда будет полна опасностей. И что она получила в обмен за постоянный страх? Долгую жизнь, предположительно, если сумеет остаться в живых в ближайшие дни. Теперь она лучше видит в темноте, чем раньше, что полезно, но как быть с силой, уничтожившей Пакара и сатрапа Карвака? Умение заставлять мужчин пятиться назад едва ли стоит демонстрировать на людях, к тому же оно имело весьма ограниченную ценность, поскольку трудно рассчитывать на то, что рядом окажутся лучники мятежников или бездонная пропасть. Возможно, теперь она обладает умением сглазить человека. Прорицательница намекнула, что умирающая Паола сумела прикончить нескольких веристов, а политеисты на это неспособны. Фабия нуждалась в наставнике, но она не могла себе представить, как станет просить Салтайю Храгсдор научить ее проклятиям.

Фабия *убила* человека. Сейчас она старалась об этом не думать...

— Верк?

— Госпожа?

— Почему ты приехал сюда и стал меня ждать? Ты ведь думал, что я отправилась во дворец?

Колесница неуверенно катилась по грязной улице. Верк смотрел перед собой, капли воды стекали с его шлема на грубоватое выбритое лицо и на блестящую кольчугу.

— Я совершил удачную ошибку, госпожа.

— Да, но скажи мне настоящую причину.

Он смущенно поежился.

— Прошлой ночью, госпожа...

— Да?

— Мне приснился сон. Я был во дворце, где все собравшиеся горько плакали. Вы были там и звали меня... госпожа. — Он бросил на нее быстрый тревожный взгляд.

Сны посылает Мать Лжи. И Фабия пыталась спасти Избранного в Биттерфилде. Вот почему он выглядел таким напуганным.

— Значит, это было чудо. Я позабочусь о том, чтобы отец тебя достойно наградил.

К свежим ароматам моря примешивались жутковатые неприятные запахи. Водоросли и мусор на улицах являлись первыми признаками наводнения, но далеко не последними. Очень скоро разрушения стали полными — корабли на крышах домов и дома на остовах разбитых кораблей. Многие годы прошли с тех пор, как Скьяр в последний раз подвергался такому бедствию. Вода снесла множество мостов, но Верк сумел найти путь обратно на Краб, где наводнение и волны местами полностью очистили береговую полосу.

Расточительность Хорта и его любовь к каменным домам себя оправдали, поскольку резиденция Вигсона устояла — одинокий особняк, бросающий вызов разрушениям. В окнах сиял свет. Конечно, дом тоже немного пострадал: двери и ставни

сорваны, ухоженные лужайки изуродованы, первый этаж опустошен. Ошеломленные слуги выкапывали золотые кубки из груд песка, водорослей и обломков мебели.

Появление Фабии было встречено криками радости. Дюжины домочадцев сгрудились возле нее, стараясь поскорее сообщить хорошие и плохие новости. Первая страшная волна накатила сразу после того, как она уехала, сказали они, когда все находились в главном зале, обмениваясь сплетнями об аресте хозяина и неожиданном отъезде его дочери. Мастер Тринвар отправил всех наверх, поэтому никто не погиб, что непременно произошло бы, если бы кто-то остался на первом этаже.

Получалось, что богиня смерти пощадила этот дом? Светлые ожидали хвалебных молитв и жертвоприношений, но предложение обратиться к Ксаран было бы воспринято как богохульство.

Фабия уже успела выяснить, что никаких известий о хозяине нет, когда новые радостные крики возвестили о его возвращении, и в свете факелов появился хромающий Хорт. Он потерял свою шапку, его украшенный драгоценными камнями костюм был грязным и мокрым, и самый богатый житель города больше походил на оборванную жертву кораблекрушения, но выглядел почти не пострадавшим. Все остальное — пустяки. Фабия подбежала к нему, и они обнялись, двое беспризорных детей, бессмысленно лепечущих о чем-то, заливающихся слезами и смехом. Она рассказала о пропавшей колеснице и о том, как едва спаслась на мосту.

Он вздохнул.

— Что ж, придется начинать снова. Ты еще устроишь праздник. Нам следует обратиться в Высшей Жрице, чтобы она назначила для тебя новую дату посвящения.

Но тут в голову Фабии пришла блестящая идея. Мысль о фальшивых клятвах вызывала у нее отвращение; Паола передала ей свою ненависть к лицемерию.

— Праздник, да, конечно, но когда я добралась до Храма, и мост рухнул у меня за спиной, и началась буря... я поняла, что

сегодня уже не будет приема... однако я нашла маленькое святилище на Крутой улице, и там принесла клятвы. Все прошло просто, никаких особых торжеств, обычный ритуал. Но дело сделано!

На лице Хорта появилось недоверчивое выражение.

— Поздравляю! — сказал он и вновь обнял дочь.

Убедительно ли прозвучала ее ложь? Она действительно принесла клятвы, и мастер Пакар стал тому свидетелем, хотя церемония и отличалась от того, на что он рассчитывал. Одна маленькая ложь сегодня много лучше, чем ложная клятва Двенадцати завтра!

— И Верк нашел меня около Пантеона! Я так обрадовалась, когда его увидела. Ты должен его щедро наградить, отец!

— Так и поступлю! — Хорт огляделся и понизил голос, так что его могла слышать только дочь. — Пераг и его люди докучали тебе после моего отъезда?

— Они навязали мне свои отвратительные поцелуи. Мне очень не нравится командир охоты Пераг Как-Бишь-Его, отец.

— Он оскверняет мир, как собаку грязь!

Фабию удивило пламя ненависти, вспыхнувшее в его глазах. Она не знала, что добрый купец способен на такие чувства.

— Ты давно с ним знаком? — осторожно спросила она.

— Его подозревают в... — Лицо Хорта вновь превратилось в маску, словно он в самый последний момент опомнился. — ...в очень серьезных преступлениях. Но никто не может предъявить доказательств.

Свидетельница обвинила Салтайю в причастности к смерти Паолы. Но стоит ли жене сатрапа бояться суда сатрапа? Теперь Фабия иначе отнеслась бы к циничным словам Верка о справедливости судов Скьяра. Она решила сменить тему.

— Эта скотина не имеет значения. Но что нам теперь делать? Мы разорены! Твои корабли! Дом! О, отец, ты все потерял...

Он улыбнулся и сжал ее ладонь.

— Я не потерял самого главного. И у меня есть другие источники богатства. Мои корабли стоят в безопасной гавани, а корабли моих конкурентов утонули. Они разорятся, а вот я стану еще сильнее. — Он вздохнул, и Фабия поняла, что сейчас произойдет. — Однако у меня есть для тебя важная новость, дорогая. — Он посмотрел по сторонам, и те немногие слуги, которые оставались поблизости, торопливо принялись за работу. Лишь старый мастер Тринвар стоял рядом, держа в руке факел, однако, у него был плохой слух. — Впрочем, здесь не место для серьезного разговора. Давай поднимемся наверх и пошлем за вином.

— Нет, говори здесь. Наверху чистые полы. Я была права, да? Скоро зазвучат серебряные трубы?

Он грустно кивнул.

— У меня не было выбора, моя дорогая, как ты и предвидела. Я все еще считаю тебя ребенком, но ты стала сильной молодой женщиной. Лишь очень немногие способны пережить столь трудный день. Мы должны отвести тебя к синаристкам до отъезда, чтобы ты смогла...

— Отъезда?

— Леди Салтайя...

Хорт замолчал, хмуро глядя через плечо. В зал вошли полдюжины веристов, а за ними виднелась солидная фигура самого сатрапа Эйда. Ненавистного, отвратительного Перага среди них не было, но Фабия увидела белые одежды прорицательницы, осторожно перешагивающей, подобрав подол, через мусор и грязь.

Фабия обратилась с короткой безмолвной молитвой к своей богине, Матери Лжи. В Скьяре девять Свидетельниц, говорили ей. А эта была слишком маленькой и пухлой, совсем непохожей на ту, что подошла к ней в Пантеоне. На чьей она стороне?

Эйд оглядывался по сторонам.

— Хм-м, похоже, мы опоздали на чудную вечеринку! — Он оглушительно расхохотался, а его люди с улыбками сказали, что их господин добр.

Сатрап всегда обожал собственные шутки, но очень редко понимал чужие.

— Да, вечеринка была бы замечательная, — грустно сказал Хорт Фабии. Или он обращался к самому себе? — Мне часто кажется: чем сильнее мы стремимся к счастью, тем быстрее оно от нас убегает.

— Но если ты посидишь и подожешь, оно само к тебе придет! — Фабия обняла его одной рукой. — Давай предложим нашим гостям выпить тсуги за дружбу. — И она подошла к сатрапу.

У Эйда Эйдсона была огромная голова — ничего подобного Фабии видеть не доводилось. Впрочем, головой он предпочитал вовсе не думать, о чем свидетельствовали обломки рогов. Шея и плечи вполне соответствовали голове, но дальше вся его фигура становилась конусообразной. Тоненькие хилые ножки и ручки — все его конечности оставались на виду, поскольку он носил одеяния вериста. Из-за большого веса он раскачивался при ходьбе, а теперь, в мокрой одежде, скорее напоминал раковину моллюска в бурном море. Эйд всегда был веселым и вежливым, но она подозревала, что его бычья тупость притворная — уж слишком нарочито он мычал, изображая полное непонимание того, что происходит вокруг. Фабия не сомневалась, что это безжалостный, могущественный и опасный человек.

— Огонь и кровь, девочка! — прогремел он, когда Фабия поднялась после реверанса. — Твой отец очень строг, хм-м? Кто победил в сражении? Он сумел выбить из тебя согласие?

— Она упала с колесницы, мой господин, — объяснил Хорт. — Я даже не успел сообщить ей хорошую новость.

— Новость? — весело спросила Фабия. — Какую новость, отец?

— Ты помолвлена, — сказал сатрап, глядя на нее печальными бычьими глазами. — С моим племянником — точнее с племянником моей жены. Твой жених — сын ее брата Хорольда. Зовут Катрат.

— Он всего на два года старше тебя, дорогая, — добавил Хорт, стараясь взглядом предупредить дочь. — И совсем недавно стал Героем.

О счастье! Юный монстр — мечта любой девушки. И хотя прорицательница предупредила Фабию, она лишь с огромным трудом сумела сделать вид, что очень рада.

— О папочка! Как замечательно! И какой же он? Высокий? Красивый? У нас такая скромная родословная! Чем я заслужила подобную честь?

Хорт будет благодарен ей за поддержку. Эйду все равно, искренне Фабия говорит или нет, но его эскорт полагает, что она должна быть вне себя от радости. Фабия надеялась, что невысокая прорицательница привыкла к лицемерию.

Сатрап пожал монументальными плечами.

— Это длинная история, хм-м-м? Жена объяснит по дороге. Она поедет с тобой на свадьбу, хм-м-м... В Косорд.

Значит, Салтайя будет ее надзирательницей? Единственным светлым лучом в этой мрачной картине был тот факт, что до Косорда путь неблизкий, а потому у нее будет много времени, чтобы спланировать побег. Ну, а хуже всего то, что ей придется провести много дней рядом с Салтайей Храгсдор.

Терпи!

— О, как чудесно! Боги! Мне же нужно собирать приданное! И, конечно, я должна помочь папочке привести здесь все в порядок. — Она вздохнула. — Пройдут века, прежде чем я смогу увидеть своего нового господина. Но, нет, я не могу так долго ждать!

Пожалуй, она переборщила. Веристы стали переглядываться, на их губах появились усмешки. Даже большие глаза Эйда слегка сузились.

— Тебе не придется, дитя. Если моя жена говорит, что вы выезжаете завтра, значит, так тому и быть.

— Я поеду с вами, — заявил Хорт.

Она посмотрела на него, потеряв дар речи. Он очень редко покидал дом и никогда не уезжал из города. Как же он обойдется без ячменного печенья и козьего молока?

Он предупреждающе стиснул ее руку.

— Мы устроим грандиозную свадьбу в Косорде, чтобы скрасить твое неудавшееся посвящение.

Она фальшиво завизжала от радости, обняла Хорта и прошептала:

— Заложник?

Он тихонько поцеловал ее в щеку, соглашаясь.

Значит, спасаться им придется вместе — заложница-флоренгианка и заложник для заложницы.

— Ты так добр, отец! Но как же твои дела? Что будет с домом? — Она обвела рукой горы мусора.

— У меня есть надежные люди, которые займутся всеми делами до моего возвращения, дорогая. — Он повернулся. — Мастер Тринвар, сейчас в Скьяре очень много бездомных. Прошу вас временно приютить их в моем доме. До отъезда мы поживем во дворце — сатрап и его леди любезно предложили нам с Френой покои. К счастью, дворец совсем не пострадал.

Конечно, большое количество бездомных, поселившихся в доме, помешает сатрапу самому занять особняк в отсутствие Хорта. Прежде чем Фабия успела ответить, заговорил другой человек — у него был сильный гортанный голос, музыкальный и серебристый.

— Твое добросердечие достойно всяческих похвал, купец, — сказала Королева Теней.

Салтайя Храгсдор была высокой женщиной, которая неизменно носила черные одеяния вдовы, в том числе и мантилью, скрывающую шею и подбородок, а также длинные черные ру-

кава, под которыми прятались руки. В мерцании факела Тринвара она казалась лицом, лишенным тела. Это было необычное лицо, очень бледное даже для вигелианки — и его нельзя было назвать красивым — с бескровными губами, выступающим носом и ртом; и еще оно было удивительно длинным и узким, словно голову зажимали в клещи. Салтайя шла по жизни, презрительно глядя по сторонам, казалось, она ждет, что при ее приближении стены должны раздвинуться.

Фабия торопливо присела в реверансе, а Хорт тут же произнес приветственные слова.

За спиной Салтайи высилась пара очень крупных молодых людей. Если других высокорожденных леди сопровождали служанки, то Салтайя предпочитала телохранителей-веристов, обычно двоих, но всегда молодых и красивых. На базаре сплетничали, что они сопровождают ее даже в постели, но ее муж сам их назначал — казалось, он не возражал против такого положения вещей. А самой Салтайе было глубоко плевать на базарные сплетни.

Она перевела ледяной взгляд на Фабию.

— Как прошло твое посвящение, дитя? Ты сумела принести клятвы, как планировалось?

Фабия тут же обратила краткую безмолвную молитву к Матери Лжи.

— Да, успела, — ответил за дочь Хорт.

— У нее есть язык.

— Я принесла клятвы, леди. Должна признать, мне пришлось поторопиться. Я как раз рассказывала отцу...

— Свидетельница? — Жена сатрапа не сводила глаз с Фабии. — Она говорит правду?

Мгновение, длившееся дольше, чем бессонная ночь, Фабия размышляла о разверстой могиле и самой короткой жизни в истории Избранных. Даже если кто-то из Свидетельниц на ее стороне, ни одна из них не станет лгать. Они никогда не лгут.

Сатрап произнес требуемые слова:

— Отвечай на вопрос. Она говорит правду?

— Да, — ответила прорицательница.

Фабия склонила голову, чтобы скрыть облегчение и радость. Королева Теней задала неправильный вопрос.

Эйд задумчиво помычал.

— Значит, все в порядке?

— Видимо, да, — сказала его жена.

— Хм-м? Тогда добро пожаловать в нашу семью, Фабия Вигсон или как там тебя. Племянник моей жены не отличается любовью к размышлениям, но если он хоть немного похож на своих дядей, то тебе не придется жаловаться на его поведение в постели, хм-м-м? Силен, как лошадь, хм-м-м, правда, парни? Пусть священный Эриандер благословит этот союз.

«Священный Эриандер может отправляться куда угодно и делать с собой ужасные вещи», — подумала Фабия. Муж — верист? Интересно, а во сне, во время ночного кошмара, он может превратиться в боевого зверя? Или ему будут сниться сны об охоте, и тогда его ноги будут подергиваться, как у собаки?

Станет ли он поигрывать своими мускулами, чтобы она могла насладиться их видом... ...может быть, красоваться перед распахнутым окном... ...несколькими этажами выше...

ГЛАВА 22

Орлад Орладсон чувствовал, как стучат его зубы, стоит заговорить большим барабанам, чей погребальный бой нарушал покой высокой часовни. Над очагом танцевало пламя в человеческий рост, освещавшее стены, сложенные из булыжников и огромных бревен, а также фигуру бога, огромную и ужасную, из белой мозаики — в дело пошли кусочки костей, но были ли они действительно человеческими, как учили испытуемых, знал

лишь сатрап Терек. *Брам-м-м!* Одиннадцать щенков опустились на колени, образовав полукруг перед огромным центральным столбом пламени, пот градом катился на их накидки. Герои-свидетели стояли чуть дальше, где было не так жарко — сегодня эта честь выпала воинам из золотой стаи, четыре дюжины. Однако другие посвященные прятались в тени, в задней части часовни, и Орлад не сомневался, что среди них есть вожак стаи Рутур Ландарсон и, возможно, командир охоты Хет, который внимательно наблюдает за испытуемыми. Сегодня им предстояло ответить на Первый Зов — говорят, самый трудный момент за время обучения.

Брам-м-м! Эхо стихло. Все в Нардалборге знали, что Герои встречаются сегодня в часовне и ни один непосвященный, если ему дорога жизнь, близко не подойдет к святилищу.

Наступил черед щенка Варгина, стоящего на коленях у дальней части очага. Свет от огня озарял его обнаженную спину. Вожак стаи Фрат Трансон являлся главным экзаменатором, он стоял прямо под изображением бога, дальше от огня, но из-за накидки ему было еще жарче, чем Варгину. Он держал перед собой бронзовый двуручный меч, опираясь на его острие.

— Что есть жизнь?

Брам-м-м! — рокотали барабаны.

— Жизнь есть корбан! — закричал Варгин.

— Громче!

— *Жизнь есть корбан!* — изо всех сил закричал Варгин.

Его не станут предупреждать снова — повезло, что хоть раз предупредили. Всего в катехизисе двенадцать вопросов. Первый и последний оставались неизменными; остальные десять могли задаваться более одного раза и в любом порядке. Ответы должны быть верными и мгновенными.

— Что есть победа?

Брам-м-м! Ни один подслушивающий не сумеет услышать священные ответы при таком грохоте.

— *Победа есть мой долг!*

— Что есть боль?

Орлад стер пот с глаз. Он уже не помнил, когда в последний раз спал или садился поесть. С того самого момента, как сатрап Терек повесил ему на шею цепь, жизнь превратилась в одну бесконечную пытку, состоящую из тренировок, упражнений и занятий — кажется, это произошло три раза по шесть дней назад — и теперь он едва держался на ногах от усталости, но был готов ко всему, как никогда прежде. Он командовал щенками, и ему бы следовало быть первым, но по правилам Варгин и Рантр должны были пройти перед ним. Рантр успешно ответил на все вопросы катехизиса и удачно прошел Первый Зов. Теперь он стоял на коленях вместе со всеми и, пытаясь ухмыляться, обгладывал мясную кость — традиционная награда тем, кто прошел испытание — но было очевидно, что это не доставляет ему удовольствия.

Идиот Варгин действовал не столь успешно. Он колебался перед каждым ответом, хотя Орлад потратил полночи, заставляя Варгина выучить катехизис.

— Что есть кровь?

Брам-м-м!

— *Кровь есть мой...* э-э кровь есть...

— Неверно! — взревел Фрат, поднимая огромный меч.

В этой части ритуала движение меча означало лишь, что Варгину следует уйти, но он закричал от ужаса и упал на спину, едва не угодив в пылающий очаг. Когда меч опустился — медленно, чтобы не сломать бронзу — он уже со всех ног и с диким воем мчался к двери, даже не успев распрямиться.

Орлад метнулся вслед за ним. Двое Героев, стоящих в цепи свидетелей, отскочили в сторону, чтобы пропустить Орлада, и он успел в прыжке схватить Варгина прежде, чем тот дотянулся до двери. Они вместе упали и ударились о тяжелую дверь. *Буум!*

— Отпусти меня! — взревел Варгин, закатив глаза от ужаса. Он пытался вырваться, но Орлад не выпускал его.

— Ты никуда не уйдешь! У тебя есть еще один шанс пройти Первый Зов. Ты им воспользуешься сегодня и ты его пройдешь!

— Нет! — Варгин продолжал сопротивляться. Он был крупнее Орлада и скользкий, как угорь в масле. — Не сегодня! Через шесть дней!

Орлад сделал короткую подсечку и вновь швырнул его на дверь, а сам навалился сверху.

— Нет! Ты попытаешься еще раз сегодня же! — Орлад не сомневался, что через шесть дней Варгин совсем одуреет от страха.

А у Героев «последний шанс» означал *последний* шанс.

— Командир? — позвал Ваэльс.

Он, Снерфрик и Чарнарт подошли помочь. Щенки не должны устраивать сцены в такой торжественный момент.

— Держите его, — сказал Орлад. — Оставайтесь с ним до тех пор, пока вам не прикажут вернуться к огню, и вдалбливайте в него катехизис! Он обязан знать ответы на все вопросы — естественно, вы не должны шуметь. На самом деле он все знает. Он сделает еще одну попытку сегодня, и он пройдет! — Орлад схватил Варгина за уши и повернул его голову так, что они оказались нос к носу. — Если ты меня опозоришь, я разорву тебе глотку! Понял?

Варгин ничего не ответил, но угрозе командира явно поверил.

Орлад вернулся на место и опустился на колени возле огня. Фрат ушел, двое Героев подкинули поленьев в огонь, а потом взяли в руки по бронзовой кочерге, чтобы его разворошить и подбавить жара. Рантр свернулся на полу и заснул, что разрешалось после таких серьезных испытаний.

Брам-м-м!

Наконец настал черед Орлада. Он не боялся. Он мог дать ответ на любые вопросы, заданные в любом порядке. Как не раз говорил командир охоты Хет, важно одно: человек должен верить в Веру. А Герои — лучшие из людей, которым следует управлять всеми остальными.

Новый экзаменатор вышел вперед, держа в руках огромный меч. Он остановился, чтобы назвать имя Орлада. Это был сам Хет! Неожиданная честь, и, если судить по ропоту, пронесшемуся по рядам свидетелей, такое случалось редко. Орлад постарался, чтобы его лицо сохраняло серьезное выражение. Он встал, сбросил накидку, обошел огонь и опустился на колени с другой стороны, глядя на Хета и бога. Веристы всегда снимают одежду перед изменением.

Он ждал. Огонь сожжет кожу ему на спине. Он чувствовал, как по его бокам стекают ручейки пота, как взмокли волосы, а каменные плитки под коленями оставались твердыми и холодными. Дым ел глаза.

— Кто ты? — спросил Хет.

Он начал внезапно, но барабанщики тут же ударили в свои барабаны: *Брам-м-м!*

— *След бога!* — закричал Орлад.

Прокатилось и смолкло эхо.

— Что есть ужас? — *Брам-м-м!*

— *Ужас есть оружие!*

— Что есть кровь?

Брам-м-м!

— *Кровь есть жизнь!* — закричал он еще громче.

— Что есть ярость? — *Брам-м-м!*

— *Ярость это мой друг!*

— Что есть жизнь? — И так далее.

Это было совсем не сложно, если ты действительно верил. Почему Варгину пришлось так тяжело? Прошло совсем немного времени, и он услышал последний вопрос:

— Что есть страх? — *Брам-м-м!*

— *Я не знаю!*

Орлад с некоторым неудовольствием услышал негромкие радостные крики, приветствующие его успех. Катехизис — это только начало.

— Встань.

Теперь лишь потрескивание огня нарушало тишину. Барабаны смолкли. Орлад встал, радостно и уверенно посмотрев в глаза Хета. Как долго он мечтал об этом моменте!

— Кто идет?

Орлад потянулся левой рукой к ошейнику Хета. Металл был прохладным и влажным. Он ждал, прекрасно понимая, что должен выбрать правильный момент. Да! Да, в зале возникло нечто новое — сила, некая связь между ним и мозаикой на стене... или у него за спиной. Место значения не имело, но там что-то *было*. Огромное. Опасное. Темное? Этот Светлый горел светом крови. Удивительно, но Орлад содрогнулся от холода в такой жаре.

Однако смог произнести слова:

— Это мой бог.

Хет одобрительно кивнул, на его губах мелькнула улыбка. Он поднял правую руку.

— Начинай. — Его лицо покраснело.

По нему потек пот, капельки застревали в бороде. Во время сражения совсем нетрудно принять боевую форму, когда на кону стоят жизни людей, а рядом меняют форму друзья. А вот спокойно изменить одну конечность намного труднее, для этого требовалось умение принимать боль. Орлад не раз слышал истории о том, как воины теряли контроль, изменялись полностью и набрасывались на новичков, которые были причиной их неприятностей.

Даже стоический командир охоты не смог сдержать стона, когда его рука начала раздуваться. Орлад зачарованно наблю-

дал, как рука стала в два раза больше своих обычных размеров, продолжая изменяться — черные подушечки, белый мех снаружи и пять огромных смертельных когтей. Медвежья лапа была самым простым из всех превращений.

Одновременно Орлад почувствовал благословение бога, текущее через ошейник. Никогда прежде он не испытывал подобных ощущений, однако сумел за него ухватиться — и каким-то непостижимым образом удержать. Сила, подобная танцующей молнии, проникла внутрь его существа.

— Сосредоточься на одном пальце, — говорили ему учителя. — Главное заставить расти один ноготь. Тебе еще многому предстоит научиться, но один ноготь — это необходимый первый шаг.

Результат, которого добился Рантр, был незаметен издалека, но вполне удовлетворил Фрата. Орлад был лучше, чем Рантр, и он был готов умереть, чтобы это доказать. Один жалкий коготь его не устраивал.

Надо с чего-то начать. Орлад заставил ноготь расти, однако росла лишь боль. Он рассердился и приложил дополнительные усилия — теперь ему казалось, что его палец погрузился в расплавленную бронзу. Ноготь не менялся. Тогда на помощь пришла ярость: *Ярость есть мой друг*. Он продирался сквозь боль. *Боль есть честь*. Лучше, лучше... Орлад жадно брал силу из ошейника Хета и направлял ее в свой палец. *Меняйся!*

Перемолоть. Сжечь. Орлад пошатнулся, когда боль вновь усилилась. Ярость стала сильнее: он думал о врагах, флоренгианских предателях, фальшивых Героях, получивших благословение бога, а потом предавших своего господина. Они были врагами, нелюдями, змеями, которые испортили репутацию всех флоренгиан. Ярость переполняла Орлада. Перед глазами появилась красная пелена.

И это случилось! Его палец вырос, точно красно-коричневый кинжал. Ликующий Орлад заставил себя опустить остальной

ные четыре пальца в воображаемый огонь, и тут же появилось еще четыре кинжала. Да! Он смог. Теперь он управляет своей силой. Все происходило быстрее и легче. Боль не имела значения. Он отдал приказ всей руке, и каждая кость в ней закричала.

— Спокойнее, спокойнее, — пробормотал Хет.

Однако Орлад не обратил на его слова внимания. Он хотел этого превращения. Флоренгианский заложник покажет им! Маленький грязнуля покажет! Боль есть честь. В его жизни было столько боли, перемолоть в порошок руку не так уж и трудно.

— Спокойнее, спокойнее! Этого вполне достаточно для Первого Зова.

Рука становилась все больше. В ушах стучала кровь; другая рука дрожала, черпая благословение из ошейника.

— Достаточно! — рявкнул Хет. — Остановись! Верни прежнюю форму.

«Скорее я умру...» Еще больше силы и боли. И вот оно! Медвежья лапа, такая же огромная и смертоносная, как у Хета — когти той же длины, или даже длиннее, мех не белый, а черный.

Он торжествующе закричал и поднял лапу вверх, словно грозил самому богу. Торжествующий крик вырвался из множества глоток.

Так, теперь дальше...

— Прекрати! — рявкнул Хет, оторвав руку Орлада от своего ошейника.

Медвежья лапа тут же исчезла, а от боли Орлад вновь пошатнулся. Его легкие застыли. Не хватало воздуха. Весь мир вокруг закачался. Колени Орлада подогнулись, но его подхватило несколько рук; двое поддержали Орлада и поставили на ноги, а Хет нанес ему чудовищной силы удар в грудь. Все трое покачнулись. Хет ударил снова. Огонь начал гаснуть. После третьего удара что-то хрустнуло — наверное, ребро — и Орлад сумел сделать первый вдох. Сердце задрожало и забилось снова.

Тут все начали колотить его по спине и жать ему руку. Кто-то набросил на плечи накидку, другой протянул кровавый кусок мяса. Да! Он схватил его как животное и принялся рвать зубами, а смех и поздравления зазвучали еще громче. Никогда в жизни он не пробовал ничего вкуснее.

— Все в порядке? — прорычал командир охоты.

Поглаживая синяки на груди, Орлад глуповато улыбнулся.

— Мой господин добр.

— В следующий раз сразу делай то, что велено. — Хет отвернулся.

Орлад должен был бы чувствовать восторг, но усталость навалилась на него черными волнами. Однако он не мог остановиться, прилечь и заснуть, как Рантр. Следующим был Снерфрик, а потому Орлад должен был занять его место и уделить внимание Варгину; необходимо сделать все, чтобы Варгин прошел испытание сегодня. После одиннадцати удачных посвящений у Варгина обязательно появится уверенность. Может быть, тогда Орлад сможет поспать. И проспит шесть дней.

Долгой и трудной была дорога к обретению истинной боевой формы. Но Орлад Орладсон на нее вступил.

ЧАСТЬ II

ЛЕТО

ГЛАВА 23

Бенард Селебр был дома, работал над статуей священной Анзиэль. Лето, полдень, зрителей почти не было, никто ему не мешал. *Бац! Бац!*

Рокот...

Бенард сердито приставил резец туда, куда требовалось, и нанес следующий удар, во все стороны полетели осколки. *Бац! Бац!*

Рокот...

Рокотало не в ясном небе, а у него в животе. Он начал работать еще до восхода солнца, но так и не нашел времени на еду.

Чуть в стороне, чтобы до него не долетали осколки мрамора, стоял Тод. Он теркой полировал левую лодыжку Синары и без умолку болтал, пересказывая то, что его мать услышала на базаре.

— Необязательно все за ней повторять, — рассеянно пробормотал Бенард раз в шестнадцатый, раздумывая над следующим ударом.

Он представил себе сердце камня, вообразил конечный результат. *Бац!..* Хорошо. Бенард отступил на шаг и полюбовался на игру симметрии и асимметрии, на длинную кривую, идущую от слегка опущенного плеча до опорной ноги; симво-

лический сокол примостился на Ее запястье, птица смотрит вверх, а Она улыбается, глядя вниз. Он сделал это бессознательно; так хотела богиня, и он лишь выполнял ее волю. Сейчас она стояла по колено в мраморе. У Бенарда пока не было полной уверенности относительно ее ног.

— Я закончил, мастер, — сказал Тод. — Покажете, что мне еще нужно сделать? — Тут он посмотрел за спину Бенарда и вскрикнул: — *Ой, мастер! Бегите!*

Катрат Хорольдсон шагал к ним через двор. Бенард бросил молоток и резец, вытер руки о тунику и стал ждать. Быть может, теперь все кончится? Убийство для вериста плевое дело — в случае с Катратом оно даже поможет ему восстановить репутацию — но прямое нарушение приказа на людях приведет к суровой каре.

Катрат остановился в нескольких футах от статуи и мрачно посмотрел на Бенарда. Тод попытался спрятаться за Синарой.

— Я пришел позировать, слизняк.

Бенард покачал головой.

— В этом нет необходимости, господин. Я знаю, как вы выглядите. Статуя будет изображать вас, но в два раза больше, как пожелал ваш досточтимый отец. Она будет самой большой в Пантеоне. Сейчас добывают необходимый кусок мрамора, но до весны его сюда доставить невозможно.

Бенард заметил, что поза Катрата стала не такой напряженной.

— Через два дня я должен отсюда уехать.

— Я знаю, как вы выглядите. И запомню.

— Ты не видел меня *целиком*, — с угрозой сказал верист.

Бенард с трудом сдержал колкий ответ, что он всегда может обратиться за советом к Хидди.

— Мой господин верен своему богу. А я верен священной Анзиэль. Я высеку вашу статую со всем возможным старанием. Как и эту. — Он указала на Ее статую.

Катрат удивился.

— Но это же Хидди!

— Я видел ее в ту ночь, когда мы... мы... в ту ночь...

— Очень хорошо, — признал Катрат.

Бенард обрадовался, что успел отложить молоток, потому что после этой похвалы мог запросто его уронить себе на ноги.

— Благодарю вас!

— Но ты не видел меня голым.

— Я буду щедр.

Катрат обдумал слова Бенарда.

— Ладно, — сказал он и повернулся, собираясь уйти.

Бенард наклонился за инструментами.

Из-за неоконченных бедер Синары появилась восхищенная рожица Тода.

— *По-настоящему* щедр?

— Все должно быть пропорциональным — в противном случае это уже не искусство.

Его желудок угрожающе заурчал.

Бенард выругался и вытер рукой вспотевшее лицо. Солнце было убийственно жарким.

— Принеси мне немного... нет, подожди. Я возьму сам. А ты подойди сюда и закругли этот угол. — Он нарисовал линию. — Вот столько. И здесь.

Бенард положил резец и молоток, чувствуя, как слегка дрожат руки — пришло время отдыха. Он направился к колодцу, а сияющий Тод приготовился наращивать мускулы.

Четыре жреца в пестрых одеяниях вышли из Пантеона, отчего Бенард сердито забормотал себе под нос. Однако они зашагали в сторону реки. Он опасался, как бы они не начали давать ему дурацкие советы. Жрецы постоянно ему мешали, приходили обсудить статуи, приводили гостей, чтобы те восхищались его творчеством. Ничуть не меньше ему мешала необходимость

есть. И спать. Иными словами, все, что становилось между ним и его искусством.

Он вытащил из колодца ведро, напился, а остатки воды вылил себе на голову. Бенард уже вовсю размышлял о том, как будет выглядеть Анзиэль, когда на соседней улице появились носилки. На сей раз он выругался вслух, упомянув некоторые анатомические части свиньи.

У изящных носилок был кисейный полог, так что он не мог разглядеть, кто в них сидит, но лишь женщина могла появиться в городе в столь великолепных носилках. Впереди трусил страж-флоренгианин, да и носильщики с широкими плечами были родом оттуда же. Страж показался Бенарду совсем молодым, он был стройным и проворным, на спине у него висел меч. Все трое были хорошо одеты, волосы и бороды коротко подстрижены, однако они задыхались, словно бежали от самой Границы, а их потные тела покрылись пылью. Наконец носильщики остановились и опустили носилки возле статуи Мэйн.

Хотя Бенард ненавидел, когда ему мешали работать, он знал, что должен проявлять учтивость. Женщины, чьи мужья способны обеспечить подобную свиту, могут стать источником выгодных заказов. Бенард пожалел, что вышел из мастерской в таком виде.

— Ваша госпожа заставляет вас много работать, — сказал он стражу на не слишком уверенном флоренгианском.

— Я вас не понимаю.

Только теперь Бенард заметил печать, висящую на запястье стража. И уши у него не были подрезаны, как у носильщиков. Клянусь Двенадцатью, художники должны уметь видеть!

— Прошу прощения, мастер-мечник. Я решил, что вы попали в плен.

Тот вежливо улыбнулся.

— Вполне естественное заблуждение, мастер. Я свободно рожденный гражданин Подарвика, который находится в двух мензилах отсюда. Мои родители живут там.

— В колодце прохладная вода. Я мастер-скульптор Селебр, быть может, вы окажете мне честь и представите меня вашей госпоже?

— В этом нет нужды, — послышался женский голос.

Из-за занавески появилась рука, украшенная семью или восемью кольцами.

Бенард склонился, чтобы ее поцеловать. Затем он узнал чистоту линий, мягкость кожи, запах и с удивлением отскочил назад.

— Хидди!

— А кто же еще? — Она сдвинула в сторону занавеску. — Напои людей, Нерио. С этим человеком я в полной безопасности.

Страж поклонился и вместе с рабами направился к колодцу. Хидди удостоила Бенарда улыбкой, которой могла бы сразить целую армию.

— Мастер Бенард! Вот мы и снова встретились. — Она сидела в носилках, как на троне, тонкое полупрозрачное одеяние розового цвета не доходило ей до колен.

Ожерелья из граната, кораллов и янтаря украшали стройную шею, на запястьях позвякивала дюжина браслетов из золота, серебра и нефрита; в волосах сверкали самоцветы; жемчужная тиара придавала форму роскошным белокурым волосам. Она наслаждалась растерянностью Бенарда.

Им овладело отчаяние. Как он сумеет передать такое совершенство? Как мрамор может равняться с этой изумительной кожей?

Она устремила взгляд своих глаз, подобных двум сапфирам, на статую Анзиэль.

— Ты сделал то, о чем говорил? Как здорово! А это филин?

— Статуе далеко до оригинала, — осторожно ответил Бенард.

Тут он вспомнил, что у него под матрасом спрятан золотой браслет, и сообразил, зачем явилась нимфа. Странно, что она не

прослышала о его неожиданной удаче раньше, ведь Хорольд подарил ему браслет при большом скоплении людей. Теперь Бенард — уже не нищий скульптор, но это несложно поправить.

— Я поражена. — Хидди сумела изобразить робость. — Как ужасно с моей стороны, что я не узнала твое имя в ту ночь, когда ты... Тод! Пойди поиграй немного в сторонке. Тебе ни к чему слушать взрослые разговоры!

Тод слушал с таким интересом, что его уши вполне могли послужить веерами. Бенард вытаращил глаза. Они знакомы! И что теперь скажет маленькая Тилия, когда услышит об этом? Под взглядом Хидди он ужасающе покраснел и испуганно посмотрел на своего хозяина.

— Ты свободен! — сказал Бенард, и Тод сразу исчез. — Вы знаете моего ученика?

— Я всех знаю. Но, как я уже говорила, — продолжала Хидди, стараясь, чтобы ее голос звучал не как у девушки, сбежавшей со свиной фермы, а, как у жрицы, — мне не следовало пропускать мимо ушей имя величайшего скульптора Косорда. Я люблю и собираю красивые вещи, и для меня огромная честь познакомиться с мастером-скульптором Бенардом. — Ее черные ресницы затрепетали.

Она была похожа на ребенка, утащившего шкатулку с материнскими драгоценностями, чтобы поиграть в королеву или настоящую леди. Однако ей не следовало здесь появляться. Действительно ли нимфы отличались щедростью, как утверждали они сами, или мечтали лишь том, чтобы накопить побольше золота, как гласила молва, но сейчас Бенарду не следовало отвлекаться от работы... ну, разве что бросить пару взглядов на ее ноги. В ту ночь, когда они встретились, он не успел как следует их рассмотреть. Что вполне естественно. Конечно, он может придумать ноги, но с его критическим подходом ко всему, что он делает, это будет неправильно.

— Леди похвалила мое творчество, большое спасибо.

— И творчество тоже. — Она кокетливо улыбнулась.

Ее лицо и тело было восхитительными, невероятными, но заигрывания показались Бенарду неловкими и неумелыми.

— Что я могу для вас сделать, госпожа? — с недоумением спросил Бенард.

Нимфа вздохнула, и ткань ее платья натянулась, обозначив безупречную грудь.

— Я все еще намерена отблагодарить тебя за спасение, — серьезно ответила она.

Он поклонился.

— Не будем об этом. Я был рад вам помочь.

— Я бы хотела продемонстрировать свою благодарность, — жеманно заявила Хидди.

— Честно говоря, я сегодня очень занят, Хидди. Впрочем, я бы хотел взглянуть на ваши лодыжки.

— Только на лодыжки? — Кокетливо.

— И ступни.

— Тебе бы следовало проявить больше честолюбия. Давай отправимся в мой дом, и я покажу тебе все самое красивое, что у меня есть, ладно? — Умоляюще.

Самое красивое он видел уже сейчас — сквозь накидку. Ресницы не могли быть ее собственными — наверное, они из перьев и клея — но все остальное было настоящим, каждый обольстительный кусочек. В нем проснулись иные аппетиты. Он почувствовал, что его решимость тает, как снег на жаре. В животе заурчало.

Хидди улыбнулась.

— Я тебя накормлю! У меня замечательный повар.

— И никаких изображений священного Эриандера?

— Ни в коем случае, обещаю!

Удивительно юная и желанная, она умудрялась казаться невинной, всячески намекая, что намерения у нее совсем другие. От ее запаха у Бенарда кружилась голова. От тяжелой работы руки у него дрожали; от ее улыбки он и сам трепетал,

как флаг, а его тело уже не могло сдерживать восторга, он был не в силах оторваться от ее легкого платья и того, что под ним. Хидди спокойно сидела в тени, а его кровь кипела на солнце.

— У меня нет для вас подарков, — запротестовал он.

— Неужели ты думаешь, что я такая глупая? Если бы я хотела получить подарки, я бы не показывала тебе это. — Она звякнула браслетами. — И потом, я не стану просить о чем либо человека, живущего в конуре.

Бенард *действительно* хотел поработать над статуей, пока не зашло солнце. Он знал о дурной репутации нимф, склонных превращать мужчин в рабов и выуживать у них все сокровища. С другой стороны...

С другой стороны он мог привести несколько серьезных доводов совсем иного плана. Например, было бы неплохо поесть. А на золото рассчитывать нечего, ведь богатство — его корбан. И еще ему было любопытно взглянуть на коллекцию Хидди.

— Я неподобающе одет.

— А я тебя раздену, когда мы будем на месте. — Дразняще.

— Никаких подарков, никаких богов, никаких разговоров о любви? — печально сказал он. — Лишь гнусное животное совокупление? Как у кошек — пару раз мяукнули, и кончено?

— Как пожелаешь, мастер.

— Я не люблю, когда со мной обращаются, как с животным.

— Но ты и есть животное, — ласково сказала Хидди, уверенная в своем успехе. — Все мужчины таковы.

— Наверное, мы такими только кажемся.

Рабы и стражник вернулись к носилкам — они успели освежиться и теперь были готовы начать новое путешествие. Тод осторожно приблизился к ним с другой стороны.

Если полог носилок вообще можно захлопнуть, то Хидди именно это и сделала.

— Тогда следуй за мной. Домой, Нерио. Бенард — не отставай!

* * *

Он задержался, чтобы дать Тоду несколько поручений, и помчался вслед за носилками, которые уже скрылись в переулке. Он догнал их как раз перед перекрестком. На узких улочках он не пытался соревноваться с Нерио. Бенард полагал, что без особых проблем успеет за носильщиками, но рабы Хидди знали свое дело и бежали удивительно быстро, пробивая себе дорогу в толпе, словно вырвавшиеся на свободу онагры. Путешествие получилось гораздо дольше, чем он ожидал. Сначала им пришлось подниматься в гору к дворцовому комплексу, а потом вдоль него — к модной части города. Наконец они остановились возле ворот в кирпичной стене. Нерио позвонил в колокольчик, и через мгновение ворота открылись.

Уставший Бенард последовал за рабами и оказался в тенистом дворе. Кто-то протянул ему мягкое полотенце и золотой кубок с прохладной водой, куда добавили сок какого-то вяжущего фрукта.

Он выпил воду, вытерся и снова стал пить. Только после этого у него появились силы осмотреться. Сад был огромным и тянулся от домика на три или даже четыре комнаты до небольшой хижины, в которой, очевидно, жили слуги. Со всех сторон его окружали стены, увитые виноградной лозой. Все вместе выглядело чрезвычайно изысканно. Бенард вырос в двух дворцах и множество раз бывал в домах богатых людей, чтобы обсудить заказы, однако нигде не видел такой гармонии, как в этом миниатюрном лесу. Он прекрасно понимал, что дом очень старый, да и деревья здесь были по-настоящему древними. Пространство вокруг обязательного пруда плавно переходило в кустарник с изящными цветами, и в сочетании с вымощенные плитками дорожками дарило ощущение удивительного мира и покоя. Этот рай создал человек с безупречным вкусом.

Однако первое впечатление начало стремительно улетучиваться, когда он заметил раскрашенные керамические фигурки

животных и гипсовые статуи. Тот, кто их поставил, не имел ни малейшего представления о вкусе. Цветистые подушки и низкие золоченые столики были накрыты к обеду. Полдюжины рабов — все мужчины, все флорентиане, двое еще почти мальчики — раскладывали мясо, фрукты и ломти хлеба. Бенард еще острее ощутил голод. Живот заурчал...

Страж Нерио был занят тем, что стирал с тела пот и красную пыль и одновременно он отдавал приказы слугам, которые тут же бегом бросались их исполнять. Он заметил взгляд Бенарда и подошел. Он все еще тяжело дышал, но выражение лица Бенарда его явно позабавило.

— Удивлен?

— Кто владеет особняком?

— Естественно, леди Хидди. — Нерио посмотрел на Бенарда широко раскрытыми невинными глазами — видимо, научился такому взгляду у Хидди.

— Она замужем? Или ее отец богат?

Теперь в широко раскрытых невинных глазах появилось насмешливое выражение.

— Я не могу обсуждать дела моей леди, мастер-скульптор. Но ты можешь спросить у нее сам.

Он говорил на вигелианском еще чище, чем Хидди, а его улыбка получилась дерзкой: он явно намекал, что пользуется благосклонностью своей хозяйки.

Тут появилась Хидди, выбралась из носилок свежей и довольной, ее явно забавлял вид запыхавшегося потного гостя. Он никогда не видел таких платьев, напоминавших туман. По правде говоря, платья почти и не было.

— Тебе нравится мой дом? — осведомилась она.

— Великолепный дом, миледи.

Во всяком случае, был таким, пока его не начали переделывать.

— Сюда я приглашаю только своих *лучших* друзей, Бенард.

— Я польщен.

— Угощение приготовлено специально для тебя. Мой повар — знаток своего дела. И я всегда ем с золотых тарелок.

По мнению Бенарда, золотые тарелки были ужасно непрактичны: горячая еда остывала на них слишком быстро.

— Я в восхищении.

— Но сейчас тебе следует помыться, а уж потом есть. Следуй за мной. — Хидди поплыла к дому.

Он поспешил за ней, не сводя глаз с ее бедер, и лишь огромным усилием воли удержался и не прикоснулся к ней.

— Твоя богиня хорошо тебя вознаградила.

— Конечно. *Он* щедр. — Хидди вошла в довольно темное помещение, где один из молодых рабов выливал горячую воду в ванну. — Достаточно, Косимо. Нам больше не потребуется.

Ванна, установленная ниже уровня пола, оказалась неожиданно широкой и мелкой. Комната выглядела роскошно, стены и пол покрывала глазированная плитка с изображением чудесных птиц и цветов. Даже в полумраке они горели всеми цветами радуги. К несчастью, и здесь был виден дурной вкус Хидди. Контрасты вызвали у Бенарда раздражение. Однако он понимал художника, который все это сделал; богатые люди щедро вознаграждали его за создание чудовищных интерьеров. Подозревая ловушку, он внимательно огляделся по сторонам, но не нашел изображений Эриандера.

Босой мальчик бросил быстрый взгляд на Бенарда и вышел.

— Я вижу, ты предпочитаешь флорентиан.

— Они животные, как и все мужчины, — сказала Хидди, пробуя воду ногой, по красоте достойной любой богини. — Все они рабы. Впрочем, я могу поработить любого. Конечно, они часто посещают мою спальню.

Он поежился от ее иронии. Ни одна женщина так на него не действовала, даже Ингельд. Но отступать было некуда.

— Конечно, по шесть сразу?

— Ты намерен купаться так или сначала разденешься?

— Знаешь, я в состоянии вымыться сам.

— Вымыться? Ты никогда не обладал женщиной в ванне, флоренгианин?

Это ее не касается.

— Мне бы не помешала парочка советов.

— Я позову Нерио. — Розовая полупрозрачная ткань упала к ее ногам. Не сняв ни единого украшения, Хидди шагнула в ванну и повернулась к нему лицом. — Тебе ведь немного нужно, верно? Пару раз мяукнуть, и дело с концом, так ты сказал?

— То, что мне нужно, — ответил Бенард, снимая одежду, — может быть много меньше того, что я беру.

Как оказалось, мяуканий было немало, да и брызг тоже.

Несколько часов спустя и в другой комнате Хидди произнесла:

— Солнце садится. Я должна служить своему богу.

Они сидели на краю ее постели. Она расчесывала черепаховым гребнем шелковистые волосы, а Бенард мысленно переставлял мебель по своему вкусу. Он все еще обнимал Хидди за плечи. «Интересно, где моя одежда?» — подумал он.

Постель была застелена мягкими коврами, красными и пурпурными, но их цвет совсем не сочетался с картинами на стене и коврами на полу. В комнате было слишком много разных вещей — стулья, шкатулки, столики, даже гротескное изображение Эриандера, которое он закрыл покрывалом перед тем, как присоединиться к Хидди в постели, чтобы вновь заняться любовью. Весь дом являл собой настоящую свалку дорогих безделушек, бесстыдное расточительство без особого смысла и цели. Ее повара и слуги знали свое дело и вели себя почтительно, но по-настоящему красивой была только сама Хидди. В какой-то момент Бенарду удалось убедить ее снять все украшения, поскольку без них она выглядела куда более привлекательной.

Впрочем, ему не следовало быть таким мелочным. Все его нужды были удовлетворены по высшему разряду. Жизнь приобрела розовое сияние.

— Когда мы снова увидимся? — спросил он.

Она улыбнулась и вкрадчиво ответила:

— Тебе понравилось кувыркаться с маленькой нимфой, да?

— Я всегда буду помнить этот день. Надеюсь, ты тоже довольна?

— Несомненно.

Бенард ждал, что она заговорит о его золоте.

Однако она лишь сказала:

— Ты истинный художник! Можешь навещать меня в любое время, Бенард. Богу я служу ночью. И я дома весь день. — Она опустила голову ему на плечо. — У меня совсем немного друзей. Иногда мне нужно спать, но я не буду против, если ты меня разбудишь. Я скажу Нерио, чтобы он впускал тебя в любое время.

ГЛАВА 24

Фабия Селебр неожиданно проснулась. Она крепко спала. По привычке одна ее рука свешивалась с постели и касалась холодной земли. Ей снился мрак и способы его создания. Она открыла глаза, но ничего не увидела.

Водного пути лучше Врогта не найти на всей Грани; река извивалась среди камышовых зарослей и топей равнин, от озера Скьяр и почти до самого Ледника. Летом ветры дули по движению солнца. Хотя течение Врогта было направлено в противоположную сторону, благодаря ветру многочисленные речные лодки, на которых летом оказывалось больше людей, чем в любом городе Вигелии, могли плыть против течения — ну, а возвращаться было и вовсе не трудно. Людей, живущих на берегу, можно считать другой расой. Они почитали простых богов природы и говорили на собственном диалекте, который назывался «вроггианским». Они сторонились деревень и горо-

дов, предпочитая на закате ставить палатки на берегу. Многие из них любили повторять, что ни разу в жизни не спали под крышей. На рассвете они поднимали красные треугольные паруса и вновь отправлялись в плавание.

Фабия спала в собственном кожаном шатре — таком маленьком, что она даже не могла в нем сесть. Вероятно, она проспала совсем немного, поскольку речной народ продолжал петь, празднуя случайную встречу с друзьями, которых они не видели несколько лет и могли не встретить еще столько же. Она успела уже к этому привыкнуть. Так что же ее разбудило?

— Фабия Селебр! — послышался шепот.

Ага! Она кивнула.

— Я Вуаль. — Голос доносился снаружи, но говорящий находился на одном уровне с Фабией, словно лежал на траве, чтобы его не заметила стража.

Теперь Фабия проснулась окончательно. Она повернулась на бок.

— Самое время! Почему вы до сих пор со мной не связались? Прошло столько времени...

— Не так громко. А когда ты хотела нас услышать? Ночью во дворце, когда жила по соседству с хозяйкой? Или во время плавания по озеру, когда свешивалась за борт, точно зеленая тряпка? А, может быть, в Йормоте, где спала в одной комнате с Королевой Теней? Или потом, когда тебя охраняла дюжина веристов, а сама королева болталась не дальше броска камня? Думаешь, нам легко незаметно к тебе подобраться?

— Извините. — Фабия лишь недавно овладела искусством терпеть насмешки. Впрочем, веристы вели себя грубо, а сейчас ее всего лишь дразнили. — Разве сегодня что-то изменилось?

— Стало чуть безопасней. Салтайя спустилась купаться вниз по течению, а веристы заняты другими делами. Однако у нас мало времени.

Веристы были заняты уже несколько ночей подряд, поскольку за флотилией следовала лодка с нимфами, которые располагались на ночь неподалеку и предлагали принять участие в их странном служении богам. И хотя командир охоты Пераг понимал, как хочется его людям проводить побольше времени с нимфами, он никогда не оставлял пленников без охраны.

— Вы можете похитить нас с Хортом?

— Зачем? И куда вы направитесь?

— Мы уже очень скоро прибудем в Косорд, а меня постоянно преследуют кошмары — ведь я должна буду выйти замуж за одного из этих животных.

— Ты храпишь громче, чем голодный онагр, — сухо молвила прорицательница. — Значит, ты с презрением отвергаешь честь, которую оказывают тебе дети Храга, предлагая войти в их семью? Ты все еще полна решимости, как тогда, в Пантеоне?

— Я готова сопротивляться Салтайе и ее выводку, но что я могу противопоставить Королеве Теней?

— Больше, чем думаешь, дитя. — Нет, этот тихий вкрадчивый голос ей определенно знаком. — Ты отмечена судьбой.

— И рождена для величия?

— Лишь в том случае, если примешь не только добро, но и зло — с последним у Стралга и Салтайи все в порядке. И ничто не защитит тебя от случайностей. Ты можешь погибнуть молодой и не выполнить своего предназначения. Я вновь спрашиваю: ты по-прежнему на нашей стороне?

— Думаю, да. Я на своей стороне, на стороне моих братьев и Хорта. И моих настоящих родителей...

Прорицательница рассмеялась.

— Сказано истинной Избранной. Нет, не возражай. Я лишь рассуждаю вслух. Хтониане присматривают за своими. Итак, Фабия, мой союзник, я сообщаю тебе, что свет твоего сердца Катрат покинул Косорд и направился в Трайфорс и к Границе. Свадебные трубы пока отменяются.

Фабия облегченно вздохнула.

— Благодарю вас!

— Будь осторожна с этими сведениями. Салтайе еще ничего не известно. Она пока не получила донесений. Несколько лодок, которые несли ей новости, разминулись с вами на реке — из-за катастрофы в Скьяре. Сатрап не смог покинуть наполовину разрушенный город, а без него она не имеет права отдавать приказы Свидетельницам.

— Но откуда вам известно...

— Мне пора, — молвила прорицательница. — Она возвращается. Ты познакомишься с женой сатрапа Хорольда и увидишь, что она достойная леди и понимает, что такое вынужденный брак с веристом. Постарайся добиться дружбы командира фланга Снурга. У меня также есть новости для Хорта Вигсона. Передай ему, что он найдет старых друзей в Косорде в Нефритовой Чаше. Но повторяю — будь осторожна!

— Подожди! Что произойдет, когда выяснится, что мой возлюбленный сбежал? И расскажи о моих братьях.

— А что тебе сообщила о них Салтайя?

— Ничего определенного. Младший — верист в Трайфорсе, средний — скульптор в Косорде, а старший погиб.

— Близко к истине. Орландо все еще проходит обучение, но оно почти завершено. Говорят, он очень силен, так что способен оказать тебе существенную помощь, если захочет; однако он верен своим нынешним наставникам, а потому может тебя предать. Бенард — это Рука. Тебе доводилось встречать таких людей?

— Да, и немало. Практичен, как топор из воска?

Прорицательница засмеялась:

— Зато какой красивый восковой топор! Двенадцать благословений...

— Подожди! Кто убил Паолу Апицеллу? Пераг Хротгатсон?

Наступило молчание.

— Откуда ты узнала? — наконец спросила прорицательница.

Из кошмара. Вскоре после Йормота Фабия начала просить, чтобы богиня поведала ей правду о смерти Паолы. Сначала она получила отказ, но Фабия настаивала, и через несколько ночей ей показали нападение — ее мать направлялась домой в сопровождении воинов, а потом какие-то существа атаковали их из темноты. Собственные крики разбудили Фабию прежде, чем она успела увидеть продолжение. К тому же она подняла весь лагерь. С тех пор молодые веристы охотно давали ей советы, как крепче спать, и предлагали собственную помощь. Однако перед пробуждением Фабия услышала, как Пераг Хроттатсон отдал приказ об атаке.

— Хорт подозревает Перага, — выдавила Фабия, понимая, что прорицательница почувствует двусмысленность. — Так это правда?

— Пераг командовал нападавшими. А теперь мне пора...

— Нет, подожди! Я узнала твой голос. Это ты подходила ко мне в Пантеоне.

— Умница, — произнес голос, но Фабия не уловила в нем удовольствия.

— Но ты не та прорицательница, которая сказала Салтайе, что я прошла посвящение.

— А разве это ложь?

Фабия выругала себя за глупую попытку перехитрить прорицательницу. Что ей теперь ответить: да или нет?

— В тот день я была в Скьяре, — продолжал невидимый голос, — и знаю, как ты проходила посвящение, Фабия Селебр. Да, в тот момент разыгралась ужасная буря, но глаза Мэйн видят не так, как твои глаза. Мы знаем правду, и мы с сестрами стали свидетельницами того, как ты принесла клятвы. Нам не открылось, что ты сказала и кому ты их принесла. Ты могла

находиться в доме Светлых или под ним, в царстве Матери. Должна признать, что лишь немногие из моих сестер разделяют мое мнение, однако мне все равно, отдала ты лилию Веслих или пролила кровь для Древнейшей. Главное, чтобы ты готова бороться с Салтайей. Если ты стала Избранной и она об этом узнает, то может тебя уничтожить или попытаться перетянуть на свою сторону. Пусть боги, которым ты решила служить, помогут тебе справиться с предстоящими трудностями, Фабия Селебр.

— Подожди! А что произойдет, когда мы прибудем в Косорд?

Ответа не последовало.

С появлением первого света Фабия торопливо оделась, чтобы успеть поговорить с Хортом наедине. Командир фланга Снург, как обычно, спал у входа в ее палатку, и, точно сторожевой пес, тут же проснулся. Она мрачно кивнула ему и вышла из палатки. На берегу было полно полуголых веристов.

Хорт уже опустился на колени возле костра вместе с другими, собираясь наскоро позавтракать. Как ни странно, однообразное путешествие по реке ему нравилось; у него появился аппетит, он немного потолстел. Впервые в жизни он предавался праздности.

В их отряде было пятьдесят три человека. Фабия и Хорт не взяли с собой слуг, а с Салтайей путешествовала единственная служанка, слабоумная Гуита. Зато на стражах Королева Теней не стала экономить — командир охоты Хроттатсон одолжил стаю молодых веристов, которая должна была присоединиться к войску Стралга во Флоренгии. Конечно, они были скорее надзирателями, чем защитниками. Снург, командир фланга, тенью следовал за Фабией, а Эрн столь же внимательно наблюдал за Хортом. Да и остальные старались держаться поближе.

Они плыли на пяти лодках: «Голубой Ибис», «Красное Крыло», «Возлюбленный Храды» и «Нуртгата». Около шес-

тидесяти мужчин, женщин и детей управляли суднами, образуя сложные, постоянно меняющиеся связи, остававшиеся непонятными для пассажиров. Иногда она видела новые лица, другие внезапно исчезали. Люди переходили с одной лодки на другую только для того, чтобы оказаться в новой компании, и Фабия была уверена, что они с такой же легкостью менялись партнерами в постели — быстро разгорались ссоры, которые быстро утихали, возникали новые улыбающиеся лица, а кто-то еще долго бросал ревнивые взгляды на прежних партнеров.

Когда такое количество людей разбивали лагерь, обустраивали отхожие места и готовили ужин, утренние сборы всегда приводили к суматохе. Фабия нашла местечко между тлеющим костром и кучей каких-то тюков, где она могла спокойно поесть и окончательно проснуться. Она положила руку на холодную землю и ощутила присутствие Древнейшей.

Пераг расхаживал по берегу в паршивом настроении. Командир охоты был большим любителем поливать всех грязью, даже солдаты его не любили. Фабия не сомневалась, что ночной кошмар послан ей Темной богиней, однако правдив, поскольку вину Перага подтвердила Свидетельница. Пришло время призвать убийцу к ответу, пока они не добралась до Косорда. От самого Йормота Фабия просила и получала указания Темной богини.

Салтайя еще не вышла из своего шатра. У Фабии оставалось немного времени, но она должна была совершить задуманное, пока они не сели в лодки и Фабия не потеряла контакта с Матерью.

Сначала Фабия создаст мрак, чтобы защитить себя от посторонних глаз. «Дорогая госпожа, иногда Ты должна укрывать своих детей, мешая другим их видеть. Сделай так сейчас, умоляю Тебя, и защити Свою служанку». Фабия представила себе, как со всех сторон ее окружают нити невидимости. Это умение она получила недавно, но не сомневалась, что исполь-

зует его правильно. Искра света на реке потускнела, и даже разговоры стали тише, словно вокруг сгустился туман.

Теперь заклинание. Она никогда в жизни не видела снег, зато слышала о нем множество рассказов, а во сне стояла посреди поля зла, заваленного черным снегом. Сложив пальцы пригоршней, она тихонько начала:

— Один за издевательства над людьми, которыми ты командуешь.

Фабия сжала в кулак вторую пригоршню, чтобы слепить черный снежок.

— Второй за мое испорченное посвящение. Третий за отвратительные поцелуи, которые ты мне навязал в тот день.

И так далее.

За двойное похищение и унижение Хорта Вигсона.

И самые большие снежки за подлое нападение на Паолу Апицеллу. К этому моменту Фабия успела собрать немалую массу ненависти. Пожалуй, этого хватит, но если ничего не произойдет в течение ближайших дней, она может попробовать заклинание посильнее.

«Кровью и рождением; смертью и холодной землей». Она мысленно швырнула свою ненависть в Перага. Ничего не произошло, впрочем, так и должно было быть. Затем она распустила вуаль мрака.

Салтайя уже вышла вместе с Гуитой на берег, а ее шатер успели сложить. Пришло время садиться в лодки. Фабии осталось лишь завершить заклинание просьбой о лжи.

«Объясни им, миледи: если я истинно твоя Избранная, то никогда бы не осмелилась нанести ему удар в присутствии другой хтонианки, которая является моим врагом и обладает куда большим опытом в том, как следует к Тебе обращаться. Убеди их всех, что несчастья Перага произойдут по чистой случайности, посланной богом Сьену, и не имеют ничего общего со мной. Аминь».

* * *

Пассажиры следовали обычаям речного народа и также переходили с одной лодки на другую. В то утро Фабия забралась на борт «Ибиса», за ней тут же последовали Снург и еще восемь веристов, по большей части из правого фланга. Обычно речной народ проводил время на корме, оставив пространство между двумя мачтами для багажа и грузов, а пассажиры располагались на носу. Фабия выбрала свое любимое место у правого борта, где имела удобную опору для спины и могла наблюдать за работой матросов. Рядом с ней как всегда устроился Снург. Веристы присели на скамейки или примостились на бочках и ящиках. Двое стояли, отбывая наказание за какие-то мелкие проступки. Судя по усталым лицам, они почти всю ночь провели на ногах.

Последними взошли на борт Пераг и Салтайя, занявшие скамью у противоположного борта. Фабия вежливо улыбнулась, мысленно смирившись с тем, что целый день просидит рядом с кучей дерьма.

— Двенадцать благословений, миледи. И вам, вожак стаи.

Салтайя величественно склонила голову. Она была злым человеком, но хотя бы вела себя прилично. Верист лишь молча нахмурился. Сейчас он командовал единственной стаей, состоящей из четырех флангов, однако по-прежнему носил зеленый шарф командира охоты. Все, кроме Фабии, обращались к нему соответствующе.

Как только лодка отошла от берега, речной народ начал ссориться. Фабия с интересом за ними наблюдала. Хотя она не понимала их звенящий язык, жесты и эмоции позволяли разобраться в происходящем. Очевидно, часть матросов ночью помогали нимфам почитать Эриандера, и теперь женщины грозили, что начнут оказывать внимание веристам. Наиболее сообразительные веристы поняли, в чем дело, и тут же заявили о своем согласии. Тут вмешался Пераг, который велел солдатам держаться

подальше от женщин речного народа. Ссора разгоралась, к ним подошел «Возлюбленный Храды», и его команда приняла в ней активное участие.

Врогг здесь не был так широк, как в Йормоте, и лодки сновали взад и вперед, словно выполняли фигуры сложного танца. Суденышки были длинными, стройными и открытыми, не давая сидящим в них людям укрытия от безжалостного солнца.

От детских мечтаний Фабии изучить всю Вигелию теперь не осталось и следа. До сих пор путешествие казалось ей нестерпимо скучным. И хотя возле большой реки стояло немало городов и деревень, из лодки она видела только высокие берега, скрывавшие все остальное. Прибрежная равнина закончилась, и теперь берег стеной отделял их от остального мира. Иногда Фабии удавалось организовать хоровое пение, а еще реже завести разговор на общую тему (веристы любили слушать лишь бесконечные похвалы в свой адрес), но такие эпизоды возникали только в тех случаях, когда рядом не оказывалось Перага.

Поэтому Фабия наблюдала за полетом птиц, махала людям в проплывающих мимо лодках и размышляла о странном ночном разговоре. Прорицательница так и не сказала, что должно произойти в Косорде. Наверное, ничего. Они будут плыть вверх по реке до тех пор, пока не доберутся до нежеланного Катрата Хорольдсона. Если у Свидетельницы был какой-то план, то он, вероятно, предполагал возвращение Фабии в Селебру после свадьбы — неприятной, но необходимой процедуры.

— Ты чтил своего бога этой ночью? — спросила она у Снурга.

Этот нескладный, веснушчатый и рыжий парень был на пару лет старше всех остальных и успел перерасти грубость, характерную для других молодых веристов. Пусть с ними и не побеседуешь, на некоторых было хотя бы приятно смотреть, и Фабия иногда даже их жалела. В детстве их обманули, обещая славу и дела, достойные мужчины, а теперь они отправлялись на нена-

сытную войну, где не брали пленных. Они заверяли ее, что их молодость является преимуществом — молодые веристы считались самыми лучшими воинами. Она не спрашивала у них, многим ли удастся пережить первый год войны во Флоренгии.

Снург широко улыбнулся.

— Не бога, миледи! Богиню! Да, я предложил Ей замечательный дар.

— Замечательный? — воскликнул Брараг, который стоял спиной к Перагу. — Разве ты не слышал, как смеялись нимфы, когда его увидели?

— Встать, воины! — рявкнул Пераг. — Оба!

Снург и Брараг вскочили и хором ответили:

— Мой господин добр!

Он велел им стоять. Пераг был безумен.

Фабия не выдержала:

— Умоляю, объясните мне, вожак стаи, какой проступок они совершили?

— Не лезь не в свое дело, потаскуха.

— Неужели вы боитесь, что глупая шутка может повлиять на их храбрость, или моя улыбка заставит их нарушить долг? Неужели вы настолько подлы, что ваши люди обязаны испытывать перед вами смертельный ужас? Или вы просто не выспались и у вас скверное настроение?

Пераг покраснел и бросил на нее свирепый взгляд. Фабия почувствовала, что все веристы затаили дыхание. Командир охоты сжал кулак и начал вставать. Салтайя положила закутанную в черное руку ему на плечо.

— Пусть будущий муж займется ее воспитанием! — решительно приказала она. — А ты, Фабия? Ты хорошо выспалась прошлой ночью?

Если предположить, что она ничего не знала о визите прорицательницы, оставалось только поражаться чутью этой женщины.

— Очень хорошо, миледи, — вежливо и спокойно ответила Фабия, но по ее спине пробежал холодок. — А вы?

— Я сплю мало.

На этом разговор закончился. Перар остался сидеть на бочке, бросая на Фабию хмурые взгляды. Ему не позволили ее избить, и он непременно выместит неудовольствие на своих людях.

До прихода к власти Стралга о детях Храга мало что знали, но Салтайя считалась старшей. Фабия без особого труда могла прикинуть, что Салтайе около шестидесяти лет, однако на ее вытянутом бескровном лице не было ни одной морщины; возможно, именно по этой причине люди говорили, что она Избранная. Отправившись в путешествие, она сделала единственную уступку — надела широкополую черную шляпу. И вооружилась бесконечным терпением. Казалось, она околдовала Перага. Его люди были убеждены, что он мечтает о приглашении в ее палатку, и полагали, будто его скверный настрой вызван тем, что его туда не приглашают. Впрочем, никто ему не сочувствовал.

Вновь мысленно вернувшись к ночному разговору, Фабия вдруг сообразила, что прорицательница говорила так, словно лично участвовала в путешествии. Видимо, она скрывалась среди представительниц речного народа, поскольку была в Скьяре перед тем, как его покинула Фабия, и никто не мог путешествовать по реке быстрее, чем Салтайя. Значит, Свидетельница переоделась матросом!

Но кто же она? Фабия мысленно перебрала всю команду, но ни к каким выводам не пришла. Во флотилии было более дюжины взрослых женщин, однако их монотонный говор позволял скрывать истинное звучание голоса, к тому же большую часть времени они просто сидели и разговаривали, прячась от солнца и ветра под просторными бурнусами. Однако они могли почти полностью раздеться, когда требовалось что-то

сделать; эти женщины владели полудюжиной рабов — пленными флорентианами, захваченными во время войны. Рабы хмуро посматривали в сторону Фабии — они то ли ее стыдились, то ли презирали — но большую часть тяжелой работы приходилась делать им. Тем не менее даже рабы выглядели здоровыми и сытыми. Речной народ жил лучше, чем крестьяне.

День тянулся медленно. Можно было считать лодки или тучи. На корме следили за поплавками в надежде поймать что-нибудь на ужин. А Фабия ждала, когда начнет действовать ее заклинание.

Около полудня речной народ достал фрукты, сыр, соленую рыбу и другие продукты, которые им удалось купить. В своей обычной хамской манере первым принялся за еду Пераг, отпихнув в сторону голодных детей. Неожиданно он закричал:

— Прыгун!

Следующие несколько минут на «Голубом Ибисе» царил хаос. Фабия никогда не слышала о прыгунах, оказавшихся маленькими пауками, которых ужасно боялись обитатели этих земель. Очевидно, прыгун пробрался на корабль вместе с палаткой или корзиной овощей... Когда его поймали и превратили в маленькое темное пятнышко, все успокоились. Все, кроме Перага.

Он лежал на палубе и стонал. Конечности Перага конвульсивно подергивались. Левая рука страшно распухла и сильно покраснела. Лицо искажала гримаса — глаза вылезли из орбит, рот был широко раскрыт, распухший язык вывалился наружу. Несколько веристов кричали ему:

— Изменись!

Однако он либо их не слышал, либо не мог принять боевую форму. Несколько раз его пальцы хватались за медный ошейник, словно он его душил. Тем не менее сознания Пераг не потерял.

— Это ужасно! — сказала Фабия, подошла и села рядом с Салтайей. — Я не стану делать вид, что этот человек мне нравится, но никто не заслуживает таких страданий. Неужели поблизости нет святилища, где ему могли бы помочь?

Королева Теней с очевидным неодобрением наблюдала за конвульсиями своего приспешника, словно считала их проявлением плохого воспитания.

— Синаристы не станут лечить Героя, — равнодушно ответила она. — Если он сумеет изменить форму, то избавится от яда, но сейчас он не способен обратиться за помощью к своему богу.

— Может быть, нам следует помолиться за него.

— Может, — согласилась Салтайя.

Фабия взмолилась: «Мать Смерти, не отпускай его пока. Пусть он страдает подольше!»

В конце концов Снург принял командование и приказал связать Перага, чтобы остановить его конвульсии; для этого потребовалось шесть веристов. Речной народ посоветовал дать Перагу выспаться, чтобы тот во сне справился с лихорадкой. Когда крики Перага стали невыносимыми, Снург велел вставить ему кляп.

Командир фланга Эрн с «Редвинга», которому сообщили о несчастье с Перагом, принял командование и приостановил действие всех наказаний.

Никому и в голову не пришло обвинить Фабию в случившемся.

В тот же день, вот уже в третий раз за все путешествие, они заметили жену солнца — раздутое блестящее пятно, расположенное чуть ниже светила, на которое было так же невозможно смотреть. Хорт объяснил Фабии, что жены солнца — лишь отражение солнечных лучей от поверхности океана. Для его появления требуется лишь правильный угол и очень ясная погода.

Однако речной народ считал жен солнца благословением своих богов, а потому они начали петь благодарственный гимн; веристы тут же завели хвалебную песнь в честь Веру. Ну а когда закончилась одна песня, они затянули другую. В этот день «Голубой Ибис» закончил путешествие общим хором.

ГЛАВА 25

Ингельд Нарсдор вошла в святая святых храма Веслих, предоставив Сансайе закрыть за ними тяжелую дверь. Они оказалась внутри небольшого пятиугольного помещения, где вокруг центральной бронзовой жаровни могли разместиться не более дюжины молящихся. Поддерживаемый здесь жаркий огонь был еще более священным, чем тот, что пылал в куполе на вершине, поскольку он никогда не гас — многие столетия назад его зажгла сама священная Веслих в легендарном городе Гал. Пол покрывали дорогие ковры. На высоких стенах красовались узоры из зеленых и синих плиток, а в крыше были небольшие отверстия для вентиляции.

Кроме них здесь присутствовала только Тене, самая младшая Дочь. Обнаженная по пояс, Тене стояла на коленях рядом с жаровней. Ингельд подошла к ней, но встала на колени чуть в стороне, чтобы смотреть на огонь с другой точки. Ингельд спустила платье до пояса, расплела волосы, и они закрыли рыжезолотой вуалью ее грудь, а потом склонила голову в молчаливой просьбе о помощи и руководстве. Она почувствовала, как Сансайя присоединилась к ним по другую сторону огня. Лишь потрескивание дров в жаровне нарушало тишину.

Сансайя призвала Ингельд, поскольку тоже увидела дитя — предзнаменование, до сих пор доступное только жене сатрапа. В первый раз та разглядела его весной, и очень долгое время больше никто его не видел. Даже Тене не различала его в языках

пламени, а зрение у нее безупречное — Ингельд ей и в подметки не годилась.

Когда волнения в ее душе утихли, она взглянула на угли. Лодка, естественно, уплывала. Это был Катрат. Она попыталась разглядеть его получше, но всякий раз ей удавалось увидеть лишь лодку, а часто и того меньше — только парус. Почти сразу же тлеющие угли слегка сместились, и лодка исчезла, хотя Катрат не мог почувствовать ее взгляд, и не знал о своем желании его блокировать. Ингельд не стала пытаться его перебороть. Катрат никогда не имел желания чем-то делиться с другими; чем больше он нуждался в любви, тем энергичнее ее отвергал. Она была счастлива уже тем знанием, что он жив — и удивлялась, что он все еще имеет какое-то отношение к Косорду, поскольку Ингельд перестала видеть его братьев задолго до их смерти.

Приближалось пять лодок, но они были где-то недалеко. Уже несколько дней подряд маленькая флотилия была связана с топором; да, вот он, церемониальный серебряный топор с длинной ручкой и блистающими полумесяцами двух лезвий. Ингельд знала, кто это. Она указала рукой.

— Что ты там видишь?

Тене была близка к трансу — она очень легко в него входила — и вздрогнула.

— Миледи!.. Где? Ой! Птица, миледи.

— Какая птица?

Тене нервно рассмеялась. Она была очень красивой, стройной, светлокожей, сияющей свежестью и юностью. Даже при дневном свете ее красота поражала, а одного взгляда на высокие груди с розовыми сосками, которые ласкали отблески огня, хватило бы, чтобы свести мужчину с ума. И она станет еще прекрасней — за три шестидневки, прошедшие с того дня, когда она принесла последние клятвы Веслих, ее соломенные волосы начали темнеть, а глаза приобрели золотой оттенок.

— Козодой, миледи. Это белая птица, которая водится в горах и похожа на филина.

Ингельд улыбнулась собственным мыслям.

— Это хорошее знамение или плохое?

Тене поразила легкость, с которой Ингельд говорила о знамениях.

— Крестьяне его боятся, миледи.

— Не стану их винить. Я не вижу твою птицу. Но мне удалось разглядеть некое предупреждение. Сколько дней до ее прибытия?

— О ком вы? — Тене еще некоторое время смотрела на угли. — Еще четыре дня, миледи. Пир Укра.

Ингельд переглянулась с Сансайей.

— Поразительно, верно?

— Я ошиблась? — с тревогой спросила Тене.

— Нет, дорогая. Просто мы с Сансайей не смогли точно определить срок, а ты смогла. Но я полагаю, что козодой указывает на мою дорогую Салтайю Храгсдор.

Ингельд задумалась о лодках. Не все они полны зла. Новые распоряжения и люди, которых привезет в Косорд Салтайя, сулят городу не только плохое. Ну, а Хорольд, как и следовало ожидать, пришел в ужас, узнав о прибытии сестры.

В углях был и Бенард, шагавший по улице с кислым выражением лица. Дела у него складывались еще хуже, чем обычно. С самой весны, когда он стал появляться в жаровне, Ингельд старалась за ним следить, а потому видела, куда он сейчас направляется. Одна из колдуний Эриандера запустила в него свои когти.

— А там что? — спросила Ингельд.

— Скульптор, — ответила Тене, а Сансайя сказала:

— Селебр.

Ингельд прежде не имела дела с флоренгианками и была поражена изменениями, произошедшими с Сансайей после того,

как она стала служить Веслих. Тяжелые локоны окутывали ее плечи, словно пряди, сотканные из красноватого металла, но самое сильное впечатление производило огненное сияние кожи Сансайи; ее соски и ореолы вокруг них казались вырезанными из огромного красного граната и испускали свет, точно факелы в ночи.

А теперь вернемся к ребенку...

— Где он... хотя незачем и спрашивать. — Ингельд снова и снова видела это дитя... Он уже родился и стал не личным знамением, а общим. — Большой здоровый мальчик, — пробормотала она. — Ингельд не видела его мать или место, *где* щенок родился, но выглядел он крепким, и пламя радостно плясало вокруг него. — Ты его видишь?

— Да, — прошептала Сансайя. — Это благословение для города, миледи.

— Но там так много крови! — вскричала Тене. — Его мать наверняка умерла!

Да! Несмотря на жару в святилище, по коже Ингельд пробежал холодок, а в горле пересохло. Она встала и отошла от жаровни, натягивая на ходу платье.

— Да, очень на то похоже. Как печально! Пожалуйста, продолжай смотреть. Возможно, теперь это смогут увидеть и некоторые ученицы. Дай мне знать, если леди откроет больше.

Озадаченная и встревоженная Ингельд вернулась в свои покои обдумывать увиденное. Она сообщила Хорольду, чтобы он ждал Салтайю на пятый день, и попросила никого не впускать к себе, кроме Тене и Сансайи. Уже почти стемнело. Большинство вечеров Ингельд проводила с будущими невестами, но сейчас все были слишком заняты сбором урожая, чтобы отвлекаться на романтические встречи.

Мысли о жатве напомнили ей стихотворение из книги Магии... Ингельд приоткрыла дверь и попросила слуг, чтобы они

впустили Бенарда, если он появится. Она не знала наверняка, что он ее навестит, но ей было необходимо поговорить с этим балбесом, пока его связь с мошенницей нимфой не приведет к непоправимым последствиям.

Разумеется, нимфы полезны — без них одинокие мужчины становились источником постоянных неприятностей, они искали драк, точно олени. Большинство нимф хранили верность идеалам Эриандер, касающимся свободной любви, но некоторые из них с возрастом становились жадными, у них появлялись садистские наклонности, а эта нимфа и раньше наносила оскорбления Ингельд. За несколько дней до отъезда Катрата из города его поймали на краже из дворца золотой тарелки. Тогда Хорольд сделал суровое предупреждение, и змея отпустила свою жертву, но она не заслужила еще одного шанса. Пришло время показать клыки.

В большой комнате все еще было жарко, хотя к утру обычно становилось прохладно. Скоро пора будет ставить зимние двери. «Может, развести огонь?» — подумала Ингельд. Помимо гадания на огне в храме у Ингельд был лишь один способ получить предзнаменование — войти в транс. Вот уже несколько лет, как она отказывалась от такого серьезного риска. Терпение! Если ребенок уже родился в Косорде, то она его обязательно узнает, когда мальчика принесут в храм на шестой день для благословения Веслих.

А если Бенард появится сегодня ночью, то серьезный разговор с ним может открыть ей не только то, в каком состоянии находятся его чресла. Она невольно улыбнулась — а можно ли случайно получить предзнаменование? Если кто-то на такое и способен, то это Бена!

Пока она наливала воду в бассейн, намереваясь охладиться после долгого дня, снаружи послышался звук глухого удара — что-то упало в траву. Потом она услышала еще один удар. Бенард? Он не станет пользоваться этим путем, скорее бесшумно

проникнет через ворота. Она успела подойти к арке и увидела, как темная фигура бесшумно спрыгнула на землю.

На мгновение Ингельд застыла на месте: глухие удары были от упавших в траву сапог и накидки. Затем на стене появился их владелец. Он спрыгнул и приземлился на четвереньки — огромный зверь с белым мехом, окутанный вечерними сумерками. Она повернулась и побежала. Он не принял боевую форму, но в этом и не было нужны. Ингельд не успела даже приблизиться к двери, когда руки, подобные ветвям дерева, сомкнулись вокруг нее.

— Я не хочу причинять тебе вред, — прорычал он ей в ухо. — И не пытайся сопротивляться.

Она задохнулась от исходящей от него вони, хотя он и попытался заглушить ее духами. Ингельд пришлось сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем она смогла заговорить.

— Значит, он твой?

— Шпионишь за мной? — прорычал он.

— Это ты шпионишь за мной при помощи своих прорицательниц!

Она попыталась высвободиться, однако лишь убедилась в своей полной беспомощности: ее голова едва доставала ему до груди. Тогда Ингельд вцепилась ногтями ему в бедро, но его шкура была слишком грубой и толстой.

— Мне сказали, что ты еще можешь иметь детей, — заявил он. — А сегодня и я на это способен. — Продолжая крепко прижимать ее к себе, он разорвал ее платье и начал гладить грудь. Его лапа была грубой, как глина. — У него есть зубы, но он человек.

Она содрогнулась.

— Ты шутишь! — Разумеется, Ингельд понимала, что он вполне серьезен. — Мать мертва!

— Младенец был слишком крупный. — Хорольд успел изрядно набраться. — Женщины часто умирают во время родов.

— Я закричу!

— Давай. Я не против, если у нас будут зрители. — На его стороне была не только сила, но и право; а она беспомощна, как тот новорожденный ребенок. — И Веслих поможет, поскольку это Ее дело. Ты дала ей клятву. И мне тоже. — Он опустил руку ниже.

Да, правитель должен ее городу дочь, которая ее заменит. В ту ночь, когда Стралг взял власть в Косорде, Ингельд выторговала условия своего изнасилования, встав между Ардиалом, законным мужем, и животным Гатлагом, который медленно умирал, истекая кровью. Она согласилась родить двух сыновей удивительно красивому веристу, стоявшему рядом со Стралгом. Но клятва богине была дана раньше, и она прекрасно это понимала.

— Ты обещала одну дочь и двоих сыновей, — прохрипел Хорольд, методично срывая с нее одежду. Он словно и не замечал ее сопротивления. Когда Ингельд оказалась такой же обнаженной, как и он сам, он отнес ее в постель. — На Катрата ты согласилась позднее. А дочери так и не родила. Моей дочери, которая впоследствии заменит тебя.

Он повернул ее к себе лицом.

— Так что у нас осталось одно незаконченное дело. Ты способна рожать детей, и я способен. Начнем прямо сейчас. Я готов, ты же не будешь готова никогда. Подчинишься, или мне сделать это насильно?

Она задыхалась от его вони.

— Тогда давай быстрее. — Она легла и закрыла глаза.

Наверное, все заняло не так много времени, как ей показалось, но она чувствовала себя ужасно. Когда Хорольд откатился в сторону, она осталась лежать неподвижно. По ее щекам текли слезы. Унижение ранило Ингельд сильнее боли, но и боль была невыносимой. Она слишком стара, чтобы выносить ре-

бенка, однако это возможно, и богиня заставит ее выполнить клятву.

Хорольд перестал задыхаться и повернулся к ней лицом — точнее, ее лицо оказалось напротив его рыла. К счастью, было слишком темно, чтобы разглядеть подробности, но Ингельд не сомневалась, что на его губах застыла торжествующая усмешка.

— Я знаю, ты на многое способна, жена. Нет нужды искать на базаре ничтожного старого хтонианина или использовать другие средства, это лишь отдалит неизбежное. Ты родишь мне дочь. Прорицательницы доложат, если ребенок будет от другого мужчины. Я его убью, и мы все начнем снова.

Она отвернулась и услышала, как затрещали доски, когда он слезал с постели. Ингельд увидела очертания его фигуры на фоне более светлого сада, куда он направился за накидкой и сапогами. Она до сих пор дрожала, с трудом сдерживая рвоту. Если она хочет избавиться от его семени, необходимо поскорее вознести молитвы.

Неожиданный ужас прогнал боль: а вдруг Бенард попытается прийти к ней через сад? Если Хорольд натолкнется на него в таком состоянии, то непременно убьет.

Он вернулся уже одетый.

— У тебя идет кровь. — Хорольд видел в темноте лучше, чем любая кошка.

— А ты чего ждал? Когда будешь уходить, скажи, чтобы мне прислали хирурга. Нужно наложить швы.

— Вздор. Ты привыкнешь. Девушка же привыкла. — Он зашагал к двери. — Завтра в это же время. — Он отодвинул засов и вновь повернулся к Ингельд. — И так будет каждую ночь до тех пор, пока я не добьюсь своего, понятно? Ведь именно так ты говоришь невестам, верно? Это их долг перед мужьями?

Да, когда мужья — люди.

— А мужьям я говорю, что они должны уважать своих жен.

— Если у тебя будет заперто, я выломаю дверь. — Он вышел, и Ингельд услышала испуганные крики.

Очень скоро весь дворец будет знать, что сатрап вновь начал спать со своей женой.

ГЛАВА 26

Бенард Селебр осторожно поставил на землю тяжелый мешок, который нес на плече. Он облегченно крякнул, позвонил в колокольчик и стал ждать, массируя сведенные судорогой руки, кивая и улыбаясь прохожим. Когда маленькая дверка отошла в сторону, на него из темноты посмотрели такие же карие глаза, как у него самого, только в них совсем не было дружелюбия.

— Это я, — сказал он.

— Леди отдыхает. Уходи.

Бенард вздохнул.

— Она распорядилась впускать меня в любое время.

— Но не сейчас.

Страж Нерио закрыл дверку.

Бенард вздохнул — как неразумны смертные! — и воззвал к своей богине. У него с собой произведение искусства, подчеркнул он, слишком тяжелое, чтобы тащить его на спине обратно, и слишком прекрасное, чтобы оставить на милость щенков, которые его обязательно испортят. Засовы отворились один за другим. Красота в деталях! Он возблагодарил Ее и открыл ворота.

Нерио с проклятиями повернулся и выхватил меч. Бенард едва успел забыть о Катрате, как у него появился новый враг, вооруженный мечом. Наверное, это врожденный дар — приобретать опасных врагов. Подбоченившись, Бенард сделал вид, что ему все равно. Однако это было совсем не так.

— Я тебя прикончу! — прорычал Нерио, оскалив прекрасные белые зубы.

— Нет уж.

— Тогда вышвырну тебя вон!

Флоренгианские рабы Хидди работали в саду. Они с тревогой оторвались от работы, а раб по имени Косимо закричал:

— Нет, мастер! Вы же знаете, что она с вами сделает!

Бенарду не хотелось спрашивать, как Хидди наказывает своего управляющего, и потому он поднял мешок, внес его во двор и осторожно поставил на землю. Когда он запер ворота, Нерио убрал меч в ножны, но своего поста не покинул.

— А теперь уходи! Ей нужен отдых!

Бенард оглядел двор и увидел двух носильщиков, терпеливо сидящих на скамье рядом с незнакомыми носилками. У Хидди гости. Бенард обратил внимание, что со времени его последнего визита во дворе произошли изменения. Уродливые фигуры исчезли, а мебель стала более элегантной.

— Я пришел вовсе не для того, чтобы лечь с Хидди в постель, — заявил Бенард, что не было ложью. Впрочем, Хидди сумела бы его уговорить. — Я принес подарок.

— Я позабочусь о том, чтобы она его получила. Косимо! А теперь иди.

Бенард покачал головой, когда к ним подбежал Косимо.

— Он не сможет поднять мой подарок, к тому же это весьма хрупкая вещь. Двенадцать благословений тебе, Косимо.

— Свободный человек добр. — Юноша подмигнул ему, поскольку в этот момент стоял за спиной Нерио.

Бенард видел, что Нерио больше не пользуется любовью у остальных слуг, хотя раньше все обстояло иначе.

— Зачем ты принес его сам? — резко спросил страж. — Почему не нанял носильщиков?

— У меня нет денег, — терпеливо ответил Бенард.

— Хидди бы с ними расплатилась. Они были бы счастливы вместе с ней помолиться богине.

— Когда мы с тобой познакомились, ты сказал, что не говоришь на флоренгианском. — Сейчас разговор шел именно на этом языке.

Страж нахмурился.

— Тогда рядом была Хидди. Я не хотел, чтобы она подумала, будто я выдаю какие-то ее тайны.

Бедный Нерио! Он был высокий, смуглый и подтянутый, белоснежный килт безупречен, на боку висит бронзовый меч, сильные руки сложены на груди, золотая лента не дает волосам упасть на глаза. Хидди чувствовала красоту, когда речь шла о мужчинах; она плохо разбиралась лишь в искусстве. Не требовалось быть художником, чтобы заметить напряжение на лице Нерио. Интересно, что с ним сделала Хидди. Она могла быть злопамятной, как ласка. Теоретически Нерио — свободный человек, но она поработила его другими способами, связала цепями ревности и неразделенной страсти.

Косимо вернулся к работе. Бенард попытался обойти Нерио, который встал у него на пути. Нет, это просто смешно!

— Новую плитку доставили? Мальчики освободили место, о котором я говорил? — Бенард переделывал внутреннее убранство дома и сейчас занимался уродливой мозаикой в ванной.

Именно в эту минуту посетитель Хидди вышел из двери и направился к своим носилкам — дородный мужчина среднего возраста, прекрасно одетый и довольный жизнью. Его слуги тут же вскочили на ноги, а он даже не заметил еще одного флоренгианина.

Нерио открыл ворота, чтобы можно было вынести носилки, и поклонился гостю Хидди.

— Да благословят боги землю под вашими ногами, господин. — А потом, когда тот протянул ему медное колечко, добавил: — О, мой господин слишком щедр! Шестьдесят раз по шестьдесят благословений вашему благородному дому.

Бенард перетащил мешок к ближайшей скамейке и осторожно поставил его на стол. Косимо принес ему серебряный кубок. Другой красивый флоренгианин с подрезанными ушами поставил перед ним таз с водой и опустился на колени, чтобы вымыть ноги. Гуилио принялся вычесывать дорожную пыль из волос Бенарда.

— Что это за дар, мастер?

— Разверните и посмотрите. Только не разбейте.

Бенард уселся на скамью и расслабился, пока мальчики вытирали его руки и ноги влажными полотенцами. Другие наполнили кубок и принесли тарелку с засахаренными фруктами. «Роскошь приедается, — подумал он, — но иногда бывает очень приятной». Сейчас он как никогда к ней близок — насколько это вообще доступно Руке Анзиэль. В тенистом парке пели птицы, стрекотали насекомые. Нерио не слишком торопился.

— Дорогой! — Хидди выбежала из дома.

Он вскочил и подхватил ее на руки, когда она бросилась к нему в объятия. Она только что вышла из ванны, и на ней были лишь сережки — обычное одеяние для Хидди. Ее приветствия всегда были страстными и долгими. К тому времени, когда она выпустила Бенарда, Гуилио и Косимо сняли обертку с подарка — раскрашенной фаянсовой фигуры в половину человеческого роста. Даже Нерио присоединился к толпе, собравшейся, чтобы полюбоваться подарком.

— Нерио сказал, что ты принес... ой! Ой, какая прелесть!

Да, так и было. Бенард считал это одним из лучших своих творений. Такую же статую Эриандера он собирался изваять в полный рост для Пантеона, с двусмысленной и таинственной улыбкой на чувственных губах. Богиня была обнажена, но прижимала к груди ткань, что позволяло скульптору скрыть ее пол. Поза была достаточно скромной, однако глаза выражали сонное, но вполне определенное приглашение.

— Он великолепен! — Хидди наклонилась, чтобы получше разглядеть фигуру богини, и погладила ее, как настоящий ценитель искусства. Она не была истинным знатоком, зато сразу ощутила чувственное начало. Хидди коснулась клинописи у основания. — А что означает надпись?

— Эриандер. Я скопировал ее в святилище Пантеона.

— Но он же одет! Я никогда не видела Его в одеждах.

Бенард рассмеялся, довольный похвалой.

— Она одета не больше, чем ты.

Он сделал скульптуру Эриандер, основываясь на образе в покоях Ингельд. Черты лица получились мучительно знакомыми, хотя он пытался взять за основу младшую сестру Тода. Вероятно, все дело было в иллюзии, возникавшей из-за неясности пола статуи. Хидди начала подпрыгивать на месте от восторга и потребовала, чтобы ее нового любимца тут же перенесли в спальню, так что Бенарду ничего не оставалось, как поднять статую в последний раз и отнести в дом. Ему уже удалось частично изменить внутренние покои, но в спальне по-прежнему царил полный кавардак. Хидди плохо понимала разницу между качеством украшений и их количеством.

Он поставил свое творение возле постели Хидди, на место гермафродита, который ужасно ему не нравился.

— А что мне теперь делать с отвергнутым богом? — недоуменно спросила Хидди. — Я не могу Его выбросить или сломать!

— Отдай в храм, — предложил Бенард.

Он убрал предмет, оскорблявший его эстетические чувства, подальше.

— Этот *намного* симпатичнее! — Она обняла Бенарда, продолжая смотреть на статую. — Ты так хорошо ко мне относишься, дорогой Бена! — Она нежно его поцеловала. — Ты не против вместе со мной послужить богу, хотя бы разок? — Она еще раз поцеловала Бенарда.

Понимая, к чему это ведет, он высвободился из ее объятий, снял набедренную повязку и набросил ее на бога в качестве завесы.

— Нет, не против. Но я хочу попросить тебя об одолжении.

— Все, что пожелаешь. — Она уложила его в постель.

— Я хочу, чтобы первое подношение новому богу ты сделала вместе с Нерио.

— Нерио? — Она возмущенно оттолкнула Бенарда. Хидди умела менять направление движения быстрее, чем летучая мышь. — Нерио нахал! Я его ненавижу. Он не знает своего места!

Место, которое Нерио считал своим, теперь занимал Бенард.

— Тогда выгони его. Найми другого стража. А если ты меня не хочешь, я лучше начну работать над плиткой. — Он потянулся за набедренной повязкой.

— Нет! — Хидди схватила его за руку. — Как ты можешь хотеть, чтобы я занималась любовью с Нерио? Неужели я совсем тебе не нужна? — Теперь она превратилась в обиженного ребенка.

Ее настроения никогда не казались фальшивыми. Она действительно так чувствовала.

Бенард вновь обнял Хидди, и они улеглись на постель.

— Ты мне очень нужна, и я хочу, чтобы ты была счастлива. Ты обижаешь Нерио, а он портит жизнь рабам. В твоем доме больше нет прежнего порядка. А теперь пообещай — следующим человеком, который сюда ляжет, будет Нерио.

Хидди надулась.

— Ну ладно. Только ради тебя.

— И ты будешь с ним ласкова? Как прежде?

Она довольно потянулась, когда Бенард погладил ее бедро.

— Хорошо, я буду представлять, что это ты.

Бенард что-то одобрительно промычал в пространство между ее грудей, после чего они уже не разговаривали.

ГЛАВА 27

Ингельд Нарсдор никогда в жизни не пекла хлеб и не ощипывала гуся: многочисленные слуги выполняли за нее всю работу во дворце. Тем не менее приготовления к такому важному празднеству, как Пир Урожая Укра, отнимали у нее не меньше сил, чем у любой крестьянки, готовившейся к свадьбе дочери. Как ни странно, известие о том, что Салтайя прибудет завтра, оказалось настоящим благословением — Хорольд запаниковал и сбежал из города. Уверенная в том, что ночью ей ничего не грозит, Ингельд рано удалилась в свои покои и опустилась на колени возле очага, чтобы произнести молитву. Вечер выдался холодным, скоро нужно будет поставить ставни на окнах, но ей не хотелось признавать, что зима уже близка.

Даже аромат горящего божественного дерева не мог скрыть запахи Хорольда, которыми теперь пропиталась ее спальня. Он вернется. Как и Бенард, сатрап медленно менял курс, но ничто не могло его остановить, если уж он принял решение. Три ночи подряд он заставлял Ингельд делить с ним постель. К счастью, он не знал необходимых обрядов, но богиня всегда могла махнуть рукой на ритуалы. Когда Ингельд проклинала его семя, чтобы изгнать его из чрева, она чувствовала, что каждый раз ритуал дается ей с бóльшим трудом. Она использовала благословение богини, чтобы Ей воспрепятствовать — Ингельд понимала, что долго так продолжаться не может. Веслих показывала свое неудовольствие, не отвечая Дочери на просьбы о руководстве. Пламя продолжало свой бесконечный танец, по стенам метались беспокойные тени, но Ингельд ничего не видела. Ничего, кроме Бенарда. Это лишь напоминало ей о том, что Ингельд должна найти время и освободить юношу от присосавшейся к нему нимфы.

Бенард, Бенард... Бенард притаился за кустом? Она *знала* этот куст.

Ингельд вскочила на ноги и выбежала в сад — холодный воздух ударил по ее разгоряченной коже. Он сидел на темном одеяле, подтянув колени к груди, практически невидимый под листвой.

— Ну, и что ты здесь делаешь?

— Жду.

— Встань!

Он встал, большой и смущенный. Накидка не смогла скрыть выпуклость у него на бедре. Ингельд заглянула под накидку и увидела кинжал, рукоять которого была инкрустирована самоцветами.

— И где ты его взял?

Он выдернул накидку из ее рук.

— Одолжил. Когда он придет?

Это было так трогательно, что ей захотелось его обнять и утешить, как ребенка.

— Кто тебе рассказал? — спросила Ингельд.

— Гатлаг. Да и весь дворец знает.

— Весь дворец знает, что муж посещает постель жены? Неужели это такое удивительное событие? Входи, пока не простудился.

— Нет! — отказался Бенард.

— Ну, тогда сиди здесь. Только тебе придется долго ждать. Хорольд отправился на охоту. Он не вернется до утра. — Ингельд подошла к стоящей возле пруда скамейке.

Они сели, и он обнял ее за плечи своей большой рукой — теперь накидка укрывала их обоих.

— Я серьезно, Ингельд. Мне известно, что ты не хотела его принимать.

— И ты действительно считаешь, что сможешь его одолеть? О Бена, Бена! Даже если ты сумеешь подобраться, пока он... занят, скажем так, хотя это невозможно, и даже если ты вонзишь кинжал ему в спину, ты все равно не сможешь его

убить. Он примет боевую форму, исцелит рану и разорвет тебя на части, а потом вернется к прерванному занятию. — Ингельд почувствовала, как содрогнулся Бенард.

Но ей было так приятно чувствовать его руку на своих плечах, ведь он действительно тревожился о ней. Катрат уже давно ушел. Мужчина, ставший ее мужем, превратился в животное. У нее остался лишь Бена.

— Неужели твоя богиня хочет, чтобы ты терпела это чудовище? — сказал он. — Почему бы тебе его не проклясть — сжечь или еще что-нибудь сделать?

Она положила голову ему на плечо.

— Моя святейшая госпожа не одобряет нападений на мужа — такое поведение недостойно хорошей жены. Хорольд имеет на меня право, и Веслих на его стороне. Нет, послушай! — остановила она Бенарда, когда тот попытался протестовать. — Я старею, Бенард, но я все еще должна своей богине и городу дочь, которая будет править после меня. Хорольд вспомнил об этом, или кто-то ему нашептал, и он хочет быть ее отцом. А прорицательницы доложат ему, кто настоящий отец ребенка.

— А они предскажут, какой она уродится? Может, у твоей дочери будут копыта? Или когти?

— Если хочешь покричать, то нам лучше войти в дом. — Ингельд встала и направилась в спальню, к очагу.

Она опустилась на колени, и через мгновение рядом оказался Бенард. В отсветах пламени его лицо выглядело изможденным, словно он не спал много ночей подряд.

— Если не хочешь его убивать сама и не позволяешь это сделать мне, — хрипло произнес он, — то я знаю, как его отвлечь, чтобы он перестал тебе докучать.

— Как?

— У меня есть друг, нимфа. Она утверждает, что может справиться с любым веристом, как бы он ни выглядел.

Теперь Ингельд почувствовала себе увереннее.

— Да, мне известно о твоей симпатичной подружке. К счастью, она не может проникнуть во дворец. Если ее не остановит стража, это сделает священная Веслих. Я хотела поговорить с тобой о ней, Бенард.

— Только не нужно читать мне наставлений, — хмуро сказал он. — Это не то, что ты думаешь.

— Как раз то самое. Она одна из самых жадных до золота женщин — за все годы моего правления мне не доводилось видеть ничего подобного. Она вытягивает из мужчин все, чем они владеют. Поверь мне, госпожа Хидди очень скоро окажется в реке.

Он вздохнул.

— Я знаю о ее жадности. Так давай напустим ее на Хорольда! Пусть она ограбит дворец. И тогда в твоей спальне не будет пахнуть, как в свинарнике.

— Прекрати! Ты не имеешь права так со мной говорить!

— Нет, имею. Я люблю тебя.

— Бенард! — Не осмеливаясь оставаться рядом с ним, Ингельд вскочила на ноги и начала расхаживать по спальне. Если Хорольд спросит у Свидетельницы, какие мужчины побывали в спальне его жены, и что они делали, какой ответ он услышит? — Ты ведь любишь Хидди, не так ли? А Хорольд ее убьет!

— Она клянется, что все будет хорошо. Говорит, что ей удавалось приручить куда более страшных мужчин.

— Она нимфа, Бенард. Она тебя околдовала.

Он фыркнул и махнул рукой.

— Она ничего такого не делала! Хидди в меня влюблена.

— Бенард, пора уже повзрослеть! Разве ты не знаешь, что ее корбан состоит в том, чтобы отказываться от любви? Бесконечная похоть, но не любовь; вот договор, который она заключила со своим богом.

— Ингельд! — Он говорил тихо, но на его лице застыло упрямое выражение. — Ты еще никогда так не ошибалась.

Корбан Хидди состоит в том, что она сама никогда не будет любима, но она может любить. Она знает, что я ее не полюблю. И мне ее жаль. Мы хорошие друзья. Наверное, я ее единственный друг. Да, мы любовники, но она понимает, что для меня это совсем не то же самое, что для нее.

— Неужели? И у тебя осталось золото, которое дал тебе Хорольд?

— Не смеши! Я не мог сохранить золото. Богатство — мой корбан. Я отдал его богине.

— Какой богине? — торжествующе спросила Ингельд.

— Моей, естественно! Я отлил сокола.

— Что ты сделал? — Ее уверенность пошатнулась.

— Я сделал сокола из глины, это символ моей богини, — радостно объяснил Бенард, — а потом покрыл его воском. На воске я тщательно поработал над деталями, затем вновь покрыл фигуру глиной и положил в печь для обжига, чтобы воск вытек. А потом я отлил в золоте сокола. И отдал его Анзиэль в ее святилище. Он получился превосходным.

Шедевр, вне всякого сомнения, спрятанный в какой-нибудь тайной часовне, чтобы его никогда не увидели непосвященные.

— Значит, ты посещаешь Хидди из жалости?

Бенард пожал плечами.

— Я потихоньку меняю убранство ее дома, делаю новую мозаику...

— По ночам?

— Рисовать при свечах я не могу, но с мозаикой дело обстоит проще, поскольку я помню истинный цвет плиток. И когда Хидди там нет, я успеваю сделать намного больше. — Его улыбка получилась извиняющейся. — Ингельд, я сплю с ней, но не почитаю ее богиню. Я даже с тобой не могу заниматься любовью в твоей комнате — из-за этого. — Он показал на Эриандера на фризе Светлых.

Ингельд не доводилось слышать о том, чтобы кто-то был способен сопротивляться нимфе, впрочем, удивительная невинность Бенарда могла произвести впечатление даже на таких, как Хидди. А усталый вид у него из-за того, что он работает днем и ночью.

Ингельд стояла совсем рядом с Бенардом. Он взял ее за руку и привлек к себе. Она сразу же почувствовала его силу и мужскую привлекательность. Он поцеловал ее, и она не стала сопротивляться. Поцелуй был совсем не братский.

— Давай убежим, Ингельд. Сегодня. Когда он вернется, мы уже будем так далеко, что прорицательницы не сумеют нас найти.

Милосердная Мать! Неужели она неправильно поняла пророчества? Все ее обучение, весь опыт подсказывали, что благополучие города должно стоять на первом месте. Косорд был для нее всем; ее собственные удобства и прихоти ничего не значили. Быть может, богиня решила пойти на уступку?

Он почувствовал ее удивление.

— Что такое?

— Я дала тебе возможность сбежать, но ты не сумел бросить свои драгоценные статуи.

Он презрительно рассмеялся.

— Статуи? *Статуи?* Думаешь, меня волнуют статуи? Мы можем зайти в мою мастерскую, и я разобью их все у тебя на глазах. Я отказался покинуть Косорд из-за тебя, и если ты не сможешь или не захочешь убежать со мной, я убью Хорольда.

— Ты действительно так думаешь, Бенард? Тебе и в самом деле нужна такая старуха? Разве ты еще не вырос из своего увлечения?

В ответ он еще горячее приник к ее губам. Побриться ему не мешало, но целовался он превосходно. При всем желании Ингельд не смогла бы вырваться из его объятий. Да она и не хотела. Его сила была нежной и не имела ничего общего с жес-

токостью Хорольда. Прошло много лет с тех пор, как ее так целовали. Она успела забыть, как это приятно, но ее сердце помнило, как следует отвечать на страстные поцелуи.

— О, это безумие! — пробормотала Ингельд, когда все закончилось. Она не хотела, чтобы это заканчивалось. — Хорольд пошлет веристов вверх и вниз по реке. Всякий, кто посмотрит на меня, поймет, что я Дочь. Нам никогда не убежать, любовь моя. — Ее вернут в город, а Бенард умрет.

— Завтра ночью! — твердо сказал Бенард. — Я найму быструю лодку. Нет, лучше попрошу об этом Гатлага — я не умею торговаться. Мы ускользнем во время пира. Никто не заметит, что меня нет, поскольку Гатлага там не будет, а Хидди отвлечет Хорольда. Пройдет не меньше шести дней, прежде чем кто-то осмелится ему доложить.

И все вдруг показалось ей вполне разумным! Сердце Ингельд отчаянно застучало.

— Завтра в город прибудет Салтайя. Мы видели это в огне.

— Тем лучше. Старая ведьма займет все его внимание. Ингельд! — Этот решительный Бенард был совсем не похож на непрактичного скульптора. — Ты сбежишь из Косорда вместе со мной? Ты всегда говорила, что можешь удалиться от города не больше, чем на один мензил...

— Такая вероятность существует, — признала она. Это было безумием, настоящим безумием Эриандера, но теперь ей причудилось, что именно такой выход подсказывало пламя, и у нее был способ это проверить. — Как ты сюда попал?

— Вошел через ворота, естественно.

Анзиэль благоволила Бенарду. Она выполнила просьбу, с которой не осмелились бы обратиться к ней другие художники. Она открывала ему формы, таившиеся внутри камня, отмыкала запертые двери. Он жил в бедной хижине и дарил ей золотых птиц.

— Ты знаешь, где хранилище священных сосудов?

Он пожал плечами.

— Да. Но я там с детства не был.

— А ты сможешь пробраться туда незаметно?

— Зачем?

— Потом объясню. Это очень важно. Мы откроем его перед началом завтрашнего пира, сейчас оно запечатано. Ты должен будешь закрыть его так, чтобы никто не догадался, что хранилище открывали.

Несколько ударов сердца он сидел совершенно неподвижно, а потом пробормотал:

— Это было так давно... Там есть веревка, идущая от двери на крышу. — Он видел это в своих воспоминаниях. — Она должна быть соединена с колоколом, находящимся рядом с караульным помещением. Я должен буду попросить Ее отцепить веревку — в противном случае сразу же прибегут веристы. А веревки на дверях запечатаны?

— Да, тремя печатями.

Три кусочка засохшей глины на узлах, каждый с отметками семи или восьми личных печатей разных людей. Он должен будет намочить нижнюю часть каждой печати, снять их так, чтобы они не треснули, а потом поставить на место. Без божественной помощи ни одному смертному это не под силу. Но ловкие пальцы Бенарда способны превращать комья глины в цветы, бабочки и в фигуры знакомых людей.

— Наверное, если я правильно Ее попрошу, Она это сделает.

— Тогда иди! — сказала она. — Спрячь свой глупый кинжал. Если поймешь, что не можешь туда проникнуть, возвращайся сюда. А если все пойдет хорошо, мы встретимся с тобой в сокровищнице, когда... — Он поднялась на ноги, подвела его к арке и указала на звезды. — Когда Ишниар будет над нашими головами. Тебе хватит этого времени?

— Наверняка. — Он вновь поцеловал Ингельд, и та растаяла как девственница на обручении. О, как давно это было!

— И не дай себя убить, любовь моя! — сказала она, но Бенард уже скрылся в темноте.

Никогда еще небо не меняло свой цвет так медленно. Ингельд нервничала и беспокойно расхаживала по комнате, пытаясь молиться. Она ничего не видела в тлеющих углях, но это и неудивительно, учитывая ее нынешнее состояние. Она снова и снова повторяла, что Бенарду не грозит опасность, если только он не забыл избавиться от кинжала. Если стража услышит колокол и отправится выяснять, что произошло, они просто арестуют Бенарда и отправят в тюрьму на один день — до тех пор, пока он не попытается сделать какую-нибудь глупость: например, ударить ножом вериста. Дело происходило в ее дворце, и, как только Бенарда приведут к ней, она его сразу же простит.

Звезды застыли на небе. Ингельд опустилась на колени перед тлеющими угольками. Ей ужасно хотелось дать клятву, что она не сдвинется с места до тех пор, пока Веслих не подскажет ей, что время пришло, но угрожать богине не следовало. А затем она его увидела — казалось, богиня смилостивилась над ним. Он стоял на коленях перед дверью и терпеливо работал над нижней печатью. У него был кувшин, светильник, кусок ткани — и кинжал! Он осторожно размачивал глину в задней части печати. Очевидно, две другие он успел снять раньше. Она с ужасом наблюдала за его работой. Стражи должны всю ночь патрулировать дворец, но Ингельд знала, что они редко спускаются в подвалы, а сегодня, когда Хорольда нет в городе, могут позволить себе немного отдохнуть.

Бенард снял третью печать и положил ее на пол, на безопасном расстоянии от двери. Затем он принялся развязывать веревки. Теперь ему оставалось отодвинуть засов и открыть дверь. Бенард должен быть уверен в том, что другой конец веревки уже не связан с колоколом. Возможно, мыши успели ее перегрызть, поскольку священная Веслих могла также прийти

к ним на помощь — две богини вместе намеревались одурачить бога войны.

Ингельд вскочила на ноги, схватила темный плащ и выбежала в коридор. Во дворце было темно и тихо. Полагаясь на память и слегка касаясь пальцами стены, Ингельд поспешила в часовню Дочерей. Там сегодня дежурили Тене и ученица. Они так испуганно поднялись, что Ингельд сразу поняла: еще немного, и они бы заснули. Однако это хороший знак — никто не поднял тревоги во дворце.

— Я немного посижу у огня, — сказала Ингельд, входя в святилище. Никто не стал с ней спорить, а похожая на мышку маленькая ученица, наблюдавшая за священным огнем, и подавно. Ингельд выгнала обеих. Пусть ломают головы! Правительница города не обязана объяснять свои действия.

Она закрыла тяжелую дверь, украшенную завитками бронзы, и заперла ее на засов, спрятанный в узоре. Запахнувшись в плащ, Ингельд опустилась на колени, чтобы вознести благодарственную молитву. Теперь спокойствие ей было ни к чему, даже наоборот, оно было бы неуместно. Пламя наполнилось радостью — естественно, оно показывало Бенарда, однако более всего в нем присутствовало торжество. Значит, она верно поняла пророчество и угадала, почему Бенард Селебр так важен для Косорда. Она не видела того, что произойдет после сегодняшней ночи. Никаких лодок. Никаких мертвых тел или обещаний, что ее любовник доживет хотя бы до рассвета. Он должен исполнить предназначение. А потом богам не будет до него дела.

Священная Хранительница открыла ей свою волю, и Ингельд следовало подчиняться Ее свету.

Она встала и подошла к тайной панели. Маленькая защелка показалась ей тяжелее, чем в тот далекий день, когда ее впервые привела сюда мать. Ингельд нажала на защелку с одной стороны и сильно надавила босой ногой на ковер. Панель слег-

ка повернулась, открылась едва заметная щель, и тут же она увидела сильные пальцы Бенарда, которые потянули панель на себя.

Пол в сокровищнице был ниже, поэтому Бенард смотрел на Ингельд снизу вверх. Его глаза широко раскрылись от удивления, в них танцевали черные кристаллы со священным пламенем. Он смотрел на очаг и пять стен, покрытых темными плитками и уходящими в темноту.

— Где мы?

— Это святилище Веслих, святая святых.

Он прикусил губу.

— Я не могу сюда входить. Это запрещено.

— Вполне можешь, — заверила его она. — Разве твоя богиня не открыла тебе дверь сокровищницы?

— Так Она и сделала. — Он широко улыбнулся: эту улыбку Ингельд всегда связывала с юным Беной, да и сейчас его лицо смягчилось и стало мальчишеским.

Когда он собрался шагнуть вперед, Ингельд подняла руку и остановила его.

— Подожди! Бенард, лишь раз за жизнь одного поколения мужчина может войти в святилище — и только с одной целью. Ты должен обнажиться и отдать свое семя Веслих, отказавшись от прав на ребенка, отцом которого станешь. Согласен принять такие условия?

Он удивленно посмотрел на нее и после коротких раздумий кивнул, а потом прищурился.

— Ты меня используешь, чтобы помешать Хорольду. Я не против, однако ты обещала, что мы сбежим.

— Так и будет. Но сначала нужно сделать другое.

В его улыбке вновь появилась юная страсть, и она вспомнила молодого Бенарда, каким он был в самом начале их отношений. Он протянул руку к набедренной повязке.

— А можно я сделаю тебе близняшек?

Как это на него похоже! Несмотря на серьезность положения, Ингельд рассмеялась.

— У тебя впереди вся ночь. Если ты мужчина, попытайся сделать мне тройню.

Она сбросила халат и подошла к жаровне. Бенард успел раздеться и подняться к ней; он без усилия закрыл за собой тяжелую панель. Потом опустился рядом с ней на колени, и она увидела, как он возбужден.

— Ты уверен, что мой возраст тебе не мешает? — спросила Ингельд.

— Неужели я похож на человека, которого обуревают сомнения? О Ингельд! Мы вместе навсегда?

— Навсегда, — пообещала она. — Нас смогут разлучить лишь боги.

Они обнялись, их губы встретились, и Ингельд закрыла глаза.

Теперь слышался лишь любовный лепет:

— Ты вновь превратил меня в девочку.

— Ты научила меня быть мужчиной.

— Сколько лет прошло, а сколько у тебя было женщин! И не отрицай, пожалуйста. Ты до сих пор меня хочешь?

— Всегда хотел. Все эти женщины были тобой. И ни одна не была.

Потом они уже не говорили.

После насилия Хорольда тело у Ингельд болело, однако Бенард даже в молодости отличался нежностью. И игривостью. Несомненно, все предыдущие зачатия в этом месте были лишь холодным ритуалом — консорты исполняли долг, но Бенард как любовник всегда приносил только радость. Он дразнил и щекотал и ласкал Ингельд языком до тех пор, пока ее возбуждение не достигло пика и она не начала молить о кульминации. Быть может, не обошлось и без благословения боги-

ни — когда любовники наконец достигли блаженства, оно оказалось удивительно долгим и прекрасным, словно все эти годы воздержания вернулись к ним в волне всепоглощающей страсти.

Позднее, когда Бенард лежал, опираясь на локоть, глядя на ее тело в свете жаровни и поглаживая его кончиками пальцев, он сказал:

— Вот для чего священная Веслих сохранила твою юность. Ты совсем не изменилась! Я бы заметил любую новую морщинку на твоем теле.

— Слаще лести я еще не слышала. А вот ты сильно изменился. Стал больше, красивее, и у тебя на теле много волос.

— Еще я стал выносливее.

— Сомневаюсь, но готова проверить, — ответила Ингельд.

— Чуть позже. Объясни, почему это было необходимо?

— Ты и сам должен понимать. Как звали твою маму?

— Оливия. А что?

— Часть ритуала. Теперь я имею право покинуть Косорд, поскольку Хорольд убьет Оливию, если узнает, что она — твоя дочь. А без меня она никак не сбежит.

Он коснулся языком ее соска.

— Какая абсурдная логика! Но я не жалуюсь. — Он тихонько укусил, пососал, а потом посмотрел на полученный результат. — Пожалуй, мы можем начать работу над второй тройней.

ГЛАВА 28

Фабия Селебр тихо сказала:

— Отец, в Косорде ты должен посетить Нефритовую Чашу.

Она несколько дней выбирала момент, чтобы передать Хорту совет Свидетельницы. Сейчас они оба стояли на носу, опи-

раясь на планшир. Здесь ветер уносил ее шепот, и никто не следил за ними, если не считать любопытной белой птицы, сидевшей на передней мачте. Все остальные глаза были прикованы к входящей в гавань Косорда «Возлюбленной Храда».

— А что такое Нефритовая Чаша?

— Понятия не имею. Мне рассказал о ней друг.

Фабия хотела сообщить ему, что свадьбы в ближайшее время не будет, но решила пока не рисковать. Через несколько минут он и сам об этом узнает.

Несмотря на свой возраст, Хорт все еще был человеком, способным преподносить сюрпризы. Его бледные глаза оценивающе оглядели Фабию.

— А твой друг случайно не упоминал командира охоты Хроттатсона?

Пераг умер после трех дней страшной агонии — именно так умерла Паола.

— Да, о нем заходила речь.

Хорт вздохнул, разглядывая гавань. Фабия поняла, что больше он ничего не скажет, ни сейчас, ни позже. Потом она вспомнила, как мастер Пакар предупреждал ее, что Хорт Вигсон не видит того, чего не желает. Возможно, брак с Избранной делал такое отношение к жизни необходимостью.

— Похоже, нас уже ждут, — заметил он.

— Я полагаю, что Светлые присматривают за нами.

Хорт лишь нахмурился в ответ.

Поначалу Косорд не произвел на Фабию впечатления. Конечно, высокий дворец доминировал над городом, а незнакомая растительность добавляла пейзажу экзотики, но сам город больше походил на переросшую деревню с домами, крытыми соломой, и был недостоин своей древней славы. Береговая линия представляла собой бесконечный безумный базар. Впрочем, часть суматохи вызвало появление почетной стражи, состоящей из веристов, которые сильно мешали обычным

горожанам. Пронзительные трели труб приветствовали Салтайю, которая сошла на берег с «Голубого Ибиса». Какой-то бог предупредил сатрапа о ее прибытии, и он пришел поприветствовать сестру; стоявшая рядом женщина, несомненно, была его женой и матерью предполагаемого мужа Фабии.

Салтайя прошла по трапу вслед за Хортом и Эрном, Снург, как обычно, дышал ей в затылок. Их встречало чудовище, которое могло быть только Хорольдом Храгсоном — кабан, прикинувшийся человеком; или человек и несколько кабанов, ставших единым целым. Салтайя была высокой женщиной, но рядом с братом казалась ребенком. Она жестом велела Хорту отойти в сторону, когда тот собрался поклониться сатрапу. Фабия преклонила колени перед Хорольдом. Городские улицы никогда не благоухали, но где-то рядом находился источник страшной вони.

— Встань! — Он ухмыльнулся, показав клыки. — Добро пожаловать в наши владения, молодая госпожа. — У него был удивительно хриплый и скрипучий голос. — И в нашу семью.

— Со временем, — недовольно сказала Салтайя. — Уплыл твой жених, дитя.

— Он отправился в Приграничные земли около тридцати часов назад, — прохрипел сатрап. — Горячая кровь, ты же понимаешь. Ему не терпится повоевать.

— Увы! — Фабия должна была делать вид, что на самом деле расстроилась, а не наоборот. Она даже послала короткую молитву Матери Лжи.

— Мы поплывем за ним и, будем надеяться, нагоним его до того, как он покинет Трайфорс, — заявила Салтайя. — Временный вожак стаи Эрн, сообщи мастеру лодок, что нам вновь потребуются услуги речного народа. Мы расплатимся с ними в Трайфорсе. Они получат дополнительную меру серебра. И поставь охрану возле лодок, чтобы они не ускользнули ночью. Отплываем завтра, на рассвете. — Ее приказы звучали, как зов боевого горна.

— Но... сегодня начинается Пир Укра! — запротестовал Хорольд.

— Хочешь, чтобы я стряпала угощение? Выполняй, вожак стаи.

— Как прикажет миледи. Только... — Эрн нервно сглотнул. — Мастера лодок захотят получить деньги на закупку продовольствия.

— Хорольд, обеспечь лодки всем необходимым.

Фабию позабавило то, как вздрогнул великан. Он боялся своей сестры не меньше, чем все остальные.

— Неужели у меня не будет возможности познакомиться с будущей женой моего сына? — сказала рыжеволосая женщина, в своих огненно-красных одеяниях похожая на живое пламя; ее улыбка озаряла все вокруг.

Она оказалась гораздо моложе, чем предполагала Фабия. Очевидно, это была Дочь Веслих, правительница Косорда, но она обняла Фабию прежде, чем та успела сделать реверанс.

— Как я рада тебя видеть! Ты прелестна, моя милая. Сыну ужасно повезло! Как и всем нам, ведь Бенард всегда был членом семьи, а теперь он им станет по праву. — Глаза леди сверкнули золотом, и она добавила: — Ты, наверное, ужасно огорчилась, когда узнала об отъезде Катрата.

Такие слова вполне могли оказаться ловушкой, но даже без слов Свидетельницы Фабия верила этой женщине.

— Свадьба — это такой ответственный шаг, миледи.

— Бенард называет меня Ингельд. Тебе следует поступать так же. Хорольд, Фабия может поехать со мной. Вам ведь есть что обсудить, сестра?

Салтайя лишь пожала плечами.

Ингельд посмотрела на толпу веристов, как местных, так и вновь прибывших, и с отвращением тряхнула рыже-золотыми косами.

— Отзови их, Хорольд. Никто никуда не убежит. Пойдем, Фабия.

Про Хорта забыли, и тот, не упустив удобного случая, куда-то пропал. Фабия ощутила тоску — а вдруг он окончательно исчез из ее жизни, чтобы никто не мог использовать его против Фабии в качестве заложника.

Однако у нее не оставалось времени на тревогу, поскольку через несколько минут она оказалась в великолепной колеснице из золоченой гнутой древесины, запряженной парой резвых пегих онагров. Леди правила умело, и колесница быстро катилась по извилистым улицам. Фабия уже поняла, что Ингельд все делает хорошо. Люди приветствовали ее, когда она проезжала мимо, некоторые падали на колени, а юноши бежали вперед, чтобы все уступали дорогу ее колеснице. Никто не приветствовал Салтайю! И нигде Фабия не видела веристов.

Путешествие становилось куда более привлекательным. Люди носили незнакомую одежду — женщины были в платьях с высоким воротом, более ярких и красивых, чем простые одеяния в Скьяре, а мужчины предпочитали килты в складку. Волосы здесь были длиннее, запахи казались Фабии острее, смех громче, и даже лай собак звучал как-то непривычно.

— Буду с тобой откровенна, — произнесла Ингельд, ловко правя колесницей и кивая приветствующей ее толпе. — Мой сын еще не готов к браку. Матери не следует говорить такие вещи, но пять лет пройдут быстро. Подготовка воина предполагает огромные нагрузки и всякие ужасы. Мне пришлось стать женой вериста. Хорольд был ошеломляюще красив, один из лучших, но жизнь с ним получилась нелегкой. — Она прикусила губу. — Тебе ведь известно о детях Храга?

— Я знаю, что сестра управляет братьями, за исключением, быть может, Стралга.

Фабия ощутила на себе быстрый взгляд золотых глаз.

— А до тебя не доходили слухи, что Королева Теней им не сестра?

— Нет, миледи, ой, то есть Ингельд... А кто же она тогда?

Ингельд мягко улыбнулась, глядя перед собой.

— Люди шепчут, что она — их мать, вдова Храга. И что она родила четырех сыновей Эйду Эрнсону. А ее молодой вид лишь доказывает, что она Избранная.

— В Скьяре все в этом убеждены.

— Избранные присматривают за своими. Она вырастила Хорольда и до сих пор наводит на него ужас. Я хочу познакомить тебя с твоим братом. Ты не против?

— Что вы, я жду не дождусь! Я всегда страдала из-за того, что росла единственным ребенком, а теперь вдруг узнала, что у меня целых три брата.

— Ты не знаешь своей истории?

Фабия рассказала Ингельд о детстве в доме богатого купца и его жены-флоренгианки, и что теперь ей известно, кто ее настоящие родители. В свою очередь, Ингельд поведала ей о детстве Бенарда и о том, как он превратился в лучшего художника города или даже всей Вигелии.

— Он не слишком практичный человек, но мы все его любим, — сказала в заключение Ингельд.

— Надеюсь, мое возвращение в Селебру не поставит его под удар, — осторожно произнесла Фабия.

Она вновь ощутила на себе быстрый взгляд блестящих глаз.

— Я тоже на это надеюсь. Мы должны убедить его сопровождать тебя в Трайфорс на свадьбу.

— А здесь ему грозит опасность?

— Нет! Вовсе нет. А вот и он. Как видишь, его довольно много.

Колесница выехала на пустое пространство, выжженный солнцем пятачок перед высоким круглым зданием. В дальнем углу перед навесом стояли три белых статуи. Двое мужчин работали над одной из них — длинноногий мальчишка и

флоренгианин. Легенда сейчас обретет реальность, и Фабия увидит настоящего живого брата.

Юноша сидел на корточках возле статуи и полировал ее ногу. Он поднял голову и сердито посмотрел на тех, кто осмелился помешать его работе. Потом Бенард поднялся на ноги, и стало понятно, что он не так уж и высок, лишь очень широк в плечах... волосатую грудь закрывал кожаный фартук, казалось, другой одежды на нем нет... пыльный, потный, небритый, неухоженный. Не слишком располагающий к себе. Рабочий каменоломни — но с личной печатью на запястье.

Он увидел Ингельд, и улыбка, подобная восходу солнца, превратила его в мальчишку-переростка, несмотря на черную щетину и все остальное. Когда леди ловко остановила колесницу, даже не прикоснувшись к тормозам, глаза Бенарда обратились к Фабии и широко распахнулись.

Ученик побежал вперед, возбужденно размахивая руками.

— Миледи, какая честь...

— Да благословит тебя Веслих, Тод! — сказала Ингельд. — Ты напоишь онагров? А потом их нужно немного поводить, чтобы они остыли. — Она оперлась на протянутую мальчиком руку, сошла с колесницы и передала ему поводья.

Фабия и сама не заметила, как оказалась на земле. Бенард продолжал смотреть на нее так, словно ее прислала Темная богиня. И она сама не могла отвести от него взгляда. Двадцать три года, он еще молод. Невероятные руки... вьющиеся черные волосы, спадающие на плечи... блестящие черные глаза.

Она остановилась, едва не налетев на него.

— Фабия? — едва слышно прошептал он.

— Брат!

— У тебя глаза матери. — Он коснулся ее лица тыльной стороной ладони. — Скулы отца, но все остальное от нее... Мне сказали, что ты погибла!

— А мне вообще никто не говорил о твоем существовании.

Мастер-скульптор Селебр испустил пронзительный крик, от которого поднялась в воздух половина голубей Косорда, подхватил сестру и закружил ее, словно ребенка. Поставив Фабию на землю, он расцеловал ее и закричал:

— Фабия, Фабия, Фабия, Фабия!

Он был сильнее, чем Врогг в период разлива, но нежнее пуха. И где же он пропадал всю ее жизнь?

— О Фабия! — Бенард снова ее поцеловал.-

В глазах у Фабии защипало. Она обняла брата в ответ и поцеловала в небритую щеку.

— Я вижу, вы друг друга узнали, — заметила Ингельд.

— Почему ты мне не сказала, что она приедет? — взревел Бенард.

Никто не может *так* разговаривать с правительницей города.

— Потому что сама не знала. Ты хочешь ее раздавить?

Он рассмеялся, извинился, еще раз поцеловал Фабию и только после этого отпустил. На мгновение девушке почудилось, что сейчас он обнимет Ингельд, но тут он вспомнил, как следует себя вести, и низко поклонился.

— Бенард, тебе лучше сразу узнать последние новости. Я говорила, что твой отец серьезно болен. Возможно, он уже мертв. Фабия возвращается в Селебру.

Его лицо превратилось в маску.

— Наследование по женской линии? А Дантио? Разве не он — наследник?

— Он мертв. И тебе это известно. — Она говорила с ним, как мать или наставница. — И он вовсе не обязательно должен был унаследовать титул, даже если бы остался в живых.

— Надеюсь, ты не строишь козни, чтобы сделать меня дожем?

— Только бог способен творить чудеса, Бенард. Фабия станет женой Катрата.

Бенард стал белым, как вигелианин.

— Нет!

— Бенард...

— Нет! Нет!

Эхо прокатилось по дворику.

— *Нет! Нет!*

— Бенард...

— *Нет!* Я старший из ее родственников и потому категорически запрещаю...

— Не будь таким пустоголовым идиотом...

— Только через мой труп! И через десяток других...

Фабия поняла, что ей не суждено посидеть в приятном тенистом месте и провести спокойный вечер с братом. В Скьяре художники имели низкий статус — чуть выше, чем у простых рабочих, но заметно ниже, чем у купцов и ремесленников, в то время как Ингельд происходила из королевской семьи (двенадцать поколений только в Косорде), однако эти двое кричали друг на друга, словно базарные торговцы. Тод, осторожно прогуливающий онагров, потрясенно таращил на них глаза.

Из всего происходящего следовало, что Бенард не одобряет Катрата Хорольдсона, а Ингельд считает такой подход глупым, но ссора развивалась слишком быстро, чтобы дело было только в этом. Похожие сцены разыгрывались на глазах у Фабии между ее друзьями, работниками отца и даже среди речного народа. Она была почти уверена, что Ингельд и Бенард так кричат из-за того, что хотят скрыть какие-то более важные вещи. Любопытно!

— А мое мнение вас случайно не интересует? — спросила Фабия.

Бенард повернулся к ней.

— Нет, я не...

— Тебе не следует в этом участвовать, — сказала Ингельд. — Конечно, оно нас интересует.

— Говори, сестра, — торопливо вставил Бенард.

— Со всем уважением к вашему сыну, Ингельд, я не стану выходить замуж за вериста. Любого вериста. Бенард, если Стралг захочет меня использовать, чтобы управлять Селеброй, он не оставит в живых моих близких родственников, которые смогут претендовать на власть. Салтайя позаботится о том, чтобы тебя убили еще до отъезда отсюда, так что кричать друг на друга бесполезно.

Ингельд с Бенардом переглянулись и заключили перемирие.

Он сложил на груди массивные руки.

— И как ты планируешь избежать катастрофы с Катратом?

— Мне потребуется твоя помощь. Как мой ближайший родственник, ты должен сопровождать меня в Трайфорс.

Он нахмурился.

— Сатрап Хорольд предпочел бы оставить меня в Косорде. В могиле без надгробной доски.

— Мы обсудим это сегодня вечером, — твердо сказала Ингельд. — У нас все готово?

Он ухмыльнулся, как мальчишка.

— Она согласна! — Он не снизошел до объяснений. Сестра так и не поняла, кто на что согласен.

— Подстриги волосы, — сказала Ингельд уже не материнским тоном, а самым что ни на есть властным. — Я пришлю за тобой колесницу. Брат невесты должен присутствовать на пиру. Тебе уже доставили одеяния? Я пришлю кое-что и для Тода!

И вновь широкая улыбка Бенарда омолодила его лет на десять.

— Он объестся до одурения, а его мать умрет от гордости!

— А для чего еще нужны пиры?

Ингельд помахала мальчику рукой, чтобы он подвел к ним колесницу.

Только теперь Фабия сумела как следует разглядеть трех богинь из мрамора. За такое искусство Хорт заплатил бы золотом.

— Бенард, это ты их сделал? Но они же... это не описать словами! Как я горжусь братом, который способен создавать такие статуи! Это ведь священная Мэйн, верно? А это?..

ГЛАВА 29

Ингельд Нарсдор хлестнула онагров, и колесница покатилась по двору. Все прошло очень удачно. Она не покраснела, как ребенок, увидев своего любовника, и Бенард вел себя даже лучше, чем она могла рассчитывать. Фабия не разгадала их тайну.

— Он помнит? — спросила девушка.

— Что помнит?

— Как родители... наши родители его отдали?

— Да, помнит. Это оставило страшный шрам в его душе. Когда я впервые его увидела, он ничего не видел вокруг себя и ни на что не реагировал. Прошло шестьдесят дней, прежде чем он смог есть сам.

Первые тридцать дней только Ингельд могла уговорить его поднять голову. А через год — когда он наконец перестал следовать за ней по всему дворцу и начал разговаривать с другими людьми и играть с детьми — при любом упоминании его родных он снова сжимался в комок и отказывался реагировать на окружающий мир. В какой-то степени это происходило с ним и сейчас.

— Он переживает до сих пор? — спросила Фабия.

— Да, и очень.

— А я нет. Ничего не помню. Я была совсем маленькая.

— Естественно. Будь проклята сестра моего мужа! Она утащит тебя прочь, прежде чем вы успеете друг друга узнать. —

Однако появление Фабии стало серьезным препятствием для планируемого побега, поскольку она обязательно заметит их исчезновение, даже если всем остальным будет не до них. Поэтому спасибо Салтайе за то, что она так быстро увезет Фабию! — Ты пропустишь большую часть пира. Необязательно сразу наедаться до тошноты, однако никто тебе этого не запретит.

Девушка рассмеялась, и смех у нее получился совершенно естественный. Она была сильной и полногрудой, совсем не похожей на стройную богиню Бенарда, но она так и искрилась юностью и здоровьем. Манера держаться, осанка и ум выдавали королевское происхождение. Ну, а широкие плечи, вероятно, передавались по наследству. И зачем такая девушка Катрату, который еще не успел понять, что женщины нужны не только в спальне?

К тому же Фабия избалована; она привыкла к тому, что все делается по ее желанию — ведь ее отец очень богат. Требование, чтобы Бенард бросил все и отправился вместе с ней в Трайфорс (в принципе, вполне разумное), следовало бы сформулировать потактичней. Ее категоричное заявление о том, что она никогда не выйдет замуж за вериста, глупое и наивное — такие слова характерны и для Бенарда. Лишь в крайне редких случаях кто-то прислушивается к пожеланиям невесты, когда речь заходит о выборе жениха. А девушек, от брака которых зависит судьба династии, и вовсе никто не спрашивает — это Ингельд знала по собственному опыту. Фабию под конвоем отвезут в Трайфорс, где ей предоставят выбор: согласиться на свадьбу сразу или сначала получить иголки под ногти.

— Бенард очень упрям, верно? — спросила Фабия.

— *Бена?* Он течет так же плавно, как Врогг.

— И только в одну сторону? — Фабия соображала быстро.

— Точно. — Ингельд помахала в ответ на приветственные крики толпы. — Ему нет дела до любых неприятностей, пока он не провалится с головой. А что за человек с тобой приплыл?

— Мой приемный отец, Хорт Вигсон. Салтайя привезла его с собой в качестве заложника за заложника. Подозреваю, Эйд сейчас грабит его дом и прибирает к рукам дело.

— Вроде бы я видела, как он растворился в толпе. Чистая работа. — «Его отсутствие может навести Фабию на мысль о побеге, — подумала Ингельд, — интересно, понимает ли она, насколько опасна Салтайя Храгсдор?» — С ним все будет в порядке?

— Через год он будет владеть половиной Косорда.

Теперь пришел черед Ингельд смеяться.

— Здесь тоже есть веристы.

На губах у Фабии появилась озорная усмешка.

— Мне их заранее жаль.

Ингельд ворвалась во дворец подобно разлившейся реке. Она призвала к себе командира фланга королевской стражи; приказала принести два золотых слитка; поручила Фабию нежным заботам Сансайи, и та сразу же ее увела, радостно болтая на флоренгианском. Затем Ингельд выяснила, что Салтайе предоставили роскошные покои, где она закрылась с Хорольдом и никому не мешает; убедилась, что приготовления к пиршеству в полном разгаре, и что мясо уже почти зажарено; добавила Тода в список почетных гостей и заодно решила дюжину других проблем.

Наконец она добралась до своих покоев. Ингельд бросила несколько поленьев на тлеющие угли жаровни и принялась расхаживать вокруг нее, обдумывая подробности побега. Свидетельниц ей обмануть не удастся, однако они никогда ни о чем не сообщают сами. А когда Хорольд начнет задавать вопросы, она будет уже далеко.

Двое юношей стояли на коленях у входа, каждый сжимал в руке золоченый жезл.

— Войдите.

Она успокаивающе улыбнулась.

Ингельд не знала ни того, ни другого; оба были взмокшие и грязные, так что не оставалось сомнений в том, что они усердно работали — впрочем, иначе сегодня и быть не могло; она призвала сразу двоих. Кроме того, два жезла означали, что послание имеет государственную важность.

— Вы оба отправитесь к Высшему Жрецу Нракфину, — сказала она. — Позаботьтесь о том, чтобы присутствовали и другие жрецы, понятно?

Оба кивнули, а тот, что повыше, слегка улыбнулся, давая понять: нет нужны объяснять дважды. Подчиненные Нракфина непременно выполнят ее просьбу.

— Скажите ему: нимфа священного Эриандера, известная под именем Хидди, живущая на улице Лессер в Силверсмите, нанесла серьезное оскорбление священной Веслих. Женщину необходимо провести в одеждах кающейся в святилище Покаяния. Наш гнев падет на головы тех, кто попытается этому воспрепятствовать. Повторите.

Они повторили, наблюдая за губами друг друга.

— Хорошо. Можете идти.

Гонцы не просто ушли — умчались. Ингельд уже лет десять не грозила никому ссылкой, и старый Нракфин будет в недоумении.

Следующим явился командир фланга Гатлаг, широкая улыбка которого демонстрировала почти полное отсутствие зубов. Он кланялся, как и положено веристу — до поездки с Бенардом за город он не мог согнуть спину.

— Вы посылали за мной, миледи?

— Да, вожак стаи, — обратилась она к нему по званию, которое он имел до появления Хорольда. — Хочу попросить тебя об одолжении.

— Все, что пожелаете.

— Оно будет немного похоже на мою предыдущую просьбу. Сегодня приведут заложников, и мне хотелось бы встретиться с ними наедине.

Лишь один заложник обязан был докладываться в караулку; старик сразу понял, что она имеет в виду, и радостно ухмыльнулся. Несомненно, он поможет ей бежать. И дело было не только в его верности Ингельд; он всегда хорошо относился к Бенарду, а теперь испытывал к нему самые добрые чувства, поскольку Бена дал ему повод принять боевую форму, чтобы исцелить ревматизм. Конечно, из уст заложника рассказ о тех событиях звучал иначе, но сейчас Гатлаг выглядел на десять лет моложе, чем до неудавшегося побега Бенарда. Он даже бросил пить.

— Будет исполнено, миледи. Я как раз собирался прогуляться до храма. — Вожак стаи имел в виду, что там он сумеет поговорить с Бенардом наедине.

Они обменялись еще несколькими незначительными фразами, и верист ушел. Гатлаг сыграет свою роль; прошлой ночью Ингельд выдала Бенарду мешок серебра на расходы. Она надеялась, что Бенард не успеет потратить его до того, как появится Гатлаг.

Теперь нужно снова заняться приготовлениями к пиру — ее уже ждало множество людей с самыми разными вопросами.

Повседневное платье Дочери, которое носила Ингельд, было роскошным, однако праздничное одеяние являлось настоящим сокровищем. Его украшали янтарь, кораллы, топазы, рубины, сердолик, яшма и гранаты. Она не могла сесть в этом наряде, и он почти полностью заполнял маленькую комнату, а головной убор на свету вспыхивал красным и золотым — в нем удавалось пройти далеко не во все двери. Ингельд уже давно привыкла терпеть неудобства и в награду получала благоговение, которое охватывало всех, кто видел ее в торжественном

наряде. К тому моменту, когда она была готова к пиру, в саду стемнело, а на небе появились алые закатные полосы.

Потом ей доложили, что два заложника из Селебры уже ждут ее в приемной. Ей также сообщили, что женщина в одежде кающейся доставлена в святилище Покаяния. Ингельд послала за Тене и Сансайей.

— В святилище ждет злобная распутная нимфа. Тене, позови Свидетельницу и писарей для суда. Мы проведем его быстро и вышлем ее из города. Сансайя, возьми три или четыре ученицы, не подпускай к ней мужчин. Покажи ей кандалы, хлысты, железо для клеймления и объясни, как ими пользуются. А потом приведи сюда... Пройдете по Большому коридору и Хрустальному двору...

Она указала путь, который должен был продемонстрировать Хидди дворец во всем его великолепии и богатстве. Она пройдет по залам с высокими потолками, увидит пестрые фрески и мозаики из самоцветов, мебель, украшенную золотом и слоновой костью, оловом и янтарем, редкие ткани и меха. Она минует пирующих, начавших трапезу с мяса и фруктов, горами лежащих на золотых и серебряных подносах; груды рыбы и бобов, фиников, персиков, множество самых разнообразных сыров, домашней птицы; реки пива, приправленного медом; вина, охлажденные в дворцовых подвалах, и огромное множество слуг. Она увидит танцоров и жонглеров, услышит игру музыкантов и смех разодетых аристократов, удобно устроившихся на ложах. «И если этого будет недостаточно, — думала Ингельд, — значит, я в ней ошиблась». Сансайя с недоумением посмотрела на свою госпожу, но молча ушла исполнять приказ.

Ингельд позвала Бенарда с Фабией и подбросила дров в жаровню.

Первой вошла Фабия, и Ингельд убедилась, что вынесла чересчур поспешное суждение о девушке, которая много дней провела на реке, оставшись без единой служанки. Нет, она не

стала грациозной, но ее красота была глубже, чем обычное сияние молодости. Удивительно, что камердинер выбрал для нее одежду темных тонов, темно-синее платье с пурпурными вставками, придававшее ей особую таинственность. Простые линии делали Фабию выше и стройнее. Особенность косордской одежды состояла в том, что на праздники мужчины закрывали грудь, а женщины носили открытые платья. Декольте Фабии шокировало бы общество Скьяра, но ее фигура очень подходила для такого наряда — поражала лишь уверенность, с которой Фабия его носила. Черные локоны украшали аметисты.

Бенард в сине-зеленом праздничном плаще и венке из роз был настоящей девичьей мечтой, являя удивительный контраст со своим обычным неряшливым видом. «Интересно, моделью для какого бога он мог бы послужить», — подумала Ингельд и в конце концов остановила выбор на священном Демерне. Только Законодатель может быть настолько упрям.

Бенард не сводил глаз с только что обретенной сестры, однако, увидев Ингельд во всем великолепии ее наряда, тут же пришел в себя и опустился на одно колено. Фабия успела его опередить.

— Встаньте, встаньте! — сказала Ингельд. — Это семейный совет, а не храмовая церемония. Фабия, ты выглядишь восхитительно! У пира теперь есть королева. Ты гордишься своей сестрой, Бенард? Для какой богини она могла бы позировать?

Он нахмурился и еще раз посмотрел на Фабию. Она не отвела таинственных прекрасных глаз.

— Я... не знаю, — пробормотал он. — Быть может, для Храды?

Слова Бенарда позабавили Фабию.

— Я? С веретеном и иголкой? Или, может, с резцом скульптора?

Он покачал головой и ничего не ответил, продолжая хмуриться.

— Подойди сюда, дорогая, — сказала Ингельд. — Это Катрат.

— Да, похоже, — прорычал из-за их спин Бенард. — Если не считать того, что на самом деле уши у него, как два кочана капусты, нос кривой, а зубы...

— Прекрати, Бенард!

Фабия сделала несколько вежливых замечаний относительно мускулов, но так и не признала, что Катрат имеет к ней какое-то отношение.

Ингельд поведала Фабии об остальных портретах — ее родителей и близнецов. Потом она указала на фриз со Светлыми — Сьену с винным кувшином, Налу, утешающую ребенка, и остальных.

— Это работы Бенарда. Твой брат очень талантлив... Что случилось?

Девушка ужасно побледнела.

— Ничего... ничего страшного... А разве это не лорд крови Стралг, миледи?

— Не слишком похож, — заметил Бенард. — Я едва его помню.

— Он так похож, что мне порой снятся кошмары, — возразила Ингельд.

— Но ты была совсем маленькой, ты не можешь помнить, — сказал он сестре. — И как...

— Салтайя однажды показала мне его портрет, — торопливо ответила взволнованная Фабия. — В Скьяре. Он же брат вашего мужа, миледи! Наверное, он достоин священного Веру... А это вы — как священная Веслих, естественно! О, замечательно! А кто остальные, Бенард?

На его лице вновь появилась улыбка.

— Для большинства моделями послужили сразу несколько человек. Ты можешь узнать еще кого-нибудь?

— Нет. А должна?

— Священная Нала — наша мать. Теперь понимаешь, как я тебя узнал? А вот это Демерн — папа. Между ними нет полного сходства, я основывался лишь на детских воспоминаниях, да и краски использовал вигелианские, а не флоренгианские.

— Ты удивительный мастер! Я горжусь своим братом. Нарисуешь для меня Дантио и Орландо?

Бенард помрачнел.

— Я никогда не думал о Дантио. А Орландо был таким маленьким, что мои воспоминания ничего не стоят. Сейчас он уже взрослый мужчина.

Фабия быстро пришла в себя, но Ингельд была уверена, что ее напугал вовсе не Стралг. Фабия смотрела в сторону Налы, и, хотя мастер-художник Бенард сумел увидеть сходство между картиной и девушкой, Ингельд заметила его только после того, как он об этом сказал. Однако Фабия не воскликнула: «Это я!» И если ее отобрали у матери в раннем детстве, как она могла запомнить ее лицо? И почему солгала сейчас? Очень странно! Да и сходства с лордом крови Стралгом она не заметила, хотя и бывала в Скьяре.

Ингельд уже пора было занять свое место на пире, а она еще не успела разобраться с Хидди.

— Бенард, я считаю, ты должен попросить у Салтайи разрешения сопровождать свою сестру в Трайфорс на свадьбу.

Он нахмурился. Он никогда не умел лгать и очень редко говорил неправду, но ему было необходимо скрывать их планы даже от Фабии.

— Мы знаем, как относится невеста к предстоящей свадьбе, — сказал он. — Никакой свадьбы не будет. Так зачем мне плыть в Трайфорс? Я слышал, это отвратительное место. — Никогда прежде Ингельд не видела, чтобы Бенард был так сильно похож на кирпичную стену. — И потом, мне необходимо закончить заказ. У меня есть обязательства перед учени-

ком. Ты можешь заполучить Селебру, сестра, я не против. Мои поздравления. Передавай маме привет.

Ингельд перехватила взгляд Фабии, и они одновременно скорчили гримасы. Ох уж эти мужчины!

— А папе, если он еще жив?

Бенард пожал плечами.

— Как хочешь. Ингельд опасается, что Хорольд меня убьет, если я останусь здесь, но в Трайфорсе ее сын меня точно прикончит.

Однако Фабия умела быть не менее упрямой. Она привыкла добиваться своего и в любую минуту могла потерять терпение.

— Какая несправедливость — после стольких лет разлуки обрести брата и тут же его потерять!

Ингельд ничего не оставалось, как поддержать ее.

— Она права, Бенард.

На его лице появилось еще более упрямое выражение.

— Я так не думаю. Ты предлагаешь мне избежать убийства, совершив самоубийство. Хорольд не тронет меня, пока я не закончу для него статую Катрата. И ты это знаешь. Пойдем, Фабия, я хочу показать тебе дворец. Вы позволите, миледи? Если это мой последний пир, то мне не хотелось бы его пропустить.

Ингельд кивнула, и он вышел рука об руку с сестрой.

Волоча ноги, точно огромная коричневая гусеница, нимфа вошла в покои Ингельд. Одеяние кающегося грешника, узкий мешок без рукавов, было верхом унижения. Оно оставляло открытой только верхнюю часть лица, не позволяло садиться или опускаться на колени, а лишь семенить. Хидди подталкивали вперед две крупных ученицы, вооруженных длинными вилками для поджаривания хлеба на огне.

Ингельд стояла на помосте в своем роскошном церемониальном одеянии, под аркой встала Свидетельница в белом балахоне, а ниже уселись, скрестив ноги, два писаря. Кроме того,

здесь присутствовали Тене и Сансайя, которым хотелось узнать, как следует проводить такие суды. Если все пойдет по плану, проблем возникнуть не должно.

— Свидетельница Мэйн! — начала Ингельд, — Я, правительница города, призвала нимфу Хидди ответить перед Светлыми на мое обвинение в злоупотреблении даром, полученным ею от священного Эриандера. Вы признаете этот суд?

— Да, — ответила Свидетельница.

— Присутствуют ли Светлые?

— Их образы здесь.

— Правильно ли названо имя обвиняемой?

— Да.

Теперь Ингельд обратила свое внимание на Хидди. Она увидела, что ее лицо покраснело от ярости, а глаза мечут молнии. Оставалось только надеяться, что Бенард объяснил ей, зачем нужен этот спектакль.

— Нимфа Хидди, — продолжала Ингельд, — ты почитаешь Эриандера у себя в доме, а не в храме, ты принимаешь дары, которые предназначены твоему богу. Я глубоко презираю тебя и таких, как ты. Ты извращаешь цели своего бога. Вместо того чтобы дарить людям Его радость, ты мучаешь мужчин неутоленными желаниями. Ту силу, которую Он дает тебе для защиты, ты используешь для порабощения. Я потеряла счет женам, которые приходили ко мне в слезах из-за того, что их мужья отдавали все шлюхам вроде тебя, в результате чего их детей продавали в рабство, дабы они могли расплатиться с долгами. За прошедший год по меньшей мере три женщины указали именно на тебя. Ты отрицаешь эти обвинения?

— Ложь! — закричала Хидди.

— Свидетельница?

— Она виновна.

— Тогда я могу зачитать приговор. Нимфа, ты готова просить о снисхождении?

— *Сука!* — закричала Хидди.

Все вокруг застонали от ужаса. Если Хидди играла, то делала это превосходно.

— Я свет Веслих, мое величие затмевает тебя, потаскуха. Я приговариваю нимфу Хидди к конфискации всего ее имущества и шестидесяти ударам кнута из бычьей кожи, а также высылке из города, живой или мертвой.

Хидди пробурчала что-то невнятное, но не раскаялась.

Ингельд подождала, когда писари запишут ее слова.

— Мы можем частично тебя помиловать, если ты назовешь имена своих жертв и обратишься к Эриандеру с просьбой освободить их из твоих силков.

— И какую именно часть наказания отменят?

— Тут все зависит от того, насколько искренне ты будешь каяться. — Ингельд кивнула писарям. — Мы не станем записывать имена невинных мужчин. Вы можете идти. А вы, Тене и Сансайя, пожалуйста, останьтесь.

Как только дверь за писарями закрылась, Ингельд улыбнулась и спустилась с возвышения.

— Надеюсь, я не напугала тебя, Хидди? Ты ведь понимаешь, что у меня не было другой возможности призвать тебя во дворец?

— Но вам это доставило удовольствие!

— А ты это заслужила. Сансайя, пожалуйста, помоги госпоже Хидди избавиться от отвратительного одеяния. Я приготовила для нее более подходящий наряд, он в шкафу. Кроме того, у меня есть сладкое вино.

Сансайя вытаращила глаза. Наверное, Свидетельница под своей вуалью была удивлена ничуть не меньше, поскольку большую часть плана Ингельд и Бенард обсудили в святилище, куда Свидетельницы не могли заглянуть. Хидди извлекли из мешка для кающихся и одели в платье из тончайшего шелка. Она оказалась гораздо юнее, чем предполагала Ингельд, однако служила моделью для одной богинь Бенарда.

Хидди уселась на стул цвета слоновой кости и приняла хрустальный бокал с вином. На ее лице появилось подозрительное выражение.

— И что теперь?

— Прежде всего, отпусти своих жертв, дабы Свидетельница могла сказать, что ты была искренна в своем обращении к богу. Эта комната освящена. Эриандер здесь.

Хидди посмотрела на фриз.

— Это работа Бенарда!

— Да, и если она устроила Высшего Жреца Нракфина, то сойдет и для тебя. А потом я освобожу тебя от остальных карательных мер — даже помогу сохранить нажитое, поскольку часть имущества ты получила честно. Переночевать сегодня можешь здесь. Я позабочусь о том, чтобы мой муж к тебе присоединился. Дальше ты и сама все знаешь. Желаю успеха.

На лице Хидди расцвела кошачья улыбка. Сансайя не сумела скрыть отвращения.

— Я делаю это только ради Бенарда! — заявила Хидди.

— Хочешь сказать, ты не примешь подарков от сатрапа?

Хидди пожала плечами.

— Ну, разве что один или два.

— Он опасен, Хидди. Будь очень осторожна, он видит в темноте, как летучая мышь. И помни, что у него есть свирепые единомышленники, которые наверняка попытаются его спасти.

— Мужчины! — презрительно фыркнула Хидди. — Животные. Прекрасное вино, Ингельд.

ГЛАВА 30

Хорольд Храгсон не раз попадал в суровые переделки, и хуже всего ему пришлось, когда он угодил в засаду, устроенную мятежниками возле Джазкры: тогда его атаковали четыре

боевых зверя одновременно. Это произошло вскоре после смерти близнецов, когда он немного потерял бдительность, и к тому моменту, когда его войска пришли к нему на выручку, он успел прикончить одного из нападавших, а остальные трое убили его самого — вернее, так решили его люди. Ему пришлось провести в боевой форме более суток, чтобы исцелить раны, но восстановиться полностью так и не удалось. С тех пор он перестал смотреть на себя в зеркало.

Второй неприятный случай, а также третий, четвертый, да и все остальные, были связаны с сестрой Салтайей. У него не осталось воспоминаний о родителях или о другой серьезной силе в его жизни, кроме Салтайи. Ужасная, как сам Веру, она никогда не угрожала просто так. И возраст ее не смягчил. Больше того, время было перед ней бессильно — за много лет она ничуть не изменилась. Конечно, до него доходили слухи, что она его мать, а не сестра, но он от них отмахивался. У старшего брата — Терека — имелись некоторые подозрения, однако Хорольд не слишком ему доверял. А вот в том, что Салтайя — Избранная, он практически не сомневался. Спросить ее об этом он не отважился бы и за шестьдесят жизней.

Мать или сестра, она всегда могла его запугать, если у нее возникало такое желание. Подобно кошмару наяву, она вошла в его личный дворик, уселась на мраморную стенку возле пруда и начала задавать безжалостные вопросы относительно подкреплений для Стралга. Поскольку Ингельд заранее предупредила Хорольда о ее прибытии, он приказал своим счетоводам подготовить ответы на вопросы, которые обычно задавала Салтайя, и даже потратил некоторые усилия, чтобы их запомнить, хотя цифры давались ему с трудом. Однако на сей раз она не стала интересоваться урожаем, налогами и болезнями, а сразу начала расспрашивать о количестве рекрутов, которые отправились из Косорда вверх по реке. Ну, как он мог это знать? Обычно они даже не появ-

лялись во дворце. Взяв штурмом храм Эриандера, на рассвете они отправлялись дальше.

Он призвал счетоводов с глиняными дощечками, но Салтайя напугала их до полусмерти. Позднее, когда дрожащих счетоводов отпустили, и они с Хорольдом остались вдвоем, Салтайя сообщила ему Правду такой, какой она ее видела.

— По меньшей мере шесть раз по шестьдесят воинов дезертировали за прошедший год. И это в лучшем случае. Реальные потери значительно больше.

— Во время подготовки потери неизбежны, — возразил он. — Мы используем дезертиров для примера, чтобы заставить остальных лучше работать.

Она одарила его взглядом, который он помнил с самого детства.

— Я говорю о посвященных, а не о мальчишках! Неужели они нашли способ снять ошейник и выжить? А если нет, то куда они убегают?

— Возможно, никуда. Остаются здесь. Любой правитель будет рад иметь войско, о размерах которого нам ничего не известно.

— Ты был умнее, когда у тебя еще не выпали молочные зубы. Послушай еще раз и попытайся понять. Либо одиннадцать из двенадцати правителей стали вдруг задерживать у себя значительно больше воинов, чем прежде — и тогда нужно признать, что готовится восстание на всей Грани — либо двадцать пять из каждых шестидесяти новых рекрутов, направляющихся в Трайфорс, исчезают по дороге туда. Или правда и то, и другое, — добавила она, нахмурившись. — Складывается впечатление, что главная утечка происходит именно здесь, когда воины уплывают вверх по реке.

— Большая часть рекрутов — это отбросы, вот в чем беда.

— Так было и прежде. Но потери среди старших выше, чем среди молодых. Как по-твоему, почему я прибыла с эскортом из молокососов?

— Ты опасалась, что веристы постарше устроят мятеж по дороге!

— На тебя снизошло озарение? Да. И все же я хочу, чтобы в Трайфорс и обратно меня сопровождал взрослый воин — здесь у него должна остаться семья, дабы не возникло искушения дезертировать. Позови свою прорицательницу.

Сатрап послушно встал, и, словно паж, отправился выполнять ее приказ. Его захватила мысль о лодке, полной веристов, пытающихся вышвырнуть Салтайю за борт — на кого бы он поставил? Будь он Катратом, отправляющимся на флоренгианскую бойню, он наверняка бы дезертировал, но парню не будет грозить опасность, когда он станет тираном Селебры, к тому же, он заполучил в жены эту фигуристую штучку, как-там-ее-зовут.

Во двор приковыляла Свидетельница, похожая на подушку с ногами. Он знал эту толстуху. Она жила во дворце несколько лет, и обычно Хорольду ужасно не нравилось, когда на его зов приходила она, поскольку вытащить из нее полезную информацию было ничуть не легче, чем яйца из-под гусака. Интересно, как справится с этой задачей Королева Теней? Салтайя принялась выплевать вопросы; от него требовалось лишь подтверждать, что каждый требует ответа.

Несмотря на то, что допрашивала ее Салтайя, толстая прорицательница умудрялась давать совсем немного внятных ответов. Если рекруты и ускользают, то это происходит вдали от Косорда.

— Где находится Хорт Вигсон? — наконец спросила Салтайя.

— Кто? М-м, отвечай на вопрос.

— Хорт Вигсон — это приемный отец Фабии Селебр. В данный момент я его не вижу.

— А Фабия Селебр?

— Отвечай.

— Она в Зале Соколов вместе со своим братом.

— Уходи! — прорычала Салтайя, и толстуха молча повиновалась.

— Солнце почти село! — Хорольд попытался скрыть облегчение. — Пора возглавить пир.

— Подожди. Что думаешь о ее братце? — осведомилась Салтайя. — Он способен управлять городом?

Хорольд разразился громким смехом, который мог бы распугать всех рыб в реке.

— Бенард? Он тут же начнет все ломать, чтобы сделать лучше. Он же *Рука!*

— А приказы как исполняет?

— Раньше у него это получалось неважно. Если он их и слышит, то тут же забывает. Выходит, заложник тебе больше не нужен?

Салтайя бросила на него пристальный взгляд.

— Почему ты его так невзлюбил?

— По личным причинам. — Если она начнет расспрашивать во дворце, ей расскажут про Катрата. Вряд ли кто-то вспомнит о делах любовных.

— Понятно. Иди сюда.

Хорольда вдруг охватил такой ужас, что мех на спине встал дыбом.

— Зачем? — резко спросил он, поднимаясь.

И чего он так испугался? Салтайя — всего лишь старуха, которая любит командовать; при желании он одной рукой свернет ей шею. Так почему же он послушно встал, почему сердце у него замирает от ужаса, а колени дрожат? Неужели все дело в смутных детских воспоминаниях? Или в том страшном дне в Джат-Ногуле? Почему он подчиняется ей, подходит все ближе, волоча ноги и дрожа, как до смерти перепуганный ребенок? Почему просто не пошлет ее к Темной с пожеланием там и остаться?

* * *

Хорольд смотрел на свой стул снизу вверх. Должно быть, он упал. Солнце успело сесть. На что ушло столько времени?

Салтайя стояла возле двери.

— Делай со своим художником что хочешь, но подожди, пока мы с девчонкой уедем.

Наконец-то! Хорольд удовлетворенно улыбнулся, предвкушая, как бросит Бенарда в подземную камеру с глухими стенами, не пропускающими звук. Они с Бенардом останутся наедине.

— Ты не пойдешь на пир? — спросил он без особой надежды.

Сестра лишь покачала головой. Она предпочитала интимные обеды в Скьяре и бесконечные, бессмысленные разговоры, а не веселые косордианские пиры, которые временами переходили в настоящие оргии. Как только Салтайя ушла, он приказал принести кувшин меда.

Опустошив его, Хорольд почувствовал себя лучше. Впереди его ждет пир, а потом он сможет четвертовать Бенарда Селебра! Есть чего ждать и чему радоваться. Она натянул чистое, пропитанное свежими ароматами одеяние и пошел выяснять, прибыла ли из храма торжественная процессия.

Пир начался в самых нижних дворах с восхвалений священного Укра и просьб к священному Сьену о благословении праздника. Большинство людей собралось на уровне улиц, где можно было довольствоваться тем, что проносили мимо. Более влиятельные горожане, получившие праздничные венки, имели право находиться в средних залах с длинными столами и скамейками. Здесь подавали холодную пищу, но пиво было лучше.

Самые сливки общества одаривали не только венками, но и праздничными одеждами; они проходили на более высокий, королевский уровень, где получали возможность развлечься на диванчиках, отведать деликатесов и выпить превосходного вина,

в то время как танцоры и музыканты развлекали гостей. Поскольку пир Укра, посвященный сбору урожая, продолжался четыре дня, на верхних уровнях имелись тускло освещенные боковые помещения, где пожилые гости могли поискать дары Налы и выспаться, чтобы восстановить силы. Здесь же почитали священного Эриандера.

Хорольд начал с самого верха, где наткнулся на девушку из Селебры. От одного взгляда на нее у любого мужчины потеплело бы в чреслах. Счастливец Катрат! Даже эта жалкая пародия на воина сумеет родить пару быков от такой грудастой телки!

— Тебе нравится пир, дочка?

— О да, милорд! Он совсем не похож на пиры в Скьяре.

— Надеюсь, так оно и есть. Проследи, чтобы она оставалась в светлых комнатах! — велел он ее провожатому. — Нам ни к чему сплетни.

А провожатым у нее был этот мерзкий художник, Бенард. Хорольд широко ему улыбнулся.

— Да и сам отдыхай вволю, мальчик.

А потом придет мой черед.

В конце концов он добрался до самых нижних уровней, где и обнаружил свою жену в огненных одеждах — как он сам их называл. Естественно, ее окружала толпа обожателей. Как всегда. Ему было бы намного сложнее управлять Косордом без поддержки наследственной правительницы, а двадцать пять лет назад это и вовсе казалось невозможным. Стралг хотел устроить грандиозную резню, чтобы подчинить город — он вознамерился уничтожить четверть всего населения. Однако, как только Ингельд дала согласие стать женой Хорольда, люди пошли за ней.

Она была красива и все еще желанна, хотя никто бы об этом не догадался, когда она надевала свой дурацкий праздничный наряд. Хорольд двинулся к ней, и при его появлении толпа вокруг Ингельд заметно поредела.

— Пойдем, жена. Мы и так потратили здесь слишком много времени. Пора приветствовать более важных людей.

Она согласилась без особой радости.

— Мне надо идти, друзья. Попозже я вернусь. Пожалуйста, веселитесь и празднуйте... Идемте, милорд.

Когда они зашагали по коридору вместе, Ингельд сказала:

— Прежде ты не был таким грубым. Ты же знаешь, с богатыми управиться совсем не трудно. А вот если восстанут бедные, тебе конец.

— Да, но через гору их трупов.

Она мельком на него взглянула. Когда-то ее голова находилась на уровне его плеча; теперь она едва доставала ему до локтя.

— Теперь это не так очевидно, но... Ты стал много пить, не так ли?

— Моему большому телу всего нужно больше.

— Только не сегодня! — отрезала она. — У нас гости, по меньшей мере шестьдесят раз по шестьдесят гостей.

Он засмеялся.

— Я сказал «каждую ночь», значит, каждую ночь и буду приходить. К тому же надо отыграться за вчерашнюю.

— Ты много лет с презрением меня отвергал. Почему теперь так торопишься?

— Надо многое успеть.

Он верил во все эти истории о том, как закаленные в сражениях веристы убивают женщин, которые рожают им чудовищ, однако щенок рабыни уродился нормальным. Разве что вынашивала его она значительно дольше — несколько раз по тридцать дней. В следующий раз и этой ошибки можно избежать.

— Я ни на что не гожусь в этом платье.

— Ты же не до самого рассвета будешь в нем. Обычно ты снимаешь его раньше.

Она вздохнула и взяла его за руку.

— Хорошо. Когда я вернусь в свои покои, чтобы переодеться, я тебе сообщу.

Ага! Он сразу вспомнил прежние дни.

— Привыкаешь помаленьку, м-м-м?

Он знал, что очень скоро она начнет получать удовольствие от этих ночных встреч.

ГЛАВА 31

Бенард Селебр никогда не оставался трезвым на пирах, однако в эту ночь ему была нужна ясная голова. К тому же надо повнимательней относиться к своей вновь обретенной сестре.

— Это место называется Залом Быков, — сказал он, остановившись у входа в огромное помещение, сумрачное и пустое. В былые времена он сопровождал сюда множество чужих сестер и обычно заставлял их пройти до самого конца. — Здесь собрано огромное количество старых статуй, поэтому это место популярно среди парочек, которые ищут уединения. Твоя репутация будет уничтожена, если мы пойдем дальше... — Он смущенно рассмеялся. — Я веду себя, как ревнивый муж, не так ли?

Он раз десять предупреждал Фабию, чтобы она не заходила в темные помещения. А сам бросал свирепые взгляды на подходивших к ним мужчин, в особенности на веристов.

— Я не умею быть братом.

Фабия рассмеялась.

— А у меня никогда не было брата. Это очень приятно.

Бенарду нравилась ее улыбка. Она не слишком часто появлялась на лице Фабии, но он всякий раз радовался, видя, как его сестра улыбается. Фабия не была капризной или взбалмошной. Очень серьезная, крепко держащаяся на ногах юная леди,

знающая, чего хочет. Он оценил твердость, с которой она заявила, что никогда не выйдет замуж за вериста.

Они продолжали путешествие по дворцу. Фабию потрясла непринужденность косордиан; особенно она удивилась, когда Бенард одновременно познакомил ее с почетными гостями и их слугами — все они были его друзьями, от Высшего Жреца Нракфина до плотника Нильса.

— Я — особый случай, — признался он. — Лишь немногим людям моего положения удается стать членом гильдии художников.

— Но ведь дело тут не в гильдии, верно? Только член культа способен создать такие шедевры.

— Не я их создаю. Это делает Анзиэль. А я всего лишь Ее Рука.

Им так много нужно было обсудить! Конечно, он спрашивал ее о детстве, но теперь это уже не имело для них большого значения. Она поинтересовалась, за что он так невзлюбил Катрата Хорольдсона.

— Если коротко, единственное оправдание Катрата состоит в том, что ему не хватает лицемерия, чтобы искать себе оправдания. Он лживый, вороватый, жестокий, сластолюбивый, богохульный, наглый, отвратительный хвастун. А еще он ковыряет в носу.

Ее глаза округлились, словно лесные пруды, проступившие сквозь листву.

— Нет! Сразу в обеих ноздрях? Мне кажется, ты обязан защитить меня от такого ужасного брака!

— Не требуй от меня невозможного! Если даже твой приемный отец укрист не в силах помочь, то что может сделать голодающий скульптор?

Они поднялись на крышу, пройдя мимо священного пламени в куполе, и любовались бесконечностью звезд, сравнивая названия созвездий, принятые в Скьяре и Косорде. Бенард сго-

ворился встретиться с Ингельд, когда над головой окажется Вуаль Храды. У них еще много времени.

— Брат, — тихо проговорила Фабия. — Мне очень хочется... я понимаю, об этом больно говорить, но мне бы очень хотелось узнать, что произошло в Селебре много лет назад. Почему Стралг забрал всех четверых?

Она спрашивала его о детских кошмарах.

— Потому что он верист и правит при помощи ужаса, — ответил Бенард. — Он стирал с лица земли каждый город, который оказывал ему сопротивление, и не трогал те, что сдавались на милость победителя. Селебра была очень богата, но отец не мог ее защитить. Он получил распоряжение выйти из города и привести всю свою семью. Стралг заставил его принести клятву верности, а потом заявил, что возьмет нас всех в заложники. Тогда отец процитировал божественный закон о детях, которым еще не исполнилось десяти лет. Стралг заявил, что его бог — Веру, а не Демерн. Отец сказал, что грудной ребенок должен остаться с матерью. И Стралг забрал с собой нашу мать. Это также было нарушением закона.

Он подождал, что ответит Фабия, но та молча ждала продолжения. Ее лицо в свете огня превратилось в белую маску.

— В итоге вы с мамой отправились вместе с нами, но тем же вечером нас разделили, и Дантио пришлось присматривать за Орландо и за мной. Я больше ни разу не видел мамы — пока сегодня утром не встретил тебя. — Он рассмеялся. — Как это было здорово — вновь обрести тебя после стольких лет разлуки!

— А Стралг хотел заполучить меня или маму?

— Маму, наверное. Она была красивой женщиной.

— Но она уже родила четверых.

Бенард пожал плечами.

— Может быть, он просто хотел изнасиловать жену врага, чтобы еще раз почувствовать себя победителем. У веристов секс

и насилие неразделимы. — Как у Катрата и Хидди. Да еще этот монстр Хорольд каждую ночь насилует Ингельд! — Я ни разу не слышал, чтобы маму взяли сюда, в Вигелию. А нас троих повезли через Границу, и мы едва не погибли по дороге. Орландо остался в Трайфорсе; я здесь; Дантио отправили в Скьяр, и вскоре он там действительно умер.

— Как? Как он умер?

— Понятия не имею. А разве ты не спрашивала у Салтайи?

— Она сказала, это был несчастный случай, — ответила Фабия.

Бенард отряхнулся, как вышедший из воды пес.

— Мы же на пиру! Давай не будем о грустном.

Они спустились, и Бенард стал снова показывать ей дворец.

Она остановилась перед очередным темным коридором.

— А что там?

— Крысы и пауки. — Он смущенно рассмеялся. — Не спрашивай! Это место называется Старый Спуск, но внизу нет ничего, кроме подвала. У этого места дурная репутация.

— Как у Зала Быков?

— Хуже! Темные ритуалы, — пояснил он, понизив голос. — Не для честных людей.

Ребенком он несколько раз прятался здесь от Катрата и его приятелей, но только в самых крайних случаях.

— Страшные сказки, чтобы пугать детей?

— Нет, нечто большее, как мне кажется. Я видел... что-то вроде... движения теней. Держись отсюда подальше.

Именно здесь он должен встретиться с Ингельд; это, пожалуй, единственный уголок дворца, куда не забредают подвыпившие гуляки.

Он вывел Фабию во двор, чтобы познакомить с гостями. Они присели за какой-то столик и поели. Вскоре рядом появилась Ингельд, похожая на красно-золотой стог.

— Фабия, мне хочется показать свою будущую невестку кое-кому из гостей. Бенард, ты поговорил с Тодом?

— Пока нет.

— Не откладывай.

И она увела Фабию в толпу.

Тод был одет в оранжево-зеленый плащ с венком из желтых цветов — он наверняка хвастался им перед своими приятелями на нижних уровнях дворца. Но гончар Саггар сидел за столом главы гильдии, и Бенард решил сначала спросить у него.

Саггар был морщинистым маленьким человечком, отягощенным множеством детей и непроданных горшков. Его жена была гораздо крупнее, с уродливым ртом и злыми подозрительными глазами. Они беседовали с Сагрифом, мастером печатей.

Бенард похлопал гончара по плечу и присел рядом, чтобы начать переговоры.

— Мастер, я хочу сделать вам подарок.

Жена гончара сказала:

— Не следует говорить о делах во время пира.

— Речь идет о десяти мерах серебра высшего качества.

— Правда? — оживился мастер печатей, сидевший рядом. — А вы кто?

Как и его отец и дед, Сагриф ничего не видел дальше своего носа, что не мешало ему создавать чудесные произведения искусства, такие миниатюрные, что другим было трудно оценить их по достоинству.

— Это очень щедро с вашей стороны, мастер-художник, — сказал Саггар. — Но чем я смогу вас отблагодарить?

— Вы знаете моего ученика Тода...

— Хороший парень, — кивнул гончар, а его жена еще сильнее поджала губы.

— Да, — продолжал Бенард. — Он очень увлеченный, многое умеет и охотно учится. Однако мне думается, что он

будет куда лучше служить Храде, чем моей леди Анзиэль. И он влюблен в вашу дочь, прелестную Тилию. Мне пришло в голову, что вы могли бы взять Тода в ученики в качестве будущего мужа Тилии.

— Всего десять мер серебра?! — рявкнула мать Тилии. — Мы отклоняли предложения и...

— Помолчи! — резко оборвал ее муж, чем явно ее удивил. — Ваш дар чрезвычайно щедр, Бенард! Он слишком велик! Конечно, Тилии исполнится четырнадцать лишь в следующем году, но ей нравится Тод. А он согласен?

— Не сомневаюсь. У меня не было времени с ним это обсудить. Вот серебро. Я знаю, что вы честный человек. Более того, вот еще две меры для свадебного подарка. Я очень тороплюсь. Пожалуйста, ближайшие дни сохраните наш договор в тайне. И передайте им обоим мои наилучшие пожелания, ладно? Благодарю вас, мастер, госпожа... двенадцать благословений...

Оставив их сидеть с разинутыми ртами, Бенард быстро удалился.

— Двенадцать мер серебра? — воскликнул Сагриф. — Да еще и дочку замуж выдали?! Кто это был? Мне он понадобится.

Бенард перестал высматривать в толпе Тода. Звезды двигались медленнее, чем растут ногти. Быть может, сатрап уже отправился на поиски жены? Сумеет ли Ингельд незаметно ускользнуть от него? А что, если Гатлаг не сможет найти лодку? Салтайя Храгсдор находилась во дворце — вроде бы отдыхала, но от нее в любом случае исходила опасность. Фабия куда-то исчезла.

— Мастер-художник Бенард?

Он взглянул в усталые глаза высокого подростка.

— Лучше бы ты не рос так быстро, Кив. Это вредно для здоровья.

Паж усмехнулся.

— Я бы и сам рад! Бена, меня просили передать, чтобы ты зашел в Зал Быков, там тебя ждет нечто важное.

— Кто это сказал?

— Просили не говорить.

Бенард кивком отпустил мальчика, рассеянно смяв в руке пустой жестяной стаканчик. Сейчас ему ни к чему неожиданные встречи, к тому же он не замечал никаких намеков на предполагаемое свидание. Однако послание могло быть от Ингельд или Гатлага, и он решил отправиться на разведку.

Огромное сумрачное помещение казалось необитаемым, и до Бенарда не доносилось никаких подозрительных звуков. Он прошел около трети всего зала, когда из теней услышал собственное имя. В алькове между двумя огромными крылатыми быками стояла в таинственных белых одеяниях Свидетельница Мэйн. Естественно, она пряла.

Он не стал подходить ближе.

— Откуда мне знать, что вы настоящая?

— Бесформенный кусочек металла в твоем кулаке еще недавно был стаканом. Этого достаточно?

— Нет. — Он спрятал другую руку за спину. — Сколько пальцев я выставил?

— Три. А теперь четыре.

— Вы прорицательница. Прорицательницы служат сатрапу. Я вам не верю.

— Мы служим вынужденно. Меня зовут Вуаль.

Бенарду стало не по себе.

— Что вам от меня надо?

— Хочу тебя предупредить. Сегодня Салтайя Храгсдор дала своему брату разрешение тебя убить.

«Время пришло!» Бенарду показалось, что его ударили тяжелой доской.

— И он это сделает?

— О да! Всякий раз, когда сатрап тебя видит, его жажда крови эхом разносится по дворцу.

— Отличная метафора. И что же мне делать?

Она опустила веретено до самого пола и подняла, чтобы обернуть вокруг него законченную нить.

— Вы должны сделать именно то, что собрались — вместе с леди. Только постарайтесь не ошибиться.

— Шпионка! — Бенард развернулся, чтобы уйти, но потом передумал. — Как Хидди? — У него были ужасные видения: разъяренный Хорольд ломает ей шею.

— Хидди все еще поджидает сатрапа, но сатрап думает, будто его ждет жена, и торопится в ее спальню, насколько ему позволяет выпитое. Будь он трезв, у него были бы какие-то шансы. А так... ну, если хочешь рискнуть, то я бы поставила десять быков на Хидди против кроличьей шкурки на Хорольда. — Свидетельница вновь закрутила веретено, пропуская нить с ручной прялки.

— Благодарю вас, — сказал Бенард. Вот и хорошо. — Двенадцать благословений...

— Подожди! Вам следует бежать по течению. Течение поможет опередить боевых зверей Хорольда, к тому же вы попадете в более населенные места, где беглецы могут спрятаться среди леса людей. А если вы двинетесь против течения, то попадете в тупик, к тому же там вы можете столкнуться с Салтайей и Катратом.

— Вы намекаете, что Хорольду все это известно, и нам лучше плыть против течения?

Пророчица рассмеялась.

— Если ты так думаешь, значит, вам следует устроить двойной блеф, и все равно плыть по течению.

— Хорольд достаточно хитер, чтобы разгадать такой план! — сердито сказал Бенард, чувствуя в словах пророчицы насмешку. — Я не стану говорить, куда мы поплы-

вем! — Он решил бросить жребий и предоставить решение священному Сьену. Сатрап пошлет свои войска туда, куда ему укажут прорицательницы!

Когда Бенард вновь собрался уходить, она опять его остановила.

— Подожди!

— Что еще?

— *Известно*, что сейчас я единственная Свидетельница в Косорде, чье зрение распространяется через реку. И я уплываю.

— И что же?

— А из этого следует, что когда Хорольд узнает о вашем исчезновении, он спросит: «Куда они поплыли?», а не «Куда они направляются?» Ты понял?

Она имела в виду, что им следует сначала поплыть в одном направлении, а потом повернуть обратно. Бенард кивнул в темноте. Почему эта женщина кажется ему такой отталкивающей?

— Командир фланга Гатлаг, — добавила она, — нанял «Укра Благословенного», очень быструю лодку с умелой командой. Если вы доплывете до «Шестидесяти Путей» в Трайфорсе и спросите Радость Опия, то найдете друзей, которые вам помогут.

— *Друзей?* Друзей против банды Храга?

— Именно против банды Храга. Скажешь, что вас прислала Вуаль. И пусть священный Сьену подарит тебе и твоей леди удачу.

Если это ловушка, то почему бы прорицательнице просто не доложить Хорольду, что его жена и ее любовник сговорились бежать? Или не сообщить все Салтайе? Сбитый с толку Бенард сумел лишь попрощаться:

— Благодарю вас. Мы обдумаем ваши слова.

ГЛАВА 32

Фабия Селебр вскоре устала от толстых старух, образующих верхнюю прослойку косордского общества, а те и вовсе не проявили к ней интереса. Фабия не поняла, зачем Ингельд привела ее сюда, хотя у нее и возникли некоторые подозрения. Когда началась оживленная беседа о возмутительно высоких ценах на рабов, Фабия незаметно соткала вуаль, как ее научила Древнейшая. Женщины вскоре потеряли ее из виду, и она тихо вышла.

Ей хотелось кое-что выяснить. Место, которое Бенард назвал Старым Спуском, манило Фабию. Он намекнул, что там ей могут встретиться опасности посерьезнее, чем охваченные любовным пылом пьянчуги, однако она была уверена, что справится с ними; теперь сверхъестественное не наводило на нее страх.

Следы колес на выложенном плиткой полу говорили о том, что жутковатый проход использовали как дорогу для колесниц, а грандиозный барельеф означал, что прежде здесь мог находиться главный вход во дворец. На дне длинного спуска Фабия обнаружила темный склеп, откуда несло сыростью и разложением. Ее не тревожило отсутствие света, хотя она и захватила с собой светильник. Тишину нарушал лишь монотонный стук капель, а эхо подсказывало Фабии, что здесь очень высокие потолки.

Теперь уже было трудно представить, что тут находилось в прошлом, поскольку все скрывали новые постройки, а между древними кирпичными колоннами накопились груды мусора. Нет, не только мусора. Знакомый привкус тайны и постоянная капель вызвали к жизни приветственные шепоты. Это был косордианский вариант тайного грота под Пантеоном Скьяра, о существовании которого не принято говорить, но многие знают, что там проводятся хтонические ритуалы.

«Интересно, насколько надежен потолок», — подумала Фабия, ведь деревянные балки и кирпичные колонны посте-

пенно разрушаются под воздействием влаги. И что она будет делать, если наткнется здесь на Салтайю? Тем не менее чутье подсказывало ей, что это храм Ксаран, а потому она решила отыскать алтарь и вознести богине молитву.

Даже Избранной необходимо соблюдать осторожность при ходьбе по такой неровной поверхности в темноте. Она успела пройти совсем немного — мимо старых, развалившихся колесниц — когда возле ее ног возникло слабое свечение. Она спряталась за спиральную колонну и сделала свою вуаль более плотной. По спуску шла флоренгианская заложница Сансайя, держа в одной руке маленькую масляную лампу и какой-то сверток в другой. Она немного помедлила перед входом в склеп, огляделась по сторонам, а затем осторожно отошла в сторону, чтобы ее нельзя было разглядеть из соседнего помещения. Потом Сансайя встала спиной к стене, продолжая держать перед собой зажженную лампу — очевидно, она боялась темноты.

Время тянулось медленно, но Избранная умела ждать.

Наконец в проходе появилась другая лампа. Это была леди Ингельд в своих роскошных одеяниях. Она торопливо шла вниз, тяжелая одежда заставляла ее спешить, она почти бежала. Никто не может служить двум богам, и жрицы огня не могли почитать Темную богиню. Так зачем же они пришли в склеп во время пира?

— Какие новости? — нетерпеливо спросила Ингельд.

— Он вошел и закрыл за собой дверь, миледи. В комнате он находился достаточно долго, чтобы совершить обычный акт поклонения... так долго, что мог начать размышлять о следующем, миледи, если б не был пьян.

Ингельд рассмеялась.

— Хвала этому богу! А теперь давай быстрей, не то... ну, честно говоря, если он меня и увидит, это уже не имеет значения.

Фабия мало что поняла из их разговора, с недоумением наблюдая, как Сансайя помогает Ингельд избавиться от ее роскошного одеяния. Вполне разумное действие в такое время ночи,

ведь тяжелый наряд измотает кого угодно, но снимать его в столь неприятном месте? Все это придавало происходящему подозрительный оттенок. Ингельд разделась, а потом быстро облачилась в одежду из свертка Сансайи. Сверху она накинула темный плащ с капюшоном.

И в этот момент, словно получив подсказку, по спуску сбежал крепкий молодой человек с зажженным факелом в руках. Он отбросил его на влажный пол, чтобы обнять Ингельд обеими руками. Объятие получилось долгим.

Очень долгим.

Как откровенно! Сансайя заметно смутилась и старалась не смотреть в сторону госпожи, но Фабия вознесла беззвучную благодарственную молитву своей покровительнице за то, что она показала ей скандальное поведение Ингельд. Интересно, сколько времени ее сумасшедший братец обманывает сатрапа? Теперь Фабия поняла, чем вызвано такое поведение Бенарда у него во дворе; только любовники могут позволить себе говорить так яростно. Абсурд. Ингельд ему в матери годится.

— Я могу идти, миледи? — поспешно спросила Сансайя, когда любовники разомкнули объятия.

— Конечно! — Ингельд обняла девушку. — Спасибо тебе за помощь, милая. Я оставляю город в надежных руках.

Бенард тоже обнял Сансайю, и она начала торопливо подниматься вверх, а любовники вновь принялись целоваться. Даже Фабии стало не по себе. Неужели и она когда-нибудь будет так сходить с ума из-за мужчины?

— Любимый, нам пора, — сказала Ингельд. — Гатлаг нанял лодку. Она ждет нас у Ступеней Свечника.

— Я слышал о лодке — «Укр благословенный». — Голос Бенарда эхом прокатился по склепу. — Свидетельница по имени Вуаль вмешалась в наши дела, любовь моя. Она дала мне довольно странный совет. Неужели Вуаль — обычное имя для мэйнистки?

Или Вуаль — это название какого-то общества?

— Не припоминаю, чтобы Свидетельницам вообще давали имена...

Голоса постепенно стихли — парочка поднималась вверх. В святилище Ксаран вновь стало темно, и Фабия услышала звон падающих капель воды.

И что ей теперь делать с этим открытием? Она может выскользнуть из дворца и без особых трудностей найти Ступени Свечника, но об ее исчезновении сразу узнает Салтайя. И что будет с Хортом? Нет, надо выждать.

Любовники не сказали, куда поплывет «Укр Благословенный» — вверх или вниз по течению.

Фабия пожелала брату удачи. Она не могла молиться Сьену, но слова, обращенные к Ксаран, не помешают — и к матери, которую Фабия видела только во сне. Память о ней сохранилась и благодаря удивительному искусству Бенарда. Отослали ли жену дожа назад, в дом мужа, где не осталось детей, или она погибла от несчастного случая, как ее старший сын?

Фабия отправилась на поиски алтаря, который должен был находиться где-то в святилище.

Когда сонная и раздраженная Фабия появилась на берегу реки в дворцовой колеснице, которой правил угрюмый настрианин, небо уже стало голубым. Складывалось впечатление, что возница забыл человеческую речь. Едва ли это можно было объяснить тем, что он слишком много выпил прошлой ночью, ведь для настрианина нет большего удовольствия, чем чистить конюшню. Ее стража, Снург и Эрн, трусили сзади.

Салтайя уже ждала ее, беседуя с похожим на волка веристом.

— А вот и девушка, командир охоты.

— Двенадцать благословений вам, миледи! — беспечно сказала Фабия.

Верист был большим и мрачным, а его лицо портили многочисленные шрамы. Он кивнул Фабии.

— Дараг Квирарлсон. К вашим услугам.

— Вы действительно готовы мне служить или просто любезничаете?

— Стараюсь быть вежливым, — ответил он, даже не потрудившись улыбнуться.

Очевидно, он заменил покойного Перага Хроттатсона. Что ж, хуже не будет. Веристы помоложе толпились позади, среди них Фабия заметила несколько знакомых лиц. Ей не требовались божественные откровения, чтобы понять: Салтайя изменила состав своего эскорта, и теперь мятежникам — если они вообще существовали — придется строить козни заново. Речной народ уже готовился к отплытию. Судя по жалобам и недовольным лицам, многие из них приняли активное участие во вчерашнем пиршестве.

— Жаль, что правитель и правительница города не пришли нас проводить! — легкомысленно сказала Фабия, размышляя о том, как далеко успели уплыть Ингельд и Бенард. И какое направление они выбрали.

Салтайя посмотрела на девушку так, что даже акула отвела бы взгляд, но теперь Фабия знала, что это запугивание на самом примитивном уровне, и ее взгляд вовсе не означает, будто Салтайя узнала о каких-то ее проступках, ведь она постоянно подозревала всех. На такие взгляды можно было не обращать внимания.

И тут произошло событие, которое ужасно испугало Фабию. Из тени выступил Хорт Вигсон — он кланялся, улыбался и всех приветствовал. Потом он принялся целовать свою приемную дочь.

Даже Королева Теней удивилась.

— Где ты был? — рявкнула она.

Он удивленно на нее посмотрел.

— Нигде, миледи. Гулял по Косорду. Должен признать, что священный Укр — мой покровитель, однако пир малопривлекателен для человека с таким плохим пищеварением, как у меня. Я предпочел встретиться со старыми друзьями. — Он сиял, словно глупый ребенок средних лет.

Хорт заморгал, глядя мимо Фабии, но его веки двигались с небольшим отставанием друг от друга, так что можно было подумать, будто он подмигивает.

Она его обняла.

— Как чудесно тебя видеть, отец! — Видимо, он вернулся обратно в плен исключительно ради Фабии, какими бы ни были его дальнейшие цели. — О отец, зря ты не присутствовал на пиру! Я познакомилась со своим братом Бенардом! Он прекрасный скульптор и такой симпатичный, любящий молодой человек! Удивительно, что он не пришел сегодня, наверное, дело в празднике... Жаль, что я не смогу проводить с ним и с замечательной леди Ингельд больше времени, чтобы получше их узнать...

И все же Фабия многое узнала о Бенарде Селебре. Даже Избранная не в силах присматривать за своими, если у них ветер в голове. В Трайфорсе ее ждет второй брат. Быть может, он окажется разумнее.

— Пойди-ка поторопи речной народ, командир охоты, — проворчала Салтайя. — Пора отплывать.

ЧАСТЬ III

ОСЕНЬ

ГЛАВА 33

Командир охоты Хет правил Нардалборгом в течение многих лет и инициировал для отца столько Героев, что ему и думать об этом не хотелось. При любой подвернувшейся возможности он изобретал свои способы их проведения.

Не все в жизни должно превращаться в торжественный ритуал и тяжелую работу до кровавого пота. Теперь кандидатам в течение двух дней позволяли отдыхать и отъедаться, чтобы подготовиться к испытанию на Стойкость духа — так им говорили. Каждый верист в Нардалборге прошел через такой розыгрыш, и когда кто-то из молодняка его упоминал, старшие морщились и со зловещим видом качали головой. Некоторые придумывали ужасные страсти, но юнцы ни о чем не догадывались. После того, что им довелось перенести, возможным казалось все. Мрачной ночью, когда их созвал бой барабанов, двенадцать юных воинов, готовясь к худшему, собрались возле входа в часовню и удивленно уставились на раба, открывшего им дверь.

— Если господа будут добры... — Хет отступил в сторону и низко поклонился. — Мы самым нижайшим образом просим прощения у ваших светлостей, но в Нардалборге не так много достойных сидений. На настоящих пирах уважаемые господа

укладываются на ложе, однако никогда прежде в Нардалборге не бывало случая, чтобы весь фланг из двенадцати кадетов успешно прошел испытания. Если ваши светлости согласятся довольствоваться табуретами...

Над жаровней, под наводящим ужас изображением бога, танцевало пламя, но чуть дальше стоял стол, накрытый на двенадцать человек. На серебряных подносах было разложено жареное мясо, стояли кувшины со свежим пивом. Шесть слуг, одетые как рабы в верхних землях, — вожаки пяти стай и командир охоты. Юноши ошалело смотрели на командиров, а те принялись оглушительно хохотать; потом засмеялся и сам Хет, и только после этого не выдержали и начали смеяться кадеты. Всех охватило веселье.

Всех, кроме одного. Командир молодняка не смеялся. В его темных глазах сверкал гнев. Ему не понравилась шутка? Или он каким-то образом догадался, что ему грозит страшная опасность?

Где-то стучали ставни, и Хет отметил, что их нужно починить, но снаружи завывала вьюга — самая подходящая погода для веселья за крепкими стенами. Снег и гром — жуткое сочетание, характерное для Нардалборга, но винить Хету следовало только себя. Он сам назначил время для церемонии, и еще не было ни одного случая, чтобы в ночь инициации не разыгралась непогода. Сейчас все три громадных обоза отчаянно накапливали запасы для Шестого каравана, и Хету оставалось надеяться, что буря разыгралась только здесь. Половина воинов, которые должны были выступить с Шестым караваном, уже находились на месте, но многие все еще были в пути между Трайфорсом и Нардалборгом — им пришлось заночевать среди болот. Он не мог терять времени.

Обычно Хет любил эту церемонию, поскольку безоговорочно верил в Героев. У него имелась специальная речь для подобных случаев. Он говорил, что войны будут всегда, значит, всегда должны быть и воины. Конечно, веристы не безуп-

речны, но обычно они позволяют непосвященным жить в мире, разрешая все конфликты. Он лично гордится каждым юношей, который смог пройти испытания и стать веристом, а сегодня он особенно горд (так собирался сказать Хет), ведь Нардалборг получил сразу дюжину новых воинов, что позволит отправить дюжину солдат на помощь войскам флоренгианской Грани. Так он скажет.

Правда же состояла в том, что сегодня Хет не испытывал гордости. Он стыдился того, что должно было произойти.

Пир прошел удачно. Кадеты отлично поели, хотя им прислуживали командиры, пили и вовсе без всякой меры, в результате чего расшумелись до безобразия. Хет произнес речь, которую встретили громкими одобрительными криками. Затем ансамбль из шести командиров, переодетых женщинами, принялся не слишком умело петь и играть на дудках и барабанах, а затем они устроили танец с раздеванием. В результате на них остались лишь ошейники. К этому моменту зрители уже ничего не соображали от смеха и спиртного. Все, кроме командира. Орлад пил только воду и ни на мгновение не терял бдительности, словно знал, что за всей этой ерундой обязательно последует предательство.

Когда танцы закончились, а пирующие уже не могли больше есть, именно Орлад нарушил всеобщее веселье. Хет видел, что он встревожен, и потому его не удивил вопрос, который тот задал. Хет с искренним восхищением отметил, как спокойные слова Орлада заставили всех его воинов прекратить пьяную болтовню. Прирожденный лидер.

— Милорд! Что будет дальше? Я имею в виду нашу дальнейшую подготовку.

— Ничего. Ваше обучение закончено. — Хет немного помолчал, чтобы все оценили значение его слов. Затем он произнес еще одну речь, и никто из новоиспеченных воинов не прервал командира охоты. — Поздравляю вас, воины! Вы добились

неслыханного успеха. Ваш командир заявил, что вы все станете воинами еще до того, как выступит последний караван. Я сказал ему, что он сошел с ума. Однако за несколько дней до ухода каравана он сдержал слово и никого не потерял. Вы заслуживаете самых громких почестей, однако знайте, кого надо за них благодарить. Я намерен нарушить правила и назначить Орлада командиром фланга.

— Слава Орладу! — закричал Ваэльс, вскакивая на ноги с кубком в руке.

Остальные десять воинов последовали его примеру, хотя многим это далось с трудом.

Орлад сидел и хмурился, опасаясь насмешек. Пока все молча пили за него — даже верист не может говорить и пить через соломинку одновременно — он сказал лишь:

— Так когда же мы получим наши ошейники, господин?

— Прямо сейчас. Но сначала они должны пройти посвящение. Ириг, будь добр.

У Ирига Иригсона, вожака стаи в красном, был самый красивый голос во всей охоте. Он засунул руку в сумку, которая весь вечер висела у него на бедре, и вытащил двенадцать полосок из блестящей меди. Затем он поднял их вверх, к богу, и запел ритуальную песнь. Остальные стояли молча, пока не смолкла последняя нота. Потом Ириг бросил ошейники на стол перед Орладом.

— Садитесь, — велел Хет.

Одиннадцать мужчин торопливо уселись за стол. Рантр сел мимо стула и рухнул на пол, но никто даже не посмотрел в его сторону.

Орлад нахмурился.

— В чем состоит ритуал?

— Никакого ритуала нет. Вы заслужили эти ошейники, воины. Вы заслужили их собственными потом и кровью, и только вы сами имеете право надеть их себе на шею. Бог благослов-

ляет вас. Мои поздравления. — Хет попытался улыбнуться, заранее зная, что у него не получится. — И я молю священного Веру, чтобы нам не пришлось встретиться в битве. — *Это* было правдой. Он услышал, как вожаки стаи одобрительно зашептались за его спиной.

Юноша взял медную ленту, внимательно осмотрел ее и слегка согнул, потом поднес ошейник к груди и вопросительно посмотрел на Хета.

— Просто согнуть?

— Да. Предупреждаю, вы почувствуете сильный удар.

Именно по этой причине Хет предпочитал, чтобы кадеты успели хорошенько выпить и сидели на стульях, поскольку каждому из них предстояло испытать нечто похожее на удар молнии. Однако он не сомневался, что Орлад его переживет, как переживали и менее выдающиеся воины.

Остальные внимательно наблюдали, как флорентианин положил металлическую ленту себе на шею и свел концы спереди. Веру, бог бурь, приветствовал каждого нового Героя ударом грома. Первый удар всегда был самым громким, к тому же, где-то рядом с часовней полыхнула молния. Несколько кадетов, ошеломленных громом, слетели со стульев. Орлад повалился на стол, сметя на пол тарелки, которые упали бесшумно, поскольку в ушах у него звенело. Ириг по-прежнему сидел за спиной Орлада, готовый поймать его, если он начнет падать.

Орлад с пронзительным восторженным воплем вскочил на ноги и воздел оба кулака к небу. Он был бледен и ошеломлен, но в темных глазах светилось торжество, когда он ощупывал пальцами стягивающую шею ленту. Теперь он мог сделать свою шею толстой, как у медведя, или тонкой, как у грифа, но ошейник всегда будет нужного размера. И он умрет с ошейником на шее.

Он немного успокоился, когда вожаки стай подошли его поздравить. После объятий и хлопков по спине он ответил на рукопожатие Хета с некоторым нетерпением, словно ему хоте-

лось поскорее вступить в бой. И он не сел вместе с кадетами. Теперь воин Орлад стоял рядом с Героями.

Кто следующий? Кадеты ждали приказа Орлада, но он перестал быть их командиром и потому молчал. Когда осторожные руки потянулись к медным лентам, Кровавый Рот спросил:

— А мы можем сделать это одновременно, мой господин?

— Как пожелаете.

Все согласились, хотя некоторые успели сообразить, что в таком случае им не удастся поспорить, кому сопутствовал более громкий удар грома. Одиннадцать кожаных лент были сорваны и отброшены в сторону, и одиннадцать медных полосок одновременно согнулись, заняв свои места на шеях будущих воинов. И тут же прозвучал один раскатистый удар грома. Лишь Ваэльс и Хротгат упали назад, но их успели подхватить Орлад и вожак стаи Рутур. Охота Нардалборга обрела еще одиннадцать воинов.

Все до единого встали, поскольку так поступил Орлад. Восемнадцать воинов окружили очаг в часовне. *Бум, бум!* — гремели сломанные ставни.

Последовали формальности. Хет сообщил новым Героям, где им предстоит служить, чтобы они знали, где можно получить форму. Он никогда не посылал новых воинов на фронт, и они старались не показать облегчение, узнав, что это правило остается неизменным. Хет наградил их еще одним выходным и напомнил, что только после отдыха они должны доложить своим командирам о готовности нести службу — все равно до конца бури никто никуда не поедет. Он объяснил, где можно найти девушек, которые помогут им отпраздновать столь важное событие.

Итак, наступило время последнего ритуала посвящения, когда у веристов появлялась первая возможность испытать своего боевого зверя.

— Как только погода немного прояснится, разрешаю вам потратить целый день на охоту. Вожак стаи, что докладывают разведчики?

Рутур из золотой стаи был крупным мужчиной, обладателем глупого оглушительного смеха, которым он сейчас и разразился.

— Трудный выбор, мой господин! Во-первых, замечено два стада орибисов в Холодных Холмах.

Снерфрик громко застонал, вслед за ним принялись возмущаться остальные. Точнее, только десятеро. Орлад молчал. Орибисы были неплохой пищей, но в качестве дичи для веристов не годились.

— Уж лучше гоняться за утками, — заметил Варгин.

Вожак стаи захихикал.

— Хотите кого-нибудь покрупнее? Разведчики видели большого мамонта, идущего в нашу сторону с юга.

Раздались радостные крики. Рутур снова захохотал.

— И все? — сердито спросил Хет.

— Разве что мыши в болотах, мой господин.

С наступлением сезона течки самцы мамонтов становились очень опасными. Каждую зиму самки Нардалборга привлекали нескольких диких чудовищ, и зверей приходилось убивать. Для этого использовали копья с бронзовыми наконечниками, и Хет никогда не посылал менее тридцати человек на одного мамонта. Только безумцы могли атаковать такое опасное существо в боевой форме.

— Действительно непростой выбор, — сказал Хет. — Если вы предпочтете самца, то я пошлю с вами подкрепление, и это будет уже не ваша охота. Вам придется использовать оружие. Или дождитесь более подходящей жертвы — даю вам на это шесть дней. — Гордость не позволит им согласиться на второй вариант. — Разрешаю каждому сделать собственный выбор, — мрачно добавил он, прекрасно понимая, что ни один из них не примет позора, согласившись охотиться на орибисов. — Командир фланга Орлад?

— Орибис, мой господин. — Без малейших колебаний.

Хет понял, что его уже не удивляют сюрпризы, которые ему преподносит Орлад.

— Воин Снерфрик?

Большой воин с недоумением посмотрел на флоренгианина. Потом перевел взгляд на удивленные лица своих друзей и с сомнением проговорил:

— Мамонт, мой господин? — Его ответ скорее напоминал вопрос.

— Воин Варгин?

Варгин ответил также, и все они выбрали мамонта, оставив Орлада в одиночестве, которого, казалось, совсем не волновало, что он один сделал выбор труса. Когда Хет коротко рявкнул: «Почему?», Орлад тут же встал по стойке «смирно».

— Мой господин добр. Я намерен просить о немедленном переводе во Флоренгию и не хочу рисковать, ведь я могу получить травму при охоте на мамонта, а это помешает мне присоединиться к Шестому каравану. Мой господин добр.

И вновь он сделал неожиданный ход. Уже давно никто не вызывался служить во Флоренгию. Однако Орлад только что это сделал — так кто же в результате оказался трусом?

— Да, теперь понимаю, — угрюмо произнес Хет. — Все свободны, кроме тебя, командир фланга.

Снег взметнулся по полу, над очагом поднялся дым, а потом раздался сильный удар — последний из уходивших веристов захлопнул за собой дверь. В часовне воцарилась тишина, но Хет продолжал угрюмо смотреть на горевшие поленья, не обращая внимания на стоящего рядом нового вериста. Во рту отвратительно горчило. Впервые с тех пор, как он надел медный ошейник — нет, впервые с тех пор, как Терек завязал на

нем веревку испытуемого — Хету хотелось нарушить приказ. *Бум*! — ударили о стену ставни.

— Значит, ты просишь о переводе?

— Мой господин добр.

— Ты попросил при свидетелях.

— Мой господин, со всем возможным уважением, завтра я хотел обратиться с этой просьбой к вожаку стаи.

— Тогда я виноват в том, что задал тебе вопрос. Давай обсудим положение. Я хочу, чтобы ты оставался в моей охоте. Ты лучший. Останься — и ты будешь вожаком стаи менее чем через два года. — Он мог бы продвигаться по службе еще быстрее в войске Стралга, если бы прожил достаточно долго. Там новые чины были наградой тем, кто уцелел. — Но если ты будешь настаивать на переводе, после твоего успеха в работе с кадетами я не смогу тебе отказать. Ты заслужил право выбора.

— Мой господин добр!

Хет поглядел на него и... неужели заметил улыбку?

Если так, то она была обращена к богу. Хотя Орлад смотрел прямо, он явно гордился собой. А что, вполне разумное решение — отослать его прочь и отделаться от Терека, пока Шестой караван будет еще в пути.

— Ты должен понимать, что вигелианские веристы во Флоренгии будут считать тебя врагом, а местные — предателем. И всякий раз, вступая в сражение, тебе придется ждать нападения с любой стороны.

— Я готов пойти на такой риск.

— В итоге ты не будешь участвовать в битвах. Тебя станут посылать в разведку.

— Мой господин добр. Я совсем не знаю флоренгианского языка.

Значит, разведчиком он стать не сможет. Хет решил, что ему все равно. С тем же успехом можно пытаться уговорить

самоубийцу уйти с крепостной стены. Хет несколько раз пытался это сделать, но так и не добился успеха.

Двенадцать проклятий!

— Есть еще одна загвоздка. Несколько дней назад я доложил командиру войска Тереку, что у нас скоро будет посвящение. Он ответил, что я должен немедленно отослать тебя в Трайфорс.

Он бросил на юношу еще один быстрый взгляд. Тот выглядел немного удивленным, но страха Хет не заметил. Неужели его ничто не может напугать? И он явно не намерен задавать вопросы.

— Я не знаю зачем, — продолжал Хет. — Впрочем, он лишь подтвердил приказ, который отдал мне еще весной, когда ты только начал тренировки.

— Я горжусь тем, что сатрап проявил ко мне интерес, мой господин. — Теперь голос юноши звучал чуть менее уверенно.

Самоубийственно упрям, но не глуп.

— Он всегда тобой интересовался. Его не просто так называют Стервятником. Ты ведь знаешь, что во время войны он потерял трех сыновей? И винит в их смерти флоренгианских веристов?

— Тех, кто нарушил клятву, мой господин. Я и сам ненавижу и презираю их.

Яйца Веру!

Хету захотелось закричать: «Он безумен! Он мой отец, и он безумен! Он хочет устроить на тебя охоту!» Но это невозможно. Терек Храгсон всю жизнь сражался за брата, за его клятвы, за дело, в которое верил. Множество раз он едва не погибал, но всегда отказывался отступить — именно по этой причине теперь он похож на чудовище. Он отец Хета, его наставник, его господин, и выкрикнуть такое Хет не может.

Если мальчик не понимает, что Терек безумен, у него нет надежды.

— Свободен. Мы поговорим еще раз, когда погода наладится.

ГЛАВА 34

Катрат Хорольдсон и заметно поредевший отряд веристов прибыл в Трайфорс во время ужасного ливня. Ему сразу не понравился город, а более подробное знакомство с ним лишь укрепило первое впечатление. Во-первых, здесь было полно веристов, нимф на всех не хватало, и в первую же ночь он попал в черные списки обоих публичных домов за то, что жестоко обращался с девушками. К тому же Трайфорсом управлял его безумный дядя Стервятник, который стал еще больше похож на общипанного аиста, умирающего от цинги, чем во время его прошлого визита в Косорд. Ходили слухи, что следующий караван отправится только весной. Если ему предложат выбор между гибелью от холода в Пограничных землях и полугодом жизни с дядей Стервятником, Катрат еще подумает.

Он чувствовал себя одиноким и скучал по дому. В Косорде он являлся сыном сатрапа и всегда имел возможность заказать себе выпивку. Здесь же он — лишь племянник Кулака, которого вполне могли избить, если бы он появился возле пивной. Все богатство Катрата состояло из скудного жалования. Он отправился в путь, зашив в свою накидку целое состояние в золоте и серебре, но все потерял, когда первый раз занимался любовью — девушка подсыпала ему в пиво какую-то гадость, и он едва не умер. Поскольку мать предвидела подобное развитие событий, когда полировала на прощание его медный ошейник, он радовался, что сейчас она далеко и никогда не узнает о его глупости. Но хуже всего было то, что друзья, с которыми он отплыл из Косорда, исчезли где-то на реке. Он ужасно страдал из-за того, что они его бросили.

Когда синюю стаю отправили в Нардалборг, он был рад, что покидает Трайфорс. Два легких дневных перехода, сказали командиры. И не упомянули о склоне, погоде и тяжести пропитавшейся водой накидки. Они не обратили внимания на

клубящиеся на севере черные тучи. Они не учли, как влияет на людей долгое путешествие на лодке. Они забыли, что сын сатрапа во время забегов на дальние расстояния ездил в колеснице.

Синяя стая вышла из города еще до рассвета. Все шутили о том, какая часть тела отмерзнет первой и отвалится. Катрат трусил в переднем ряду возле вожака стаи Джарлиона и командира центрального фланга Квирба — из всех, кто отправился вместе с ним в Трайфорс из Косорда, остались только они. У обоих были семьи в Косорде, и Катрат подозревал, что их послали с приказом проследить за тем, чтобы он благополучно добрался до Пограничных земель, после чего они спокойно вернутся домой.

На вершине первого холма Катрата и некоторых других вырвало. После этого более сильным бегунам поручили помогать слабым — бить их по ногам палкой, когда те начинают спотыкаться. Этот день оказался самым длинным в жизни Катрата и едва не стал последним, поскольку около полудня штормовой ветер пригнал черные тучи и пошел сильный, слепящий снег. Шесть человек либо заблудились в метели, либо без сил лежали где-то на дороге. Катрат сумел добраться живым до маленького постоялого двора «На полпути», но не помнил, как ему это удалось, и позднее ему пришлось молча терпеть обидные шутки, когда другие веристы уверяли, что донесли его на руках.

«На полпути» мог принять дюжину человек, в крайнем случае двадцать, и сорок три забили его, как огурцы банку. Еда и дрова закончились на второй день; вьюга продолжалась.

Вторая ночь была еще хуже, чем первая: к холоду и тесноте добавился голод. Они сидели вплотную друг к другу и почти не спали, рассказывая страшные истории о переходе Стралга, который состоялся пятнадцать лет назад, и уверяя друг друга в том, что теперь Пограничные земли стали гораздо безопаснее. Тропа расчищена и на протяжении всего пути устроены небольшие убежища.

— Мои братья погибли там шесть лет назад, — сказал Катрат. — А мы еще даже не добрались до Пограничных земель!

Кто-то предложил съесть на завтрак Катрата Хорольдсона, и лишь один человек возразил.

Солнце поднялось в чистое небо, осветив мрачный мир, где остались лишь белые холмы и ничего другого. Уже одна только волнистая линия горизонта вызывала тревогу, но хуже всего было полное отсутствие дороги. Джарлион прошел немного вперед и вернулся, чтобы посоветоваться с командирами флангов.

— Мы не можем бежать через сугробы, — объяснил он. Его дыхание облачком слетало с губ. — Если же мы будем их обходить, нам придется сделать большой крюк. Нардалборг находится на востоке, но я точно не знаю, где именно. Предлагаю подождать, пока солнце поднимется повыше, а потом вернуться в Трайфорс. Есть другие предложения?

Никто не стал говорить о том, что дорогу назад видно не лучше, чем дорогу вперед. Никто не упоминал о снежной слепоте или о тех недугах, которые возникают у светлокожих вигелиан, обугливающихся снаружи и замерзающих изнутри. Никто не стал всерьез предлагать съесть Катрата.

Лишь когда послышался далекий трубный зов, у них появилась надежда на спасение. К ним кто-то приближался со стороны солнца, а потому они ничего не могли разглядеть. Джарлион на всякий случай приказал стае перестроиться в боевой порядок.

«Это почти наверняка знаменитые мамонты Нардалборга», — подумал Катрат. Он так сильно дрожал, что лед на его бороде потрескивал. В горах водились и другие опасные твари, например котомедведи, но единственные живые существа, способные управиться со стаей веристов, это дикие мамонты. Так или иначе, их было очень много.

— Убить и съесть сырыми! — пробормотал он и был вознагражден одобрительным смехом.

Первые воины, разглядевшие чудовищные очертания животных, начали ругаться. Командиры флангов приказали повременить с переходом в боевую форму. Когда стало ясно, что на спинах огромных зверей сидят наездники, Джарлион велел стае остановиться.

«Нет, те, кто говорят, что мамонты большие, лгут», — подумал Катрат. Они огромны, а вожак просто невообразимо могуч. Их очень непросто нагружать, поскольку передние ноги мамонтов значительно превосходят по длине задние, зато один зверь может донести до Ледника около дюжины человек. Катрат насчитал двенадцать самок и четырех детенышей. Пятеро наездников кутались в меха, а на троих мех был выкрашен в зеленый цвет. Накидки еще двоих тоже были зелеными.

Когда караван остановился, самки сразу же занялись детенышами. Самец ходил по кругу, шумно принюхиваясь, но погонщик-настрианин держал зверя под контролем. Двое веристов принялись разгружать припасы, и Джарлион отправил центральный фланг им на помощь. Им доставили копченое мясо и галеты, которые не портятся целую вечность, и воины устроили настоящий пир прямо на снегу.

Верист в двухцветной накидке, вероятно, был сам командир охоты Хет. Джарлион поклонился и с полным ртом назвал свое имя.

— Счастлив вас видеть, мой господин.

Хет, насколько его удалось разглядеть, был большим и сильным воином с суровым лицом и холодной улыбкой.

— Рад помочь, вожак стаи. Мы не зря покинули дом. Если бы здесь никого не оказалось, мы бы просто восстановили запасы в укрытии. На дороге больше никого не осталось?

— Едва ли они живы. Мы потеряли шестерых.

— Они мертвы. Ваши люди поедят, а потом мы отвезем вас обратно. Если вы...

— А это еще что за *дерьмо*?

Катрат не собирался говорить так громко, но флоренгианин, одетый в форму вериста, окончательно вывел его из себя.

Урод развернулся.

— Кто-то что-то сказал?

Он был не слишком высок и довольно массивен, но такое впечатление наверняка складывалось из-за мехов, в которые он кутался. Его пояс и полосы говорили о том, что он — командир заднего фланга, красная стая, охота Нардалборга, войско Терека. В его широких скулах и глубоко посаженных глазах Катрат уловил что-то знакомое, но для него все флоренгиане были похожи друг на друга.

Командир охоты Хет мог бы запретить драку, однако он сказал:

— Я тоже что-то слышал. А ты что услышал, командир фланга?

— Кто-то назвал меня дерьмом, господин. — Флоренгианин пристально смотрел на Катрата.

Взгляд вожака стаи Джарлиона стал почти таким же мертвящим.

— Воин Катрат, ты что-то сказал?

Катрат еще не забыл издевательств, которым его подвергали во время этого ужасного путешествия.

— Я удивился, мой господин. На мгновение мне померещился враг.

Правильный ход: никто не станет карать его за оскорбления в адрес флоренгианских мятежников. Он с радостью отметил появление одобрительных улыбок.

— Разве ты больше ничего не сказал? — осведомился командир фланга. — Ты не назвал меня предателем?

Катрат пожал плечами. Если это дерьмо хочет подраться, то так тому и быть.

— Естественная ошибка.

— Разрешение получено, Орлад, — проговорил Хет. — Тебе следует снять меха, чтобы вы боролись на равных.

Печально затрубил мамонт. Катрат продолжал жевать, показывая несокрушимую уверенность в своих силах. Однако последний кусок не шел ему в горло.

Как и следовало ожидать, его противник струсил.

— Меня вполне устроят извинения, мой господин.

— Ты их не получишь, навозная рожа! — выпалил Катрат, прежде чем Джарлион успел отдать приказ. — Все флоренгиане трусы.

Зрители одобрительно зашептались, многие начали тихонько делать ставки. Катрат успел забыть, как приятно одобрение других людей; он почувствовал себя так, словно вновь оказался в Косорде.

— Ну? — Командир охоты выглядел еще злее, чем уродец. Впрочем, сам виноват, раз поддержал это ничтожество. — *Непростительное* оскорбление!

— Прошу отложить схватку до моего приезда из Трайфорса, господин.

— Вожак стаи Джарлион, сатрап на несколько дней вызвал командира фланга Орлада в Трайфорс, — прорычал Хет. — Я знаю, что только чувство долга удерживает его от получения удовлетворения прямо сейчас. Вы готовы отложить поединок?

— Если он вообще на него осмелится, — заметил Катрат, наслаждаясь одобрительным смехом остальных веристов.

Однако Джарлион не смеялся. Его лицо сильно покраснело.

— Мой господин, умение командира фланга поставить исполнение долга превыше всего заслуживает всяческих похвал. Я приношу свои личные извинения, мой господин. Я клянусь именем Веру, что если воин Хорольдсон не принесет извине-

ний командиру фланга Орладу, когда тот вернется, то лишь из-за того, что я изобью его до смерти. Вас это устраивает?

Горло Катрата сжалось. Они не *посмеют*, правда? Избивают только рабов. Избить *Героя*? Сына командира войска? Все будут *смеяться* над ним! Он перейдет в боевую форму! Он обратится с просьбой к дяде Стервятнику...

— Подождите! — вмешался флоренгианин. — Вы сказали «Хорольдсон»? Это племянник сатрапа Терека, мой господин?

— Верно, да поможет нам Веру.

— Тогда я снимаю свою жалобу. Мне не следует наносить травмы близкому родственнику моего господина. Я не сразу расслышал.

— У него и в ушах дерьмо, — сказал Катрат.

Теперь он в безопасности. Никто не встанет на защиту этого червя. Смех превратился в радостные крики, прокатившись по всей стае. Катрат чувствовал себя превосходно.

— Готовьтесь выступать, вожак стаи, — велел Хет. — Орлад, подойди ко мне.

Когда они отошли туда, где никто не мог их услышать, лицо Хета исказилось от ярости. Орлад никогда не видел, чтобы у него так белели губы. Он тяжело дышал. Обычно Хет не ругался, но сейчас он продемонстрировал, что мастерски владеет этим умением. А в конце своей тирады он рявкнул:

— *Я встал на твою защиту, а ты сделал из меня глупца.* Ты опозорил всю охоту!

Удивленный Орлад ответил:

— Я искренне сожалею, мой господин. Я не знал, кто он такой.

Неужели Хет думает, будто ему это легко далось? После всего, что Орлад перенес за последнее время, Хет не имеет права сомневаться в его мужестве.

— Не важно, кто он такой, костяная твоя голова! За эти слова ты должен был превратить его в кровавое месиво!

Это только доставило бы Орладу удовольствие и не потребовало бы больших усилий. Тот, чье лицо носит на себе столько шрамов, не может быть хорошим бойцом.

— Мой господин добр.

— Ты безумен, как сам Стервятник!

Тут Орлад не выдержал.

— Мой господин! Командир нашего войска не заслуживает подобных оскорблений.

— *Что ты сказал?* — прорычал Хет.

— Мой господин, он один из величайших Героев! Сатрап Терек всю жизнь сражался за своего брата, его клятвы...

— Молчать! Он безумен! Неужели ты сам этого еще не понял? Он призвал тебя в Трайфорс, чтобы убить. Он так и поступит.

— Но зачем ему это, мой господин? — Орлад был огорчен тем, что его собственные недостойные подозрения подтвердились.

— Ты видел, как повели себя эти люди и что они думают о твоих соотечественниках — все флоренгиане клятвопреступники. Терек винит тебя в смерти сыновей.

— *Но я не клятвопреступник!* — Если бы Хорольдсон употребил это слово, он бы уже получил свое.

— И как ты это докажешь безумному маньяку?

— Я без малейших колебаний буду повиноваться его приказам, — с гордостью ответил Орлад, — ведь я принес клятву. Если он прикажет мне положить голову на плаху, я так и поступлю. Надеюсь, это убедит его в том, что он допускает ошибку.

— Ты еще безумнее, чем он. А если он устроит на тебя охоту?

— Тогда я умру. Но клятву не нарушу!

Хет фыркнул, отвернулся и зашагал прочь.

Обычно разделить стадо мамонтов невозможно. К счастью, Малыш (главный самец третьего каравана) был уже немолод и отличался терпением. К тому же он недолюбливал Гуляку, старшую самку своего гарема, которая уже не могла рожать. Зато он любил Обердара, умелого настрианина, поэтому и сделал вид, что ничего не замечает, когда Гуляку увели в другую сторону. Обердар и Гуляка отвезли Орлада до дороги в Трайфорс, где снег перешел в слякоть. Его оставили возле реки, откуда уже был виден город.

ГЛАВА 35

У Бенарда Селебра не было солнечных часов. Он ел, когда испытывал голод, и спал, когда уставал, если только его не увлекала работа над чем-нибудь интересным — в таком случае он забывал о еде и сне и засыпал, лишь упав без сил. Бенард не знал, сколько дней прошло с тех пор, как они с Ингельд покинули Косорд. Они улетели, точно ласточки, для которых настало время улетать. Бенард видел, как меняется земля и небо, как деревья становятся бронзовыми и багряными, а потом и вовсе сбрасывают свои роскошные одеяния. Он видел, что идет сбор урожая. Он просто проводил дни рядом с Ингельд, а по ночам делил с ней постель, и был бы вполне доволен жизнью, если бы мир оставался таким навсегда. Увы, боги распорядились иначе.

Идиллия закончилась. Мир вокруг посерел, темные дождевые тучи задевали вершины гор. На отвесном берегу появился грязный город — Трайфорс. Капитан Бро вел «Благословенный Укр» по лабиринту узких каналов, мимо берегов, покрытых галькой — от могучего Врогга больше ничего не осталось. Команда взялась за шесты, но от помощи Бенарда капитан

отказался, вежливо пояснив, что для этого требуется особое искусство, а любая ошибка может посадить лодку на мель.

Бенарду нравился диковинный речной народ, их беззаботность, непонятный говор, односложные имена — Бро, Ма, Ту и тому подобное. Они сразу же сообразили, кто такая Ингельд — Дочери выделялись среди людей и крайне редко покидали свои священные очаги. Поскольку Ингельд совсем не походила на молодую посвященную, отправляющуюся в другое место, чтобы там исполнять свой долг, а ее молодой спутник выказывал ей знаки внимания, какие не стал бы выказывать сын, они поняли, что она может быть лишь правительницей Косорда, сбежавшей с любовником. Хотя речной народ славился своей жадностью, Бро и его команда выполнили условия соглашения с Гатлагом и не пытались шантажировать или предать Ингельд.

— Мы на месте, — сообщила Ингельд. — Что ты теперь намерен делать, любовь моя? — Два пассажира сидели рядышком в шлюпке, дрожа в широких шерстяных плащах с капюшонами.

Вновь пошел дождь.

— А чего бы хотела ты?

— Тебе решать.

Он с сомнением посмотрел на Ингельд из-под своего капюшона.

— Ты правила огромным городом еще до того, как я появился на свет. Перестань делать вид, что ты кроткая крестьянская жена.

Она довольно рассмеялась.

— Ты явно незнаком с крестьянскими женами. Мне это нравится. Я взвалила все свои тревоги, не связанные с Оливией, на твои плечи. Впервые в жизни у меня есть мужчина, которого я могу любить и которому доверяю. Так что бойся того дня, когда я снова начну отдавать распоряжения, мас-

тер Селебр! Кроме того, прошлой ночью я дала тебе прямой приказ.

Речь шла о некоторых деяниях, которые лучше не обсуждать при посторонних.

— До сих пор я отвечал только за самого себя.

— Что ж, тебе полезно попрактиковаться.

— Нанять другую лодку за быстринами и плыть дальше? — с надеждой предложил Бенард.

— Нет. Оливии уже хватит кататься на лодках.

Когда Ингельд первый раз призналась, что ее тошнит, Бенард запаниковал и стал уговаривать ее найти целителя. Речной народ понимающе ухмылялся. Теперь Бенард держал свои тревоги при себе.

— Как скоро в город прибудет Салтайя?

— Я не знаю, — ответила Ингельд. — Думаю, ждать недолго. А вслед за ней появится Хорольд.

Она каждую ночь видела их в пламени.

— Наверное, ты хочешь проверить подсказку, которую дала мне прорицательница?

— «Шестьдесят Путей». Похоже на бордель, не так ли, вожак стаи?

— Верно, миледи, — ответил Гатлаг.

— Я бы предпочла другое место, — заявила Ингельд, сверкнув глазами. — Впрочем, там мы можем получить новые сведения. Ты не забыл пароль, любовь моя?

— Забыл, — солгал Бенард.

— Нужно спросить Радость Опия и сказать, что тебя послала Вуаль. Но если это действительно бордель, тебе следует немедленно вернуться сюда, Бенард Селебр!

— Но это вызовет подозрения. Может быть, лучше послать вожака стаи?

Сквозь маску кротости блеснула знакомая сталь.

— Нет, — ответила Ингельд.

* * *

Трайфорс оказался уродливым детским кошмаром наяву. Окруженные стенами города стали большой редкостью с тех пор, как Веру основал культ Героев в те далекие времена, когда дикие горные племена еще не познали преимуществ цивилизации. Трайфорс сохранил только часть своих защитных сооружений, но в нем царила мрачная атмосфера, характерная для города-крепости. Все здания представляли собой одноэтажные строения из серого камня без карнизов, пилястров и каких-либо украшений, а в этот день все окна были закрыты ставнями из-за дождя.

Улицы кишели веристами, но далеко не все они носили оранжевые накидки сатрапа Терека. Бенард заметил и пурпурные цвета Хорольда — впрочем, эти люди вовсе не обязательно прибыли из Косорда, но наткнуться сейчас на Катрата и его приятелей будет настоящей катастрофой. Он решил побыстрее исполнить свою миссию и вернуться.

Бенард видел много флоренгиан, поскольку рабы в Трайфорсе стоили дешево, пока торговля не пришла в упадок. Он думал, что они окажутся неплохим источником информации, но ошибся. Полностью закрыв капюшоном голову и уши, Бенард зашагал рядом со светловолосым мужчиной, толкающим перед собой тележку.

— Как добраться до «Шестидесяти Путей», брат?

Раб закатил глаза.

— Ишь ты! Это место не для таких, как мы.

— Мне повезло. Мастер мной доволен.

— Или от тебя устала госпожа?

— Она никогда от меня не устает, брат.

Раб презрительно рассмеялся.

— Цыплята не должны покидать свой насест! Свернешь налево около зернового рынка, потом направо возле храма Налы, поднимешься по ступенькам... — И так далее.

После третьей попытки Бенард выяснил, что дом, который он ищет, находится рядом с дворцом, а дворец — это здание с башней. Потом ему дали еще парочку полезных советов, и он очутился возле двери, над которой висела вывеска с нужной ему надписью. Он потянулся к бронзовому молотку, но дверь распахнулась сама.

— Входи, мастер-художник Селебр, — сказала прорицательница.

Она провела его по тихим коридорам мимо нескольких дверей, затем они спустились в подвал, поднялись по какой-то лестнице, и вскоре Бенард уже не сомневался, что они перешли в соседнее здание. Наконец они попали в небольшую комнату, освещенную лишь пламенем, горевшим в очаге. В комнате стояли два стула, пара больших плетеных корзин и узкая постель, едва ли подходящая для «Шестидесяти Путей». Ставни были закрыты; на вбитых в стену гвоздях висела одежда. Пахло травой и старой женщиной, а теперь, естественно, еще и мокрым Бенардом. Вытащив из корзины полотенце, хозяйка протянула его Бенарду, предложив опустить капюшон и сесть. Когда она вернулась, он уже радостно потел. Она закрыла дверь и вручила ему кубок с горячим пряным напитком.

— Нам предстоит важный разговор, мастер.

— Мне сказали, что я должен спросить Радость Опия.

— Я — Радость. — Она была маленькой, слегка горбатой, но живой и проворной. Усевшись на краешек стула, она сложила хрупкие руки на коленях.

— Меня прислала Вуаль, — сказал он, обращаясь к белой ткани, скрывавшей ее лицо.

— Я и сама догадалась — иногда даже нам приходится полагаться на умозаключения. Я вижу, что ты встревожен, тебя разыскивают, ты сильно влюблен и что ты в целом честный человек. Хотя у тебя нет подобных амбиций, ты можешь оста-

вить свой след на табличках истории. По правде говоря, твое имя я узнала только в Косорде, где мне тебя и показали. Почему ты не доверяешь Вуали?

Он сделал глоток вина, обдумывая услышанное.

— Понятия не имею. — Возможно, в той женщине, лишенной лица, было что-то неприятное? Однако рядом с Радостью он этого не ощущал. — Мне показалось, она была со мной не очень-то откровенна.

— Поподробней, пожалуйста.

Он рассказал о предупреждении прорицательницы в Зале Быков, в Косорде.

— Вуаль должна соблюдать осторожность! — воскликнула прорицательница. — В нашем культе царит горький разлад. Я скажу тебе, Рука, что в Трайфорсе сейчас всего пять Свидетельниц и все они сторонницы Вуали. Это неслучайно. Мы пытаемся найти способ свергнуть лорда крови и весь его дом — разве ты не на нашей стороне?

Могут ли прорицательницы быть *слишком* откровенными?

— Мне совсем не хочется становиться на чью-то сторону. Меня не интересует война. Но я готов на все, чтобы защитить женщину, которую люблю, и нашего будущего ребенка. — Он смущенно улыбнулся. — Решив эту задачу, я бы хотел помочь сестре избежать вынужденного брака с червем Катратом.

— Хорольдсон покинул город два дня назад для сбора в Нардалборге. Погода в тех местах очень плохая, к тому же на таком расстоянии я уже не вижу. А что за женщину ты любишь? Она вне пределов моей досягаемости.

Бенард рассказал об их с Ингельд побеге и о том, что Салтайя и Фабия скоро прибудут в Трайфорс, и что, по мнению Ингельд, ее муж направился сюда же. Прорицательница почему-то напомнила Бенарду его наставницу в косордском дворце — вежливая, доброжелательная и неуступчивая, словно мрамор. Он не сомневался, что и прорицательница без ма-

лейших колебаний накажет провинившегося, если возникнет необходимость.

— Похоже, события начнут развиваться быстрее, — задумчиво проговорила старушка, — раз Салтайя Храгсдор и Хорольд Храгсон направляются сюда, к Тереку. Или нет. Добру и злу открылись равные возможности. Салтайи я опасаюсь больше, чем обоих ее братьев, но если они соберутся вместе, это может привести к пагубным последствиям. Будет лучше, если Вуаль окажется здесь и возьмет всю ответственность на себя.

Все эти слова ничего не значили для Бенарда, однако его подозрения смягчились от вина и тепла. Прорицательница может быть очень полезным союзником.

— Мне говорили, что у меня есть брат в этих краях.

— Он называет себя Орладом Орладсоном. Нам *известно*, что он живет в Нардалборге, в трех мензилах отсюда, и что он завершил обучение и стал веристом.

В воспоминаниях Бенарда Орландо был коренастым малышом с вьющимися волосами, который много смеялся.

— Будь проклята Темная богиня, совершившая над ним такое. Он меня предаст, если я обращусь к нему за помощью?

Прорицательница застыла в полной неподвижности, казалось, она смотрит куда-то в пустоту. Потом она вздохнула.

— Мы не делаем пророчеств. Сатрап призвал сюда Орлада, чтобы его убить.

— Что? Но зачем? — Или в их семье все похищают чужих жен? — Вы можете его предупредить?

— Нет. Мы не даем советов. Терек безумен. Его помешательство давит на меня даже на таком расстоянии. Приведи сюда свою женщину, гадающую по огню, и ее воина. Я укрою их до приезда Вуали.

— Вы очень добры, Свидетельница, вот только прятаться в борделе не слишком разумно.

Если прорицательницы и улыбаются, то этого никто не видит.

— Сейчас ты вовсе не в борделе. С древних времен Свидетельницы имеют тайные укрытия по всей Вигелии. В них очень редко впускают непосвященных.

Крепкая затрещина, ничего не скажешь! Что ж, теперь Бенард не станет шутить с мэйнистками.

ГЛАВА 36

Фабия Селебр с первого взгляда влюбилась в Трайфорс. Нет, город не сразил ее своей красотой, но любое место покажется вам привлекательным после бесконечного путешествия по Врогту. Утренний иней еще поблескивал на кровельной дранке, дыхание облачком подымалось над головой у Фабии, когда она сошла по трапу «Моры». После вчерашнего дождя небо оставалось пронзительно синим. Здесь река превращалась во множество маленьких речушек, по каждой из которых скользили лодки. Выше по течению виднелись ослепительно белые шапки гор — возможно, ей очень скоро предстоит пройтись по снегу. Трайфорс раскинулся на плоских холмах, поднимавшихся над поймой реки. Может, там ее ждет будущий муж; однако, она была совершенно уверена, что его нет среди встречающих.

Впрочем, никто не устроил им торжественной встречи. Никаких труб или почетного караула. Салтайя жестко настояла на том, чтобы они разбили лагерь всего в двух часах ниже по течению от города, чтобы она могла послать сообщение о своем прибытии, словно сомневалась, что ее брат способен принять неожиданных гостей. И она не довольствовалась одним посыльным, а отправила двух, сначала одного, а через некоторое время и второго. Неужели ни один из них не добрался до дворца? Или сатрап решил проигнорировать прибытие Салтайи?

Командир охоты Дараг, лицо которого покрывали многочисленные шрамы, по пятам следовал за Фабией. Салтайя и

Хорт сошли на берег с борта «Голубого Ибиса». Гавань жила напряженной жизнью, здесь грузились и разгружались многочисленные корабли, но никто не обращал особого внимания на вновь прибывших.

— Да помогут нам боги, миледи, — весело сказала Фабия. — Похоже, мы приехали слишком рано.

В ответ Салтайя лишь бросила на нее свирепый взгляд. Затянувшееся путешествие состарило ее. Бледное лицо еще больше вытянулось, но все равно никто не дал бы ей шестидесяти с лишним лет. Черные одеяния поблекли, да и сама она каким-то неуловимым образом выцвела. Но это не означало, что она стала менее опасной — наоборот, теперь ее следовало остерегаться еще больше.

— У нас опять появились дезертиры, командир охоты? — резко спросила она у Дарага.

— Я предупреждал, что Героев не следует использовать в качестве слуг.

Похожий на волка Дараг разительно отличался от покладистого и бессловесного Перага, но даже Дараг не осмелился бы *так* ответить Салтайе, когда они отплывали из Косорда. Тогда под его командой находилось пять лодок и сорок восемь человек. Но однажды «Возлюбленный Храды» потерял связь с остальными судами, и вместе с ним исчезли двенадцать веристов, а три дня спустя дезертировали «Нурттата» и «Красное Крыло» — в них находилось еще шестнадцать веристов.

Как ядовито заметил Хорт в разговоре с Фабией, если сестра Стралга может потерять половину своего эскорта, то общее число дезертиров среди Героев должно быть огромным. Но куда направлялись дезертиры и чем могли заняться в будущем? Неужели они нашли способ избегать взоров Свидетельниц, или Свидетельницы перестали отвечать на вопросы сатрапа?

— Наверное, дело в снеге, — сказал сияющий Хорт. — Теперь перевалы практически не проходимы, как думаешь?

После того, как количество воинов уменьшилось вдвое, веристы стали вести себя гораздо агрессивнее, они даже не пытались скрывать свое недовольство, а Салтайя и Дараг открыто обменивались язвительными репликами. Хорт вел себя безупречно вежливо, постоянно улыбался и даже смеялся — влажная постель отпугивает змей, говорил он, а дизентерия очень полезна, она оказывает очищающее действие на организм. Фабия подозревала, что Хорт помогал дезертирам. Если так, то она не понимала, почему он не сбежал вместе с ними, но Фабия догадывалась, что у него наверняка имелись на то свои причины.

— Похоже, к нам идет мастер порта, — добавил он. — Он собирает плату за якорные стоянки. Может быть, имеет смысл отправить кого-то из его людей, чтобы они сообщили вашему почтенному брату о нашем прибытии, миледи?

Тощего старого чиновника, ковылявшего в их направлении, сопровождали трое юношей с посохами — очевидно, они его охраняли на случай, если речной народ не пожелает платить налоги сатрапу.

— Да помогут нам боги! — воскликнула Фабия. — Можно выбрать любого! — Все трое были близнецами.

— В этом нет необходимости, — вмешался Дараг, показывая на две колесницы, спускающиеся с холма.

Матросы направили мастера порта к Салтайе, которая сердито отослала их к Дарагу, и они начали спорить о деньгах. К тому моменту, когда все вопросы удалось уладить, к ним подъехали колесницы, запряженные онаграми. Фабия вновь расслабилась — один возница был слишком стар, чтобы оказаться Катратом Хорольдсоном, а на другом был зеленый шарф командира охоты. На обоих, под накидками, были надеты штаны и куртки с длинными рукавами — в отличие от людей Дарага в накидках, полностью пропитавшихся водой.

Колесницы остановились, но возницы не спешили спрыгнуть на землю — возможно, не хотели оставлять онагров без

присмотра. Гладко выбритый молодой офицер, отсалютовавший Салтайе, оказался худым и невероятно высоким даже для вериста. Он был слишком молод для своего чина. Его лицо могло бы стать мечтой многих девушек, если бы не четыре алых следа от когтей, начинавшихся сразу под глазом и пересекавших рот. Он немного напомнил Фабии Снурга, который был ее личным стражем и которого Фабия, в отличие от остальных веристов, могла переносить. Снург исчез со второй группой дезертиров.

— Леди Салтайя? Командир охоты Феллард Локисон к вашим услугам. Добро пожаловать в Трайфорс.

— А где сатрап? — резко спросила Салтайя. — Неужели он не мог получше организовать встречу?

— Сейчас нам катастрофически не хватает людей. — Феллард смотрел на Дарага, и каждый из них ждал, кто первым отдаст честь. А когда стало очевидно, что это не входит в намерения ни того, ни другого... — Вы поступили безрассудно храбро, не позаботившись о соответствующей одежде для ваших людей, командир охоты. О! Леди Фабия? — Он засиял, повернувшись к ней и демонстрируя бастионы слоновой кости. — Для меня, Фелларда Локисона, командира охоты Кулака, огромная честь познакомиться с вами. Вы можете называть меня Феллард.

— Мне и в голову бы не пришло выказать такое неуважение.

— Ваш жених покинул город — как вам нравится эта новость, Фабия?

— А как вам понравится это — в качестве улыбки, Феллард? — И она широко улыбнулась.

У него также оказалась приятная улыбка, несмотря на изуродованную губу. Он слегка поклонился и подмигнул Фабии.

— Мы можем отвезти леди во дворец. Боюсь, мужчинам придется идти пешком.

Салтайя повернулась к Дарагу.

— Командир охоты, позаботься о том, чтобы Вигсон пришел с тобой.

Воспользовавшись представившимся шансом, Фабия сделала четыре быстрых шага, ухватилась за протянутую руку и оказалась в колеснице. Локисон поднял поводья, и колесница покатилась по дороге. Он улыбнулся Фабии.

— Я польщен, Фабия.

— Благодарю, Феллард. — Как приятно хотя бы на время освободиться от Королевы Теней! — Вы обрели опасного врага, — сказала Фабия, когда колесница стала подниматься в гору.

— Салтайя? Вот еще! Их дни сочтены — не только Салтайи, но и ее братьев. Стралг проигрывает войну, а Терек окончательно спятил. — Феллард усмехнулся, не обращая внимания на онагров. — Вы действительно хотите выйти замуж за Катрата Хорольдсона?

— Возможно, у меня не будет выбора. — Фабия вдруг представила Хорта с петлей на шее.

— Он слизняк.

Феллард коснулся ее руки. Совсем как Верк. Неужели молодые люди в колесницах всегда так себя ведут? Скьяр вдруг показался ей очень далеким.

— По сравнению с кем?

— С кем угодно.

— И давно он покинул город?

— Три дня назад. Караван еще не ушел; вы можете застать его в Нардалборге. Или я могу помочь вам бежать.

Одно дело говорить гадости о семействе Храгов и совсем другое открыто предлагать измену.

— И что мне нужно делать?

— Спрятаться в моей спальне. Я буду носить вам пищу и согревать по ночам.

Возмутительно! Интересно, почему она рассмеялась?

— Нет, такой вариант еще хуже.

— Женщин, прошедших через это испытание, не счесть, однако все они остались в полнейшем восторге.

— Не сомневаюсь.

— О, да вы не только красавица, но и умница! У этой женщины есть все.

— Кроме свободы.

Когда колесница выехала на широкую улицу, Фабия обратила́ внимание на то, что все дома построены из камня. Между тем настроение Локисона изменилось.

— Пересечь Границу ужасно трудно, госпожа. Вести с фронтов очень плохи. Многие считают, что к весне Стралг будет вынужден покинуть Флоренгию.

Ничего себе! Это надо осмыслить.

— Почему у домов такие крутые крыши? — спросила Фабия.

— Чтобы на них не задерживался снег.

— Ах да, конечно. Сатрап приказал продемонстрировать пренебрежение своей сестре?

— Ну, не совсе-ем. Когда он услышал, что она приедет в Трайфорс, то стал так ругаться, что крыши задымились, а потом велел мне приготовить собачью конуру для... леди и мрачно удалился в свое гнездо.

— Но Герои готовы выполнять свой долг даже перед лицом опасности? О каком гнезде идет речь?

— Видите ту высокую башню? Это Гнездо Стервятника. Безумный старый Терек сейчас наблюдает оттуда за вами. У него глаз орла, но сострадания намного меньше. Постарайтесь не смотреть на него при встрече.

Фабию слова Фелларда позабавили.

— Вы оскорбляете своего господина и унижаете его сестру. Не опасаетесь, что прорицательницы на вас донесут?

— Только в том случае, если Терек задаст правильный вопрос, а он этого делать не станет. Я не намерен его предавать.

— Вы в самом деле полагаете, что Дом Храгов близок к падению?

— Да, и произойдет это скоро, — ответил Феллард. — Я третий в цепочке командования Стервятника, и каждую ночь мне снится его голова на подносе.

Дворец, похожий на каменный лабиринт, мрачный, словно гробница, поразил Фабию. «Если кто-нибудь принесет цветок в эти унылые стены, — подумала Фабия, — он рассыплется в пыль». Повсюду стояли хмурые веристы, охраняющие проходы.

Даже в женских покоях все выглядело мрачным, темным и пыльным, как будто тут уже целое поколение никто не убирал. Здесь Фабия обнаружила полдюжины служанок, смущенных и напуганных, которые вскоре признались, что вообще-то они прачки. Их призвали ухаживать за благородными гостями, но они не обучены этому делу и понятия не имеют, что от них требуется.

К тому моменту, когда появилась Салтайя, Фабия успела организовать девушек и они растопили камины. Она уже забралась в почти горячую ванну и осматривала одежду, которую ей принесли.

— Это, — заявила Салтайя зычным голосом, — мои покои. А твои тебе сейчас покажут. И помни, у моего брата есть верные прорицательницы. Тебе не сбежать!

— Сбежать — и пропустить собственную свадьбу? — удивилась Фабия.

Она не сомневалась, что Хорт что-то задумал, хотя и отказывался об этом говорить. Она гораздо меньше верила таинственной Вуали, которой прекрасно подходило ее имя. Она может прийти на помощь, а может и бесследно исчезнуть.

По мере того, как день клонился к вечеру, настроение Салтайи ухудшалось, а Фабия получала все большее удовольствие от происходящего. Когда Салтайя захотела встретиться с сат-

рапом, ей сказали, что он занят. Когда она потребовала еды, ей принесли лишенную всякого вкуса кашу, которой кормили рабов; мясо обещали подать позже, когда настанет время трапезы для Героев. Даже Дарага ей найти не удалось. Если капиталы Салтайи находились у него, то он вполне мог быть на полпути к Косорду, оставляя за кормой лодки пенный след.

Салтайя встала, подобная черному солнцу.

— Я намерена увидеть сатрапа.

Фабия заинтересовалась.

— Да, миледи?

— Идем со мной.

Салтайя неплохо знала дворец. Четыре раза веристы пытались ее остановить, но потом отступали — вооруженные мужчины, вдвое выше ее ростом, и в три раза младше. Этому будет полезно научиться, подумала Фабия, но использовать хтоническую силу так явно слишком опасно.

Когда они подошли к каменной лестнице, крутой и узкой, Салтайя пропустила Фабию вперед. Ступеньки были стертыми и плохо освещенными, и Фабия заподозрила, что Салтайя решила проверить ее способности, а потому несколько раз споткнулась, однако постаралась идти быстро и вскоре услышала тяжелое дыхание немолодой женщины у себя за спиной. Лестница часто меняла направление, и они проходили мимо узких окон справа или запертых дверей слева.

На самом верху Фабия увидела приоткрытую дверь, широко распахнула ее и вошла в Гнездо Стервятника, которое оказалось больше, чем она ожидала. Это была круглая комната со множеством окон, наполненная солнечная светом, однако здесь гуляли сквозняки и царил холод. Помещение выглядело таким же неухоженным, как и весь дворец — ковры и смятые одеяла покрывали стоящую в центре постель; повсюду валялись глиняные таблички, брошенная одежда, винные бутылки лежали на столах, стульях и на полу. В комнате было двое мужчин.

Точнее один мужчина и некое существо.

— Кто ты? — закричало существо высоким необычным голосом. — А, это ты!

Салтайя отодвинула в сторону Фабию и вошла вслед за ней.

Если бы Стервятник выпрямился, то стал бы очень высоким, но все его туловище было наклонено вперед от бедер почти горизонтально, кожистая голова торчала на длинной, морщинистой шее. На нем был медный ошейник и грязная оранжевая накидка. Сложив руки за спиной, он двинулся вперед, глядя на незваных гостей запавшими желтыми глазами. Он шел, словно петух по скотному двору, высоко поднимая когтистые ноги. *Цок... цок...*

— Да, это я! — Салтайя сделала два шага ему навстречу.

Он остановился. Мгновение они молча смотрели друг на друга, потом Терек не выдержал и отвернулся. Он вытащил из-за спины тощую руку и указал на Фабию пальцем.

— Кто она?

С некоторым опозданием вспомнив совет Фелларда, Фабия склонилась в реверансе. Терек обошел Салтайю и приблизился к девушке. Она поняла, что смотрит на костлявые голые ноги, пожалуй, самую странную часть его тела — обычного размера бедра, но невероятно длинные голени и ступни. Пальцы ног были покрыты чешуей, а из пяток торчали жуткого вида шпоры.

— Фабия Селебр, — сказала Салтайя. — Дочь дожа Селебры и будущая жена Катрата Хорольдсона. Где он?

— Ни к чему унижаться. Встань! — рявкнул монстр. — Хорошенькая! — Широко улыбнувшись беззубым ртом, он коснулся щеки Фабии когтем, и она не сумела сдержать дрожь. — Селебра, говоришь? Хорошо! Священный Сьену опять шалит! Верно, Леорт? — Он захихикал и обернулся.

Только теперь Фабия обратила внимание на второго человека, который сидел на стуле и смотрел в окно. Теперь он повернулся к ним. Это был молодой верист в шарфе командира синего фланга.

— Да, создается такое впечатление, милорд. — Он неспешно встал, потянулся и только после этого двинулся к остальным.

— Где Хорольдсон? — повторила Салтайя.

— Этот червяк? Ты хочешь посмотреть? — резко спросил Терек у Фабии. — Я покажу. Сюда. — Схватив ее за руку костистыми пальцами, он повел Фабию к восточному окну. Улыбающийся Леорт отступил в сторону, давая им пройти, но так, чтобы Фабии пришлось его задеть. Однако она умудрилась проскользнуть мимо, извиваясь в сильных пальцах сатрапа.

Башня поднималась над зубчатыми крышами города. Отсюда открывался вид на заснеженные болота, сверкающие под сине-фиолетовыми небесами. На северо-западе виднелись многочисленные рукава Врогга и бесконечные равнины, где все еще не унималась вьюга.

— Вон там, дитя, видишь? — Терек вновь захихикал, показывая на восток. — Нет, отсюда нельзя рассмотреть Нардалборг. Даже я его не вижу. Но он там, за холмами. Если бы не холмы, я мог бы разглядеть убежище «На полпути». Ты не смогла бы. Именно там твой нареченный был прошлой ночью, если только не замерз до смерти. — Он вновь рассмеялся. — Я его не вижу. Даже я. Зато сегодня утром я видел мамонта.

— Отпусти ее! — Оттолкнув Леорта в сторону, к ним подошла Салтайя. — Отзови мальчика в Трайфорс. Я хочу, чтобы состоялась свадьба и брачная ночь.

— Нет времени. — Ее брат повернул в сторону свою кошмарную голову и зашагал прочь. *Цок... цок...* — Караван уже и так опаздывает. Отправь ее туда. Они могут пожениться в Нардалборге. Или просто устроят себе брачную ночь, а? — Он пронзительно взвизгнул. — Полагаю, хотя бы на это болван способен.

Салтайя явно теряла терпение.

— Очень хорошо. Мы отправимся рано утром — ты, я, твоя прорицательница, девушка...

— Только не *завтра!* — Он резко повернулся, царапнув когтями пол. — Завтра опасно, верно, Леорт?

— Мой господин добр, — довольно тихо, но вполне искренне пробормотал командир фланга.

Он одарил Фабию смущенной улыбкой. У него также были желтые глаза, но если сатрап был человеком-птицей, то юноша — котом.

— Стада перемещаются, — сказал Терек.

Во всяком случае, Фабии представилось, что он это сказал — из-за отсутствия зубов он присвистывал.

— Не *все* стада, милорд, — уточнил Леорт, все еще чем-то очень довольный.

— Да, не все. Она может отправиться послезавтра. Леорт поведет последнюю часть Шестого каравана. Его фланг и твои люди, если от них будет хоть какая-то польза. А Леорт полезен, верно, Леорт? Скажи им, что тебе не терпится перебраться через Границу.

Золотые глаза обратились к Салтайе.

— Месть, миледи. — У него был низкий хриплый голос. — Оба моих брата убиты предателями-флоренгианами. Эти негодяи поклялись в верности лорду крови, а потом нарушили клятвы. — Он продолжал улыбаться.

Терек захихикал.

— Нельзя доверять флоренгианам!

— Вы правы, милорд.

Их общая шутка разозлила Салтайю.

— Что ты задумал? Почему ты здесь прячешься?

— Наблюдаю! — ответил ее брат. — Мы уже полдня наблюдаем, верно, Леорт? — Он опять захихикал. — Прорицательница сказала, что он идет. Увидел мамонта и послал за прорицательницей. Послал за Леортом. Смотрел на дорогу.

— Кто идет?

Глаза хищника обратились к Фабии.

— Сьену любит шалить, а?

Фабия догадалась, кто идет. Хотя священный Сьену — бог вина и веселья, Его же называли богом чудесных совпадений.

Довольно долго дрожащая Фабия стояла у окна, глядя на заснеженные холмы. Салтайя и Терек о чем-то тихо беседовали возле другого окна с подветренной стороны, так что их слова не долетали до девушки. Леорт, сгорбившись, сидел на стуле и правил свой кинжал о подошву сандалии, не сводя пристального взгляда с Фабии.

В башню вошел юноша. Она знала, чего ожидать, однако верист со смуглыми руками, ногами и лицом флоренгианина произвел на нее сильное впечатление. Он коротко стриг волосы и бороду, а на руках и ногах она увидела необычные белые отметки. Лишь потом она сообразила, что это старые шрамы. У него были такие же глубоко посаженные глаза, как у Бенарда, а плечи чуть пouже. Несмотря на это, он выглядел очень сильным. И очень молодым.

Верист низко поклонился сатрапу, не выказав ни малейшего отвращения, из чего следовало, что они встречались и раньше. На Салтайю он не обратил ни малейшего внимания, — стало быть, не знал, кто она такая. На Фабию он даже не взглянул, приняв ее за обычную служанку.

— Ага, воин Орлад!

— Командир фланга Орлад, — пробормотал Леорт.

— *Командир фланга!* — Терек чуть приподнялся и сразу возвысился над всеми, хотя и не занял вертикального положения. Затем его туловище вновь опустилось. — Надо же. Вольно! Что случилось с синей стаей?

Юноша выпрямился.

— Они в безопасности, милорд, но потери составили шесть человек. Им пришлось провести две холодные ночи в убежище. Сегодня утром мы доставили им пищу и они направились в Нардалборг на мамонтах.

— Понятно. Хорошо... хорошо... Это Леорт. Его фланг сегодня присоединится к Шестому каравану.

Орлад поклонился вигелианину, который улыбнулся в ответ, не вставая со стула.

— Я завидую ему, милорд! Я просил о переводе во Флоренгию, но командир охоты Хет все еще рассматривает мое прошение.

— В Шестом уже многовато командиров флангов.

— Я буду счастлив вновь стать воином и с нетерпением жду возможности служить под началом вашего брата, милорд.

На мгновение сатрап прикрыл жуткие желтые глаза.

— Конечно, конечно... Этого следовало ожидать.

Наступила тишина.

Орлад с тревогой огляделся. Даже если его юношеский пыл был искренним, он не мог не почувствовать царившего в башне напряжения — Салтайя молча наблюдала за ним, Терек улыбался Леорту, Леорт улыбался в ответ и никто не обращал внимания на Фабию.

— Вы призвали меня, милорд?

— Э-э-э... Да, конечно, призвал. Я хотел, чтобы ты встретился со своей сестрой.

— Я не знал, что у меня есть сестра.

Он с упреком посмотрел на Фабию, словно она была в этом виновата.

— А я не знала, что у меня есть братья. — Фабия подошла к нему, протягивая руки. — А потом мне сказали, что у меня их три. Меня зовут Фабия Селебр.

Он словно и не увидел протянутых рук.

— А как зовут остальных?

— Старший — Дантио — мертв. Бенард — художник в Косорде, очень талантливый художник. — С Бенардом она познакомилась под внимательным взглядом Ингельд Нарсдор, но змеиные глаза Салтайи вызывали у нее куда большее раздражение. — А ты Орландо Селебр.

— Нет! Я Орлад Орладсон! Зачем ты здесь?

Он вел себя так, словно во всем была виновата Фабия. Это ужасно ее злило, однако она чувствовала, что за его холодной манерой стоит ужасная боль. Ей хотелось обнять его так, чтобы заскрипели ребра, как обнял ее Бенард, но Фабия подозревала, что в таком случае он сотрет ее в порошок. Миру запрещалось прикасаться к командиру фланга Орладу.

— Что тебе известно о нашей семье?

— Ничего, и я ничего не хочу знать.

Фабия понимала, что ему пришлось труднее, чем ей. Она была готова к встрече с братьями, а он — нет. Орлад стоял перед своим господином, и она видела пламя боли, пляшущее в его глазах.

— Даже это имя, — гневно сказал он. — Селебр! Получить имя в честь города-предателя!

— О чем ты?

— А ты не знаешь? Гнусный Кавотти был гражданином Селебры.

Вероятно, Кавотти — один из флоренгианских повстанцев.

— Как и ты, брат. А наш отец — дож Селебры.

— Кто это?

— Правитель, которого избирают пожизненно. Сейчас он очень стар и болен.

— Пусть умирает. Он сдался без боя.

— Нет, он сражался! Его армия была уничтожена. Когда он умрет, старейшины выберут одного из нас правителем Селебры. Я возвращаюсь во Флоренгию. Я должна выйти замуж за Катрата Хорольдсона и...

— *За кого?*

— Ты его знаешь?

Орлад бросил быстрый взгляд на Салтайю; потом посмотрел на Терека, который довольно ухмылялся; на лице Леорта застыла хищная улыбка; наконец Орлад обратился к Фабии.

— Быть избранной для брака с благородным домом Храга — большая честь, на которую ты не могла и рассчитывать при такой родословной. Постарайся стать ему достойной женой. — Он повернулся к Тереку. — В Селебре наследование передается по женской линии, милорд?

— Так будет на этот раз, — мрачно заявила Салтайя.

Орлад почувствовал, что его окружают со всех сторон.

— Миледи? Не имел случая...

— Салтайя Храгсдор.

Он вновь поклонился.

— Это огромная честь для меня.

— Возможно. — Как обычно, ее лицо оставалось непроницаемым. — Ты говоришь по-флоренгиански?

— Совсем не говорю, миледи.

— А пятнадцать лет назад говорил, — вмешался Терек.

— И все забыл, — упрямо сказал Орлад. — Я вигелианин — пусть не по рождению, но я этим горжусь.

— Ты хочешь еще поговорить со своей сестрой?.

— Нет, миледи... Могу лишь пожелать ей хранить верность вашему благородному дому, как всегда буду верен ему я.

— Спокойно, спокойно, спокойно... — пробормотал Терек. Потом он раздвинул губы и обнажил десны, изображая улыбку. — Думаю, тебе следует отправиться с Шестым караваном. Составишь компанию сестре... когда ее муж сделает свое дело! Передашь командиру охоты, что это мой приказ. Столь трогательная верность должна быть вознаграждена, не так ли, Леорт?

— *Мой господин добр!* — вскричал Орлад.

— Леорт найдет для тебя место в левом фланге. Да, Леорт? И место для ночлега.

— Фабия нам больше здесь не нужна, — сказала Салтайя. — Пусть ее запрут и надежно охраняют. Если она будет прилично себя вести, она не должна пострадать.

— Исполняй, Леорт.

— И стереги ее под страхом смерти! — рявкнула Салтайя.

— Да, да, да... — протянул ее брат. — Под страхом смерти, слышал, Леорт?

— Под страхом смерти. — Воин улыбнулся господину.

— Хорошо, хорошо. Желаю тебе интересного путешествия домой, командир фланга Орлад.

ГЛАВА 37

Салтайя Храгсдор подождала, пока молодые люди уйдут, и затем сказала:

— Ты безумен, действительно безумен. Этот юноша тебя боготворит.

Терек повернулся к ней и побагровел.

— Нельзя верить флоренгианам! Он нарушит клятву, как только ему подвернется такой шанс!

— Ты делаешь все, чтобы он не хранил тебе верность.

— О какой верности ты говоришь? Они убили моих сыновей!

И он сердито отошел в дальний конец комнаты, подальше от Салтайи.

Она вздохнула и приблизилась к веревке с колокольчиком. Из всех сыновей Храга Терек был самым своенравным. Если бы Терека оставили в покое, из него получился бы неплохой фермер, но она и Храг сделали из него такого сына, какого хотел видеть Храг. В некотором смысле Терек стал самым опасным бойцом. Нет, он не стратег, но даже Стралг, несмотря на все свои способности и безжалостность, не может сравниться с Тереком в рукопашной схватке. Конечно, Терек не слишком надежен — а как иначе? — и теперь возраст и уродство сделали его безумие очевидным для всех.

— Они и моих сыновей убили, но Орлад тут ни при чем. — Юный Селебр произвел на нее приятное впечатление. Она от-

правила бы его домой вместо сестры, если бы он знал флорентианский, но дож, не говорящий на родном языке, бесполезен. К тому же поспешное Придание Формы, необходимое, чтобы сделать его послушным, лишило бы его способности быстро соображать. — Я два года не видела Катрата. Он изменился к лучшему?

— Тьфу! Ядовитый маменькин ублюдок. Он из тех, кого находят со сломанной шеей после вечеринки — и если флорентиане не прикончат его во время первого сражения, это сделают его товарищи.

Салтайя считала, что неприятности Катрата связаны не с матерью, а с отцом.

— Что думаешь о девчонке Селебр?

— Я бы не прочь отведать ее дынек. А что еще я могу о ней думать?

— Она Избранная.

Сатрап взревел, точно онагр:

— Что? Ты шутишь!

— Я не до конца уверена. Но если это так, то она очень хороша.

Невероятно хороша для своего возраста. Смерть Перага, вопиющее дезертирство — неприятности случались, но не слишком много и могли быть обычной случайностью. Однако девчонка слишком умна, чтобы открыто выступить против Салтайи.

— Неужели ты не можешь это выяснить? — Терек словно намекал: если ты не можешь, то кто?

— Испытаем ее завтра.

— Как? — Он подозрительно посмотрел на сестру.

— У тебя есть по-настоящему жестокие веристы без малейших зачатков совести, которые выглядят соответствующим образом?

Он рассмеялся.

— Несколько дюжин.

— Мы пошлем самого уродливого в ее камеру с приказом изнасиловать девчонку. Если он справится, значит, она вне подозрений.

А если нет, то Салтайя сядет рядом с Фабией и объяснит ей ряд фактов жизни — и смерти, в том числе — и то, как *слепить* из Катрата нечто полезное. В семье не помешает еще одна Избранная.

— Однако мы говорим о девушке, помолвленной с твоим племянником.

— А ему не нужно об этом знать. — Салтайя стояла возле окна, где висела веревка с колокольчиком.

— В любом случае, их уже четыре! — сказал Терек. — Не три, а четыре. — Он вновь отошел от Салтайи подальше.

— Кого четыре?

— Погибших сына. Ты не получила почту? С *глубоким* прискорбием я вынужден сообщить, что командир охоты Квирарл убит. — В его беззубой усмешке не было ни капли сочувствия.

Квирарл Эйдсон, ее младший! На мгновение Салтайя потеряла дар речи, на нее накатили воспоминания о его улыбке и смехе. Чувство было такое, будто ее предали. Мать Смерти, ты жестоко испытываешь служанку! После океанов крови, которые она пролила в честь Древнейшей, ей казалась несправедливой гибель стольких ее детей в таком юном возрасте. «И это ведь не ради меня, Мать, а ради Семьи! Династии необходимы наследники, а Ты забираешь слишком многих!»

Она заколотила кулаками по подоконнику. О Квирарл, Квирарл! Ни один из ее сыновей, рожденных от Эйда, не стал воином, который мог бы сравниться с сыновьями Храга — отчасти из-за того, что Эйд — не Храг, а отчасти потому, что ей пришлось *лепить* их без помощи Храга. Квирарл был лучшим из ее второго выводка, вероятно из-за того, что его отцом стал не Эйд. И вот теперь его нет?

— Как он умер?

— Это произошло весной. Стралг лишь сообщил, что он попал в засаду во время патрулирования. Если повстанцы взяли его живым, то его смерть была долгой и мучительной.

Она содрогнулась. Одни плохие вести с тех самых пор, как она покинула Скьяр! Сначала ее расстроил Хорольд, потом Терек. А теперь Квирарл. По дороге домой ей придется еще раз остановиться в Косорде, чтобы привести в порядок Хорольда, да и Терек очень сильно сдал со времени их последней встречи. Интересно, сколько еще полезной жизни в нем осталось? Быть может, ей следует использовать его в качестве примера, обучая Фабию тонкостям Лепки. В самое ближайшее время она определит, как далеко все зашло.

— Мне нужны два телохранителя.

— Симпатичных, естественно. — Он ухмыльнулся. — Ты все еще предпочитаешь красавчиков?

— Мне нужны воины, которые приехали вместе со мной. Эрн Джангрсон и Брараг Брарагсон. Пошли за ними. — Они действительно были очень видными парнями, но в последнее время Салтайя выбирала красивых воинов только по привычке. Кроме того, ее забавляло, что люди думали, будто им известно о ее слабости. Она уже несколько лет не подпускала к себе мужчин, хотя почти наверняка даже сейчас была способна рожать детей. — И прорицательницу. Я хочу спросить ее о дезертирах.

Терек не настолько спятил, чтобы окончательно запереться в своем орлином гнезде; внизу он держал наготове людей.

— Дерни за веревку, — проворчал он.

— Сам дерни. — Она отвернулась и стала смотреть в окно.

С опаской глядя на сестру, он подошел к веревке и уже собрался за нее потянуть, когда Салтайя применила Подчинение. И хотя он попытался отойти в сторону, она успела взять его под контроль, стараясь действовать осторожно, чтобы он не почувствовал ее прикосновения. Терек замер на месте.

По лестнице взбежал мальчик и сразу же склонился в поклоне.

— Милорд?

— Позови воина... — начал он.

— Командира фланга Эрна Джангрсона, — перебила Салтайя, — и воина Брарага Брарагсона.

— Немедленно! — взревел Терек. — Да, и прорицательницу. Если задержишься, я снова прикажу тебя выпороть.

Мальчик исчез, взывая о помощи.

Салтайя подошла к Тереку и взяла его голову обеими руками, заставив выпрямиться так, чтобы их глаза оказались на одном уроне. Он застыл, в остекленевших глазах появился ужас.

Когда-то его разум был так же хорошо знаком Салтайе, как и его лицо, но то, что она обнаружила сейчас, вызвало у нее отвращение. Развалины! Словно дом, сползающий в болото, город, перенесший землетрясение... стены потрескались и обвалились, колонны рухнули, повсюду выросли сорняки. Все неправильно, все! Не поддающиеся определению вещи шевелились в темных углах. Искалеченный разум Терека потряс Салтайю. Содрогнувшись от отвращения, она принялась изучать его сознание и понемногу его переделывать.

Она ткнула мысленным пальцем в гноящийся нарыв.

— Говори.

— *Клятвопреступники!* — пробормотал он. Конечно, он имел в виду пресловутых флоренгианских мятежников... А жуткий темный мрак это, наверное, Храг. Она коснулась его. — *Отец*... — Пурпурное пятно, вспомнила Салтайя, это она сама, еще более зловещая, чем Храг, в саване страха. У всех мальчиков возникло одинаковое восприятие Салтайи, оно отличалось лишь деталями. А пульсирующая красная боль — Орлад Селебр. Она двинулась дальше, чтобы взглянуть на мелкие расщелины, альковы и ниши, служившие прежде блистающими источниками разума. Три смутных мерцающих мазка? Она прикосну-

лась к ним, и Терек произнес имена своих мертвых сыновей:
— *Нарс... Храг... Стралг...*

И больше никого; пока она не обнаружила ни одной женщины. Как и Стралг, Терек ни с кем не сближался; сможет ли сейчас нимфа иметь дело с такой горгульей?

Все неправильно, все извращено. Ей потребуются не меньше тридцати дней, чтобы восстановить хотя бы некое подобие порядка, но как долго он продержится? И думать нельзя о том, чтобы начать работу прямо сейчас, в башне, вдалеке от холодной земли. Здесь? Нет. Здесь? Она обнаружила нечто большое и тщательно скрытое. Страх усилился, начал пульсировать. Ей пришлось пройти сквозь стены, покровы, баррикады... мягко и осторожно, чтобы ничего не разрушить...

— Кто?

Терек что-то забормотал, пуская слюни.

Тогда она нажала сильнее.

— *Кто?*

Эмоции запылали в агонии.

— Хет.

Мужское имя. Мальчиками интересовался Карвак, а не Терек. Она немного отступила и вновь оказалась снаружи, глядя на Терека и продолжая сжимать в ладонях его голову. С его губ капала слюна. Он отчаянно сопротивлялся, пытаясь выйти из транса.

— Скажи мне, кто такой Хет? — Она вновь прибегла к Подчинению.

Он простонал:

— Хет... Хетсон...

Ублюдок. Вот как! Салтайю рассердило, что Терек скрыл от нее племянника, но его еще не поздно использовать — тут многое зависит от возраста ребенка. Лепить лучше всего кровных родственников. Видит Ксаран, у нее их почти не осталось! Мальчик Хет может оказаться не менее податливым материа-

лом, чем Катрат Хорольдсон. Завтра, когда она заставит Терека спуститься вниз и начнет с ним работать, она выяснит, откуда взялся внебрачный ребенок, где он сейчас и сколько ему лет.

— Когда я освобожу тебя, ты забудешь все, что произошло после ухода слуги. — Она отступила назад.

Он подскочил, хмуро посмотрел на нее и направился в противоположный конец комнаты, не понимая, почему у него вдруг закружилась голова.

Салтайя взяла табурет и тяжело села. Мать, как она устала! День или два на реке не причиняют особого вреда, но бесконечное путешествие от Скьяра страшно ее утомило. Ей недоставало силы холодной земли. Шестьдесят лет назад она бы ничего не заметила. Она уже начала чувствовать приближение старости и перестала контролировать все вокруг себя.

Теперь она понимала, что была слишком жадной. Двадцать лет назад Семья управляла всей Вигелианской Гранью, и лишь время от времени возникали слабые попытки сопротивления — история еще не знала такой сильной гегемонии. Ей следовало этим удовлетвориться, но Стралг убедил ее, что веристы обратятся против самих себя, если у них не будет внешних врагов. Она не стала возражать против его вторжения во Флоренгию. Он с такой легкостью подчинил себе новые земли, что даже начал мечтать о покорении Ашурбианской Грани.

Десять лет назад Семья контролировала две Грани, шестую часть мира, и сыновьям Храга досталось самое солидное наследство в истории Додека. Затем мятеж Кавотти заставил их взглянуть в глаза суровой правде.

А теперь?.. Теперь нельзя исключать, что однажды она покинет Флоренгию и вернет все оставшиеся силы обратно, чтобы успокоить Вигелию. В живых осталось так мало потомков Храга! Салтайя не боялась мертвых — они безобиднее любых людей. Даже если привидения или ходячие мертвецы существовали, ей не было до них дела. Однако она подозревала, что Храг мог

стать исключением, что даже Древнейшей не хватило сил его удержать. Иногда ей снился старый монстр — обычно он смеялся над ней, насылая зло на своих потомков, чтобы они не сумели удержать то, о чем мечтал он сам. Но все это происходило только во снах.

И все же надежда оставалась. Если девчонка Селебр сумеет *вылепить* из жалкого Катрата полезный инструмент, а она сама сможет использовать Хета, то положение еще удастся исправить.

— Какие новости от Стралга? — спросила она.

Терек повернул к сестре свою птичью голову.

— Он всегда очень скуп на слова. В любом случае, ничего хорошего во Флоренгии не происходит. Он что-то говорил об укреплении Селебры. Хочет использовать ее в качестве опорного города.

Укрепить Селебру? Да не допустит этого Мать!

— С каких пор веристы укрепляют города?

— Противник имеет огромное превосходство в численности армии! — заверещал сатрап. — Веристы-предатели размножаются как тараканы, но непосвященные еще хуже! Веристы строят укрепления, чтобы воевать с непосвященными. За тем я и воздвиг Нардалборг, безумная старая ведьма!

Неужели Стралг, как и его братья, проигрывает? Она могла потребовать, чтобы Терек прочитал ей его письма, однако она и сама все узнает после возвращения в Скьяр, пусть и задним числом. Приближается зима, горные переходы закрыты. Вполне возможно, что главной новостью весны окажется появление орды флоренгиан с головой Стралга на шесте.

Послышались быстрые шаги, и в комнату вбежал вспотевший, задыхающийся Брараг. Он остановился в дверях и низко поклонился.

— Мой господин добр!

— Вольно, мальчик. — Терек со свистом рассмеялся, словно в словах Брарага было что-то смешное. — Сообщи вожаку стаи, что ты будешь сопровождать мою сестру.

Брараг выпрямился и с опаской поглядел на Салтайю.

— Госпожа?

Салтайя с улыбкой подошла к нему — и он оказался под ее воздействием. Несомненно, Брараг — самый привлекательный верист из всех, кто вместе с ней уехал из Скьяра. Она применила Подчинение, используя все доступные на такой высоте силы.

— Ты будешь меня охранять ценой собственной жизни.

Голубые глаза остекленели.

— Я буду охранять вас ценой собственной жизни.

Она его отпустила. Брараг неуверенно заморгал.

— Это... огромная честь, моя госпожа. Быть вашим стражем. — Он лгал, как никогда не лгал прежде.

От его лжи воняло.

— Вот и хорошо. Подожди меня внизу. Я скоро спущусь... Проверь, как там Фабия Селебр. Она заперта. Пусть ее хорошо охраняют. Скажи страже: если она сбежит, я их подвешу за яйца.

Брараг ухмыльнулся.

— Моя госпожа добра!

Она сделала удивленное лицо.

— Разве это доброта? Клянусь Двенадцатью, у тебя странные представления о доброте, командир фланга. А что еще доставляет тебе удовольствие?

Он густо покраснел, даже щетина на щеках не смогла это скрыть, и забормотал, что он вовсе не хотел... Салтайя развеселилась. Если она когда-нибудь вновь допустит мужчину в свою постель, Брараг — первый кандидат.

— А теперь иди! — сказала она, и он убежал.

Терек прижался к стене, словно огромная змея, с ужасом глядя на сестру. Он всегда так реагировал, наблюдая за тем, как она применяет свою силу. Потом Салтайя стирала воспоминания из его сознания — перед отъездом она об этом позаботится.

— Так вот что ты проделываешь с нами? — прохрипел он. — Со мной и всеми остальными?

— Нет. С тобой и с братьями я этого никогда не делала.

— Клянешься? — Его голос дрогнул.

— Клянусь священной Ксаран, — назло ответила она, чтобы еще раз насладиться его яростью. — Да и действие моих чар быстро заканчивается. Мне приходится их постоянно обновлять, а потом, дней через тридцать, я отпускаю жертву. Я никому не причиняю вреда.

В принципе, так оно и было. Подчинение — мелочь по сравнению с Лепкой, но если применять его в больших дозах, разрушение идет гораздо быстрее. Эрн и Брараг почти наверняка выживут, а вот ее служанка, Гуита, стала практически бесполезной — несмотря на то, что проработала у нее меньше года. Хотя Пераг продержался гораздо дольше остальных, к концу он совсем обезумел. Очень скоро она хотела приказать ему покончить с собой, если бы девчонка Селебр не избавила ее от трудов.

Салтайя вернулась к своему стулу, дожидаясь, когда явятся Эрн и прорицательница. Квирарл, Квирарл! Мой мальчик... Сегодня она предложит Древнейшей кровь и будет молиться о том, чтобы удача вновь повернулась к ней лицом.

Свидетельница вошла и закрыла за собой дверь. Остановившись у входа, она достала свою прялку и, не обращая внимания на сатрапа и Салтайю, начала прясть. Она была высокой, худой и скорее всего молодой, поскольку не запыхалась после долгого подъема.

— Спроси у нее, куда девался мой эскорт, — сказала Салтайя. — Половина Героев, выступивших со мной из Косорда, так и не добралась до Трайфорса. Где они?

Терек все еще вжимался в стену, словно пытался выбрать максимально далекое от Салтайи место.

— Отвечай, Свидетельница.

— Они ни разу не попадали в пределы моего восприятия, — ответила прорицательница.

— Что говорит о них Мудрость?

— Отвечай.

— Этого я пока не могу знать. — Ее веретено продолжало вертеться.

— За последний год многие и многие веристы так и не добрались до Трайфорса. Знаешь ли ты, куда направились хотя бы некоторые из них?

Получив подтверждение от Терека, прорицательница сказала:

— Да. Я могу составить список, но это займет некоторое время.

Ага! Наконец что-то определенное!

— И где же находится большинство из них? — нетерпеливо спросила Салтайя.

Терек велел прорицательнице отвечать.

— Большинство из них отправились в лагерь мятежников в Натервале.

Терек отлепился от стены.

— Мятежников?! Каких мятежников?

— Известно, что мятежники, которые собираются возле Натерваля, называют себя Новым Рассветом.

Терек приблизился к прорицательнице — по-прежнему стараясь держаться подальше от сестры.

— Сколько их? Кто их командир?

— *Известно*, что его зовут командир орды Арбанерик Крэнсон. По последним сведениям их шестнадцать раз по шестьдесят, четыре дюжины и еще трое, но так было три тридцатки назад.

— Арбанерик! Я его знаю. Он потерял руку во Флоренгии. Вернулся домой год или два назад. — Терек был вне себя от ярости. — Предатель! Клятвопреступник!

Салтайя прикидывала, как быстро дойдет письмо к Эйду в Скьяр и кому она может довериться. Быть может, ей следует послать на помощь Хорольда. Ей бы и в голову не пришло искать мятежников поблизости от Натерваля. Арбанерика необходимо уничтожить, пока он не стал еще сильнее.

ГЛАВА 38

Фабия Селебр была близка к панике. Ее комната не была темницей, но не слишком от нее отличалась. Сквозь массивную деревянную дверь доносились голоса стражников — если она прижималась к замочной скважине. Ей дали пыльное одеяло и кувшин с водой, но никто и не подумал предложить постель, к тому же в комнате не оказалось светильника. Только остатки вечерней трапезы и ночной горшок. Она проклинала себя за бездействие, за нежелание взглянуть правде в глаза. Теперь богатство Хорта уже не могло ей помочь.

Окно было достаточно большим, и она могла бы вылезти наружу. Конечно, оно выходило на людную улицу, зато находилось не слишком высоко, и Фабия легко спрыгнула бы на землю. После захода солнца на улице станет тихо. К несчастью, окно закрывала прочная бронзовая решетка, намертво заделанная в каменные стены, и Фабия не представляла, что с ней можно сделать.

Если Древнейшая и давала Избранной силу, которая позволяла выбраться из тюрьмы, Фабия не знала, в чем она состоит и как ее пробудить. Однако этот секрет наверняка известен Салтайе, которая постарается ей помешать. Как и следовало ожидать, в комнате был деревянный пол, Фабия находилась далеко от холодной земли и чувствовала лишь тоненькую струйку Материнской силы, идущую от каменного подоконника.

Салтайя Храгсдор, которая так долго правила Вигелией, не стесняясь в средствах, могла легко заставить сопротивляющуюся девушку выйти замуж. Она вынудит Фабию подчиниться, угрожая Хорту, а позднее избавится от него в Приграничных землях. Верк и остальные воины отца далеко, к тому же они бессильны против веристов. Обманутый Орлад полностью на стороне Салтайи. Бенард либо в бегах, либо убит. И даже если он рядом, от мастера-художника Бенарда мало практической пользы. Таинственная Вуаль не давала о себе знать с тех пор, как они увиделись в Косорде. Теперь у Фабии не осталось сомнений, что через два дня — в лучшем случае через три — она станет женой презренного Катрата, для которого даже у матери не нашлось доброго слова.

Стемнело. Шум на улице стих, и до Фабии лишь изредка доносились голоса прохожих. Она была слишком напугана, чтобы раздеться, и улеглась на одеяло. Каким-то образом она умудрилась заснуть, и ей приснилось, что кто-то швыряет камни в ставни. Наконец шум начал так сильно ее раздражать, что Фабия очнулась.

Дзынь!

Она вскочила на ноги и едва не упала, бросившись к окну. Фабия выглянула наружу. В темноте трудно разглядеть флоренгианские лица.

— Одевайся, — прошептал Бенард. — Я тебя поймаю.

Она была одета, но ей требовалось время, чтобы прийти в себя. Как Бенард здесь оказался, как сумел ее найти? Может быть, это иллюзия, магия Салтайи? Салтайя наблюдает за ней... Вуаль! Разыскивая туфли, Фабия торопливо соткала вокруг себя паутину мрака — не настолько плотную, чтобы Бенард не мог ее увидеть, но достаточную, чтобы спрятаться от стороннего наблюдателя. Она высунулась из окна.

— Я готова.

Бенард, не обращая на нее внимания, оглядывал улицу. Фабия бросила в него туфли, и он подскочил. Она скользнула по подоконнику, словно рыба, и оказалась в его руках. Он легко ее удержал, прижал к груди и поцеловал в щеку.

Потом Бенард накинул ей на плечи темный шерстяной плащ.

— Туфли... Не беги. Иди так, словно тебе все здесь знакомо.

Они спокойно зашагали по улице, его бронзовая рука лежала у нее на плече, поддерживая и успокаивая. В свете звезд улица оставалась совершенно пустынной. О звезды! В Скьяре и даже в Кирне Фабия никогда не видела такого неба.

— Я так рада, что ты со мной! — сказала она, с трудом сдерживая слезы облегчения. — Где ты был всю мою жизнь? Только сейчас я поняла, как сильно мне не хватало братьев или сестер. Я видела Орлада! Есть ли хоть какая-то надежда вызволить Хорта? Куда мы идем? Когда ты сюда приехал?

— Вчера. Хорт свободен, так говорит прорицательница.

— Но как ты узнал, где я нахожусь?

— Вуаль указала мне нужное окно.

— Значит, Вуаль... подожди минутку! *На окне была решетка!*

Даже очень сильный скульптор не смог бы вырвать такие толстые прутья. Кроме того, на окне не осталось никаких следов.

— Да, были, — согласился брат. — Уродливые штуки! Я решил, что без них лучше.

ГЛАВА 39

В детстве Герой Орлад бывал в Трайфорсе, однако смутно его запомнил. Теперь город как-то съежился. Сильнее всего ему запомнились ежедневные драки. С тех пор ничего не изменилось, только теперь его противниками будут веристы. В Нардалборге все знали, что с ним лучше не связываться, но здесь

было полно Героев, выискивающих у него слабые места: коричневый брат? Нет, таким не место в культе. Несомненно, они брали пример с командира войска Терека.

Терек солгал. Зачем Катрат Хорольдсон покинул город, если сюда прибыла его невеста? Если Терек знал о ее приезде, почему он не оставил Катрата здесь, вместо того чтобы вызвать Орлада?

Предупреждение Хета не шло у него из головы: «Он винит тебя в смерти своих сыновей. Он хочет, чтобы ты прибыл в Трайфорс — и тогда он тебя убьет». Очевидно, не собственными руками. Всем известно, что дни, когда Стервятник мог сражаться, давно миновали. Но Леорт... вежливый, серьезный, гостеприимный Леорт? *Очаровательный* Леорт.

Леорт нашел для Орлада место в казарме и отвел его поесть — похлебка оказалась слишком острой, не такой вкусной, как в Нардалборге — и познакомил со множеством людей, в том числе и с солдатами его фланга. Пиво и вино текли рекой, но Орлад редко пил что-либо, кроме воды, даже в лучшие времена. Леорт и его друзья что-то от него скрывали. Они обращались к нему «брат Орлад», но он никому из них не верил.

Леорт был из тех, кто постоянно заботится о своей внешности, и вел себя так же, как его боевой зверь, словно не мог о нем забыть. Это глупо, поскольку любой дурак знал, что Леорт превратится в кота, и всем известно, как бороться с котами. Молодые веристы обладали разносторонними способностями, и им не следовало цепляться за одну-единственную боевую форму, говорил Хет, поскольку предсказуемые погибают первыми.

В то время как запад все еще оставался алым, на черном восточном небе появились звезды. Рабы торопливо двигались по столовой, зажигая светильники. Орлад задержался за столом вместе с Леортом и половиной своего фланга; остальные заступили на дежурство.

— Хорошо поел? — Командир фланга лениво потянулся.

— Даже слишком.

— Никто не желает прилечь на пуховую перину?

— Надо поторапливаться, пока еще не все места заняты! — заявил большой Меркурту, исполнявший роль главного приспешника командира.

Орлад этого ждал. В течение многих лет он обещал себе, что будет воздерживаться от отношений с женщинами до тех пор, пока не получит медный ошейник, и он его получил. В ту самую ночь, когда он узнал, что его вызывают в Трайфорс, он решил, что это идеальная ситуация — анонимность и разнообразие выбора. Он не рассчитывал, что ему в первый же день придется принять участие в вечеринке, но у него появлялась возможность посмотреть, как это будут делать другие. Сегодня ночью это произойдет! У него было три медяка в сумке.

Между тем остальные принялись спорить о том, куда следует идти сначала — к нимфам или к женщинам, берущим за свои услуги деньги. Все с жаром обсуждали плюсы и минусы обоих вариантов.

Все споры разрешил Леорт.

— «Шестьдесят Путей» — через дорогу от нас. Мы сбросим самую тяжелую ношу там — и дальше будем путешествовать налегке.

Все встали. И хотя командир не давал никакого сигнала, фланг сомкнулся вокруг Орлада, и в сопровождении веристов он вышел из столовой.

Три маленьких светильника тускло освещали большую комнату в «Шестидесяти Путях», а из мебели имелись лишь ковры и подушки. Леорт договорился, что здесь примут восемь веристов за четыре медных монеты — он вытащил их из собственной сумки, что вызвало всеобщее удивление и одобрение. В Приграничных землях от них не будет никакого толку, объяснил Леорт, ничего не сказав о том, откуда у него деньги. Одни

радостно завопили, встретив старых знакомых, другие также нашли себе подходящих спутниц, и все уютно устроились на коврах.

— Я считаю, что флоренгиане очень привлекательны! — заявила подружка Орлада, прижимаясь к нему. Он решил, что она едва ли не самая молодая, но при таком скудном освещении трудно было определить наверняка. Так или иначе, она оказалась замечательно пухлой и нежной; и от нее приятно пахло. Она поднесла к его губам кубок. — Как тебя зовут, Герой?

Он ощутил вкус вина; в него для сладости добавили меда.

— Орлад.

Она захихикала и провела по его губам кончиком пальца.

— У тебя нет заостренных зубов! — Она наклонилась к нему поближе и прошептала: — А мех у тебя есть?

Он знал, что чувство юмора — не самая сильная его сторона.

— А тебя как зовут?

Она сделала глоток из того же кубка, глядя на него большими темными глазами.

— Мускус.

Он не поверил, что это ее настоящее имя, но ему нравился ее запах. Скоро он уже знал, что ее бедро столь же гладкое, каким кажется. Он выяснил, что поцелуй — это нечто больше, чем обычное касание губ. Орлада встревожили и обрадовали процессы, которые начали идти под его накидкой. Похоже, ему не придется беспокоиться о том, чтобы все прошло как надо. Мускус также в этом удостоверилась, когда наклонилась, чтобы слизнуть вино, случайно пролитое ему на грудь.

— Дорогой, ты ведь принес мне подарок, верно? — прошептала она ему в ухо.

Он пробормотал нечто неразборчивое, пока его руки исследовали ее грудь.

— Замечательный ты мой, почему бы нам не начать? — Она встала, и он пошел вслед за ней.

Другие пары уже начали исчезать за дверями. Орлад обрадовался, что не будет никаких представлений, поскольку сейчас они казались ему лишними.

— М-м-м, — протянул он.

Обнявшись, они пошли по темному коридору, по одну сторону которого располагались тесные темные комнатки. Из некоторых доносились шепоты и хихиканье, в других было пусто, но Мускус вела Орлада в какое-то вполне определенное место. Ее рука забралась ему под накидку, которая начала сползать, словно по собственной воле.

Мускус открыла дверь и ввела его в помещение побольше, которое было ярко освещено. Орлад сразу же ощутил сильные приятные ароматы. Очевидно, здесь принимали клиентов поважнее, чем рядовые веристы. Слева он обнаружил огромную постель — ничего подобного ему еще не доводилось видеть, справа находился очаг, где пылал огонь, чуть в стороне стоял стол с кувшином вина и кубками. Напротив, возле второй двери, замерла Свидетельница в белых одеждах, голова и лицо которой скрывала белая вуаль. В руках она держала прялку и веретено.

— Двенадцать благословений, командир фланга Орлад.

Он продолжал крепко обнимать Мускус.

— Давай найдем какое-нибудь другое место, — сказал он.

— Нет, сначала выслушай ее.

— Если хочешь, я уйду, — молвила прорицательница, — но предупреждаю: вино в кувшине отравлено. Женщина об этом знает.

Мускус высвободилась из рук Орлада и закрыла дверь.

— Боюсь, она права, милый. Меня предупредили, чтобы я ничего не пила. — Мускус лениво подошла к столу и понюхала вино. — Нет, ничем не пахнет.

— Я сказала, что вино отравлено, значит, так и есть. Тебя специально накормили острой пищей, чтобы ты захотел пить. Не беспокойся, вино тебя не убьет, ты лишь немного захвораешь.

Романтические мечты Орлада моментально уступили место ярости.

— Кто? Зачем?

Женщина в белом пожала плечами.

— Приказ сатрапа. Он ничего не объяснил. После того, как ты всю ночь промучаешься с животом, тебе будет трудно хорошо сражаться завтра, когда вы попадете в засаду, но я не думаю, что дело в этом. Возможно, задача состоит в том, чтобы ты никуда не ускользнул до рассвета. Он любит смотреть.

— Я вам не верю. — Однако у него не было выбора. Даже во всем сомневающийся Хет говорил, что прорицательницы не лгут.

— У тебя треугольный шрам на правом бедре, метки от когтей возле пупка и отсутствует левый сосок. Перед тем как отправиться в столовую, ты спрятал четыре медяка в своей постели. Я сказала правду?

Ему захотелось закричать и что-нибудь сломать.

— Засада? Какая засада?! Должно быть, это чья-то шутка!

Ее тихий, лишенный эмоций голос не изменился.

— Леорт получил вполне определенный приказ. Стада переведены со склона холма под названием Королевская Трава. Этот холм нельзя миновать, если хочешь добраться отсюда до Нардалборга. Фланг должен загнать тебя туда и убить, чтобы сатрап мог спокойно понаблюдать за происходящим с башни.

— Нет! — Но Хет предупреждал его об опасности, а он верил Хету даже больше, чем Свидетельнице. — Что же мне делать? — прошептал он. — Как убедить господина, что я ему верен?

— Тут я не могу тебе советовать. — Свидетельница коснулась концом веретена пола и подняла его, чтобы начать работу с новой нитью. — Я могу позвать людей, которые хотят тебе помочь, но ты должен дать мне слово, что ты их не предашь и никому не расскажешь о том, что говорилось в этой комнате.

— Дать слово? — яростно переспросил Орлад. — Если мой господин не верит моим клятвам после того, как я так напряженно трудился, чтобы получить возможность ему служить, почему ты будешь верить моему слову? — Он ощутил тошноту.

— Потому что я почувствую, если ты солжешь.

Самым трудным во время схватки было сохранять ясность мысли. Так ему постоянно говорили. И так его научила жизнь. Однако оставаться спокойным, когда речь идет о хладнокровном предательстве, намного сложнее. Все, к чему он стремился, уничтожено! Лжет прорицательница или нет, он не мог ей поверить. Орлад попытался придумать какой-то выход для себя, но ничего не находил. Ему требовалось время на размышление. И он сказал:

— Даю слово.

— Приведи их, — велела прорицательница.

Мускус подошла к другой двери и вышла из комнаты, оставив ее открытой. Свидетельница вновь взялась за веретено. Орлад по-прежнему стоял, прислонившись к двери, через которую они с Мускус вошли. Сегодняшняя ночь развивалась совсем не так, как ему хотелось.

В комнату вошла девушка, которая утверждала, что приходится ему сестрой. Она должна быть заперта, значит, он стал свидетелем заговора и прорицательница нарушила верность сатрапу. Но это какой-то бред! Свидетельницы служили Стралгу и командирам войска, а теперь одна из них предупредила его о засаде. Орлад — лучший, сам Хет это сказал! Зачем Тереку убивать своего лучшего Героя?

А может, он и не хотел его убивать? Может, это просто еще одно испытание? В конце концов, до утра Терек еще может отменить приказ! Орлад должен доказать верность сатрапу, предав свою предполагаемую сестру. Единственная клятва, связывающая вериста — та, которую он дал Веру, а светом Веру в данном случае был сатрап Терек. Да, это проверка его верности.

Придя к такому выводу, он почувствовал себя намного лучше.

Девушка подошла к нему.

— О Орлад! Мне так жаль!

Он сложил руки на груди.

— Кого?

— Тебя, естественно. — Она тряхнула головой и нахмурилась. — Я знаю, как ужасно ты себя сейчас чувствуешь. Я хочу тебе помочь.

— В самом деле? Ну, прорицательница? И кто же лжет теперь?

— Никто. Она тебя жалеет, и ее пугает твой гнев.

— Она действительно моя сестра?

— Да. И я не солгала тебе относительно засады.

Тогда они просто смеются над ним. Смеются прямо в глаза. Кто не станет смеяться над воином, который предал своего господина?

Вслед за девушкой в комнату вошел мужчина и закрыл за собой дверь. Он был ростом с Орлада и гладко выбрит. Черные волосы до плеч, мощные плечи и широкая грудь. Он тоже хотел подойти к Орладу, но девушка его остановила.

— Он не любит эмоциональных приветствий. Орлад, это твой брат, Бенард.

— Ты *художник*? Больше похож на дровосека.

Вновь пришедший заморгал. А потом его глаза заблестели, и он улыбнулся.

— Ты тоже вырос, Малыш.

— Поразительно.

— Как замечательно снова тебя видеть! И как бы я хотел встретиться при более благоприятных обстоятельствах!

— Сядьте все. — Свидетельница продолжала крутить веретено.

Все гости послушно присели на край огромной постели. Лишь Орлад не сдвинулся с места.

— Ты все еще сомневаешься, — сказала прорицательница. — Ты готов повторить для остальных свое обещание хранить в тайне все, что будет произнесено в этой комнате, командир фланга?

— Обещаю. Но прекратите лезть в мой разум!

— Я не могу читать мысли. Мне по силам уловить настроение и эмоции. Естественно, ты сейчас очень встревожен. Однако... нам нужно спешить. Вот история в том виде, как ее рассказывают. Некоторые ее части я могу подтвердить лично, но, чтобы не терять времени, не стану уточнять, какие именно. *Известно*: когда пала Селебра, дож отдал в заложники четверых своих детей...

— Только не торопись его обвинять, Орлад, — вмешалась девушка. — Он спас своих людей от бойни. Он считал, что это его долг, и заплатил ужасную цену. Его поступок нельзя считать проявлением трусости. Ему потребовалось очень много мужества.

— Тут все зависит от того, кто будет судить.

Веру не шел на уступки перед теми, кто потерпел поражение. Важна только победа.

— Всех мальчиков привезли сюда, в Вигелию, — продолжала Свидетельница. — Тебя оставили с Тереком, Бенард отправился к Хорольду в Косорд, а Дантио к самой Салтайе, в Скьяр. Фабия последовала за вами позже, вместе с кормилицей Паолой Апицеллой, к сатрапу Карваку в Джат-Ногул. На следующий год мятежники разграбили город, но кормилица сумела из него сбежать, прихватив с собой ребенка. Она добралась до Скьяра и вышла замуж за богатого купца. Фабия выросла, ничего не зная о своем прошлом. Позднее Апицеллу убили по приказу Салтайи.

— Сколько лет... было мальчикам? — спросил Орлад.

Какая-то часть этой истории могла быть и правдой.

— Одиннадцать, восемь, тебе — три года. Полагаю, ты почти ничего не помнишь о том времени. Бенарда вырастила жена Хорольда, леди Ингельд, которая поддержала его интерес к искусству.

— Неужели вы *должны* постоянно прясть?

— Это часть нашего таинства. Мы стараемся собрать мириады событий в единую историю; процесс прядения нам помогает.

— Сейчас вы рассказываете, а не «собираете события».

— Я не только беседую с вами, но и слежу за Леортом и его флангом. Закончив свои развлечения, они придут за тобой. Я уже говорила, у тебя мало времени.

— А что произошло с Дантио? — спросил Бенард. — Я так и не узнал.

Прорицательница вздохнула.

— Он был достаточно взрослым, чтобы сопротивляться, но слишком молод, чтобы понять всю серьезность своего положения. Он постоянно убегал. Салтайя предупреждала, что он за это заплатит, а она никогда не угрожает попусту. Однажды ее кара оказалась столь жестокой, что убила Дантио. Мой верист, как по-вашему, храбрец он или глупец?

Прежде чем Орлад успел что-то ответить, художник выпалил:

— А теперь мы собрались вместе! Пятнадцать лет спустя все оставшиеся в живых объединились. Похоже, боги не лишены милосердия.

Орлад посмотрел на два освещенных лица и на скрытую за вуалью прорицательницу.

— Значит, король-дож умер? — спросил он.

Старший сын мертв. Из художника не получится правитель. А верист с этим может справиться. «Если, — зашептало искушение, — твой господин тебя предал, то и клятва ему потеряла смысл, и ты должен хранить верность лишь Веру. Луч-

ше пусть правит Герой, чем женщина». Он отбросил предательскую мысль. Это все часть испытания, они хотят проверить, устоит ли он перед соблазном.

— Нам сообщили, что дож при смерти, — ответила прорицательница. — Также известно, что орда вигелиан движется к Селебре. Конечно, все эти новости устарели, но у меня есть более свежие сведения, чем у Салтайи и Терека.

— Как такое может быть? — спросил Орлад, чувствуя, что его вновь охватывает гнев. Упоминание о войне было подобно чужому пальцу, бередящему раны его верности. Он не мог поддерживать клятвопреступников-флорентиан! Терек его испытывает. — И кто такая вы, предающая лорда крови, которому поклялись служить?

— Меня зовут Вуаль. Известно ли тебе, каким образом Стралг добился поддержки мэйнисток?

— Мне все равно! — закричал Орлад. — Договор скреплен именами богов!

— Он до смерти замучил сто пятьдесят беспомощных женщин и пятерых столь же беспомощных мужчин. И не успокоился бы, пока не уничтожил весь культ. Разве такое может оправдать даже верист?

— Пожалуйста, давайте не будем пререкаться, — вмешалась девушка. — Орлад, чего ты хочешь? Если ты попытаешься вернуться домой, как тебе приказано, Леорт тебя убьет. Ты пойдешь в Нардалборг в надежде найти там защиту или попробуешь начать новую жизнь?

— О новой жизни и речи быть не может. Ты не выйдешь замуж за Хорольдсона?

Она скорчила гримасу отвращения.

— Надеюсь, нет.

— Я чуть не свернул ему шею сегодня утром, но потом узнал, кто он такой. — Теперь Орлад об этом жалел; тогда у сатрапа появился бы повод его убить, и он бы не чувствовал себя сейчас так ужасно. — Как тебе удалось выбраться их тем-

ницы? — Он посмотрел на гладкое лицо и блестящее волосы Фабии и понял, как мало знает о женщинах. Мускус была намного старше, чем его не внушающая доверия сестра.

— Мне помогли. — Она улыбнулась сидящему рядом с ней художнику.

Опять предательство! Однако Орлад не мог поверить, что этот медлительный болван сумел бы выпустить птичку из клетки, не говоря уж об организации побега из дворца сатрапа.

— И что же вы теперь собираетесь делать? — спросил Орлад. — Хотите перебраться через Границу во Флоренгию и вернуть себе наш город? Вдвоем против Кулака?

Она покраснела от его насмешек. Художник не обращал на них внимания: он не сводил глаз с прорицательницы, словно она вызывала у него такое же неприятие, как у Орлада.

— Понятия не имею, — призналась девушка. — Но сейчас нам необходимо решить твои проблемы. Что можешь сделать ты? Если Вуаль найдет надежное место, тебя это устроит?

Что за имя такое — Вуаль? И кто эти люди, которым он должен довериться, нарушив клятву, данную командиру войска?

— Свидетельница, почему тебя интересует моя судьба? Почему ты предупреждаешь меня о предполагаемой засаде?

Она вновь запустила веретено.

— Мы благословлены не только видением, командир фланга. Мы заинтересованы в тебе, поскольку в тебе есть сила, которая позволит изменить мир. Я не могу утверждать, что так оно и будет, мне лишь известно, что у тебя появится шанс — так острый меч может убить, а может не попасть на поле боя. Мы называем это «отметиной судьбы» или «изюминкой». Все вы обладаете этим качеством, как и Дантио в прошлом, хотя случаи, чтобы все четверо происходили из одной семьи, чрезвычайно редки. Вот почему тебе может сопутствовать успех, если ты стремишься к славе. Сейчас, Орландо, ты очень важен, однако с тобой все немного иначе. Важность — не такая уж большая редкость, и обычно у нее недолгая жизнь. Наем-

ный убийца может быть важным, но тот, кто заплатил ему, почти всегда отмечен судьбой. Из-за твоей нынешней значимости я увидела тебя еще до того, как ты добрался до Королевской Травы, то есть когда ты оставался вне пределов моего видения. Твой приход был необходим!

Однако Орлад не ощущал своей значимости.

— Почему вы предаете сатрапа? Почему рассказываете мне о его планах? И почему он хочет меня *убить*?

— Потому что он безумен. Потому что он и все дети Храга несут в себе зло. Скажи мне, почему ты их поддерживаешь, почему хочешь сражаться за Стралга против своего собственного народа?

— Я хочу сражаться против лживых веристов! — закричал Орлад. — Предателей, нарушивших свою клятву! А непосвященным нечего бояться, если они не путаются у нас под ногами и делают, что им говорят.

— А как ты отличишь клятвопреступников? — спросила прорицательница. — Несколько дюжин флоренгианских юношей во главе с Марно Кавотти дали клятву верности, а потом ее нарушили — но теперь почти все они мертвы. Они подготовили много раз шестьдесят по шестьдесят воинов, и все они верны данной ими клятве, как ты верен своей. Как и ты...

Алая пелена гнева подтолкнула Орлада вперед.

Девушка вскочила на ноги и закричала:

— Нет!

Даже художник поднялся на ноги, словно рассчитывал, что его массивное тело сможет остановить Героя.

— Если ты убьешь меня, то ничего не изменится, — сказала прорицательница, но теперь в ее голосе появились визгливые нотки.

Она наконец перестала прясть.

— Я буду сражаться с флоренгианами, потому что я верен Кулаку! — Если ему позволят, если ему поверят!

— Почему? — спросила прорицательница. — Стралг убивал и грабил народ твоей родины. И знаешь почему? Знаешь, из-за чего началась война?

— А какое это имеет значение? Если бы они склонились перед Героями, как им следовало, никто бы не пострадал.

— Расскажи ему, Бена.

— Что? — прорычал художник, продолжая хмуриться.

— Расскажи ему, почему Стралг начал завоевывать Флоренгианскую Грань.

Художник пожал плечами.

— Потому что у него накопилось слишком много людей. В своем стремлении покорить Вигелию он подготовил огромное количество веристов. Когда им не с кем стало сражаться, они принялись драться между собой. Поэтому он увел половину за собой через Грань, чтобы они там погибли.

Орлад рассмеялся.

— Он тебе сам это сказал?

— Он сказал это жене своего брата, — рассеянно ответил Бенард. — А она поведала мне. — Он взглянул на прорицательницу.

— Я тебе не верю.

Никто не ответил Орладу. Каким-то образом настроение в комнате изменилось.

— Прекрати это! — закричала Свидетельница, угрожающе поднимая прялку.

— Что прекратить? — Бенард шагнул к прорицательнице, с недоумением глядя на нее.

— Прекрати! — пронзительно закричала она.

— Я тебя знаю!

— Нет, не знаешь! Как ты можешь меня знать? — Она попыталась ударить его прялкой.

Он легко отвел удар в сторону и сорвал с прорицательницы вуаль.

ГЛАВА 40

Бенард Селебр почувствовал, что со Свидетельницей по имени Вуаль что-то не так, когда он в первый раз увидел ее в Зале Быков, в Косорде. И это ощущение возникло у него утром, когда они встретились в Трайфорсе. Весь день он возвращался к этой мысли. Наконец он обратил молитву к Анзиэль, чтобы она позволила ему заглянуть за вуаль, и глазам предстало невероятно знакомое лицо. И тогда он сорвал с нее вуаль...

С него.

На какой-то ужасный момент ему показалось, что он стоит лицом к лицу со священным Эриандером — Эриандером, каким он изобразил его на фреске Ингельд и в идоле Хидди. Конечно, цвет кожи был другим, как и жуткие обрезанные уши; зато он увидел прямой нос, вьющиеся волосы и заостренный подбородок. Но самым страшным оказалась потеря мужского достоинства.

— Я думал, ты мертв! — Он создал бога в виде молодого человека, лишенного пола, но придал ему черты старшего брата — который не должен был так выглядеть сейчас, да и речь у него должна быть другой. — О Дантио, Дантио! Что они с тобой сделали? И что я натворил?

С тоской в сердце Бенард обнял брата и прижал к груди. Дантио застонал, пытаясь вырваться, а потом обмяк, хотя в могучих объятиях брата с трудом мог дышать.

— Как трогательно! — сказал верист. — И что все это значит?

— Прекрати ухмыляться, тупой убийца! — закричала Фабия. — Неужели ты действительно Дантио?

Бенард отпустил брата и посмотрел на него. Дантио кивнул. Его глаза были плотно зажмурены, рот перекосила судорога боли. Он отвернулся и спрятал лицо у стены.

«Грубое бессердечное животное, — подумал Бенард, — как я мог быть таким безумно жестоким?»

Казалось, прошла вечность, прежде чем прорицательница заговорила.

— Да, я Дантио, — глухо прошептал он. — Нетрудно догадаться, что они со мной сделали.

Безбородое лицо, высокий голос. Бенард посмотрел на другого брата, жестокого убийцу, и подумал: «Мне еще повезло».

— Есть и другие евнухи... в культе... Нет, не мы их сделали такими, но мы берем их к себе.

Фабия подошла к Дантио и обняла его.

— Ты ведь говорил нам о смерти Дантио?

— Говорил, — ответил он, стоя лицом к стене. — Однако я хотел рассказать вам правду. Когда покончу с этим.

Бенард молча взял вуаль и подал ее Дантио, тот, не поднимая глаз, вновь закрыл лицо.

— Полагаю, — презрительно усмехнулся Орлад, — мой долг состоит в том, чтобы предупредить своего господина, что заложники Селебры оказались на свободе, и что они очень опасны. И что они могут против него выступить! Художник, девушка и мерин! Он придет в ужас.

Сжав кулаки, Бенард шагнул к нему.

— Заткни свою вонючую пасть!

— Или *что*, брат? — тихо спросил Орлад, сверкнув глазами.

Осторожность взяла верх, и ярость Бенарда поутихла. Любой верист с удовольствием устроил бы драку после таких эмоциональных потрясений. Этот юный монстр уже не раз дрался; он слишком опасен; его следует успокоить. Но Бенарда переполняло отвращение.

— Надо было раньше начинать драться, Герой.

— Что ты имеешь в виду, Рука?

— То, что они сотворили с Дантио, ничуть не хуже того, что проделали с тобой. Ты не стал сражаться с врагом, ты к

нему присоединился! Ты поверил в его ложь и принял отвратительные правила. Ты предал Флоренгию.

Юноша покраснел.

— Придержи язык, художник, или я сам заткну тебе глотку! По крайне мере он вел себя достойно. А ты не человек, а гриб-дождевик, вообще не способный сражаться, ты лишь портишь воздух. С этих пор обращайся ко мне «мой господин». Я не стану предупреждать тебя еще раз. — Он подошел к столу и заглянул в кувшин с вином. — Эй, Без-яиц, сколько нужно выпить этой дряни, чтобы немного поблевать?

Дантио, вновь обретший анонимность, повернулся.

— Нельзя сказать наверняка. Может, хватит и одного глотка. Не возвращайся к ним, Орлад! Пожалуйста, не возвращайся! Они в самом деле намерены завтра тебя убить.

Верист плеснул немного вина в кубок и поднял его.

— За Священного Демерна, свидетеля всех клятв! — Он выпил вино. — Неплохо! — Он положил руку на щеколду и задумался. — Я дал вам слово, поэтому не сообщу о вашем маленьком предательстве. Я не нарушу своих клятв.

— Не уходи! — попросила Фабия.

— Пожалуйста, не уходи! — сказал Бенард.

Воин нахмурился.

— Как ты ко мне обратился?

— Мой господин, если это доставит тебе радость. Пожалуйста, не уходи, мой господин. Мы твоя семья, и ты нам нужен. Братья и сестры могут ссориться, но они обязаны помогать друг другу.

— Ты можешь быть старшим носителем накидок, — произнес Орлад, выходя из комнаты и тихонько прикрывая за собой дверь.

Фабия вновь обняла Дантио.

— Что он задумал?

— Только боги знают. Он и сам еще не решил. Орлад слишком неустойчив.

— Ничего удивительного! — Бенард уселся на край постели и закрыл лицо руками. — Я бы на его месте свернул Тереку шею.

— Его ввели в заблуждение, — сказал Дантио. — В нем нет зла. Он делает то, чему его учили. Только теперь ему не позволяют исполнять клятвы.

— А завтра? — спросила Фабия.

— Завтра? — Дантио вздохнул. — Он выпил совсем немного вина. Если потребуется, он умрет, чтобы доказать свою верность. Однако командира фланга Леорта ждет сюрприз. У Орлада осталось лишь одно: умение сражаться. Он не станет для них легкой добычей. — Вуаль позволила Дантио вернуть себе прежнюю уверенность. Он поднял с пола прялку и веретено. — Пожалуйста, простите мою несдержанность. Я не ожидал от вас такой жалости.

Бенард не считал, что испытывал жалость — по крайней мере сначала. Скорее отвращение: сознательное повреждение человеческого тела оскверняло все главные ценности жизни.

— Брат... я искренне сожалею. Напрасно я сорвал с тебя вуаль.

— Нет, я сам должен был сказать, кто я был... и есть. Я хотел сделать это несколько позже. Я поступил глупо, так сильно затянув с признанием.

— Кто это сделал — Салтайя?

— Не сама. Она отдала приказ.

— Но все прорицательницы — даже ты сам — говорили, что ты мертв. Даже Салтайя им поверила.

— Нет. Мы никогда не говорили, что Дантио мертв, а лишь Дантио умер. Я и в самом деле умер. Это длинная и печальная история, сейчас ее некогда рассказывать.

— Я чувствовала, что Вуаль среди речного народа, но думала только о женщинах! Флоренгианин, мужчина, раб. Вот почему я не смогла тебя узнать!

— Иногда это удобно, — сказал Дантио; его сухой голос мог бы с легкостью осушить Врогг. — Нам нужно составить план. Пожалуйста, я прошу вас обоих... вы можете еще некоторое время хранить мою тайну? В противном случае у нас возникнут проблемы.

— Конечно! — в один голос ответили Бенард и Фабия.

— Семейная тайна! — добавил он.

— А где Хорт? — спросила Фабия.

— Он здесь, — неуверенно засмеялся Дантио. — Укр лишь немногим уступает Анзиэль, когда речь заходит о бегстве из тюрьмы. — Он распахнул дверь для Фабии. — Бена, а та решетка на окне, которую ты... твоя богиня... убрала для тебя, Она может поставить ее обратно?

— Может, наверное. А зачем?

— Чтобы огорчить Салтайю. Мелочь, но мне будет приятно.

Бенард немного подумал.

— Действительно, здание без решетки будет выглядеть негармонично. Я могу попросить.

ГЛАВА 41

Ингельд Нарсдор, беглый свет Веслих в Косорде, правительница города, снявшая с себя все полномочия, нарушившая верность жена сатрапа и госпожа мастера художника Селебра с удовольствием поедала очередной персик, четвертый с того момента, как она отказалась от ужина. Уже одно то, что она вновь находится на твердой земле, доставляло ей огромную радость. Крыша над головой, тепло потрескивающего в очаге пламени, беседа с новой знакомой — все это превращало жизнь в настоящий рай. Ее хозяйка, сидевшая по другую сторону очага, Свидетельница Радость Опия, скорее всего была светом Мэйн в Трайфорсе, хотя никто ничего подобного не говорил

вслух. Она явно подчинялась — как и все остальные в этом странном здании — Свидетельнице по имени Вуаль, которая прибыла утром и куда-то ушла. Ингельд не особенно волновало, где ее носит, однако с ней ушел Бенард, и ему могла грозить опасность. Ингельд не знала, сколько обитателей дома были Свидетельницами. Все они, в вуалях или без, вели себя вежливо и дружелюбно. Прежде Ингельд считала прорицательниц отвратительными ищейками и доносчицами, прислужницами Стралга, никогда не задумываясь о том, что они могут ненавидеть свою службу.

— Этой весной все должно решиться, — сказала Радость. Она редко обращала свои слова к собеседнику, а смотрела куда-то в сторону, словно наблюдала за событиями, которые разворачивались за стенами дома. Тембр ее голоса говорил о немалом возрасте, но разум оставался быстрым и проницательным. — Наша Старейшая умерла, хотя весть об этом еще не добралась до Трайфорса. Именно она, Ночная Птица, много лет назад заключила со Стралгом соглашение. Я не могу открыть больше, но раз уж вы оказались вовлечены в эти события, то должны знать, откуда вам грозит опасность.

Источником опасности для Ингельд служила ее безумная любовь к Бенарду, абсурдная для женщины ее возраста.

— Я не обману вашего доверия.

— Из-за отношения к договору со Стралгом наш культ уже давно раскололся на две части. Большинство согласились с мнением Старейшей: якобы нам следует дождаться его смерти, которая должна произойти довольно скоро. Позорное соглашение исчерпает себя, и мы будем свободны. А фракция Вуали полагает, что за Стралгом стоит вовсе не Веру — ужасный бог. Он лишь один из Двенадцати. Они считают, что Салтайя Храгсдор является Избранной Отвратительной богини.

Рассказ Радости был прерван чудовищным ревом и треском, какие мог издавать лесной великан, рухнувший на землю,

но на самом деле был лишь напоминанием, что вожак стаи Гатлаг улегся отдыхать. Он отпраздновал возвращение на твердую землю несколькими кувшинами пива и одним из Шестидесяти Путей, оказавшихся к его услугам за соседней дверью.

— Она сестра моего мужа, — заметила Ингельд, — и меня это совсем не удивляет. Но вы-то должны знать наверняка?

— У нас нет полной уверенности, — ответила Радость, обращаясь к очагу. — Большая часть ее жизни скрыта от нас, и мы не можем доказать, что она принадлежит Древнейшей. Кроме того, сила хтониан проявляется по-разному.

— Они долго живут?

— Да, тому есть свидетельства. Поскольку нам редко удается их отыскать, те, кого мы все-таки знаем, могут быть исключениями.

Ингельд осторожно произнесла:

— Мой опыт подсказывает, что Салтайя намного умнее братьев, а я знакома с каждым из них. Возможно, именно она всеми управляет.

— А вы когда-нибудь встречались с Храгом?

— Нет. Я знаю всех его детей, но только не его самого.

— Любопытно, — заметила старая леди, кивнув, — что мы не можем найти свидетельств его смерти. Увы, нынешняя Старейшая, как и ее предшественница, отказывается слушать доводы, не основанные на фактах.

— Вуаль — лидер повстанцев?

Радость Опия позволила себе тихонько рассмеяться.

— Власть Старейшей абсолютна, поэтому о восстании речи быть не может — к тому же от нее ничего не утаишь. Ей известны наши тревоги, но она не обращает на них внимания, ведь нас меньшинство. Вуаль лучше всех выражает наши взгляды. Мы настаиваем, что свидетельства, связывающие семью Храга с Древнейшей, сильны настолько, что это позволяет аннулировать действие договора, прекрасно

понимая, какие жесткие действия могут последовать со стороны веристов.

— Их месть может быть ужасной, — согласилась Ингельд.

Она наклонилась, чтобы выбросить косточку от персика в огонь, и поморщилась, увидев в огне лицо Хорольда. Она бросила косточку. Как скоро он ее поймает? Она наслаждалась каждым мгновением свободы с Бенардом, понимая, как скоро это может закончиться. По ночам она лежала без сна, прислушиваясь к его тихому дыханию, ощущая жар его тела и тревожась о неизбежности мести, которая на них обрушится.

— Кто-то идет, — сказала прорицательница, и почти сразу же дверь у нее за спиной отворилась, хотя никто не стучал.

Невысокий мужчина среднего возраста вошел в комнату и с тревогой огляделся. Дверь за ним закрылась.

Прорицательница молвила, не поворачиваясь к нему:

— Приветствую, мастер Вигсон. Я редко пользуюсь именем, но в таких случаях называю себя Радость Опия. Миледи, это Хорт Вигсон, приемный отец Фабии... Леди Ингельд, Дочь Веслих, правительница Косорда.

— Я польщен! — Он поклонился обеим женщинам.

Ингельд была удивлена. Она знала, что Хорт Вигсон — один из самых богатых людей Вигелианской Грани, если не самый богатый, и что он сколотил такое состояние исключительно благодаря собственному уму. А их нежданный гость не производил особого впечатления. Его голова имела форму перевернутой груши, и макушка едва доставала до плеча Ингельд, а все тело напоминало слегка сгорбившийся высохший конус. Конечно, не следовало ожидать, что у купца будет телосложение вериста (или скульптора), однако в его глазах должен светиться острый, как бритва, ум, и умение все просчитывать наперед. А глаза этого человека были простые, как вареные яйца вьюрка.

— Насколько я понимаю, вам удалось спастись из тюрьмы сатрапа, мастер Вигсон, — сказала она. — Мои поздравления.

— О, благодарю вас, миледи.

— Фабия также бежала и находится в этом доме.

— Да, мне сказали. — Вигсон заморгал, как смущенный филин.

— У нас здесь очень полезные друзья.

Радость Опия раздраженно фыркнула.

— Свидетельницы не имеют никакого отношения к спасению мистера Вигсона из темницы. Он сам организовал побег. Мы лишь перехватили его на улице и предложили доставить в безопасное место для встречи с Фабией.

— Я вдвойне восхищена, укрист! — воскликнула Ингельд. — Насколько я понимаю, вы прибыли в Трайфорс только сегодня утром, и вас сразу же посадили в темницу.

Так быстро организовать что-либо не мог даже Хорт, не говоря уже о побеге из тюрьмы. Однако он не стал вдаваться в объяснения. Поскольку в комнате не было свободного стула, он продолжал стоять, сложив руки, словно школьник, отвечающий урок.

Гатлаг вновь оглушительно захрапел.

— Он все устроил еще в Косорде, — пояснила Радость. — Его сообщники отправили сюда быструю лодку, чтобы заручиться помощью местных мастеров, связанных с преступной жизнью Трайфорса. Как только Вигсон сошел на берег, он подал условный сигнал, после чего мастер порта подкупил ночную стражу, и Вигсона отпустили. Кроме того, он снабдил Хорта несколькими любопытными предметами, которые не так просто купить на базаре, верно, мастер Вигсон?

— Так и было, Свидетельница. — Хорт смущенно улыбнулся, не выказывая ни удивления, ни тревоги, что говорило если не об остром уме, то о потрясающем самообладании.

Ингельд не стала спрашивать, о каких предметах идет речь.

— И где вы намерены скрываться, когда сатрап узнает о вашем побеге?

— Пока не определился, миледи. Поначалу я рассчитывал, что мы с Френой сбежим сегодня ночью на лодке. Увы,

оказавшись в темнице, я обнаружил, что Френу заперли во дворце. Политеистов легко склонить к взятке, но с Героями это невозможно. Пришлось изменить планы. Естественно, я ужасно обрадовался, когда узнал, что ее уже... освободили. — По его лицу скользнула слабая улыбка и тут же исчезла. — Поэтому я не могу ответить на ваш вопрос, миледи. Я не знаю, что происходит.

— Вы не единственный, хотя, полагаю, хозяйка дома сможет нам многое объяснить.

— Когда придет время, — спокойно произнесла Свидетельница. — Сюда скоро придет Фабия. Она встречалась со своим младшим братом, который оказался очень упрямым молодым человеком.

— Вы меня удивили. Иногда мне кажется, что голова Бенарда отлита из бронзы.

Вигсон откашлялся.

— Френа и сама бывает весьма упряма.

В тот же миг дверь распахнулась, и Фабия бросилась к нему.

— Отец! Ты свободен! Я так волновалась!

Она была выше ростом и говорила гораздо громче. Несомненно, она обладала всеми задатками юной очаровательной леди, если бы ею занялся человек с нужными умениями и навыками... ну, и без сильной руки тут не обойтись. Девушке нужен кто-то вроде самой Ингельд. Трех лет, наверное, хватило бы.

— Известно, что в Косорде ты встречалась с леди Ингельд, — сказала Радость.

— Да, меня удостоили этой чести.

Фабия поклонилась Ингельд.

— Тогда почему, — не унималась прорицательница, — ты не удивилась, встретив ее здесь, так далеко от дома? Тебя предупредил Бенард?

— После того, что я видела сегодня ночью, меня уже ничто не удивляет. А вот и он!

В комнату ввалился Бенард. Как только он увидел Ингельд, на его губах расцвела глупая улыбка. Однако сейчас она была не очень-то убедительной. Его что-то тревожило — настолько сильно, что он даже попытался скрыть свои чувства.

— С Орландо ничего не вышло? — спросила она.

— С тем же успехом можно варить суп из живых кошек. — Бенард с хмурым видом уселся на пол рядом с ее стулом. — С ним творили ужасное. Он стал фанатиком, для которого честь важнее жизни!

— Мне знаком один человек, готовый умереть за свое искусство.

— Неправда. — Он прислонился к ее ноге.

Даже в самых ужасных кошмарах она не могла себе представить, чтобы Хорольд так сидел у ее ног. Она протянула руку, чтобы по-матерински похлопать Бенарда полечу, и с неудовольствием обнаружила, что держит недоеденный персик. В пустой корзинке, которую она только что оттолкнула в сторону, еще недавно лежала дюжина свежих плодов. Они были мелкие, но почему Оливия так полюбила персики?

Ингельд переложила плод в другую руку и погладила шею Бенарда. Она ощутила тщательно скрываемое напряжение и пожалела, что они не одни, и она не может сделать ему массаж. Никогда в жизни она не была влюбленной кошкой. Создавалось впечатление, что бегство из Косорда превратило ее в другого человека, который ей не очень-то нравился. Однако сейчас она была безумно счастлива. Любовь!

В комнату вошла высокая Свидетельница — скорее всего Вуаль. Она закрыла за собой дверь. В маленьком помещении стало чересчур людно. Фабия, для которой не нашлось места, надулась и села на краешек постели рядом с храпящим Гатлагом. Вигсон сцепил руки у себя за спиной. А Свидетельница осталась у двери.

— Я Вуаль. Мы все знаем друг друга. Предлагаю объединить наши усилия, поскольку это поможет каждому из нас добиться своих целей. Давайте начнем с того, что их сформулируем, дабы убедиться в отсутствии конфликта интересов. Свидетельницы — во всяком случае, принадлежащие к нашей фракции — хотят ускорить падение Кулака и всего того, что он поддерживает. Леди Ингельд?

Ингельд поняла, что ненавидит всех женщин, скрывающих лицо.

— Мы с Бенардом ищем удобное убежище, где мы могли бы жить в мире. Я бросила мужа. Священная Веслих предупреждает, что он меня преследует.

— Едва ли сатрап Хорольд сумеет вас найти без помощи прорицательниц, так что вам придется поддержать наше восстание. Мастер Вигсон, а чего хотите вы?

Маленький человек пожал плечами.

— Счастья... — Он помолчал немного, словно ждал напоминаний о том, что он укрист, а потом улыбнулся и добавил: — Для Френы. Со всем уважением, леди Ингельд, но моя приемная дочь не желает выходить замуж за вашего благородного сына.

— Ну что вы, никаких обид. Трудно представить более неудачный брак.

Хорт поклонился.

— С другой стороны, если она должна стать правительницей большого города, то с моей стороны было бы верхом эгоизма не сделать все возможное, чтобы она достигла этой цели.

Девушка радостно улыбнулась, предвкушая Селебру без Катрата.

Радость фыркнула так громко, что на мгновение заглушила храп Гатлага. Очевидно, таким образом она выразила свое сомнение.

— И как это объясняет вашу покупку у мастера порта семян болотного калабара?

Ингельд подозревала, что очевидное неудовольствие старой леди по отношению к Хорту вызвано его чрезмерным любопытством. Раз Веслих и Ксаран способны мешать видению прорицательницы, наверняка это под силу и Укру.

— Я приобрел совсем небольшую дозу, — тут же ответил купец.

— Снадобье может иметь непредсказуемое действие в Приграничных землях.

— А что это за болотные как-их-там семена? — спросил с пола Бенард.

— Лекарственная трава. В больших дозах приводит к потере мышечного тонуса, которая может длиться до полугода. Пересечение Границы требует выносливости. Кроме того, у мужчин калабар надолго вызывает ослабление мужской силы.

Ингельд с удовлетворением отметила, что Хорт всячески избегает смотреть в ее сторону. Она бы возненавидела его, если бы он бросил в ее сторону быстрый взгляд и отвернулся. Она задушила бы его при первом же удобном случае.

Дерзкая девчонка Фабия бесстыдно ухмыльнулась.

Радость Опия продолжила допрос:

— В разговоре с мастером порта вы спрашивали его о Варакатсе.

— Варакатс? — с сомнением повторил Хорт. — Разве незаконно обсуждать Варакатс? Мне говорили, что это очень красивая гора. Зрение мое уже не такое острое, как прежде.

Когда людям начинают угрожать, большинство из них начинают краснеть или бледнеть. А маленький человек сохранял полное спокойствие и даже не изменил позу. Прорицательница явно считала, что он скрывает какую-то тайну.

— Вопрос только в том, что именно вы обсуждали. Вы также спросили о Высокой Балке. Вы пытались оставить ложный след с целью обмануть Свидетельниц и сатрапа Терека.

— Как бы я хотел, чтобы вы беседовали на понятном мне языке! — проворчал Бенард.

Хорт вежливо поклонился Свидетельнице.

— Существует два прохода через Границу, — продолжала она. — Перевал Нардалборг ближе, и правители Трайфорса облагают налогом купцов, которые им пользуются. Когда много лет назад Стралг собрался переправить свое войско во Флоренгию, он выбрал ближайший к городу перевал, где он смог разместить своих людей, и теперь эту дорогу значительно улучшили. Официально считается, что ее не существует, однако купцы продолжают ей пользоваться. Мастер Вигсон и его сообщники в течение многих лет перевозили по ней контрабандные товары.

— Надеюсь, вы не занимались работорговлей? — мрачно спросил Бенард.

— Рабы склонны много болтать, Рука. — Наконец Вигсон выразил свое неудовольствие допросом, хотя продолжал говорить тихо и спокойно. — Вы пытаетесь меня шантажировать, Свидетельница? Я не понимаю, какое отношение имеет Варакатс к нашей сегодняшней беседе.

— А какое отношение он имел к вам сегодня вечером? Вы обнаружили, что не в силах вызволить Фабию и передать ей калабар и другие отвратительные штуки, которые вам удалось для нее собрать. Вот почему вы решили сбежать к Высокой Балке, надеясь, что люди сатрапа пойдут по вашему следу и обнаружат угрозу со стороны повстанцев. Это отвлекло бы Терека и задержало отправку каравана до весны. Но вы бы предали ваших друзей.

— Так нечестно! — вскричала Фабия. — Хорта взяли под стражу в качестве заложника, чтобы я хорошо себя вела. И я была бы счастлива, если бы он сумел сбежать. В любом случае это не могло ухудшить мое положение; наоборот, это мне помогло бы. Неужели вы думаете, что Салтайя сохранила бы ему жизнь после того, как отослала бы меня через перевал?

Радость фыркнула.

— Я понимаю его желание спастись. Но не могу простить предательство Варакатса и Высокой Балки.

— Вы ошибаетесь, Свидетельница, — тихо сказал Вигсон. — Я искал варианты. Узнав, что перевал Варакатс все еще открыт, я размышлял о том, чтобы снарядить караван беглых веристов из Высокой Балки и послать их через Границу на выручку Френы уже с той стороны.

Бенард подскочил так, словно ему только что пришла в голову блестящая идея. Он посмотрел на Ингельд — Хорольду и в голову не придет искать ее во Флоренгии! Иногда она с горечью вспоминала, как молод ее любовник. Ему совсем нет дела до того, что на другой Грани идет ожесточенная война, а она беременна? Ингельд улыбнулась и кивнула.

— Давайте прекратим споры, — усмехнувшись, предложила Вуаль. — Мы все здесь заодно. Если мэйнистки перестанут поддерживать Кулака, его люди ответят насилием. Старейшая может назначить дату, когда мы снимем вуали и исчезнем. Нам придется отказаться от жизни в высокой башне и накопленной за многие поколения Мудрости — но это возможно. Наша новая Старейшая, ЛеЭмбер, следует за своей предшественницей и не желает отдавать приказ, а такой властью располагает только она. Если в нашем ордене произойдет раскол, то гнев веристов обрушится на тех сестер, которые будут по-прежнему исполнять свой долг. Трайфорс — не самое подходящее место для начала восстания... Вы не согласны, мастер Вигсон?!

— Я могу привести доводы.

— Какие же?

Купец улыбнулся.

— Броды, перевалы, перекрестки — стратегические места. Мне известно, что прорицательницам под силу прочитать запечатанную табличку. Я ничуть не сомневаюсь, что вы перехватываете письма Стралга. И вы еще говорите мне о предательстве?

И вновь Вуаль рассмеялась, разрядив обстановку.

— Давайте обсудим вопросы этики в другой раз! Салтае потребовалось на удивление много времени, чтобы понять очевидное: если раньше Стралг обещал Героям славу и богатую добычу, теперь путешествие через Границу грозит холодными объятиями Древнейшей. Новых веристов обманывают в самом юном возрасте, уже в детстве они обречены на смерть. И хотя воины не могут избавиться от ошейников, многие попытались найти нового лидера, который дал им нечто большее. Этого человека зовут Арбанерик Крэнсон. Его войско называется Новым Рассветом, оно разбило лагерь в Новой Балке, неподалеку отсюда. Салтайя отдала бы обе руки за такие сведения!

Нам вовсе не обязательно снабжать информацией агентов Стралга, и за долгие годы мы научились обманывать, не прибегая ко лжи. Но когда Салтайя прочитала первые письма Стралга этой весной, она решила лично все проверить (сопровождение Фабии — лишь прикрытие), и ее решение стало поворотным моментом, который мы именуем «плетением». Для нас оно подобно удару грома. Путешествие позволило Салтае понять, что цифры не сходятся, и что по меньшей мере треть подкреплений так и не достигает Нардалборга.

Даже в Косорде нам удавалось скрывать от нее подробности, но потом дезертировала часть ее личной стражи. Сегодня днем она велела Тереку призвать прорицательницу. Я поняла, что время пришло, явилась на его зов и солгала. Я сказала, будто повстанцы Нового Рассвета собираются в Натервале, и сильно преуменьшила их общее число. Я стала Фальшивой Свидетельницей, за это меня исключат из таинства. Я нарушила самую священную клятву, но не испытываю стыда или вины.

— Сдается мне, вы опоздали. Без помощи прорицательниц Стралг и его ненавистная банда погибли бы много лет назад.

— Значит, это не дело рук отца! — воскликнула Фабия. — Когда веристы начали исчезать во время путешествия, отец был ни при чем, во всем виноваты вы!

Вуаль рассмеялась.

— Виноват речной народ. Они получают награду за каждого сбежавшего вериста, который добирается до Высокой Балки. Мы не станем обсуждать источник серебра — вы не против, мастер Вигсон?

— Что? Нет, не против. — Хорт словно бы с большим интересом изучал Фабию.

— А я всегда считал, что Свидетельницы не умеют лгать, — проворчал Бенард.

— О, мы умеем грешить не хуже вас. Однако такое право дается нам лишь однажды.

В комнате воцарилось тревожное молчание. Все, кроме Фабии, были генотеистами, давшими клятву, и все они ее нарушили. Даже Ингельд — по сути, если не в буквальном смысле слова — когда предложила Бенарду стать отцом ее ребенка, а потом сбежала вместе с ним из города. Бенард пожертвовал искусством, Гатлаг отрекся от господина, да и Хорт Вигсон пошел против законов Укра, попытавшись обеспечить счастье Фабии, вместо того чтобы множить свое состояние. А теперь еще и прорицательница!

Наконец Ингельд сказала:

— А вы спрашивали у Голоса Демерна? Священный Демерн позволяет нарушать некоторые клятвы — к примеру, данные по принуждению или противоречащие другим обетам, принесенным ранее.

— Я и сама могу цитировать священный закон, — коротко ответила Вуаль. — Сейчас это уже не имеет значения. Завтра сатрап узнает, что его пленники сбежали. Он вновь призовет прорицательницу. Как вы думаете, он поверит новому вранью?

— Значит, восстание началось? — спросил Бенард.

Ингельд почувствовала, как еще сильнее напряглись его плечи.

— Начнется завтра, — сказала Вуаль.

— Выходит, прорицательницы... — начал было Бенард. — Командир фланга?

— Рука? — Старый верист вроде бы спал, но уже некоторое время не храпел, сообразила Ингельд. Заметил это только Бенард.

— Фабия и мастер Вигсон сбежали из темниц сатрапа. Сколько времени потребуется его боевым зверям, чтобы их выследить?

Старик ответил, не открывая глаз:

— Ты когда-нибудь разбивал сырое яйцо об пол?

— Да.

— Вот примерно столько времени и потребуется.

Бенард огляделся по сторонам.

— Теперь Свидетельницы на нашей стороне, а это меняет дело. Радость Опия и я сейчас следим за дворцом, там все спокойно. Едва ли отсутствие пленников заметят до утра, но на всякий случай мы отправимся к реке и там дождемся рассвета. Если зазвучит набат, сразу же отплывем. Даже Свидетельницам не под силу уловить след на текущей воде, верно, мой господин?

— Верно, — ответил Гатлаг, открывая глаза и зевая.

— Завтра сатрап не найдет прорицательниц в Трайфорсе. Все они двинуться по Вроггу, распространяя весть, и, когда она достигнет ушей Старейшей, будет уже слишком поздно. Она может предать нас проклятию, но ей будет не до этого — на ее плечи ляжет спасение Бергашамма. Поскольку мы больше не можем защищать вас в Трайфорсе, я предлагаю вам и вашей леди поплыть с нами.

Бенард посмотрел на Ингельд, дожидаясь ее одобрения.

— А что будет с моим сыном? — спросила она, скрывая гнев. У нее не осталось никаких чувств к Хорольду, который превратился в чудовище, но ей совсем не нравилось предательство, а мысль о тайной армии повстанцев, готовой нанести неожиданный удар, вызывала отвращение. И она боялась за Катрата, племянника Кулака, который мог случайно оказаться на ее

пути. — Неужели будет еще одна гражданская война? Скажите, что намерено делать войско, собравшееся в Высокой Балке? На мой взгляд, сперва они должны захватить Нардалборг и блокировать перевал, чтобы Стралг оказался в ловушке на Флоренгианской Грани. Что будет с братом Бенарда?

Вуаль вздохнула.

— Орлад все равно что мертв. Я предупреждала его, как могла, но он так мечтал стать веристом и теперь не в силах отречься от своей клятвы. Ваш сын, миледи, будет гораздо полезнее повстанцам в качестве живого заложника, чем в виде трупа. Понимаю, это слабое утешение, но ничего иного я вам предложить не могу. Завтра я хочу сообщить о нашем восстании в Высокую Балку, но я не в состоянии предсказать, как поступит командующий войском Арбанерик. Я приглашаю вас идти с нами.

Ингельд отметила, что другого выбора ей не предоставили. Они все теперь заговорщики.

Однако Бенард этого явно не понимал, поскольку был готов безоговорочно верить лишенной лица прорицательнице.

— Конечно, мы к вам присоединимся. А ты, Фабия?

— Несомненно. Отец?

— Скорее всего. Почему ты не познакомишь меня со вторым братом, Френа?

Плечи Бенарда окаменели.

— Теперь он именует себя Вуаль, — продолжал торговец, — однако на реке его называют Уртом, а много лет назад он носил имя Дантио.

Когда ему никто не возразил, Ингельд воскликнула:

— Благодарение богам! Благодарение священной Веслих, хранительнице семьи! Все четверо остались живы? — Уже много лет ее горло не сжималось от такой острой радостной боли.

Конечно, воссоединение было омрачено. Когда прорицательница сняла вуаль, открылось юное лицо флоренгианина, черты которого были не мужественнее, чем голос.

— Как вам удалось это понять, мастер-укрист Вигсон?

— Это вполне очевидно, мастер-свидетель Селебр, — в своей обычной уважительной манере ответил Хорт. — Из слов Вуали следует, что «она» была в Косорде и даже в Скьяре одновременно с нами. Потом «она» в тот же день прибыла в Трайфорс, и мне стало ясно, что мы путешествовали вместе. После этого осталось лишь исключить тех, кто не мог быть «ею». Никто из Речного Народа не годился на эту роль, и, перечислив всех флоренгианских рабов, я вспомнил, что один из них — Урт — обладает высоким голосом и не носит бороды. Из этого следовало, что его кастрировали в детстве и не захватили в плен во время войны. Он был того же роста, что и Вуаль. А по возрасту соответствовал «покойному» Дантио, и... Ну, я очень неплохо знаю твою сестру, Свидетельница, а когда она вернулась, ее прямо распирало от какой-то тайны. И хотя она была рада, что у нее появился брат Бенард, тобой она заинтересовалась гораздо больше. — Глаза Хорта оставались такими же невыразительными, как яйца вьюрка.

— Замечательно, что Дантио вернулся к нам из мертвых! — воскликнула Фабия.

— Замечательно, что я могу приветствовать брата и сестру, не прибегая к обману. — Дантио грустно покачал головой. — Я мечтал об этом дне с самого нашего расставания. И неустанно его приближал. Сегодня я вернулся, и наша семья вновь объединилась. Но завтра мы потеряем Орлада.

ГЛАВА 42

Герой Орлад очень скоро убедился, что прорицательница не лгала, во всяком случае относительно вина. Прежде чем фланг добрался до храма Эриандера, Орлад упал на колени в придорожной канаве, чем навлек на себя насмешки остальных верис-

тов. Каждый счел необходимым что-то сказать по поводу его любви к выпивке. Его продолжало рвать, когда веристы принесли его в казарму, и к этому часу у него начались колики. Орлад частично их симулировал, но он испытывал довольно сильную боль и понял, что заговорщики не пожалели дряни, которую подсыпали в вино. Если бы прорицательница его не предупредила, веристы могли бы лишиться предстоящего развлечения, поскольку гвоздь программы к утру расстался бы с жизнью. Они положили его в казарме рядом с ведром и ушли, радостно обсуждая дальнейшие планы на вечер. Орлад знал, что в соседних комнатах могут быть свидетели, поэтому продолжал стонать. Он изображал мучения даже после того, как вернулись остальные. Почему они должны спать, если он не может? Действие яда прекратилось, однако он поверил, что завтра его ждет смерть.

«Да будет благословен Повелитель Сражений, он один решает, кому жить, а кому умереть!»

На следующий день пошел дождь.

На рассвете Орлад оделся и произнес утреннюю молитву Героев. В последней строке содержались слова, смысл которых он оценил только сейчас: «Сегодня я одержу победу или умру».

Гостям всегда отдавали спальни, расположенные как можно дальше от двери, где людей было меньше всего, но иногда такое расположение наводило на мрачные мысли. Орлад на цыпочках, стараясь никого не разбудить, прошел по коридору. Только оказавшись под открытым небом, он понял, что Веру проявил милосердие — из низких туч моросил мелкий дождик, а ветра не было вовсе. Герои не становятся на колени, чтобы отблагодарить своего бога, они воздевают к небу кулаки, и Орлад с трудом сдержал крик радости, когда это сделал. Он не рассчитывал на победу, но мог сражаться. Одно очко в его пользу!

В столовой уже накрыли завтрак, но от одной мысли о еде к горлу подкатила тошнота. Орлад подошел к лотку для стока воды, прополоскал рот, наполнил флягу и вымыл лицо. Дождь! О великий бог сражений!

— Орлад! — Командир фланга Леорт, спотыкаясь, выбрел из казармы.

На нем был лишь медный ошейник. Леорт с ужасом посмотрел на небо.

— Я подумал, что ранний старт мне не повредит! — крикнул Орлад. Теперь было уже бесполезно прятаться. — Отличный день для пробежки. — Вспомнив, что ему следует поблагодарить за гостеприимство, он добавил: — Пусть священная Веслих наградит вас по заслугам.

Он направился к воротам.

— Подожди! — Леорт побежал, чтобы его перехватить, морщась от камушков, на которые ему приходилось наступать босыми ногами. — Нет, нет! Уверен, Стервятник не ждет от тебя большого рвения в такую погоду. Будет снегопад...

— Мой господин приказал, и я повинуюсь.

— Но после твоих колик...

Орлад резко обернулся.

— «Ранний старт» — не самое подходящее выражение. Лучше сказать «фора», верно?

Чувства Леорта проступили краской под его светлой бородой.

— В каком смысле?

— А в том, что без боя я не сдамся. Тебя я посылаю к Веру: предупреди его о моем скором приходе. Твой драгоценный Стервятник может сколько влезет сидеть и возмущаться в своем гнезде.

Нечто кошачье промелькнуло в глазах Леорта.

— Может, ты предпочитаешь поединок?

— Только не после этого вина, благодарю. — Орлад поступал несправедливо, проклиная Леорта за вранье, поскольку честность не являлась частью веристского кодекса.

Дорога к победе, говорил Хет, необязательно должна быть прямой.

— Тогда желаю тебе увлекательного путешествия. — Улыбка.

— А тебе — приятной охоты и ранней смерти. — Усмешка.

Орлад выбежал за ворота.

Теперь он окончательно поверил Свидетельнице.

Он бежал по мощеным улицам между каменными зданиями, бежал по грязной тропе между хижинами бедняков, а потом перешел на шаг, когда добрался до загородных садов. Гнездо Стервятника уже скрылось в серой пелене у него за спиной. Интересно, осмелился ли кто-нибудь разбудить сатрапа и сообщить ему плохие новости?

Тропа извивалась по лабиринту крошечных каменистых участков, но сбор урожая уже закончился, листва облетела, так что влажная земля не предлагала тайных укрытий, где можно было бы спрятаться. Орлад не заметил пустых постелей в казармах, никто не успел выскользнуть наружу перед ним, а потому он мог рассчитывать, что засаду им подготовить не удалось... если только флангу Леорта не оказали помощь, что маловероятно. Двенадцать воинов легко справятся с одним.

Прорицательницы никогда не лгут, но этот Дантио обращался с правдой, как моряк с канатом — он одевался в женские тряпки и размахивал веретеном! Разве это не ложь? Конечно, он не мужчина в полном смысле слова. Что может быть хуже, чем кастрировать мальчика? Богохульнику Бенарду, сравнившему это злодейство с подготовкой вериста, надо было выбить половину зубов. Забудь о нем. Выбрось из головы всех троих. Семьи для маленьких детей. Орлад Орладсон будет жить и умирать в одиночку.

Тактика?

Он бросил взгляд назад, но не обнаружил никакого движения среди черных голых стволов и развалившихся каменных

стоков. Однако его следы в грязи были хорошо видны. По его спине пробежал холодок, когда он подумал о преследователях. Ветер и дождь осложнят работу следопытов, но едва ли он сумеет обмануть боевых зверей. Ему ни в коем случае нельзя паниковать, однако только безумец способен сохранять спокойствие, когда по его следу идут двенадцать злобных тварей. Восстановив дыхание, он перешел на легкий бег.

Вскоре он приблизился к границе обрабатываемых земель, где даже крестьяне из Трайфорса не могли ничего вырастить. Впереди оставалось еще несколько садов, а потом луга переходили в склоны холмов, дымка превращалась в туман, а туман — в тучу. Этот склон был обращен в сторону города, здесь имелось отличное пастбище, которое какой-то древний правитель объявил своим собственным. Орлад добрался до Королевской Травы. Сегодня здесь будет поле битвы.

Тактика?

Узнай своего врага.

В Леорте было много от кошки — значит, ему нравилось атаковать из засады. Почти наверняка это будет его первое убийство, поэтому он захочет совершить его сам. Чтобы дать сатрапу полюбоваться зрелищем, он устроит ловушку неподалеку от тропы; остальных воинов своего фланга он расставит вокруг Королевской Травы, преграждая жертве путь к отступлению. Вино было отравлено, и убийцы могли не торопясь занять свои позиции — ничто так не замедляет человека, как рвота и колики.

Однако брат-сестра Дантио предупредил Орлада. Леорту придется обратиться в пса, он постарается загнать свою жертву до полного изнеможения. Это будет прямое преследование, но священный Веру послал на город чудесный туман и дождь, лишив Терека удовольствия наблюдать за происходящим.

Орлад добрался до последних чахлых деревьев. По склонам Королевской Травы были разбросаны валуны всех разме-

ров, от мелких булыжников, на которых легко подвернуть ногу, до монолитов размером с небольшой дом. Он вспомнил, что на вершине холма валунов еще больше. Именно там Леорт захочет устроить засаду — то место сатрап может разглядеть. Преследователи должны будут подняться на эту вершину, и именно там Орлад примет последний бой, атаковав из засады тех, кто посмел на него напасть.

Орлад не видел особого смысла и дальше тащить пропитавшуюся водой накидку. Остановившись, чтобы сбросить ее, он услышал тихий жалобный стон. Он осмотрелся и увидел муфлона, привязанного к последнему дереву, одиноко растущему чуть левее и выше по склону. Если бы он все еще сомневался в словах евнуха, то несчастное блеющее животное убедило бы его окончательно. Стада увели, чтобы они не мешали охоте, но для возвращающихся домой победителей оставили легкую закуску. За его убийство неплохо заплачено.

Орлад сбросил сандалии и внимательно оглядел склон. Туман полностью скрыл город, но охотники уже почти наверняка бегут по его следам. Что ж, игра начинается!

Он быстро зашагал по склону вверх, стараясь, чтобы влажный ветер, швыряющий ему в лицо холодные капли дождя, дул сбоку. Он донесет его запах до охоты, однако Орлад и это обратит себе на пользу.

Когда он почувствовал, что сердце забилось быстрее, Орлад призвал своего бога и изменился. Не слишком сильно, но боль была ужасной. Он удлинил ноги, укрепил ступни и увеличил ширину груди, постаравшись оставить голову без изменения, понимая, что его разум потеряет прежнюю остроту, когда мышцы жадно потребуют нового притока крови. Теперь каждый его шаг составлял шесть футов, а ноги скрылись под густым черным мехом, похожим на кротовый. Он весь покрылся волосяным покровом, дающим дополнительную защиту, но естественный цвет волос не изменился. Боевые звери вигелиан становились светло-желтыми или золотыми, редко бронзовы-

ми, так что различать участников этого состязания будет совсем нетрудно.

Мир вокруг тоже изменился — он потерял цвет, но усилились все ароматы. Орлад ощущал запахи стад, которые паслись здесь вчера, а также пастухов и собак. Он продолжал двигаться под углом к ветру. Его дыхание стало ровным и сильным, копыта ритмично стучали по траве, он наслаждался собственной силой. Скорость пьянила. Нет, он не жертва, на которую охотятся. Он воин, увлекающий своих врагов в ловушку, и хотя у него не было надежды отведать трофейного муфлона, он позаботится о том, чтобы некоторые из его врагов не смогли принять участия в пире.

Он не должен позволить левому флангу догнать его до того, как... в любом случае... он движется... к скалам. К скалам? Он добежал до скал. Орлад остановился, чтобы вновь принять прежнюю форму, что всегда было труднее, чем первое превращение. Когда капли дождя застучали по обнаженной коже, они показались ему очень холодными.

Теперь он снова мог думать, с жадностью глотая холодный воздух. Орлад находился на поле с валунами, но здесь было достаточно травы, чтобы ходить на человеческих ногах. И кто теперь охотник? Если он сумеет убить нескольких первых врагов беззвучно, то нанесет им немалый урон. Лучше всего расположиться с подветренной стороны и спрятаться, рассчитывая, что враг будет идти по его следу, и позволить им уловить его запах. Он надеялся, что они поведут себя глупо — первый признак подступающего отчаяния.

Когда Орлад взобрался на крупный валун и быстро оглянулся, краем глаза он уловил какое-то движение — это был человек во всей своей уязвимости. Прорицательница его обманула! Против него не просто один фланг, он угодил в ловушку. Взревев от ярости, он совершил превращение прямо в прыжке, когти и клыки были готовы разорвать жертву.

Жертва что-то закричала... человеческие слова...

Орлад успел убрать когти, но ни один верист не способен в прыжке вернуть себе человеческий облик. Жертва упала на спину, а клыки Орлада оказались прижатыми к горлу. Глаза в глаза... Знакомый запах. И Орлад, не обращая внимания на боль, вновь стал человеком.

— *Ваэльс!*

Лицо лежащего человека смертельно побледнело, он обреченно посмотрел на своего страшного противника и глухо простонал.

— Тебя спасло чудо, — сказал Орлад.

Проклятье, он едва не прикончил своего... приятеля.

— Ты в безопасности! — прошептал Ваэльс. — О Орлад! Мы так тревожились!

— Кто это «мы»?

— Ну, я. — На губах Ваэльса появилась слабая улыбка. — Мой господин добр?

— Похоже на попытку изнасилования, — раздался знакомый голос.

Большие волосатые ноги могли принадлежать только Снерфрику. Орлад вскочил и убедился, что так оно и есть. Из-за другого валуна появился Варгин. Оба были одеты в накидки с оранжевыми, зелеными и красными полосками. Как и Ваэльс. Оранжевый цвет означал войско Терека, зеленый указывал на принадлежность к охоте Нардалборга. Но красная стая? Пояса имели стандартный коричневый цвет, а узлы были завязаны на спине, и он их не видел.

Ваэльса определили в синюю стаю, левый фланг; Варгина и Снерфрика в золотую стаю, правый фланг. А вот стоит Рантр, из красной стаи, правый фланг, но и его шарф завязан на спине.

Красная стая, *задний* фланг — в нем должен был служить Орлад, когда командир охоты Хет сделал его воином. Мог ли он поверить своим глазам?

— Клянусь яйцами Веру! — вскричал Орлад. — Что вы здесь делаете?

Снерфрик рассмеялся.

— Мы уже приготовились к первой охоте, когда старый Хет...

Орлад готовился к битве.

— Доложи, воин!

Огромный Снерфрик вытянулся в струнку.

— Мой господин добр. Командир охоты призвал нас для первой охоты, мой господин, но когда мы собрались, он приказал нам сменить накидки. То есть перевел нас в ваш фланг. Временно. И велел нам позаботиться о вашем благополучном возвращении домой.

Ваэльс осторожно поднялся на ноги.

— И еще он намекнул, что ты подыщешь для нас дичь порезвее орибисов.

— Мы видим приближающегося черного боевого зверя, — доложил Хроттат с вершины огромного валуна.

Орлад быстро вознес молитву Веру: «Да обретет твой слуга Хет Хетсон славную и бессмертную память среди Героев!»

— Ну? — спросил Ваэльс, потирая спину. Его глаза блестели. — Ты нашел для нас подходящую дичь, мой господин?

Орлад не поверил этой радостной улыбке, но сейчас не время об этом тревожиться.

— Ты ничего не сломал, воин?

— Мой господин добр. Лопатку, три ребра и, возможно, шею.

Все это он быстро исцелит, когда перейдет в боевую форму. Теперь Орлад увидел, как из-за валунов появились остальные его воины. Как командир он не мог не порадоваться, что все они держались теми же парами, на которые он разбил их весной.

— За мной охотятся. Ты видишь кого-нибудь, Хроттат?

— Четверо... нет, пятеро. Ага, семеро. Боевые звери, разные, мой господин. Растянулись в цепочку. И все бегут, но не слишком быстро. Я вижу уже восемь.

— Всего их должно быть двенадцать. Они собираются меня убить. Кто-нибудь хочет уйти?

Одиннадцать голов качнулись одновременно. «Нет», — ответили они, или: «Нет, мой господин». И Орлад увидел, как сверкнули их зубы.

О Веру! Прошлой ночью у него появилась семья, а сегодня друзья. *Друзья?* Он не знал, что делать с семьей и с друзьями. Всю свою жизнь он был одинок. Что ж, позже он найдет время об этом подумать.

— Тогда рассредоточьтесь. — Он указал в обе стороны вдоль цепочки валунов. — Спрячьтесь и ждите, сколько сможете. Когда вас заметят, атакуйте, в противном случае ждите до тех пор, пока не начнется схватка, и тогда присоединяйтесь. Вопросы есть?

— Пленных брать? — спросил Ваэльс, который всегда задавал вопросы.

— Нет.

Вновь сверкнули зубы.

— Мой господин добр, — хором откликнулись воины.

А что еще они могли сказать? Те, кто уцелеет, на всю жизнь запомнят свою первую охоту. Как жаль, что сатрап Терек этого не увидит!

Вероятно, теперь Орлад не умрет — он может даже одержать победу. Дорогой, замечательный командир охоты Хет! Но сколько друзей он поведет на смерть? Орлад содрогнулся. Сейчас сражаться, думать потом.

— Задний фланг — раздеться!

Орлад переместился в подветренную сторону вдоль линии валунов, Ваэльс следовал за ним.

— Я чувствую себя похожим на кошку, — бросил Орлад через плечо, думая о Леорте.

Ваэльс рассмеялся, словно речь шла о замечательной игре.

— А я предпочитаю говядину. Скажи, куда мне идти.

Ваэльс опять преподнес ему сюрприз — Орлад видел, что он искренне веселится.

Командир фланга нашел подходящий валун, на который можно было легко взобраться с одной стороны, и почти вертикальный с другой. Он полез наверх, и когда добрался до вершины валуна, уже был на четвереньках, изменяя кости и суставы, отращивая черных мех. Боль позволила ему на время забыть о жутком страхе, зародившемся в животе. Он часто дрался, но в подобных схватках еще не участвовал.

Непосвященным часто бывает интересно (однако мало кто осмеливается спросить), как воины, приняв боевую форму, отличают врагов от друзей. Ведь в такие моменты внешность значения не имеет, а речь сильно ограничена или вовсе невозможна. Ответ таков: когда люди долго живут вместе и питаются одной и той же пищей, они обретают особый групповой запах. Стая знает своих и предположительно может отличить другие стаи из своей охоты. Более крупные подразделения вынуждены прибегать к искусственным меткам — иногда это краска, но далеко не все боевые звери способны различать цвета. Сильно пахнущие растения подходят больше. Тем не менее часто ходят истории о том, как в пылу сражения друг изувечил друга.

Имея соотношение сил двенадцать к одному и право на любые потери, командир фланга Леорт чувствовал себя очень уверенно, приближаясь к цепи валунов. Ему не требовалось выманивать жертву на открытое пространство, чтобы ее убить, поскольку туман скрыл происходящее от сатрапа. Он мог лишь гадать, почему Орлад движется против ветра, и не собирался вести свой фланг в этот лабиринт камней, чтобы потом атаковать с подветренной стороны. Имея лишь одного противника, он не стал занимать высокие точки, как ему следовало бы сделать. Леорт решил устроить из охоты игру, и все его люди оказались среди валунов одновременно.

Он не мог знать, что его поджидает целый фланг из Нардалборга. Каждая пара уловила запах и решила, что это Орлад. Все они устремились в лабиринт.

Дрожа от жажды крови, Орлад наблюдал за ними из своего укрытия. Теперь он полностью принял кошачью форму, отрастив пару клыков-кинжалов — полезное умение, которому его обучил старый Гэург. Если бы он сейчас мог думать, как человек, то его бы позабавила глупость Леорта, но в данный момент он был способен сосредоточиться лишь на ближайшем противнике, крадущемся на четырех лапах к его убежищу. Это была большая белая кошка. Вслед за ней неуклюже переваливался с ноги на ногу огромный желтый медведь — обычное дело: объединить скорость и силу. Звери вполне могут быть Леортом и Меркурту, а могут и другими веристами. Они должны пройти слева от Орлада. Вспомнив о том, что напарник ждет его внизу, он хвостом указал направо, чтобы Ваэльс смог обойти валун с другой стороны, оставаясь незамеченным. До сих пор все шло, как на тренировке.

В течение шестидесяти ударов сердца фланг Леорта пробирался через поле валунов, разыскивая единственного противника. Сражение началось одновременно — охотник встретил дичь, дичь атаковала охотника — как раз в тот момент, когда кошка решила запрыгнуть на валун, где сидел Орлад. Подняв темно-желтые глаза, он увидел глядящую на него сверху вниз пантеру. Орлад пронзительно закричал, чтобы предупредить Ваэльса об атаке, но его голос потонул в общем реве. Трое обитателей Трайфорса выскочили из укрытия, четверо из Нардалборга их атаковали, и началась общая схватка.

Противника Орлада, приготовившегося запрыгнуть на валун, сбил с ног черный боевой зверь. Каждый пытался нанести максимальный урон врагу при помощи когтей на задних лапах. Да, белая кошка оказалась Леортом. Хотя он находился внизу, в первую секунду у него было преимущество — его спину за-

щищала земля, а передние лапы ударили по спине Орлада. Он наклонил голову, подбираясь к горлу флоренгианина, но тот глубоко вонзил свой клык в его левый глаз.

Хотя этот удар не сразу убил боевого зверя, Леорт забился в судорогах, а Орладу подвернулась возможность разорвать ему горло.

Он поднялся над окровавленным, еще корчащимся телом, чтобы посмотреть, как дела у его напарника, и услышал звуки борьбы еще прежде, чем обогнул валун. Медведь все еще стоял на задних лапах и ревел, стараясь задушить Ваэльса. Тот превратился в барсука — приземистого, толстого и мощного — к счастью, он успел просунуть передние лапы внутрь смертельного захвата; благодаря этому ему удавалось выдерживать страшное давление, в противном случае ему бы уже пришел конец. Медведь на глазах становился меньше ростом; шея Ваэльса толстела — он пытался добраться до горла медведя.

Ваэльсу приходилось очень нелегко, но Орлад помог бы ему даже в том случае, если бы он побеждал. Выставив когти, Орлад бросился врагу на спину, словно это было дерево. Медведь взревел, выпустил жертву и повалился назад, рассчитывая ударить своего врага о камень. Между тем Орлад клыками вгрызался ему в шею. Ваэльс упал на землю, перекатился и бросился вперед, моментально вцепившись в живот и пах медведя; его передние лапы с острыми когтями безжалостно рвали тело врага. Медведь вновь взревел, и во все стороны брызнула алая кровь. Победители терзали его до тех пор, пока не убедились, что он мертв. Все было кончено.

Наступила тишина. Битвы Героев никогда не бывают долгими.

Вкус крови во рту напомнил Орладу, как сильно он проголодался. Ему нужно было мясо, лучше сырое. Мясо здесь было. Запрещенное мясо. Нельзя. Плохой пример.

Его так переполняло возбуждение, что лишь через несколько мгновений он ощутил острую боль в спине и сообразил, что да-

леко не вся кровь на его теле чужая. К счастью, он сделал свою шкуру достаточно податливой, так что когти Леорта по ней только скользнули; раны получились длинными, но поверхностными.

Сперва исцеление, потом возвращение в обычную форму. Он извернулся и облизал самые нижние царапины — это не то чтобы заживляло раны, скорее было приятно. Еще один большой и влажный язык присоединился к делу. Кровавый Рот — вполне подходящая кличка для окровавленного чудовища со знакомым запахом. Он завилял коротким хвостом: Ваэльс всегда любил пошутить.

Орлад мурлыкнул в ответ.

Нет, исцеления недостаточно. Командир не должен лежать, позволяя лизать свои раны. Он поднялся на ноги и пошел к Королевской Траве, сохраняя боевую форму и чувствуя, как болит спина. Ваэльс содрогнулся и принял форму человека, стоящего на четвереньках. Потом он встал и зашагал рядом, издавая какие-то человеческие звуки, смысла которых зверь Орлад не понимал.

Запахи смерти привели его к лежащим в траве телам. Большинство сохранили боевую форму, но некоторые, умирая, пытались вновь обрести человеческий облик и выглядели еще ужаснее — монстры, частично ставшие людьми, мех и бледная человеческая кожа, розовеющая под дождем. Их медные ошейники, огненно-золотые всего несколько минут назад, потускнели и стали грязно-коричневыми. Двуногие люди тащили тела мертвецов.

Орлад глубоко вздохнул и вернулся в обычную форму. Мир звуков и запахов потускнел, но к нему вернулась острота зрения и способность мыслить. Однако он испытывал сильную боль — придется еще раз поменять форму, чтобы исцелиться окончательно. Он с трудом сменил крик боли на торжествующий победный клич.

— Ты цел? — спросил он у Ваэльса. — Ничего не сломано?

Его напарник напоминал огромный ходячий синяк, но зато радостно ухмылялся.

— Уже нет.

Тринадцать трупов. И еще два, которых убили они с Ваэльсом.

— Кого мы потеряли?

— Кейдо и Варгина, — мрачно ответил Снерфрик.

Он сидел на камне и сгибал и разгибал правую руку, которая выглядела поврежденной, хотя и почти исцелилась.

— Рантра и Чарнарта, — добавил Хротгат. — Мой господин добр... Один враг убежал.

Плохая новость. Впрочем, о схватке в любом случае скоро бы узнали.

— Одиннадцать против четырех? Это великая победа, друзья! — Для Героев любой исход битвы считается успешным, если число погибших врагов при равных условиях превышает число убитых союзников. — Для щенков мы дрались неплохо.

— Мой господин добр, — сказал Ваэльс, вглядываясь в туман. — По дороге сюда вы не видели никакой добычи? Я бы сожрал мамонта.

— А я бы сожрал что угодно, — пробормотал Намберсон.

Достаточно было взглянуть на трупы, чтобы понять — так могли поступить и другие члены фланга. Такое случается, и хороший командир делает вид, что ничего не замечает, если только воины не переходят все границы.

Что теперь? Командир должен принять решение. Сначала муфлон, чтобы притупить безумную тягу к мясу. А затем, в соответствии с правилами, Орлад обязан доложить сатрапу Тереку о несчастном случае. И дело должны сразу закрыть, поскольку самозащита — неоспоримое право каждого члена ордена. Сопротивление аресту никогда не счита-

лось преступлением. Но кто кому устроил засаду? Если Орлад Орладсон рассчитывает на беспристрастное решение Терека Храгсона, то со вчерашнего дня он нисколько не поумнел.

Лучше отвести свой отряд в Нардалборг и положиться на защиту Хета. С другой стороны, даже ему не под силу спасти флоренгианина от Терека. Едва ли сатрап позволит Орладу ускользнуть за перевал. И потом, это серьезное испытание для любого человека, даже для Героя, ведь для путешествия требуется специальная одежда и запас еды, чтобы добраться до убежища в Первом Леднике. Окажет ли Хет такую помощь? Нет. Орлад и просить об этом не мог. Терек пошлет сюда прорицательницу, выяснит, как спаслись преступники, и обрушит свою сокрушительную ярость на Хета.

Управлять людьми значительно труднее, чем он предполагал.

Можно отослать остальных в Нардалборг, а самому... Что?

Надо подумать.

— Я должен еще раз принять боевую форму, чтобы исцелить спину. Снерфрик, тебе лучше пойти со мной и вылечить руку. Ваэльс останется за главного. Пусть все оденутся. Возле дороги вы найдете привязанного к дереву муфлона. Никому нельзя... Послушайте!

Даже несовершенный человеческий слух мог различить стук копыт, поскрипывание оси колесницы и удары кнута. Звуки быстро приближались. Кто-то отчаянно гнал колесницу вверх по склону. Бессмыслица! Сбежавший верист еще не успел добраться до города. А если успел, сюда прислали бы целое войско, а не одинокую колесницу. Возможно, верист разминулся с возницей в тумане и не сумел его предупредить. И все-таки какой дурак ездит через болота с такой скоростью? Если это какой-то непосвященный, спешащий по своим делам, он может миновать поле битвы, не заметив тел. Но если он увидит гору

трупов, то попытается вернуться в Трайфорс, и тогда его следует остановить, прежде чем он поднимет тревогу.

А не удастся ли им направить колесницу в другую сторону? Нет, она уже слишком близко; Орлад ощутил смятение, недостойное Героя, ведь через несколько минут он прикажет своим товарищам совершить убийство.

Наконец смутные тени онагров вынырнули из тумана; колесница уходила влево, возможно, возница ничего не заметит. Однако он был необыкновенно высоким. Терек Храгсон не захотел упустить зрелище, которое уже стоило жизни Рантру, Чарнарту, Варгину, Кейдо, Леорту и еще десяти веристам.

— Убейте его! — закричал Орлад, переходя в боевую форму.

Он должен был умереть на месте. Все его товарищи дали клятву Тереку Храгсону, и сатрап мог рассчитывать на их верность, как ни один другой смертный на Додеке. Орлад не успел это сообразить, а его боевой зверь не мог. В нем осталась лишь ненависть. Забыв о ранах на спине, он помчался вперед.

Терек заметил черную пантеру, летящую, словно рука смерти, и сразу узнал Орлада. Несомненно, он поздравил себя за то, что предвидел вероломство флоренгиан. Сатрап развернул колесницу на одном колесе и принялся безжалостно нахлестывать онагров, направив их вниз по склону. Уловив запах хищника, они и сами понеслись со всех ног, и уже через несколько минут сумели оторваться от атакующего боевого зверя.

Склон холма был очень крутым. Если бы онагры скакали по ровной земле, они бы добрались до города, где Терек нашел бы подмогу. Но на склоне было полно камней. На маленькие Терек не обращал внимания, однако валуны следовало объезжать, в то время как Орлад попросту их перепрыгивал. Черная смерть нагоняла колесницу.

Он был уже совсем рядом, когда камень средних размеров положил конец гонке. Колесницы не рассчитаны на такую езду. От удара колесо разлетелось на множество мелких осколков. Колесница описала полный круг вокруг своей оси, и сатрапа выбросило, словно камень из пращи, а онагры безнадежно запутались в постромках и треснувшем ярме. Ось разлетелась на несколько кусков, второе колесо покатились вниз по склону.

Терек оказался перед вполне очевидным выбором: упасть на землю в теле пожилого человека или принять боевую форму в воздухе. Его накидка отлетела в сторону. Внешне он изменился незначительно — лишь немного отросли когти, а на лице появился настоящий клюв — но с этого момента он был мертвецом, поскольку уже не мог принять прежнего облика. Не важно. Как величайший боец своего поколения, он покроет себя славой, послав своих врагов вперед, чтобы они сообщили о его прибытии в залы Веру. К этому он готов.

Он довольно ловко приземлился на пальцы с острыми когтями, в то время как Орлад рвал траву в отчаянной попытке найти опору и броситься в атаку. Когда Орлад подпрыгнул, Терек развернулся на одной ноге и выбросил вперед смертоносную шпору. Такой удар, нанесенный пятифутовой ногой, мог рассечь человека, как спелый плод. Увы, время не знает жалости. Орлад был младше своего противника ровно в три раза. Он развернулся в воздухе, и когда нога проносилась у него над головой, успел перехватить ее зубами. Глухо затрещали кости.

Орлад упал на землю и тут же вскочил. Терек неловко рухнул рядом, и его длинное тело исчезло под грудой боевых зверей.

— Я сам хотел его разорвать, — прорычал Орлад, оглядывая разбросанные по земле останки.

— Жадный! — пробормотал Кровавый Рот. — Учись делиться.

— Здесь найдется по кусочку для каждого, — с усмешкой заметил Хроттат. — А что подумает остальное войско, господин?

О Веру! Фланг Леорта вышел на охоту в боевой форме, что сочли бы проявлением чистой агрессии, но смерть сатрапа, брата лорда крови... Теперь даже Хет их не спасет. Восемь человек оказались вне закона.

— Мой господин голоден?

Орлад отшатнулся, когда Снерфрик протянул ему кровавый кусок парного мяса. Тут Орлад заметил обрывок шкуры и понял, что это мясо онагра, а не сатрапа, и тут же впился в него слабыми человеческими зубами. Вскоре к нему присоединились все воины фланга. Их переполняла радость победы: они теперь настоящие веристы, и они живы. Их раны уже исцелились, на теле остались лишь белые шрамы.

Однако их командир не мог веселиться. Счет двенадцать против четырех, они выпустили на свободу голодное чудовище, которое еще нескоро насытится. Даже если Стралг назначит нового командира войска, его решение станет известно не раньше весны, а ждать так долго нельзя. В войске Терека было лишь трое командиров охоты — Хет, Карртин и Феллард. Каждый проголосует за себя, так принято у Героев. Будет война.

Им всем грозила очень серьезная опасность. Непосвященных, преступивших закон, можно арестовать, посадить в темницу, судить и покарать, но только не веристов — какая тюрьма их удержит? Чтобы доказать свою верность, три охоты будут соревноваться друг с другом, пытаясь найти и уничтожить предателей.

Семь человек ждали распоряжений нового господина. Орлад не придумал ничего лучше, чем послать их за накидками и сандалиями.

У него появилось несколько мыслей, но все они были бесполезными. Если у Фелларда и Карртина возникнет подозрение, что за убийством стоит Хет, и что вся его охота сидела в засаде... Может быть, следует оставить накидки погибших веристов из Нардалборга в качестве улик? Или эти улики покажутся людям из Трайфорса слишком очевидными, и они заподозрят ловушку? Только текущая вода собьет с толку боевого зверя, взявшего след...

Куда бежать, где спрятаться? До того, как Стралг объединил Грань, многие города с радостью наняли бы для охраны небольшой отряд веристов, не задавая лишних вопросов, но теперь все независимые веристы считались разбойниками. Неужели у них нет другого выбора? Орлад плохо знал мир, начинавшийся за пределами Нардалборга. Трайфорс был самым обычным городком, но именно здесь Орлад понял, как он наивен. Ему нужна помощь, однако никто не будет помогать человеку, нарушившему закон. Дантио может стать Вуалью или вновь превратиться в Дантио — для этого ему достаточно сменить одежду, а ошейник вериста останется с Орладом до самой смерти. Он уже погубил четырех друзей и принял верность еще семи. Если Орлад их предаст, то повторит грех Терека. Теперь у него нет господина, кроме Веру, значит, он стал командиром войска. Ему захотелось кричать.

— Опять! — пробормотал Намберсон.

Все перевели взгляд на склон холма.

Да, к ним быстро приближалась еще одна колесница.

«Пожалуйста, священный Веру, сделай так, чтобы сегодня больше не было убийств!» Колесница направлялась прямо к ним, хотя в густом тумане ни один обычный возница не сумел бы их найти. Он правил ею так, чтобы ветер не доносил до онагров запах крови. Кроме возницы в ней никого не было. Он был в плаще с капюшоном, скрывающим уши. Орлад узнал смуглое лицо. Бесстрашные глаза спокойно смотрели на окровавлен-

ных убийц, устроивших пир на месте преступления. Однако Дантио не спустился на землю.

Орлад с недоверием посмотрел на его улыбку.

— Чего ты хочешь?

— Помочь.

— Почему?

Дантио искренне рассмеялся.

— Потому что я твой брат! Разве ты не знал, что родственники помогают друг другу?

Жизнь в Нардалборге убедила Орлада, что драка один на один обычно становится общей, но здесь все было по-другому.

— Ты же меня не знаешь.

На юном мальчишеском лице появилась торжествующая улыбка.

— А вот и нет! Я держал тебя за руку, когда ты учился ходить. Я бы помог тебе, даже если бы ты не был моим братом. Ведь ты покончил с ним! — И он указал на останки сатрапа Терека. — *Теперь дому Храга придет конец!* Ты только что изменил мир — я ведь говорил, что ты отмечен судьбой, не так ли?

— Как ты мне поможешь?

— Спасу твою шкуру. Теперь мы все беглецы — ты, я, Фабия и Бена. Нам надо быстро соображать и поскорее выбираться отсюда.

— Я не могу бросить своих людей.

— Естественно! Но куда ты хотел их вести? Вернуться к командиру охоты Хету и попросить прощения за то, что вы убили его отца? — Он пронзительно рассмеялся. — Господа, вы избрали себе достойного командира. Я бы сказал так, даже если бы он не был моим братом. Порой достаточно всего одной снежинки, чтобы начался сход лавины. Полагаю, Орлад и есть такая снежинка, а лавина пришла в движение. До конца жизни

вы будете гордиться, что сражались с Орладом на Королевской Траве!

Жующие веристы холодно посматривали на эту диковину с высоким голосом. Если их командир фланга ручается за него, то и ладно. Если нет, тоже неплохо. Мертвые обычно помалкивают.

Орлада переполняли незнакомые чувства. Нежное лицо Дантио не внушало ему доверия, однако выбора не было.

— Что ты предлагаешь?

— Остальные уже отплыли. Я остался, чтобы насладиться впечатлением, которое произведет побег Фабии... и выяснить, что с тобой, брат. — Дантио вновь улыбнулся. — Меня ждал приятный сюрприз! Сейчас я еду им навстречу в устье Маленького Камня. Это недалеко. Полагаю, вы сможете туда добежать.

Ваэльс родился в Трайфорсе.

— Кровавый Рот?

— Легко, господин. Нам даже не придется принимать боевую форму, если господин не прикажет.

— Герой, ты знаешь заросшую камышом бухту ниже по течению от переправы? — спросил прорицатель.

— Да, — кивнул Ваэльс.

— Там я должен встретить лодку.

Орлад оглядел своих воинов и увидел на их лицах облегченные улыбки.

— Мы дадим тебе фору и постараемся не съесть, когда догоним. Итак, убегаем по реке. Куда поплывем?

Свидетель по-прежнему улыбался.

— Не буду говорить за Бенарда и остальных, но мы с Фабией намерены вернуться домой. У нас там дела.

— Поезжай, — сказал Орлад.

Дантио тронул поводья, и колесница скрылась в тумане. Они услышали, как он радостно запел.

— А где находится «дом», мой господин? — спросил Нарг, жуя мясо онагра.

— В Селебре, на Флоренгианской Грани. Наш отец там вроде короля. Он либо умирает, либо уже умер.

— Ага! — пробормотал Ваэльс. С лиц остальных не сходили радостные усмешки. — И кто унаследует трон?

— Не знаю. Решат старшие — может быть, я или кто-то из братьев, или...

Снерфрик громогласно заявил:

— *Тогда поможем им принять решение, а?!*

Фланг одобрительно взревел. От такого искреннего проявления чувств Орлад едва не пустил слезу. Стараясь говорить спокойно, он распорядился:

— Ешьте.

Евнух, девушка, художник... и *верист?* Забавное будет состязание.

И пусть победит сильнейший!

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. (495) 727-16-15
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр-т, д. 132, т. (495) 172-18-97
- м. «Медведково», ТЦ «XL Мытищи», Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, т. (495) 641-22-89
- м. «Новослободская», д. 26, т. (495) 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (495) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, т. (495) 268-14-55
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Коломенская», ТЦ, пр-т Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. «Китай-город», ул. Маросейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. «Щелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О. г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», т. (4722) 32-53-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, д. 132а, т. (4722) 31-48-39
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Ижевск, ТРЦ «Столица», ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Калининград, пл. Калинина, д. 17/21, т. (4012) 65-60-95
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 63, т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Рязань, ул. Почтовая, д. 62, т. (4912) 28-99-39
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-1960
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Дункан Дэйв
Дети хаоса

Редактор Е. Романова
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерная верстка: Н. Суворова
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор Н. Дмитриева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Орды северян-завоевателей из Вигелии хлынули на юг.
И никому не одолеть диких викингов, которых поддерживают
не только жрицы могущественного ордена всевидящих
Свидетельниц, но и дружины оборотней —
веристов, не знающих себе равных в бою.
Пала под натиском вигелианцев и богатая Флоренгия,
и дожу Селебры, согласно условиям унизительного мира,
пришлось отдать своих четверых детей — Дантио, Бенардо,
Орландо и Фабию — в заложники победителям.
Прошли годы. Бенардо стал знаменитым скульптором,
Орландо — одним из самых сильных и жестоких веристов.
Фабию вырастили как знатную северянку.
Дантио же считают умершим...
Но на детей Селебры по-прежнему взирают боги.
Хитрые и умные боги, вечно враждующие между собой
и, не задумываясь, использующие смертных,
как пешки в своих опасных играх.
У них — свои планы на Фабию и ее братьев.
Пока боги ждут. Но скоро начнут действовать...

Век Дракона

ISBN 978-5-17-056508-5

9 785170 565085